

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РБ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Башкирский государственный
УНИВЕРСИТЕТ
Объединенный совет обучающихся

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ФИЛОЛОГИИ

*Материалы
III Международной научно-практической конференции,
посвященной 35-летию кафедры иностранных
языков гуманитарных факультетов*

(г. Уфа, 11 - 12 апреля 2017 г.)

Уфа
РИЦ БашГУ
2017

УДК 81.82
ББК 81+81.2
С47

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, профессор **А.Р. Мухтаруллина** (*отв. редактор*);
канд. филол. наук, доцент **Г.Ф. Хакимова** (*зам. отв. редактора*);
канд. филол. наук, ст. преп. **Р.Ф. Брылева** (*отв. секретарь*)

Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов (г. Уфа, 11-12 апреля 2017 г.) / отв. ред. А.Р. Мухтаруллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – 320 с.

В сборник вошли научные статьи, посвященные исследованию актуальных проблем современной лингвистики, литературоведения и методики обучения иностранным и родному языкам.

Предназначено для широкого круга специалистов в области филологии.

PROF. PARIKSHAT SINGH MANHAS, PHD

*(Director, School of Hospitality & Tourism Management (SHTM),
Professor, The Business School (TBS), J&K, India – 180006),*

MR. NIKHIL SINGH CHARAK

*(Teaching Assistant, School of Hospitality & Tourism Management
(SHTM), University of Kashmir, J&K, India – 180006)*

HOSPITALITY EDUCATION AND INFORMATION TECHNOLOGY IN INDIA: AN INDUSTRY OBSERVATION OF COMPETENCIES ESSENTIAL IN GRADUATES

Information Technology (IT) has become the powerful tool for yield improvement and industry opportunities for enterprises in the 21st century. Information technology in India is an industry consisting of two major components: Information Technology services and BPO Tourism and hospitality education and training developments must be addressed and aspire at enhancing the ability of future managers to use a variety of Information Technology tools and strategies to increase their organization's competence and awareness in the global market place. Indian hospitality is based on the principle of "Atithi Devo Bhava" meaning "the guest is God". With the increase in employment opportunities, it requires huge number of skilled professionals. Keeping in view of the emerging trends and demands in hospitality sector, all the hospitality professionals need to be well equipped with IT traits. On the basis of secondary search material this paper may provide the hospitality professionals an overview of the skill gaps in hospitality sector. The paper compares' current status of hospitality education with industry requirements.

Key words: *Information technology, education, hotels, graduates, communications, tourism.*

Introduction:

World travel and tourism council calculated that tourism generated INR 6.4 trillion or 6.6% of the nation's GDP in 2012. Contributing to 39.5 million jobs, 7.7 % of its total employment. Tourism and hospitality industry predicted to grow at an average annual rate of 7.9% 2013 to 2023 that will put India among one of the fastest growing tourism industry over the next decade. Indian tourism industry is one of the finest

industries when it comes to medical tourism; the sector is estimated to grow at an estimated rate of 30% annually to reach 95 billion by 2015. India ranked 38th in terms of foreign tourist arrivals (The Economic Times, 2012) as information is the source to support for tourism so it should reach all the tourism stakeholders promptly. Technology plays a very vital role in rapid distribution of information among all tourism stakeholders. IT has become the powerful tool for yield improvement and industry opportunities for enterprises in the 21st century. Information technology in India is an industry consisting of two major components: IT services and BPO.

Today due to the modernization of tourism and hospitality industry there is a huge requirement of information technology services. With the advent of Global distribution systems during 1960, it was felt that with the use of IT services, tourism and hospitality industry could reach up to different level altogether. Major players in the market for global distribution systems are Amadeus, Galileo, Sabre, World span providing services to hotels, travel and tour companies. They offer car rental services, rooms, tour packages, and food and beverage services by acting as intermediaries between hotels and tour operators and wholesalers. Property management system or hotel information systems like Opera, Micros, Fidelios also plays a very vital role in providing Information services to hotel. Due to the huge demand in the industry for skilled professionals, it's still short of hospitality graduates or skilled professional who can utilize all the IT resources and contribute towards industry profit. In hotel schools, there is an urgent need of providing hands on experience to students with regards to property management systems. Hospitality education in India is run by 2 governmental bodies:

- National Council of Hotel Management and Catering Technology (NCHMCT)
- All India Council of Technical Education (AICTE)

Major spurt in hospitality education in India was started with the opening of 4 institutes of hotel management at Delhi, Mumbai, Kolkata, Chennai and with the inception of NCHMCT in the year 1982 by ministry of tourism for the growth and development of hospitality education in India. All India Council of Technical Education (AICTE) was constituted in 1945 as an advisory body in all matters relating to technical education. By the year 2012 AICTE approved hotel management insti-

tutes in India are 134 with total of 9716 seats in various hotel management programmes (All India Council of Technical Education, 2013).

Literature Review:

Travel & Tourism's importance to the wider economy continued to grow in 2012. Its total contribution comprised 9% of global GDP (US \$6.6 trillion) and generated over 260 million jobs – 1 in 11 of the world's total jobs. The industry outperformed the entire wider economy in 2012, growing faster than other notable industries such as manufacturing, financial services and retail (Scowsill David, 2013). As per the 2nd Tourism Satellite Account of India 2009-10 and subsequent estimation, the contribution of Tourism in employment generation of the country during 2009-10, 2010-11 and 2011-12 were 10.2%, 10.8% (Provisional) and 11.5% (Provisional), respectively. The Working Group on Tourism for 12th Five Year Plan, set up by the Planning Commission, has estimated the generation of additional employment of 24.5 million (direct and indirect) during 2010 to 2016 (Chiranjeevi, 2010). Information system can be defined as the process of collecting, processing, storing, analyzing data and information for a specific purpose (Turban, 2010). Technology has played an important role in achieving economic growth by garnering economic means for consumers to travel. The development and contribution of air travel as a means of transporting tourists to different locations is an important contribution of technology to the tourism and travel industry. The significant development of low cost carriers is another means of successful technological applications to the tourism and travel industry (Stipanuk 1993). The tourism industry is often defined as the sectorized system of innovation and production. This sectorized system in tourism is extremely complex; given the fact that the tourism products and actors changes due to changes in the external forces. The evolution and progress of information technology has therefore had a tremendous impact in tourism (Aldebert, Dang & Longhi 2011).

Tourism is dominated by the need to provide fast and accurate information to the consumer. The first step to achieve this goal of a one-stop service is via global distribution systems (GDS), a form of IOS. GDS evolved from computer reservation systems and enable the aggregation of information from airlines which enables travel agents (as information brokers) and tourists to 'make reservations and order other services in a single marketplace' (Joo, 2002). Examples of GDS are Sa-

bre, Galileo, Amadeus and Worldspan. Chains of hotels generally have in place integration of the Property Management System (PMS) with the corporate Central Reservation System (CRS) and GDS. CRS integration allows for individual properties to benefit from the Extensive reach of the chains marketing network and to allow for cross selling. Amongst properties within the chain, GDS integration allows chain properties to extend their reach beyond that of their chain marketing network. This interoperability of systems is an example of collaboration around IT (known as collaborative commerce); especially the CRS which has been the most commonly used Wide Area Network (WAN) application in hotels (Brooks, 1999). This extends insofar as some independent hotels link to a GDS such as Sabre. Online technologies within the tourism industry have considerably impacted on communications, transactions and associations between the various industry operators and with the customer, as well as between regulators and operators (Galloway, Mochrie & Deakins, 2004; Sharma, Carson & DeLacy, 2000; Sheldon, 1998; Werthner & Klein 1999; World Tourism Organisation, 1999).

As per the Planning Commission Tourism (2012) will provide employment to and over 43 million by 2022. Faculty exchange programme with top universities around the world will be rewarding & an inspiring experience for the faculty teams. The World Travel and Tourism (T&T) industry accounts for US \$ 7,340 billion of global economic activity, and this is forecasted to grow to US \$ 14,382 billion by 2019. It also accounts for approximately 7.6 per cent of global employment (Planning Commission of India, 2012). The Government of India needs to work towards meeting the critical demands of the tourism industry that contributes an estimated INR 94, 487 crore towards foreign exchange, around 6.4% to the GDP and 7.8% towards total employment. (Federation of Indian Chamber of Commerce and Industries, FICCI 2013). India needs to overcome the problem of inadequate capacity and this necessitates investments worth INR 600 billion over the next five years to meet the shortfall of about 1,50,000 rooms. According to the WTTC, the Indian tourism industry will be responsible for creating about 40 million jobs by 2019 (FICCI, 2013). Skill development through study and transfer of the best practices from across the globe; developing a 'sector skill development plan' and maintaining skill inventory will enable better competency standards and improved qualifications (Federa-

tion of Indian Chamber of Commerce and Industries, tourism profile, 2013). According to HVS global hospitality report, 2013, there is a rapid increase in the use of technology in leading five star as well as budget chain hotels in India. Career oriented programmes such as Hotel management must be stranded in heavy occupation to be effective (Wisch, 1991). Hotel management education should move away from the purpose of preparing graduates for a specific industry and into a more encircling aim of assisting individuals in their life pursuits. (Riegel, 1990)

Hotel management education is a ground of study dedicated to expansion of students for management positions in the hospitality industry (Goh, 2001). One of the finest traditions for the education system to keep up with the industry's demand is dedicated internships (Wolff, 1997). In the hospitality classrooms higher levels of technology must be implemented. Technology is a method to allow management to attain required efficiency. The impact of new technology and the worry for costs, delivery systems, opposition, changes in management and structural changes, will be directed by the target population's served and the work force needed to operate and manage future demands(Powers,1991). The hospitality industry recognizes that technology, communal changes and issues surrounding profitability and product feasibility are challenged on a daily basis. In response, a change in hospitality recruiting is occurring. Recruitment is now focusing away from what was required in the skill to carry out entry-level management positions, to designing employee demanded quality services and products the consumer expects. Hospitality education must now redefine their curricular focus to gather the seeming needs of industry (Davies, 1995). Trends in hotel education are changing, skill manpower is required at global level, hotel graduates should be given practical oriented training, information technology as a core subject should be introduced in the syllabus, hospitality & tourism, and service marketing and hospitality business is influenced by IT. The exchange of proper information is mandatory in each and every element of tourism and hospitality, the promptness and smooth flow of information is provided by information communication technology (Kavitha, 2012). The Information technology should be introduced as one of the main subjects in hotel management course in order to improve the standards of teaching and learning (Kurian, 2012). In order to improve the quality of education in hotel schools, information

technology as a core subject should be added in the curriculum and students should be attracted to learn through research. (Parvadhavardhini Gopalakrishnan, 2012). The conventional system of teaching is still exist in most of the hotel management colleges, it should be replaced with interactive learning in order to imitate the practices of the industry with the help of Information Communication Technology tools (Singh, 2012). The information technology as a subject and information communication technology as a tool should be implemented in the syllabus to encourage modernisation and efficiency (Kavitha, 2012)

Research Gap:

Various researches have been conducted with context to skill gap in hospitality sector but still there is a need of proper IT education among hospitality undergraduates to get them equipped with latest trends and upcoming technologies in hospitality industry. Beside this Hotel management syllabus should be revised by NCHMCT and more emphasis should be given on skill oriented training. Formulation of common syllabus in all the private and government sponsored hotel management colleges, it will enhance the quality of education and productivity standards among students. Syllabus should be revised on yearly basis as the trends and technology in hospitality is changing every year. Use of better trainers and audio visual equipments in hotel management colleges and the most important thing is we need to change the perception among people that in order to become good hotelier, there is no need of proper education. More of collaborative programmes with the industry should be implemented.

Objectives:

- To analyze the various practical oriented training programmes in hotel schools with the help of information technology.
- Use of demo property management systems in order to give them hands on experience of PMS, arranging video conferencing with hotel managers to get the feel of what the industry wants from them.

Scenario of Hotel Industry in India

In luxury segment many hospitality companies exist in India like ITC hotels, Lemon tree hotels, Royal orchid hotels, Oberio group of hotels, Leela palaces hotels and resorts, Park Hotels, Taj hotels, Trident hotels, ITDC and foreign hospitality companies are Hilton hotels, Marriott International, Le Meriden, Radisson hotels. Apart from this, there

are about 85 hotel and resorts exist in India in mid scale and small scale segment which includes country club, Mahindra holidays and resorts. Apart from these, plenty of budget hotels and small segment hotels exist which are running on sole proprietorship basis. Hotel industry is currently growing at a fast rate, especially in luxury segment. International hotel chains like Carlson, Marriott, Starwood, and Accor. India is becoming one of the leading markets for hospitality industry. According to a FICCI (Federation of Indian Chamber of Commerce and Industries) report, (2011) the major hubs of the IT & BPO industry, have seen the highest increase in hotel growth and occupancy rates. With more such hubs and SEZs in the pipeline, the growth in the demand for hotel rooms is expected to spread to all major Tier 2 cities & for every 1INR million of investment, the number of job created in Industry(18), Agriculture (45) and Travel & Tourism (78)

The Planning Commission (2011) estimates that India will need an additional 1.6 lakh rooms to accommodate the projected 58 lakh tourists, and 3 lakh rooms by 2020 to meet the projected tourist arrivals of 89 lakh. In August 2009, the Ministry of Tourism launched a special programme called “Hunar Se Rozgar” offering short but quality training courses covering Food & Beverage Service and Food Production. In view of the intrinsic merits of the Programme and its pro-poor stress, the response to this programme was extremely encouraging during 2009-10 as most of those passing out found good placements in the hospitality industry. Various skills required by the hospitality industry:

Table 1

Function	Level	Skills Required	Skills Gaps
Front office	Front office Manager	Ensure smooth functioning of the department Adequate problem solving Skills Good communication skills Ability to maintain guest history and network with Guests Room availability Status and promote sales Co-ordination with F&B, Housekeeping etc. People Management Skills	Inadequate skills in interact with guests Inadequate ability to proactively review Occupancy and promote Inadequate ability to manage team. How to use MIS properly

	Front Office Assistant	Adequate communication skills Ability to handle incoming and outgoing calls - telephone etiquette Facilitating smooth client check-ins and check-outs Receiving checkouts settlement and maintain a proper account for the same Knowledge on various hotel offerings, procedures, etc. Familiarity with billing software Familiarity with the local region to guide/guests/tourists.	Inadequate ability to listen to guests Inadequate communication skills Inadequate customer orientation Lack of knowledge about various service offerings in the hotel Inadequate knowledge of billing software
	Bell Boys	Recognizing the guest High courtesy level Communication skill Ability to read and write English Ensuring the safety of luggage in the lobby. Maintain personal hygiene.	Inadequate courtesy level Lack of discipline

Source: National Skill Development Corporation- Human Resource and Skill Requirements in The Tourism, Travel, Hospitality & Trade sector (2022) - A Report Projected Human Resource Requirement-Hotels (in '000s).

Table 2

Particulars	2008	2012	2018	2022
Hotels	76	91	104	117
Five, Four star/Heritage Hotels	60	66	79	88
Three, Two and One Star Hotels	1,153	1,172	2,756	3,860
Other Hotels in other unorganised sector				
Total	1,289	1,869	2,939	4,065

Source: Ministry of Tourism, Government of India, Tourism satellite account of India

From above table forecasted increase in the employment in hotel industry will be 2.9 million and 4 million in 2022. It would result in increase in human resource requirement in industry.

Table 3

Front Office	% Increase in human resource requirement till 2022
Managers	1.2
Supervisors	1.4
Front office assistants	2.7
F&B services Managers	23.8

Source: Ministry of Tourism, Government of India, Tourism satellite account of India

Hence estimated human resource requirement till 2022 for core departments of hotel i.e. Front office, Housekeeping, F&B services, Food Production is 2,772. Average percentage of trained employees per hotel, 2011-2012 by category of Hotels

Table 4

Average no. of	5 star deluxe	5 Star	4 Star	3 star	2 Star	1 Star	Heritage	Others	All India Average
Responses	40	47	86	302	126	47	34	61	743
Managers	90.5	88	90	88	86	92	90	91	89
Supervisors	87	84	82	85	76	81	88	80	83
Staff	77	87	83	92	61	63	74	63	79
Average trained employees	85	86	85	88	74	79	84	78	84
untrained employees	16	14	15	12	26	21	17	23	17

Source: Indian Hotel Industry Survey 2011-2012, FHRAI

Trained Employees includes those with a minimum one-year certificate course from a hotel management or equivalent institution, however, some hotels may have included those with short term (in-house) training. From table we can note that still there is a need of trained employees in hotel industry, this skill gap can be filled by enhancing the quality of training

Data Analysis:

Technology Management Practices in different star category hotels of India

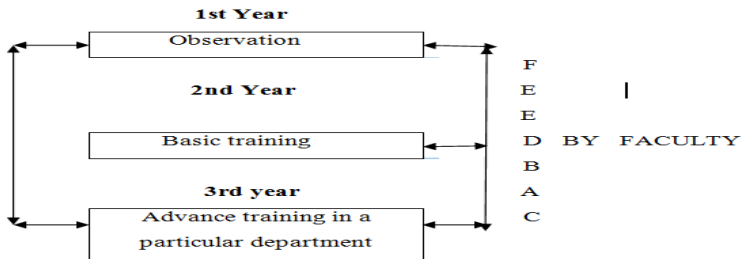
Table 5

Composition	Five star deluxe	Five star	Four star	Three star	Two star	One star	Heritage	Others	All India Average
No. of responses	34	47	98	364	191	61	41	87	923
	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Accounting system	94.1	95.7	95.9	89.8	87.4	83.6	90.2	86.2	89.7
Call accounting system	79.4	83	74.5	54.7	42.4	27.9	41.5	36.8	52.6
CRS	73.5	61.7	49	35.7	17.3	4.9	51.2	8.1	32.1
Electronic key card	91.2	85.1	75.5	45.6	22	14.8	9.8	25.3	42
Energy management system	52.9	38.3	51	30	14.7	3.3	12.2	11.5	26
E mail	100	100	98	97	90.6	88.5	97.6	85.1	94.4
Website	97.1	100	96	90.1	83.3	63.9	97.6	81.6	87.9
Intranet system	88.2	59.6	60	48.6	36.2	16.4	68.3	37.9	47
LAN	97.1	100	91.8	83	69.6	52.5	70.7	62.1	78
Management information system	85.3	78.7	79.6	69.5	39.3	23	63.4	33.3	58.6

Point of sale system	100	97.9	92.9	80.8	50.3	32.8	70.7	57.5	71.5
Property management system	94.1	80.9	81.6	52.8	29.3	13.1	41.5	27.6	48.4
Yield management system	58.8	29.8	38.8	22.3	13.1	1.6	14.6	11.5	21.1
Other	14.7	19.2	13.3	10.4	3.1	0	4.9	4.6	8.3

Source: Federation of Hotel and Restaurant Association of India (FHRAI).

Table 2 shows that Larger-sized hotels use latest IT tools such as yield management software, management information systems and other technologies like electronic cards, point of sale systems. Hotels with lesser rooms use conventional technology systems, use of latest technologies is minimum. Typically, the chain affiliated have more number of rooms and have more standard procedures and good information management systems, hence, they use better technologies as compared to independent hotels hence there is a need of implementing IT education among hospitality undergraduates for better customer service.

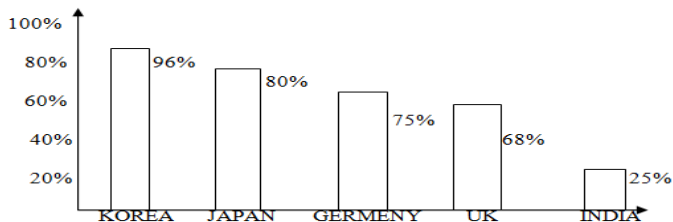
Figure 1

Figure 1 describes the proposed model for 3 years hotel management course, in India students don't have hospitality as a subject at higher secondary school level so when they join any hotel school after passing out from school level they have to start from zero level. Basic knowledge is to be given during 1st year of hotel management but apart from theoretical inputs students also require practical inputs, the pro-

posed model would help students to get basic practical exposure by sending them to various 5 star hotels, during 1st year of training they'll only observe all the operations and management in hotels. During 2nd year students will be sent to 5 star hotels for basic practical training in which they'll work in all the core departments of the hotel and during this period they will be able to decide which the most suitable department for making career. During 3rd year again students will be sent to 5 star hotels in their desired departments to get acclimatized with the department in which they will be working in future.

The whole model would help the students to build their career step wise and would also provide clarity about their future, it'll also reduce the percentage of students opting out hospitality as career.

Skill training received by employees India (in %) (Fig. 2)

Source: Planning commission, Government of India (2011)

The percentage of the employees that receives proper expertise education is 68% in the United Kingdom, 75% in Germany, 80% in Japan and 96% in Korea. In 2008-09, India had an annual skilling capacity of 4.3 million, against 12.8 million youth joining the workforce annually. According to the Eleventh Five Year Plan, only 10% of the Indian workforce has formal expertise training in the shape of superior education, technical or vocational training.

Recommendations and Conclusions:

Hotel industry requires professionals who are highly talented in practical operations. Current scenario in hotel colleges is not providing good results due to less of practical input. The following steps are recommended to achieve the desired skills for hotel industry:

1. Hotel schools should restructured the syllabus in such a way to give more importance to practical operations.

2. Hotel schools should remain in touch with 5 star hotel managers to conduct job fairs, guest lectures, and workshops to keep students updated for latest trends in the industry.
3. Regular capacity building programmes should be conducted for faculty
4. Faculty should be sent to hotels for refresher courses to attain knowledge related to latest trends and latest technologies.
5. Students should be sent thrice for industrial training during 1st year, 2nd year and 3rd year, training in 1st year should be comprised of observing how operations are being performed in the industry, 2nd year for getting them trained in basic operations and 3rd year training would be in the particular department in which a particular student shown keen interest.
6. Regular visits by the faculty to the hotel where students are doing their training to get the feedback from them as well as from the organization.
7. Faculty should also have minimum 5 years of industry experience
8. various hospitality journals and magazines should be inducted for the students to keep them up to date with latest trends and technologies
9. Various e learning programmes should be inducted
10. Virtual classes should be implemented.
11. Latest property management systems should be introduced in colleges.
12. Research work should be introduced.
13. MOU should be signed with various international universities.
14. Personality development programmes should be introduced with the help of trained professionals
15. E journals should be introduced.

References

1. Ali, A., Murphy, H.C & Nadkarni, S.(2014). Hospitality students' perceptions of digital tools for learning and sustainable development. *Journal of Hospitality, Leisure, Sport & Tourism Education*, 15, 1-10.
2. Chathoth, P.K. (2007). The impact of information technology on hotel operations, service management and transaction costs: A

- conceptual framework for full-service hotel firms. *International Journal of Hospitality Management*, 26 (2), 395-408.
3. Connor, P.O' & Murphy, J. (2004). Research on information technology in the hospitality industry. *International Journal of Hospitality Management*, 23(5)473-483
  4. Details of Indian Sector Skill Councils (2014). SSC Mandate for Skill Development. Retrieved from www.nsdcindia.org on April 12, 2014.
  5. Economic Impact of Travel & Tourism (2013). World Travel and Tourism Council. Retrieved from www.wttc.org on April 12, 2014.
  6. Cornell-Nanyang Institute and Amadeus Offer Tomorrow's Hoteliers Hands-on Revenue Management Training (2007). (Accessed from WiredHotelier.com) (Retrieved on 20-04-2014).
  7. Hotel Management Institutes Survey (2014). Leaders Speak. Retrieved from www.ghrdc.org, on April 12, 2014.
  8. Sector skill council (2012). National association of software and services companies. Retrieved from www.nasscom.in on April 15, 2014).
  9. India: How does Travel and Tourism compare to other sector (2012). World travel and tourism council. Retrieved from www.wttc.org, on 15-04-2014.
  10. Indian Medical Tourism to Touch 9500 crore by 2015 (2012). The Economic Times. Retrieved from Indianhealthcare.in on April 20, 2014.
  11. Ham, S., Kim, W.G & Jeong, S. (2005). Effect of information technology on performance in upscale hotels. *International Journal of Hospitality Management*. 24 (2), 281-294.
  12. India Tourism Statistics at a Glance (2012). Market Research Division, Ministry of Tourism, Government of India. Retrieved from www.nsdcindia.org on April 12, 2014.
  13. Statistics (2013). All India Council of Technical Education. Retrieved from www.aicte-india.org, April 28, 2014.
  14. India Tourism Statistics at a Glance (2012). Market Research Division, Ministry of Tourism, Government of India. Retrieved from www.nsdcindia.org on 12 April, 2014.
  15. Indian Hotel Industry Survey (2012-2013). Indian Hotel Industry, Inventory and Chain Affiliation, Retrieved from www.hvs.com on 12 April, 2014.

16. Faster, Sustainable and More Inclusive Growth (2011). Planning commission of India. Retrieved from www.planningcommission.gov.in, on May 5, 2014)
17. Survey on present tourism scenario India (2013). Federation of Indian Chamber of Commerce and Industries. (Accessed from www.ficci.com) (Retrieved on 5-05-2014)
18. Tourism Profile (2013). Federation of Indian Chamber of Commerce and Industries. Retrieved from www.ficci.com on May 5, 2014
19. Kirk, D & Pine, R. (1998). Research in hospitality systems and technology. *International Journal of Hospitality Management*, 17(2), 203-217.
20. Marchante, A.J., Ortega, B & Pagán, R. (2006). Determinants of skills shortages and hard-to-fill vacancies in the hospitality sector. *Tourism Management*. 27(5), 791-80.
21. Operational Guidelines For Development Of Skilled Work Force By Classified Hotels 2012). Hotel and Restaurant Division. Retrieved from www.tourism.gov.in on May 12, 2014.
22. Olsen, M.D. & Connolly, D.J. (2000). , Experience-based travel: How technology is changin the hospitality industry. *The Cornell Hotel and Restaurant Administration*, 41(1), 30-40.
23. Pauine, J.S. (1983).The impact of technology on hotel industry. *Tourism management*. 4(4), 269-278.

© Parikshat Singh Manhas, Niikhil Singh Charak, 2017

УДК 811.512.1.+81*37

М.Ф. Акилова (асс. БашГУ, г. Уфа, Россия)

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВЗАИМОВЛИЯНИЙ ЯЗЫКА ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются проблемы лексических взаимосвязей башкирского языка и языка орхоно-енисейской письменности в когнитивном аспекте. Анализируется влияние языка

памятников орхоно-енисейской письменности на формирование башкирского языка.

Ключевые слова: башкирский язык, памятники орхоно-енисейской письменности, когнитология, взаимосвязь, лексика, влияние.

Этнография как общественная наука, изучает народы-этноты и другие этнические общности, их этногенез, быт, культурно-исторические отношения. Во взаимодействии с другими науками (археология, история) этнография воссоздаёт этническую историю. Этнографию связывает с языкознанием – проблема языкового родства, влияний и т. д. Отметим, этнография ставит и решает как познавательные, так и практические проблемы этнических аспектов перестройки быта, современных этнических процессов, формирования новых наций, борьбы с пережитками и т. д. На современном этапе своего развития лингвистическая наука приобрела отчетливую тенденцию к изучению познавательных процессов, вербализующихся в языке, к изучению ментальных структур, стоящих за языковыми структурами на фоне общих системных установок науки на антропоцентризм, экспланаторность [3, 144–238]. Многообразие исследований когнитивных свойств языка на сегодняшний день привело к формированию аксиом, на основе которых когнитивная наука прочно укоренилась и переродилась в целое направление. Исследователи уделяют внимание специальному анализу выбора способов номинации объектов окружающей действительности, оказывающие когнитивные процессы в различных областях деятельности человека. Центральным и исходным понятием когнитивной науки выступает лексема, которые представляют «единицы осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [2, 25–77]. В зависимости от речевой ситуации лексема может перестраиваться во вторичную единицу, на основе уже существующих характеристик посредством когнитивного механизма. Лингвокогнитивный подход имеет множество направлений в зависимости от цели, специфики, своеобразия исследования. В отечественной филологии позиции этнолингвистики являются достаточно прочными. В рамках этнолин-

гвистических исследований, учитывая важное свойство языка, которое заключается в том, что он кодирует образное мировосприятие, облекая его в словесную форму актуальным становится изучение их в когнитологическом аспекте. Лексическая система любого языка имеет формально-логическую упорядоченность картины мира. В этом смысле идеографическая характеристика лексики в рамках четырех когнитивных сфер (I. Природа (неживая, живая); II. Человек (как физико-биологическое существо); III. Общество (человек как единица функциональной жизни общества); IV. Познание (априори)) является основополагающим в трудах известных ученых, как Г.Д. Гачев, В.В. Морковкин, Ю.Н. Караулов, А.Т. Кайдаров, Ж.А. Манкеева, О.А. Корнилов, Е.И. Зеленев, А.Г. Шайхулов, Ф.Г. Хисамитдинова, Л.Х. Самситова и др. С когнитологической точки зрения язык народа рассматривается как «одежда» его мыслей, чувств, ощущений, причем наиболее удобная «одежда», выгодно отличающаяся своей выразительностью, например, от языка жестов, или рисунков, схем. При этом языковая картина мира опирается на когнитивные представления народа, другими словами – на знание по возможности всей массы реалий жизни народа в контексте культурно-информационной среды. Оригинальный характер когнитивной базы этноса составляет не только словарный состав языка, но и юмор, игра слов, намеки, каламбуры, шутки, за которыми стоит вера в силу и мудрость родного языка, его способность доносить до сознания «высокий смысл вечных истин» [4, 55]. В наибольшей степени феноменальный склад национального склада мышления отражается в национальной лексике.

У каждого народа имеется своеобразный мир, в котором определяются духовные и нравственные приоритеты, где формируется самосознание человека. В данном случае идеографическая классификация представляется как «каркас познавательного процесса» [10, 1480], которая позволяет раскрыть генетическую связь между языками. При изучении языка любого этноса можно проследить, что в нем отражаются его образ жизни, взгляды на мир, мироощущения, переживания, уровень мышления, мировидения говорящего на нем народа. Изучение проблем происхождения языка, сферы его использования, связи ее с остальными языками и их диалектами раскрывает также историю народа, как его прошлое и настоящее,

так и этнолингвокультурологические контакты, и тем самым показывает, что развитие языка есть длительный и сложный процесс.

Лексикоархоно-енисейских памятников, обозначающие материальную и социальную, духовную жизнь человека. Например, в памятниках слово **täŋri** – **күк**обозначало «небо»: 1. *Üza täŋri basmasar, asra tälinmäsär türk bodun ilinjin törünin qamart arı?* (КТб. 22). – Күктән тәңре баcмаһа, аста ер купмаһа, төрки халык, һеззен ерегеҙе һәм хоқуғығыззы кем тартып алып ине?. – «Тюркский народ, если бы сверху не падали небеса, снизу не разверзлась земля, кто бы смог отобрать твою землю и права?»; 2. **Täŋridäki künkä jerdäki älimkä bökmädim** (Е. 73). – Күктәге кояшқа, илемә туйманым. – «Я не мог насытиться солнцем на небе, союзом моего племени на земле»; 3. *Eg buşuşluğ täŋri bulutluğ boltı* (ThsII 79). – Ирзәрқайғылы, тәңре болоттар қаплы ине. – «Мужчины были в горе, небеса – затянуты облаками». Со временем семантика этого слова расширилась и оно стало обозначать верховное божество – Тенгри – Тәңге (Бог): **Täŋri täg täŋridä bulmuş türk bilga qağan bu ödkä olurtum** (КТм. 1). – Күктә тыуған Тәңре кеүек, ақыллы Билгәтөрки қаған булып, вақытлы тәхеткә ултырзым. – «Как божество, рожденное на небесах, будучи мудрым тюрком Билге каганом, я вовремя взошел на престол». **Täŋri** имеет также значение «возвышенный», удивительный, прекрасный: **Täŋrielimkä älcisi ärtim** (Е. 12). – Тәңре илемдең **илсеһе** инем. – «Я был посланником у божественного моего государства». В башкирском языке тәңре означает «создатель всего живого на земле, Бог, Всевышний [1, 421]. В «Мифологическом словаре башкирского языка» тәңре зафиксирован в значении «Бог, Всевышний, божество». [9, с. 452]. В памятниках древнетюркской письменности зафиксированы *aj teŋri* – ай тәңре – «бог луны», *jašin teŋri* – йәшен тәңре «бог грозы», *jel teŋri* – ел тәңре «бог ветра», *kün teŋri* – көн тәңре «бог дня», *qunčuj teŋri* – кунчуй (принцесса) тәңре – «бог принцесс», *qut teŋri* – кот тәңре – «бог удачи». Башкиры верили в силу Тәңре: Тәңре көзрәте – Сила, мощь Тенгри. Тәңре кунағы – Нежданный гость, в мифологии – человек, направленный Тәңре, или Он сам, принявший облик человека; досл. гость Тенгри. Доброжелательное отношение, гостеприимство башкир корнями уходит глубоко до периода Тангриянства. Тәңре хақы – Доля, право Тенгри. Күрше хақы – Тәңре хақы – Право соседа – право Тенгри.

Значение антропонимов Тэнребирзе «данный Тенгри», Тэнрегол «раб божий» связаны верой в силу Тэнре, преклонением Тэнре. О древнебашкирской мифологии свидетельствует арабский миссионер Ахмед Ибн Фадлан. Он сообщает о существовании у башкир двенадцати божеств, культов неживой и живой природы: «Мы видели, как одна группа поклоняется змеям, другая группа поклоняется рыбам, еще одна группа поклоняется журавлям. Мне сообщили, что они (башкиры) когда-то вели войну с какими-то людьми из числа их врагов, причем враги обратили их в бегство, и что журавли закричали позади их врагов так, что они испугались и сами обратились в бегство... Поэтому башкиры стали поклоняться журавлям и говорить: «Эти журавли – наш господь, так как они обратили в бегство наших врагов». Древние пласты башкирской мифологии представлены в эпических памятниках «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу» и др. (мифы о возникновении земли и небесных светил, происхождении людей и миропорядка, о верховных божествах Тенгри, Хумай, Ер-хыу и др.). Ислам вытеснил из башкирской культуры многие древние верования и мифологические сюжеты, сейчас их можно лишь отчасти реконструировать по особенностям ритуалов, обрядов, сказочным образам и сюжетам, декоративному орнаменту [6, 394]. В генетической иерархии на одну ступень ниже Тенгри и Умай находится божество Йер-су, видимо, отпрыск Неба и Земли. Ахмед Ибн Фадлан в «Записках о путешествии по Волге» отмечает: «И я слышал, как они говорили: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад-пророк Аллаха», стараясь приблизиться этими словами к тем мусульманам, которые проезжают у них, но не веря в это. А если постигнет одного из них несправедливость или случится с ним какое-либо дело, неприятное ему, он подымает свою голову к небу и говорит: «Бир тенгри», а это по-турецки (значит) «богом одним», так как «бир» по-турецки – «один», а «тенгри» – бог (Аллах) на языке турок». В башкирском бир Тенгри – Тэнребер – смысл аналогичен. В монгольском языке **тэнгэр** имеет также схожие значения «бог, небо, гром, погода, гений».

В «Древнетюркском словаре» зафиксировано немало слов, связанных с одеждой, а в орхоно-енисейских памятниках они встречаются редко.

Ton – тун обозначало все виды одежды (одежда (вообще), например, **arigton** – таза кейем – «чистая одежда», а в современном башкирском языке оно обозначает лишь один вид одежды, только зимнюю верхнюю одежду, «тун» – «шуба»). **Kädim** – кейем– «одежда»: *özlüki boz at ärti kädim bäjizi...* (Е. 1)– Күкхел аты уның кейеме лә, батырлыгы ла ине. – «Собственная серая лошадь была, ему одеждой, и его геройством и мужеством». **Jalma** – «плащ, накидка, одежда, калчуга»: *Jaraqıntajalmasıntajüzartuqoqunurti jizäkbäşñabir (tägürmädi)...* (КТб.33) – Йөззән артык ук аттылар, эммә ғәскәр башыныңпмаһынабер ук та теймәне. – «Выпустили больше сотни стрел, но ни одна не достиглакалчугипредводителя войска». О семантической структуре данного слова Мудрак О.А. отмечает, что «Этот корень довольно слабо засвидетельствован в тюркских языках, исходное значение его размыто, – значил он или металлическое орудие (оружие), или изделие из металла (боевой панцирный, кольчужный доспех). Первое значение отмечено в османском *jelman* (*jelmen*?) 'ближайшая к оконечности часть сабли, где оборот ее становится тоньше и где начинается раздвоенный клинок' <...> Второе значение обнаруживается в орхонском памятнике Кюльтегину: *jarıqıntajalmasıntajüzartuqoqunurti* 'в его панцирь и в его кольчугу попало более сотни стрел', а также в османском *jelme'* кольчуга с разрезом спереди'. Дальнейшее развитие этого второго значения отмечается у Махмуда Кашгарского, где *jalma* значит 'толстый стеганный халат, накидка'; автор переводит это слово на арабский как *'al-yalmaq* и добавляет "персы взяли (его) от тюрков и произносили *yalma* (с -h), потом арабы взяли его от персов и произносили *yalmaq* передав h через q / f, точно также как они произносили (персизмы) *xandaq* из *kanda* и *yaqaq* из *yaqa*... нет никого, кто утверждал бы, что тюрки взяли его от персов. Я сам слышал это (слово) от необразованных тюрков приграничья; они больше чем другие народы нуждаются в плащах (=халатах), потому что в их родной стране больше дождей и снега". Если учесть, что ламинарные и кольчужные доспехи у иранцев и тюрков обкладывались с двух сторон войлоком и тканью, а потом простегивались, то становится совершенно ясной причина вторичного перехода значения на "толстый войлочный (как правило, стеганный) халат» [5].

Лексическая система орхоно-енисейских письменных памятников отражают также понимание мира и связанного с ним типы мышления, в них запечатлены высокий уровень интеллектуальной деятельности древних тюрков. Богатство текстов памятников орхоно-енисейской письменности гиперболами, метафорами, сравнениями, переносными выражениями являются показателем ассоциативно-образного мышления и владения искусством красноречия, богатством воображения, образности и мышления древних тюрков. Результаты данное исследование способствует в той или иной мере решению проблем, указанных на перспективу «каждый из тюркских языков имеет этнос, государственные или территориальные границы, самосознание, ощущение непрерывности истории, свои традиции в области религии, культуры, быта... Если говорить о близости, то речь может идти не о близости диалектов, а о близости языков. Это – поиск общих корней, символизирующих единый характер тюркского мира. Единые корни кроются в лексической сокровищнице тюрков» [7, 9–10].

Как отмечает Э.Р. Тенишев, – в лексической сокровищнице тюрков, в фольклоре, особенно в этнических произведениях, обычаях и поверьях, народных ремеслах и искусстве и т.д.» [8, 299]. В этом направлении лексические материалы древнетюркских памятников являются очень важным источником. Мы придерживаемся точки зрения Э.Р. Тенишева о том, что языки части башкирских племен испытали тот сдвиг, что и языки, зафиксированные в древнетюркских памятниках. А это могло произойти лишь в том случае, если эти башкирские племена находились в тех же условиях, что и носители древнетюркских языков, и в территориальном соседстве друг с другом [8, с.86].

Литература

1. Башкорт теленең һүзлегә. Ике томда. 2 том / Ред. А.Г. Бишев, З.К. Ишмөхәмәтов, З.Ф. Ураксин, У.М. Яруллина. М.: Русский язык, 1993. 816 б.
2. Болдырев Н. Н. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 7–16.
3. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Наука, 1997. – 326 с.

4. Зеленев Е.И. Постижение Образа мира: Монография. – СПб.: КАРО, 2012. – 336 с.
5. Мудрак О.А. Пратюркская металлургическая лексика [Электронный ресурс] // Сравнительная грамматика тюркских языков. Лексика <http://altaica.narod.ru/papers.htm>].
6. Руденко, С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 394с.
7. Тенишев Э.Р. Некоторые социолингвистические проблемы в тюркском мире [Электронный ресурс] // Газета Татарский мир. – М., 2003. – № 2. – С. 1–13. (Цит. по электронной версии статьи: <http://www.tatmir.ru/article.shtml?article=255&section=0&heading=0>)
8. Тенишев Э.Р. Избранные труды. Книга первая. Уфа: Гилем, 2006. 304 с.
9. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. – 452 с.
10. Шайхисламова З.Ф. Некоторые аспекты этнолингвистической интерпретации лексических единиц тау, таш в башкирском языке // Вестник Башкирского государственного университета. – Уфа, 2014. – 1480–1488.

© Акилова М.Ф., 2017

УДК 39

Р.О. Ахманова, Х.Б. Данысбекова
(препод. Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан)

ДӘРКЕМБАЙ ШЕБЕРДІҢ ҚАЗАҚ МӘДЕНИЕТІНДЕГІ ОРНЫ

Дәркембай Шоқпарұлы - суретші-этнодизайнер, Қазақстан Суретшілер және Дизайнерлер Одағының мүшесі, Қазақстан ленин комсомолы сыйлығының лауреаты, Қазақстанның еңбек сіңірген қайраткері болған Темірбек Жүргенов атындағы Қазақ Ұлттық өнер академиясының "Сәндік өнер және дизайн" факультеті "Сәндік өнер" кафедрасының профессоры болған. Қырғызстанның "Дизайн академиясының" корреспондент

мүшесі, көптеген халықаралық байқаулардың дипломанты еді. Дәркембай Шоқпарұлы құжаттарға араб әрпімен сыпайы ғана "Дәркембай ұста" деп қол қойған екен. Ал біле білсеңіз, "ұста" сөзінің шын мәнінде ауқымы зор, тұғыры биік, құлашы кең қасиетті сөз. Осы кәсіптің қиындығы өз алдында. Ұсталық атадан балаға мирас болып келетін жауапты іс. Дәркембай Шоқпарұлы - 1946 жылы 23 мамыр күні Алматы облысы, Еңбекшіқазақ ауданы, Ақши ауылында дүниеге келеді. Әкесі Ерғожаұлы Шоқпар, оның тете інісі Алдамберді мен кенже інісі Ахмет ағайынды ұсталар. Екеуі де қол өнерімен Жетісу өңіріне белгілі болған адамдар екен. Осындай өнерлі отбасынан шыққан Дәркембай Шоқпарұлының ұсталығы атадан балаға дарыған қасиет. Ұста, зергер, қолөнер шебері болған. Халқымның дәстүрлі төл өнері, Кәсібім ата-мұра қолөнері. Жинадым әдет-ғұрып салт-дәстүрін, Елімнің көзге ыстық қолөнері – деп жазады Дәркембай Шоқпарұлы өз өлең шумақтарында. Дәркембай Шоқпаровтың өнерге құштарлығы анасы Жұмагүлдің ақ сүтімен дарыған екен. «Дәркембай» деп, азан шақырып атын қойған нағашы ағасы Жармұхамбеттің өзі тегін кісі емес. Ахмет ағасының көріктерін кезек-кезек басып қол өнерге тәнті болып өседі. Әкесі Шоқпардан қалған көрік пен төс, темір балғаға ерте ие болған Дәркембай әке мұрасын жалғастырды. Әкеден оза туып, өз белін өзі буып, атакәсіп қолөнерді жалғастырады.

Ұсталық – ұстамдылықты ұнататын өнер. Халық шеберлері төс темірден шыққан дыбыстан-ақ, шебердің шыңдалғанын байқап, бағасын берген. Нағыз ұста бірде желпітіп, бірде баяулатып, бірде батыра, жұмсарта балға соғу арқылы музыкалық ырғақ тудырып иі қаныққан темірден әдемі бұйым жасағаны белгілі. Шоқтығы биік қолөнер шеберлерінің құпия сырын меңгерген бірегей тұлға - Дәркембай Шоқпарұлы еді. Әсіресе ер қаруы – бес қару – садақ, қылыш, найза, айбалта, шоқпар жасауда қазақ еліне танылды. Дәркембай Шоқпарұлының ғылыми-зерттеу, ғылыми-танымдық 200-ден астам мақаласы бар. 29 кітаптың және оқу құралдарының авторы. «Өрім өру» (1994), «Домбыра жасау» (1996), «Бесікке бөлеу» (2001), «Қазақтың қолданбалы өнері» (2007), «Қазақтың қолөнері» (2005) т.б. Ақын ретінде танылған «Ай-алқа» атты кітабы бар. Онда қолөнерге байланысты этнографиялық тақырыптағы, лирикалық т.б. өлеңдері

жарияланған. «Қазақтың қолөнері» атты кітабы «Өнер» баспасынан 2005 жылы басылып шығарылған. Кітап 176 бетті құрайды. Кітапта автор алғыс сөзінде: Географиялық картада Алтай мен Атырау арасын алып жатқан кең-байтақ өлке біздің туған еліміз – Қазақстан республикасының жері. Осынау байтақ жерде көсілеген кең далалар мен асқар таулар, толқынды теңіздер мен айдын шалқар көлдер, арналы өзендер, мен орман тоғайлар өте көп. Қазақстан жерінде өсімдіктер мен жануарлардың алуан түрлері кездеседі. Жер қойнауы әр алуан қазба байлықтарға тұнып тұр.«Осындай табиғат байлығын ата- бабаларымыз ерте замандардан бері қолдан келгенше игеріп отырған» , - деп бастайды автор. [1, 5-6]. Ежелгі тас дәуірінен бастап, бүгінгі күнге шейінгі қазақ жерінен табылған қолөнер үлгілерінің түпнұсқалары мен шынайы шеберлердің қолынан шыққан өнердің озық үлгілерін бұл күнде музейлерден көріп те жүрміз.

Ал енді, қолөнер дегеніміз не? , Оның адам өміріндегі қызметі қандай? «Қолөнер ғасырлар бойы дамып, қалыптасып келе жатқан халық творчествосының сарқылмас қайнар көзі, халық мәдениетінің айнасы. Ол талай ғасырлар кезеңінен өтіп түрленіп, жаңарып келіп, атадан балаға мұра ретінде бізге жеткен дәстүрлі де қастерлі өнер»– деп жазады, Дәркембай Шоқпарұлы. [1, 8]. Оған дәлел, Шоқпарұлының артынан ізін жалғап, өнерін өшірмей ұрпаққа жеткізіп келе жатқан баласы Дәулет Шоқпарұлы. Қандай халықтың қолөнері болса да оның тарихымен , қоғамдық құрылысы , әдет-ғұрып, салт санасымен аттасып қатар өркендейді. Қолөнер адам баласының әсемдікке, нәзіктікке деген ұмтылысын , сол бағытта табиғатты өзінше таңбалап бедерлеуін, сұлулықты іздеуге құштарлығын танытады. Ол арқылы біз үлкен рухани-эстетикалық тәлім алып, өнер әлеміне қанат қағамыз. Кітап 8 бөлімнен тұрады. 1 .Ою-өрнек. 2.Тері өңдеу.3. Ағаш өңдеу. 4.Металл өңдеу. 5.Ер-тұрман. 6.Қару-жарақ.7. Саз аспаптары. 8.Жиһаз, ыдыс-аяқ. Қарап отырсақ, бұл бөлімдерге атауларды беріп, оны жік-жігімен жіктеп, түсіндіріп өтеді. Бірінші бөлімде, ұста Дәркембай Шоқпарұлы ою-өрнекті 3 композициялық құрылымға бөледі. Ою-өрнек өнердің өте көне, әрі күрделі түрі. Әр елдің әдет-ғұрып, салт-дәстүрі географиялық , табиғи ортасына байланысты ою-өрнек үлгілері де ерекшеленіп, елдік сипатқа ие болып, түрлене түседі. [1,13]. Жалпы, ою-өрнек дегеніміз –

геометриялық бейнелі элементтердің жүйелі ырғақпен қайталанып, үйлесімдік құрылуы. Дәркембай Шоқпарұлы бірінші болып тері өңдеу туралы зерттеуінде, мал терісінің түрлері мен атауларына көңіл бөледі. Төрт түлік малдың терісі өте қымбат шикізат. Соның ішінде ірі қараның терісін сиыр терісі, өгіз терісі, тайынша терісі, бұзау терісі деп төртке бөледі. Жылқы терісін бие терісі жабағы және құлын терісі деп үшке бөледі. Түйе терілерін атан терісі, бота терісі дейді. [1, 34]. Тарамысты әзірлеу үшін, үлкен еңбек керек. Тарамысты торсық, мес, саба т.б теріден жасалған ыдыстарды тігу үшін пайдаланады. [1,43]. Көн – ірі қараның терісінен иленген қатты былғары. (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі «Ғылым», Алматы, 1980 162 бет). Көн туралы Дәркембай Шоқпарұлы бұл анықтаманы жоққа шығарады. Зергер: «біріншіден көн деп қазақ иленбеген теріні айтады, екіншіден былғары көн болуы мүмкін емес, ол арнайы иленіп, кермектеліп, боялып жасалады». Көн – малдың (аңның) иленбей, (қан шылғи) кептіріліп, қатты күйге түскен терісі. Көннен тулақ, торсық, кеукерін, бұлқыншақ, талыс т.б бұйымдар әзірленеді. Көннен әзірленетін бұйымдар екі түрге бөлінеді. Біріншісі түгін қалдырып жасайтын бұйымдар, екіншісі түгі алынған теріден жасалатын бұйымдар. [1, 49]. Ағаш өңдеу туралы, Дәркембай Шоқпарұлы кітабында, ағаштардың ішіндегі ең «шешені» сөйлегіші қарағай деп санайды. Музыка аспабын жасаушы шеберлер, қарағайдан домбыра тұтас шауып та жасайды немесе басқа ағаштан шабылған домбыраның қақпағын міндетті түрде қарағайдан салады. Шеберлер сан жылдаған тәжірбиенің нәтижесінде қарағайдың тербелу арқылы дыбыс шығару резонанс қабілеті өте жоғары екендігін дәл басып таба білген. Дәркембай Шоқпарұлы : тұт ағашы, үйеңкі, емен, қайың, терек, тал, жеміс ағаштарын зерттеп, оларға анықтама беріп, нақтылап жазады. Қандай ағаштан қандай музыкалық аспап жасауға болатынын көрсетеді. Бұл зергердің келер ұрпаққа қалдырған өшпес мұрасы. Ағаштан жасалатын құрал-саймандар, бұйымдар көп. Онымен қоса, ағаш өңдейтін құрал-саймандар: балта, жай шот, шот, қашаулар, ұңғы, қолара, пышақ, аталғы, садақша ара, пәрмі, бұрғы, ағаш балға т.б. 4 бөлімінде ұста металл өңдеу туралы және металдан жасалатын бұйымдар туралы жазады. Мысалы: түйме, оймақ, сырға, білезік, жүзік, сақина т.б әшекей бұйымдарды атап көрсетіп, жасалу

жолдарына тоқталады. Ұсталар тобы көбінесе, алтын, күміс, сияқты қымбат бағалы металдар мен тастарды қолданып, өте нәзік зергерлік бұйымдарын әзірлеген.

«Зергер» парсы тілінен ауысқан «зэргэр» сөзі. Парсы тілінде алтыннан, күмістен суырып, созылған жіңішке сымды «зэр» дейді. Халық арасында зергерлер өте жоғары құрметке ие болып, елдің сүйікті адамы саналған: Содан соң: Қорқақ ер болмайды, Қола зер болмайды, - деген халық арасында айтылып жүрген сөздерге қарап, елдің зергерлер мен зергерлік өнеріне немқұрайды қарамағандығын айтамыз. [1,91]. 5- бөлімде Ер-тұрман жөнінде жазылады. Ер әшекейлері, құйысқан, өмілдірік қоспалары, қыз баланың ері. Бүгінде ат жарыту, бәйгеге шабу өнері де қайта бел алып келеді. Міне, сондай өнермен шұғылданатын кісілерге де ат әбзелдері керек. [1, 109]. Ер-тұрман дегеніміз - салт атқа мінуге арналған әбзел-жабдықтар жиынтығы. Ерші – ер-тұрман жасайтын, шебер, ұста. [1, 111]. Ершілер ерте заманнан бері ерді негізгі үш топқа бөлген. Олар: ашамай, еркектерге арналған ер, әйелдерге арналған ерлер. Дәркембай Шоқпарұлы ер-тұрман тақырыбында көптеген мағлұматтар береді. Осындай дүниелерді жазуға біраз еңбек керек. Ер-тұрман әзірлеуге қажет шикізаттарды жазып, анықтап суреттермен көрсетеді. Бұл нағыз ізденіс. Дәркембай Шоқпарұлы қолына балғасын алып шеберханада осы айтылған заттарды жасап жүрсе де болар еді. Бірақ, ұста олай жасамады. Келер ұрпаққа, жастарға қазақтың қолданып жүрген бұйымдарының жасалу технологиясын атын атап, түсін түстеп көрсетіп кетті. Бұл Шоқпарұлының мәдениетімізге қосқан үлкен еңбегі. Ескі сөздердің терминдеріне анықтама берді. Мысалы, ыңыршақ, ашамай, қылыш, найза, айбалта, шоқпар, жеңсе, тізелік, қалқан, көн дулыға, қорамсақ т.б. Дәркембай Шоқпарұлы бұл кітаптың 7-бөлімінде «Саз аспаптар» туралы жазады. «Қазақстандағы аспаптану ғылымы жөнінде сөз қозғасақ, осы салада ширек ғасырдан астам тер төгіп, түрлі саз аспаптарының үлгілерін жинап, зерттеп, саралап, республикалық әр түрлі басылымдарда насихаттап, көз майын тауысып, бірнеше кітап жазып қалдырған ғалым, марқұм Болат Шамғалиұлы Сарыбаевтың еңбегі ұшан десек, жаңылыспаймыз» -дейді. [1, 137]. Бұл кітапта Дәркембай Шоқпарұлы біраз дүниелерді тілге тиек етті. Болат Сарыбаевтың қазақтың саз аспаптарының 30-дан астам түрлерін

тауып, түрлі эксперименттер жасап, аспаптарының дыбысын жетілдіріп, кейбірін жаңғыртып, қайта өмірге алып келгендігі туралы айтады. Шоқпаров: «Халқымыздың мәдениетін, музыкалық мұрасын, этнографиясын зерттеп, қалам тартып жүрген, Ө. Жәнібеков, А.Сейдімбеков, С.Ақатаев, Ж. Шәкірімов, Т.Әсемқұлов, С. Медеубеков сынды азаматтар бар. Саз аспаптарын жетілдіріп, қайта тірілтіп жүрген Алтынбек Құмаров, Оразғазы Бейсембаевтарды атап өтуге болады, сол сияқты бұл күндері саз аспаптарын әзірлейтін үркердей бір топ шеберлер бар, олар: Мұса Әділов, Құрақбай Егізбаев, Жолаушы Тұрдығұлов, Есен Құлжабев, Сатыбалды Кенжеғараев, Мәулен Сүлейменов т.б » деп жазады. [1, 152]. Зергер ағаштың қасиетін нақтылап көрсетеді. Музыка аспаптарын әзірлеу шеберлікті, шыдамдылықты қажет ететін өнер екен. Ең алдымен ағашты тандау, дайындау, сақтау, сияқты шараларды дұрыс меңгеру керек деп айтылады. Байырғы шеберлер музыка аспаптарын әзірлейтін ағаш неғұрлым ұзақ кепсе (сақталса), соғұрлым сапасы жоғары болады деп есептеген екен. Дәркембай Шоқпарұлы саз аспаптары туралы жақсы мәлімет береді. Ыдыс-аяқ, жиһаз туралы да көп зерттеп, көп мағлұмат жинақтаған. Халық шеберлері бұл күндері біздер күнделікті тұрмыста тұтынып жүрген үй жиһаздарын ерте кездерден жасай бастаған. Дәркембай Шоқпарұлы тұрмыста қажетті бұйымдарды зерттеп, жинап олардың терминдеріне анықтама берген. Мысалы, абажа, адалбақан, асадал, ағаш төсек, әбдіре, кебеже, сандық, жүкаяқ, жастықағаш, жағлан, жозы т.б. ыдыс-аяқ заттарын қазіргі кезде қолданамыз ба? Ол не? – деп ұрпағымыз сұрауы да ғажап емес. Ұмыт болып бара жатқан осынау дүниелер: абажа – бұл ыдыс-аяқ пен тамақ салатын үй жиһазы, кебеженің үлкен түрі. Тақтайдан жасалып, көбіне киізбен, кейде былғарымен, қаңылтырмен де қапталады, астына әшекейлі жүкаяқ қойылады. [1, 159]. Ал, кебеже деген – азық-түлік сақтауға пайдаланған, ағаштан жасалып, беті сүйек, күміс-ою-өрнегімен әшекейленген сандықша ыдыс. Қайың, терек, қарағай сияқты ағаштардан жасайды. Бетін оюлап, сырлайды. Оң, сол жақ қабырғаларына қайыстан, темір металдан құлақша орнатады – деп анықтама береді, Шоқпаров [1, 161]. Жоғарыда ағаш пен металл туралы айтып өттім. Осы ағаштан жасалатын ыдыстар: астау, аяқ-табақ, көз аяқ, қарын аяқ, сары аяқ, табақ, зерен, керсен, ожау, тостаған, тегене, шара екен.

Мысалы, табақ – піскен етті, тағамды салатын дөңгелек жайпақ ыдыс екенін білеміз. Ал, қарын аяқты білесіз бе? Ол – әркімнің тамақ ішетін меншікті ыдысы [1, 164] деп жазылады. Яғни, Дәркембай Шоқпаров әр заттың анықтамасын бере отыра, ұмыт болып бара жатқан заттарды іздеп табады. Оған мысал, металдан жасалатын ыдыстар: бақыр, бақыраш, леген, тегеш, шәуғім, шөген т.б. Шындығында бұл ыдыстар қазіргі таңда тұрмыста қолданылмайды. Көненің көзі деп жар құлағы жастыққа тимей, тірмектеп жинап, оны қағаз бетіне түсірген Шоқпарұлының бұл еңбегі мәдениетке қосқан үлесі болар. Бір қызығы жүннен жасалатын ыдыстар болады екен. Олар: боқша, боғама, қапшық, қанар. Жалпы, түрлі заттарды салуға арналған кішірек қапты қапшық деп айтып жүрміз. Ал, қанар деген не? Қанар – мақта, жүн салуға арналған, кенептен тігілген үлкен қап. [1, 167] . Көнек, қауға, бұлқыншақ, мес, сүйретпе, талыс, жанторсық т.б теріден жасалатын ыдыстарға жатқызып, осы ыдыстарға да анықтама береді. Мысалы, қауға – малдың терісінен жасалған, құдықтан су тартып алуға арналған шелек (ыдыс). [1, 168]. Ұстаның зерттеулері мен жазбаларынан біраз мағлұмат алуға болады. Ұзақ жылдар бойы қолөнер туралы зерттеп, жинап, оны қағазға түсіру бұл нағыз ізденіс.

Осы кітаптан соң, Дәркембай Шоқпарұлының 2007 жылы «Алматыкітап» баспасынан «Қазақтың қолданбалы өнері» деген кітабы шығады. Бұл кітаптың екінші авторы, Шоқпарұлының ұлы Дәулет Дәркембайұлы. Кітап 7- тараудан тұрады. Кітапты оқып, талдай отыра, 3-тарауға тоқталуды жөн санадым. «Сүйектерге жан бітсе» деп аталады. Дәркембай Шоқпарұлы нанымдар мен ұғымдар деп тақырыпты қойып, «Қазақта сүйекті қастерлеу, қадірлеу салты ерте замандардан қалыптасқан. Сондықтан бақи дүниеге сапар шеккен адамның мәйітін туған жеріне, кіндік қаны тамған жерге әкеліп жерлегенді жөн көрген. Жаугершілік замандарда шейіт болған жауынгерлердің сүйегін «қорлайды» деп жат жерде қалдырмай, мәйітін сілтеге салып, қайнатып, еттен ажыраған сүйекті тері қапқа салып, киізбен орап, қапқа салып, туған жердің топырағына әкеліп қоятын рәсім болған. Төтенше жағдай туып, сүйекті түгел әкеле алмаса, бір саусағының сүйегін алып келген » - деп жазады. [2, 75]. Оған мысал келтіреді. Сүйектің не екенін туралы айтып қана қоймай, бұрынғы қариялар

жөн сұрасқанда бір-бірінен «сүйегің кім», көңілі жақын, жегжат адамдар кейінгі ұрпақ суысып кетпесін деп бір-бірімен қыз алысып, қыз беріп отырған рәсімді «сүйек жаңғырту» туралы және «сүйекке түсу» рәсімдері туралы айтады. Дәркембай Шоқпарұлының бір ерекшелігі бар. Ол осы кітаптарды оқып отырғанда, жазбаларында байқалды. Дәркембай ұста мақал-мәтел, халық нақылын, өлең шумақтарды, жыршы, жыраулардың сөздерімен мысалдап жеткізігенін байқайсыз. Мысалы, «Әкеден мал қалғанша, тал қалсын», «Бабын тап та бақ өсір», «Тұт екенің – құт екенің», «Шыдамы жеткен шебер болар» т.б деген мақалдарды ағаш өңдеу тарауында қолданса, «Бармағынан бал тамған, Не шеберлер өтіпті, Үлгі берген өнермен» (Ақтан Керейұлы), Шарға ұстаған балта едім, Шабуын таппай кетілдім. Қайраса тағы жетілдім (Махамбет), «Бәйбішеге жарасар, еміздіктеген сабасы, келіншекке жарасар, емшектегі баласы» (Бұқар жырау), - деп жыраулар айтқанымен дәлелдесе, Ілияс Жансүгіровтің «Қызылдап қымыз сабасын, Жыртығын үйдің жамасын, Айт, апатай келінге», (келсап туралы) [2, 101]. «Сарайым – сабап қоям пісіп-пісіп, қойдырман ән қымызын ойкернетіп» (Жансүгіров), «Томыртқы қылып торсыққа, Шөлдермін сусын су байла»(томыртқа туралы) [2, 119]. «Дүкенім құрған шеберім, Шеберле шеге шегеле», (Ілияс Жансүгіров) [2, 159]. «Елдің жайын ел баққан, Ерлер білер деген сөз. Зердің жайын зер соққан, Зергер білер деген сөз» (Жамбыл Жабаев) [2, 151]. Осындай нақыл сөздермен, мақал-мәтелдермен мысалға алынып жазылған бұл кітаптың ерекшелігі болуы керек. Бұл шебердің кітап жазудағы стилі, зерттеуі, жазу шеберлігі. Дәркембай Шоқпарұлы өлеңдер жаза бастаған. Ол өлеңдер жинағы 2003 жылы «Ай-алқа» деген атпен шықты. Мысалы,

Халқымыздың дәстүрлі төл өнері,
Кәсібім ата-мұра қол өнері,
Жинадым әдет-ғұрып салт-дәстүрін,
Елімнің көзге ыстық көнелері.
Тыңдаған қарттарынан өлмес күй-ән,
Көненің көзіндей бұл мұрағаттан,
Дер едім, келер ұрпақ көрмес зиян,
Сенемін, келер ұрпақ көрмес зиян,
Өнерім, өлеңімді дербес қоям,

Қабылда аманатты туған елім! -деген өлең шумақтарымен Дәркембай Шоқпарұлы ақындығында байқатады. [3, 1].

Дәркембай Шоқпарұлы туралы көптеген мақалалар жазылған екен. Архивтен газет-журналдарды қарап шыққанда, біраз мағлұмат жинақтадым. Сұхбаттарды оқып отырып, Дәркембай Шоқпарұлының мектебі жайлы айтпауға болмас. Мысалы, «Ұлан» газетінің 28.07.1998 жылы жарыққа шыққан «Дәркембай мектебі» туралы журналист Сұлтан Қалиұлының сұхбатында: «Мектеп ашып, ұстаздық етуге неге қызықтыңыз?» - деген сұрағына. «Өмірдің де, өнердің де жедел дамуына бірден бір ықпал ететіндер – мектеп, ұстаз. Құдайға шүкір, біздің ата-бабаларымыздан мұра болып келе жатқан зергерлік өнеріміз, қолөнер ешқандай халықтың өнерінен кем емес. Мектеп ашудағы мақсатым, өнерімді, білгенімді шәкірттерге үйретсем деймін. Олар да өзінен кейінгілерге үйретіп, халқымыздың қолөнер шеберлерінің туындыларды әлемдік қолөнер туындылары қатарынан өз орнын тапса деймін» - дейді Дәркембай Шоқпарұлы. [3, 2]. Дәркембай ұстаның шәкірттері өте көп болды. Ұсталық өнерді, зергерлікті жасына да, кәрісіне де қарамай үйрететін. Ақиқатты білгің келсе әліппеден баста демекші, қазақтың киелі қолөнерін ұсталық жолдан бастаған. Қатқан қалып, мырдымсыз машық, үйреншікті үлгі өнерді өркендеткені рас. Талғампаз талант тарланы Дәркембай қолөнер түрлерін меңгеруде, үйрену мен жирену үдерістерін тәжірибеден өткізген ұстаз. Оған дәлел, 1996 жылы туған жері Ақши аулындаашылған "Асыл" атты мектебі. Ол мектепке республиканың әр жерінен келген шәкірттері тегін оқыды. Дәркембай Шоқпарұлы тылсым тіршіліктің иірімдеріне терең бойлаған, киелі қолөнер пернелерін дөп басқан азамат. Өнері өтімді, іс-әрекеті ғұмырлы. Дәркембай қазақтың қайталанбас қолөнер иесі, өткен ғасыр өресіндегі ұлттық өнердің жанашыры. «Ұстаздық еткен жалықпас, үйретуге балаға» демекші, Дәркембай шебер Т.Жүргенов атындағы Қазақ Ұлттық Өнер академиясында «Сәндік өнер және дизайн» факультетінде «Металлды көркемдеп өңдеу» мамандығында студенттер оқытып, доцент және 2005 жылы профессор атағын алады. Дәркембай Шоқпарұлының бір қыры - суретші әрі мүсіншілік өнері. «Студент қыз», «Алтын адам», «Қарасай батыр» т.б. портреттері бар. Металлдан, ағаштан, тастан қашап жасалынған ескерткіштер. Мысалы , Абдолла

Розыбақиев (1977 ж., Шелек), «Құланаян Құлманбет» (1998 ж., Түрген), Мұстафа Шоқай (1998 ж., Қызылорда, Шиелі), Мұхтар Әуезов (2001ж., Есік қаласы), Қашаған Жаманқараев (2001ж., Қаракемер), Рақымжан Тоқатаев (2004 ж.,Қаракемер) тарихи тұлғаларымыздың мүсін-ескерткіштерін жасаған. Онымен қоса, көптеген тарихи сәулет ескерткіштерінің қалпына келуіне өз үлесін қосты.

Шебер шет елге көрмелерге қатысып отырған. Мысалы, Нью-Йоркте халықаралық сауда орталығындағы «Қазақ декорациялық-қолданбалы көрмесі» (1982 ж.,) (АҚШ). СССР-дің 60 жылдық мерейтойына орай, шебер 1982 жылы көрмесін шығарды, Алматы қаласында 1991 жылы ашылған жеке жәдігерлік коллекциясынан құралған этнографиялық мұражайындағы дүниелер халыққа ұнады. Париждің Ренн қаласында өткен «Экспо-2001» атты көрме-жәрменкесінде еуропалықтарды таңғалдырған. Шебердің өзіндік дара жолы бар. Ол мұражай ашу жолындағы даралығы мен ерлігі. Алғаш рет Дәркембай Шоқпарұлы 1991 жылы Алматы қаласынан жекеменшік этнографиялық музей ашады. Дәркембай Шоқпарұлы – қазақ қолөнерінің алтын діңгегі, алып тұлғасы. 1970 жылдардың соңында Өзбекәлі Жәнібековтің тікелей ұсынысымен «Қазреставрация» деген үлкен трест жаңаша «Қазмузейреставрация» деп өзгерді. Мұражайлар мен үкімет қарауындағы тарихи ескерткіштер, оларды жөндеу мен безендіру жұмыстары ғылыми тұрғыда зерттеліп, қайта қалпына келтіру ісі жаңа бағытпен қолға алынды. Алғашқы жылдары осы үлкен мекемеге суретші-шебер Дәркембай Шоқпарұлы бас суретші қызметіне тағайындалады. 1980 жылдардың ортысында қазақ мәдениеті мен ғылым тарихына «Халық музыка аспаптар» музейі дүниеге келді. Ал музыкалық фольклор тарихында «Сазген» ансамблі үлкен орын алды. Осы мұражайдың келуіне себепші болған Дәркембай Шоқпарұлы болған екен. 1979 жылы Венгрияға досы Иштван Қоңырға қонаққа барып, Будапешт қаласынан шамамен 100 шақырымдай жерде орналасқан Кечкемет қаласында болып, сол қаладағы поляк азаматы Альберт Ляшковскийдің «саз аспаптар» мұражайын көрген. 700-ден асатын саз аспаптар Дәркембай Шоқпаровқа үлкен әсер қалдырады. Көкейіне қонған ұшқыр ойды суретке түсіріп, сол кездегі Мәдениет министрлігінің орынбасары болып отырған Өзбекәлі Жәнібековке алып келген

екен. 1980 жылдың басында Өзбекәлі бастаған білікті мамандар және Дәркембай Шоқпаров сынды шәкірттерімен үлкен бастаманы жүзеге асырған екен. 1981 жылы сәуір айында келешекке ұлттық нақышқа айналған «Халық саз аспаптар» мұражайы ашылады. Осы мұражайдың алғашқы тақырыптық жоспары бойынша қойылған дабылды-соқпалы беті теріден, шанағы темірден жасалатын аспаптардың көне нұсқалары шындауыл, дауылпаз, шың, сақпан, адырна аспаптарының көне түрлері қайтадан қалпына келтіріледі. Көптеген ұмыт болған музыкалық аспаптарды этнограф-ғалымдар Х.Арғынбаев, О.Хаймодин тағы да басқа көнекөз қариялардың айтуымен жаңғыртып, кең шанақты, іші ішекті, үш ішекті, қуыс мойын, әмбебап атты домбыралардың түрлері көбейді. Қазақтың халық аспаптары мұражайының алғашқы талантты қызметкерлерінен «Сазген» ансамблі құрылады. Осы ансамбльге аспаптар мен биге қажет көмекші құралдар дайындалып алғашқы репертуары ұтымды шығып, қазақты таң қалдыруда Дәркембай Шоқпарұлының зергерлік өнерінің көмегі тиді. Ансамбльде алғашқы қолданылған қолөнер заттарының баршасы Дәркембай Шоқпарұлының қолынан шығып, бидің 5-де қолданылады. Мысалы, «Шалқыма» биінде жыға, торсық, тостағандар, «Жезтырнақ» биінде жезден ойып жасалынған жез тырнақтар, «Қылыш» биінде алмас қылыш, «Ай қосақ» биінде кепшік, асатаяқ. Ұлттық салт-дәстүрді, оған қатысты этнография тарихын жақсы білгеннің арқасында Дәркембай Шоқпарұлы, 1980 жылдардан жаңаша жаңғырған музыкалық фольклор саласына, аспаптану ғылымының дамуына, ұлттық киімдерге, қолөнер саласының барлық түрлерінің қалпына келуіне ықпал жасады. Зергерлік бұйымдарды - алқа, сақина, білезік, әшекей бұйымдарды қалпына келтіріп, ұлттық бұйымдарды насихаттаған. Ата-баба мұраларын түгендеп, дамытып, сақтау ұлтжанды азаматтың ғана қолынан келеді. Дәркембай Шоқпарұлының тағы бір үлкен еңбегі – Қазақ Мемлекеттік қыздар педагогика институтының 60 жылдық мерейтойына құрылған «Ақтұмар» мұражайы ашуға қосқан үлесі. Осы мұражайда Дәркембай Шоқпарұлының қолынан шыққан дүниелер бар. Қыз баланының жас мөлшерінен бастап, бойжеткен, қалыңдық, келін, әже образдарын бейнелейді. Мұражай құнды дүниелерге толы. Ерекше атап өтетін 5 бейне бар. Мұражай жетекшісі Сәуле Мерекеева бәрін мұқият түсіндірді. Мұражайда

қойылған әрбір заттың тарихы бар. Сондай-ақ, мұражайда «Әйел әлемі» атты этнографиялық композиция қойылған. Ол бес бөлімнен тұрады: 1. Кішкентай қыз бала. Көйлегі қызыл атлас, кестелі қамзолына тана, моншақ қапсырмалар тағылған. Көз тимеу мақсатында тақиясына үкі қадалған. Жанына ортеке, шіңкілдек, тұяқ тас, сақпан саз аспаптары қойылған. Мұражайдағы біраз дүниелерді зерттеп, тізбектелді. 1.Бойжеткен қыз. Бойжеткен қыз киімінің негізгі айғағы — оның қос етек бүрмелі көйлегі. Шашына кестелі шашқап кигізілген. Ал жасауы құрақ көрпе, шілтерлі, кестелі орамалдармен безендірілген. 2.Қалыңдық. Қалыңдық - киімінің негізгі айғағы — сәукелесі. Мұражайдағы сәукеле - құйма төбелі сәукеле. Тұтастай мельхиордан құйылып, асыл тастармен безендірілген. 3. Әже бейнесі. Киімнің салтанатты бөлігі — күндік пен зерлі кимешек. Әже қасында бесік қойылған. Әже бұйымдарынан саба, келі, күмістелген кепсер, ожау, астау қойылған.. Жауынгер қыз. Басында дулыға, тері сауыт, жеңсек пен тізелік киген жауынгер қыз садақ тартып, бес қаруын асынған. Осы "Әйел әлемі" деп аталатын этнографиялық коллекцияны жүзеге асырған 4. "Жауынгер қыз" бейнесі мыстан жасалынған. Қазіргі кезде Дәркембай Шоқпарұлы атындағы мұражай бар. Ол Ақши ауылында. Негізінен бұл мұражай орнының ғимараты 1962 жылы салынған екен. Жалпы көлемі 365 шаршы метрді құрайды. Қазіргі күні бұл мұражайда 2400 экспонат бар. Мекемеде бес адамнан құралған шығармашылық топ жұмыс жасайды. Олар жасалу материалдарына қарай, атқарар қызметі мен орындалуына байланысты топтарға жіктелген. Мұражайдың экспозициялық зал көлемі - 210 шаршы метр. Ол Дәркембай Шоқпарұлының шығармашылық өмірі мен қызметі. "Жігітке жетпіс өнер де аз", "Үй ханаздары мен ыдыс-аяқ", "Халық саз аспаптары және зергерлік бұйымдар", "Саятшылық, аңшылық", "Ер-тұрман, қарау-жарақ, құрал-саймандар", "Дәркембай Шоқпарұлының үй жиһаздары" деген алты көрме залдарынан тұрады.

Салт-дәстүр ғасырдан-ғасырға, атадан балаға жететін құндылыққа толы дүние. Салт-дәстүрімізді біріміз білсек, бірімізге мүлдем ұмыт болған жәйттер де бар. «Ел боламын десең, бесігінді түзе» - дейді Мұхтар Әуезов атамыз. Ата-бабадан қалған мүлік тозады, өнер озады. Демек, қазақ қолөнерінің түрін түгендеп, тамырынан бастап зерттеген Дәркембай Шоқпарұлы

ұлттық өнеріміздің отын сөндірмеген екен. Осының құпиясы Дәркембай ұстаның еңбекқорлығы және шыдамдылығы еді. Дәркембай зергердің өнерге деген алғашқы қадамы ұсталықтан басталады. Қайрат күшін қара темірге жұмсап, қарапайым қара темірді қамырша илеп одан ауыздық, таға, балға, шот сияқты бұйымдар жасауды меңгерді. Үйренсең білесің, білсең жеңесің демеңші қолөнерін үйретудің әліппесін ұсталықтан бастауы өнер иесін ұстамдылыққа, шыдамдылыққа тәрбиеледі. Шыдамдылықтың шыңына жеткен адам ғана шеберлікті дұрыс меңгереді. Дәркембай Шоқпарұлы «Шебердің қолы ортақ» атты телебағдарламасында домбыра жасаудың технологиясын, домбыраны құрап жасау, ашамай, торсық, дауылпаз, ер-тұрман, құранды ер жасау, қыл қобыз, зергерлік бұйымдарды жасау т.б үйретеді. Бұл бағдарлама республикаға танылған. Хабарды қарап отырып, көпшіліктің танымын ашып, салт-дәстүрімізді дәріптеп, зердені ашады. Дәркембай Шоқпаров режиссер Ә.Әшімовтің «Қозы Көрпеш – Баян Сұлу» көркем фильмінде Қарабай уәзір бейнесін шебер сомдады. Сонымен қатар режиссер Бақытжан Қайырбековтың «Шебердің оралуы», режиссер Нұрлан Ахтановтың «Зергерлер» және басқа да деректі фильмдерге кеңесші ретінде өз үлесін қосып, қолтаңбасын қалдырды. Қазақта "Әке көрген оқ жонар, Шеше көрген тон пішер" - дейтін мақал бар. Дәркембай Шоқпаровтың артынан қалған мұрагері, баласы - Дәулет Шоқпаров. Әкесінің ізін жалғастырушы, ізбасары, қолөнер шебері. Ол кісінің бойында тынымсыз еңбек бар. Жарқын жүзінен жанының жайсаңдығын аңғаруға болады. Кейінгі жылдары баспасөз бетіне этнографияға қатысты сан алуан мақалар жазып жүр. Аудан, облыс, қалалық, республикалық тіпті шет елдерге шығып көрме қояды. Дәркембай Шоқпарұлының ұсталық, зергелік өнерін жалғастыратын ұрпағы бар. Қай заманда да, қоғамда да да «ұлыдан ұрпақ, текіден тұяқ қалады» деген ұғым бар. «Тектінің ұрпағы тек кетпес» әке аманатына абыроймен қарап келе жатқан Дәулет Шоқпаров біраз дүниелер жасап жүр. Осы кезде - қазақтың ұлы ақыны Абай Құнанбаевтың: "Өлді деуге сыя ма, ойлаңдаршы, Өлмейтұғын артына сөз қалдырған" - деген «Өлсе өлер табиғат, адам өлмес» деген өлеңінің үзіндісі түседі. Дара тұлға - Дәркембай Шоқпарұлының соңынан мәңгілік өлмейтұғын із қалды. Ине мен құдық қазғандай тірнектеп жинаған жәдігерлері,

өзінің қолмен өріп соққан бұйымдары бүгінде еліміздің алтыннан қымбат тарихи қазынасы мұражайда көрініс тауып отыр.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Дәркембай Шоқпарұлы «Қазақтың қолөнері» «Өнер», Алматы: 2005. -176 б –қазақ тілінде.
2. Дәркембай Шоқпарұлы, Дәулет Дәркембайұлы«Қазақтың қолданбалы өнері»,«Алматыкітап», 2007, қазақ тілінде.
3. «Дәркембай мектебі» журналист Сұлтан Қалиұлы«Ұлан» газетінің 28.07.1998, 3-қазақ тілінде.
4. Дәркембай Шоқпарұлының жеке мұрағатынан.

© Ахманова Р.О., Данысбекова Х.Б., 2017

УДК 81

Р.Ф. Брылева (канд. филол. наук, ст. преп. каф. иностр. языков гуманитар. ф-тов БашГУ, г. Уфа, Россия)

ЗАПАХ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена лингвистическим исследованиям ольфакторной лексики языка с точки зрения особенностей её функционирования и национально-культурной специфики. В последнее время растет количество научных работ, посвященных исследованиям обонятельного (ольфакторного) восприятия, что объясняется повышением интереса к феномену обоняния в обществе. По мнению многих отечественных и зарубежных лингвистов, словарь для передачи обонятельных ощущений относительно беден. Подобная скудность словаря объясняется исключительно чувственной природой запаха, не позволяющая передавать его с помощью языковых средств.

Ключевые слова: запах, обоняние, ольфакторная лексика, восприятие.

Запах, как объект ольфакторного восприятия, играет важную роль в жизнедеятельности человека. Обонятельные ощущения

воздействуют на нас на физическом, психологическом и социальном уровнях. В ходе ольфакторного восприятия человек получает информацию об окружающем мире, при этом запах способен воздействовать на эмоции, на самочувствие и способность к концентрации. «Словно "серый кардинал" запах руководит нашим чувством и поведением» [2, 88]. Восприятие запаха состоит не только из непосредственно обонятельных ощущений, но и из воспоминаний и эмоций, связанных с этим запахом [14, xii].

В последнее время растет количество научных работ, посвященных исследованиям обонятельного (ольфакторного) восприятия, что объясняется повышением интереса к феномену обоняния в обществе (Л.М. Васильев, Т.И. Бельская, Е.В. Гейко, О.Н. Григорьева, А.А. Колупаева, Л.В. Лаенко, Н.А. Николина, Н.С. Павлова, И.Г. Рузин, Сунь Хуэйцзе, S. David, D. Dubois, C. Rouby, V. Schaal и др.). Исследование ольфакторной лексики языка с точки зрения особенностей её функционирования и национально-культурной специфики позволяет познать фрагмент чувственной картины мира человека, связанный со знаниями об ольфакторно воспринимаемых свойствах предметов и явлений, отраженных в языке.

Для обозначения лексических единиц, а также понятий, относящихся к области обоняния, исследователи употребляют различные термины: *запаховые прилагательные* [Шрамм, 1979]; *запаховые атрибуты* [Рузин, 1996]; *одоративы* [Васильев, 2000]; *одоративная лексика* [Сидельников, 1983; Николина, 1998]; *ольфакторная лексика* [Шаал, 2003; Котенева, 2005, 2006; Павлова, 2006]; *ольфакторные знания, ольфакторный процесс, ольфакторная сцена* [Тарасюк, 2003; Котенева, 2005]; *ольфакторный образ* [Павлова, 2006]; *одорическая лексика* [Житков, 1999; Лаенко, 2005]; *одорический признак* [Лаенко, 2005] и др.

По мнению многих отечественных и зарубежных лингвистов, словарь для передачи обонятельных ощущений относительно беден (О.А. Михайлова, Н.А.Николина, Н.С. Павлова, Ханс Д. Риндисбахер, C. Classen, S. David, D. Dubois, C. Rouby, D. Sperber и др.). По мнению ученых, подобная скудность словаря объясняется исключительно чувственной природой запаха, которая практически не позволяет передавать его с помощью языковых средств.

Так, например, в исследуемых языках существуют определенные способы выражения запаха, которые позволяют компенсировать относительную скудность ольфакторной лексики:

1) заимствования из других языков: араб. *anbar* > рус. *амбре*, фр. *bouquet* > рус. *букет*, рус. *аромат* > башк. *аромат*, *ароматлы* и т.д.

2) аффиксальные словообразования из разных частей речи: рус. *вонь* – *вонница* – *вонючка* – *вонючий* – *зловоние* и т.д.; фр. *l'odeur* – *odorant* – *odoriférant* – *inodorant* – *inodore* и т.д.; башк. *еҫле* – *еҫһез* – *еҫсән* и т.д.;

3) семантические сдвиги значений (метафорические и метонимические переносы).

Как уже было отмечено ранее, в результате восприятия окружающего мира органами чувств, в сознании человека формируются концепты. Одним из перцептивных концептов является концепт «запах», «связанный с обонятельными ощущениями и хранящий в сознании человека знания об обонятельном признаке объектов, в его языковом выражении» [3, 3]. А.А. Колупаева характеризует базовый компонент концепта «запах» как «свойство предметов и явлений, воздействующих на обоняние человека и животных» [3, 11]. По мнению М.В. Никитина, специфика анализируемого концепта состоит в том, что он представляет собой разновидность концептов-признаков, которые «вторичны в силу того, что сами признаки представляются обыденному сознанию не существующими самостоятельно вне вещей-тел, а только в мысленном отвлечении от последних» [6, 60]. Являясь невидимыми признаками некоторых материальных объектов реального мира, запахи не полностью абстрагировались в человеческом сознании от своих источников, и поэтому их концептуальная система неразрывно связана с концептами определенных пахучих объектов.

Концепт «запах» относится к числу обобщающих концептов в концептосфере. Чтобы получить через анализ языка более или менее полное представление о признаках концепта, входящего в концептосферу конкретного народа, желателен привлеч к исследованию не только лексикографическое, но и его психолингвистическое наполнение, включая его оценочное, эмоциональное, энциклопедическое содержание [7, 300-301].

В своей работе А.А. Колупаева определяет перцептивный концепт «запах» в современной русской языковой картине мира как многогранную сущность, имеющую множество языковых репрезентаций. Концепт «запах» обладает сложной структурой и включает в себя понятийную и лингвокультурную составляющие. *Понятийная составляющая* передает его рациональную часть и основывается на понятии «запах». Она включает *объем*, т.е. все «виды» запахов от ароматов до смрада, и *содержание* концепта, сформированное общими содержательными признаками. В *лингвокультурной составляющей* выделяются *этимологический, образный, ассоциативный и оценочный* слои. Все репрезентанты концепта объединены в одну языковую категорию, строящуюся по принципу центр-периферия. Таким образом, триада *мир* → *человек* → *язык* предстает как онтологическая категория *запах* → *концепт запах* → *языковая категория запах* [3, 11-13].

При изучении языковых средств репрезентации запаха во французском языке И.В. Тарасюк предлагает использовать такую концептуальную структуру как *ольфакторная* (или *ольфактивная*) *сцена* посредством описания состава именных, глагольных и адъективных лексико-семантических единиц по данным французских толковых словарей. Базисный уровень подобной ольфакторной сцены образуется основными участниками ситуации восприятия запахов: источник запаха → запах → субъект восприятия запаха. В данной ольфакторной сцене выделяются и другие составляющие процесса восприятия запахов: «среда распространения запахов», «траектории движения запахов», «физические действия субъекта, относительно запахов», «идентификация запахов», «квалификация запахов» и т.п. [9, 3].

Как полагает И.А. Котенева, «определение смысловых моделей ситуации восприятия запаха, осуществляемое в виде описания соответствующих сцен, дает возможность изучить отношения между элементами ситуации, которые реализуются в значениях номинативных единиц» [4, 5].

Интересным представляется исследование французского лингвиста Клода Буассона, в котором автор рассматривает национальную специфику восприятия запахов на материале 60 языков [13, 29]. Особенностью исследования является привлечение лексиче-

ского материала редких языков, например, догонских языков, гавайского, окситанского языков и др.

Проблема ольфакторной лексики в тюркских языках практически не изучена. Так, например, известна научная статья А.Г. Садыковой, посвященная сопоставительному исследованию подполя «Восприятие запаха» ЛСП «запах» в английском и татарском языках. В данном исследовании автором представлены результаты анализа лексического состава английского и татарского языков, отражающего проявление ольфакторных свойств предметов и обонятельное восприятие человека [8, 210].

По нашим наблюдениям, все лексические средства выражения, принадлежащие ЛСП «*zanax*» / «*odeur*» / «*eç*» в русском, французском и башкирском языках, расположены преимущественно в трех типах семантических отношений: синонимических, антонимических, родовидовых. Ядерными или родовыми понятиями в трех языках являются лексические единицы «*odeur*», «*zanax*» и «*eç*». Они указывают на обонятельное ощущение, не выражая при этом ни характера данного ощущения, ни интенсивности запаха, ни его источника, ни отношения говорящего к запаху. Остальные единицы поля находятся в синонимических или антонимических отношениях и противопоставлены друг другу по следующим параметрам: слова синонимического ряда с доминантами *parfum* / *аромат* / *хуш eç* – интенсивность, устойчивость, источник запаха, наличие связи с другими видами перцепции; с доминантами *puanteur* / *вонь* / *һаҫыҡ eç* — по аналогичным параметрам соответственно.

Как считает Л.В. Лаенко, основу лексики чувственного восприятия составляют признаковые слова, поскольку категория признака – одна из основополагающих в процессах восприятия и осмысления мира человеком. *Имена прилагательные* выражают статические, неотделимые от объекта признаки (в ситуации обонятельного восприятия они, как правило, описывают свойства запаха) [5].

Отличительной чертой прилагательных является «непомерно широкий смысловой объем... и едва заметные границы лексико-семантического варьирования» [10, 197]. Прилагательные обладают информативностью и способны проникать во все сферы организации текста, выражая при этом различные признаки: качества,

действия, временные и другие, а также оценку [1]. Благодаря подобной широте семантики, данная часть речи и отличается своей мобильностью: одно и то же прилагательное может быть использовано для характеристики различных денотатов, что позволяет перцептивным прилагательным служить способом формирования недостающих значений и способствовать развитию лексической системы языка [1].

Как подчеркивает З.А. Харитончик, адъективы плохо «поддаются» компонентному анализу, который полностью определяется типом сочетаемостного субстантива [11]. Зависимость адъектива от субстантива обусловлена прежде всего референтной несамостоятельностью адъектива, в результате которой значение адъектива проявляется контекстуально. Семантическую диффузность можно объяснить с когнитивной точки зрения, выявив концептуальное основание семантики адъективов.

Л.В. Лаенко, исследуя обонятельные прилагательные в английском и русском языках, разграничивает их по компоненту оценки «приятный — неприятный» [5]. В своей работе автор проводит анализ лексической сочетаемости оценочных обонятельных прилагательных с наименованиями различных объектов и предпринимает попытку представить для выявленных атрибутов список объектов, запах которых они чаще всего описывают. По мнению автора, одним атрибутам характерны широта сочетаемости и использование для характеристики разных объектов, другим прилагательным, как правило, характерно описание определенного круга объектов [5].

С. Хуэйцзе предложил свою классификацию русских прилагательных-определителей к слову *запах*. Он разделяет все атрибуты на две группы по двум параметрам: тематическим и номинативным. Среди тематической группы автор выделяет следующие подгруппы:

- 1) особенность психологического восприятия (*волнующий, знакомый, милый, радостный* и др.);
- 2) положительная оценка (*приятный, милый, чудесный* и др.);
- 3) отрицательная оценка (*неприятный, липкий, тлетворный, тяжёлый* и др.);
- 4) сила запаха (*густой, крепкий, едкий, сильный, тонкий* и др.);

5) привычность или непривычность (*искусственный, странный, неопределенный, особенный* и др.);

6) отдаленность источника запаха (*далекий*);

7) источник запаха (*аммиачный, бензиновый, жилой, старушечий* и др.);

8) время (*древний, осенний* и др.).

В номинативную группу входят образные эпитеты (метонимические и метафорические) [12, 82-83]. Таким образом, имена прилагательные являются одним из самых распространенных способов описания запаха.

Итак, исследуя языковые средства и способы репрезентации этой чувственной сенсibiliи (термин Б. Рассела) в языке, можно констатировать, что «запах» выступает специфическим концептом, отличающимся большей долей субъективности. В языке запахи репрезентируются лексическими единицами, в значениях которых лексикализуются их ольфакторные признаки, а также различные виды психических, физических и эмоциональных реакций человека на них.

Литература

1. Бардовская А.И. Средства номинации синестетических ощущений: На материале английских и русских художественных текстов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2005. – 178 с.
2. Волков А. Чем пахнут кварки? // Знание – Сила. – М., 2004. №12. С. 86-88.
3. Колупаева А.А. Концепт *запах* и способы его репрезентации в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2009.
4. Котенева И.А. Номинации запаха во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – Воронеж, 2006. – 181 с.
5. Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19. – Воронеж, 2005. – 465 с.
6. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. №1. С. 53-64.

7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314, [6] с.– (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
8. Садыкова А.Г. Сопоставительное исследование подполя "Восприятие запаха" ЛСП "Запах" в английском и татарском языках // Казанская Наука. Казань: Казанский издател.дом, 2013. – С. 210-213.
9. Тарасюк И.В. Особливості номінації запахів у сучасній французькій мові: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.05. – Київ, 2003. – 21 с.
10. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
11. Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. – Мн.: Выш. школа, 1986. – 96 с.
12. Хуэйцзе С. Семантическое поле «Запах»: аспекты анализа (на материале русского и китайского языков) // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Воронежский гос. ун-т; под ред. И.А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С. 322-327.
13. Boisson C. La dénomination des odeurs : variations et régularités linguistiques, dans Olfaction : du linguistique au neurone, Intellectica 24(1), 1997. PP. 29–50.
14. Engen T. Odor sensation and memory, New York : Praeger, 1991.

© Брылева Р.Ф., 2017

УДК 81

Р.Ф. Брылева (канд. филол. наук, ст. преп. каф. иностр. языков гуманитар. ф-тов БашГУ, г. Уфа, Россия)

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ И ОБОНЯНИЕ

Данная статья посвящена изучению понятия эмоции как объект междисциплинарных исследований, в том числе лингвистики. Исследуется связь эмоций с языком и речью, а также связь с обонянием, которая базируется на физиологической основе. Обоняние играет важную роль в организации человеческой жизни и дея-

тельности. Однако почти все функции запахов связаны с эмоциональной сферой.

Ключевые слова: эмоция, эмоциональность, эмотивность, запах, обоняние.

Эмоции представляют собой «важнейшую сферу жизнедеятельности человека, поскольку выступают одной из ведущих форм отражения и познания действительности. Обеспечивая адекватную адаптацию человека к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды, эмоциональные явления тем самым мотивируют, организуют и направляют все виды его деятельности, в том числе и языковую (речевую)» [5, 3]. Целый ряд естественных и гуманитарных наук, объектом исследования которых является человек, – психология, социология, философия, этика, медицина, физиология и т.д. – занимается изучением эмоций. В их число входит и лингвистика, поскольку, являясь одним из адаптивных механизмов индивида к окружающей его действительности, эмоции опосредуют различные сферы человеческой деятельности.

Необходимо отметить, что лингвистика эмоций сформировалась на стыке психологии и традиционного языкознания. На сегодняшний день она является областью научных исследований лингвистов, которые в рамках системно-структурного языкознания сумели определить приоритетное направление в развитии антропоцентрической науки второй половины XX века.

В психологии термин «эмоция» (от лат. *emovere* – волновать, возбуждать) трактуется как «особый класс психических процессов и состояний (человека и животных), связанных с инстинктами, потребностями, мотивами и отражающих в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т.д.) значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [8, 760]. Как пишет Е.С. Кубрякова, «психологи предлагают нам считать, что в принципе мы обозначаем не вещь, не отдельный объект, а совокупность ощущений и впечатлений от этого объекта» [7, 16].

Слово «эмоция» появилось в русском языке в конце XIX века как заимствование из французского языка. В «Толковом словаре русского языка» эмоция имеет дефиницию «чувство, переживание человека» [11, 760]. Чувство же определяется как «способность

ощущать, воспринимать явления объективной действительности» [11, 689]. Слово обладает эмоциональным компонентом значения, если выражает какую-либо эмоцию или чувство. Эмоция, по мнению И.В. Арнольда, – относительно кратковременное переживание: радость, огорчение, удовольствие, удивление, тревога, гнев. Чувство – более устойчивое отношение: уважение, любовь, ненависть. Эмоциональный компонент, который может быть узуальным или окказиональным, возникает на основе предметно-логического значения, но характеризуется тенденцией вытеснять или значительно модифицировать его. Однако до сих пор не построена целостная, многоуровневая психологическая теория эмоций, что вызывает определенные трудности для лингвистов, исследующих языковое выражение эмоций [1, 106].

Главное различие между чувствами и эмоциями состоит в том, что в отличие от чувств, которые локализуются в душе и тем самым относятся к области «высокого», эмоции – это нечто бездуховное, почти физиологическое, телесное, то есть «низкое». Для эмоций возможна лишь гедонистическая оценка, что же касается чувств, то они также могут оцениваться гедонистически. Однако в отличие от эмоций чувства бывают также хорошие и дурные, а это уже оценка этическая. Таким образом, пара чувства – эмоции входит в круг парных концептов, формируемый бинарными противопоставлениями «высокое – низкое» и «душа – тело» [3, 297].

К высшим формам эмоций, свойственным только для человека, принято относить, как полагает психолог К. Изард, чувственные отношения одобрения, сочувствия, симпатии, эмпатии (переживания и сопереживания), превосходства, высокомерия, презрения, раздражения, негодования и т.д. [4, 264].

Существуют серьезные теоретические разногласия между исследователями эмоций касательно природы и функций самих эмоций (например, является ли данная эмоция чисто биологической или культурно и социально обусловленной). Выделяют самые различные функции эмоций: физиологическая (учащенное сердцебиение, потение и т.д.), когнитивная (восприятие и интерпретация эмоционально окрашенных ситуаций), экспрессивная («игра лицом»), регулятивная, адаптивная, функция отражения, сигнальная и т.д. [6, 17]. Данные функции эмоций имеют фиксацию в языке и могут быть реализованы с его помощью.

Особенность связи эмоций с языком состоит в том, что эмоции могут быть выражены различными лингвистическими средствами: фонетическими, лексическими, грамматическими, синтаксическими. Как пишет В.И. Шаховский, эмоциональная ориентация языка объясняется тем, что «язык одинаков для всех и различен для каждого, прежде всего, в сфере его эмотивности, где диапазон варьирования и импровизации семантики языковых единиц в сфере их личностных эмотивных смыслов наиболее широк и многообразен» [13, 59].

Следует различать такие понятия, как «эмоциональность» и «эмотивность». Эмоциональность – инстинктивное, бессознательное, незапланированное проявление эмоций, являющееся психофизиологической потребностью человека. Эмотивность – сознательная, запланированная демонстрация эмоций, имеющая определенную коммуникативную установку. Эмоциональность сфокусирована в большей степени на субъекте (это эмоции для себя), в то время как эмотивность – на объекте (эмоции для других). Так, например, английская улыбка чаще является эмотивной, а русская – эмоциональной [15, 247]. Как полагает А.Р. Мухтаруллина, «появление в языке инноваций обусловлено эмоциями говорящих (психологический мотив), стремлением экспрессивно обозначить объекты отражения и отношения (прагматический мотив) и игрой с языком (стилистический мотив)» [9, 63].

Мыслительный процесс тесно связан с эмоциональным процессом, который постоянно сопровождает его и взаимодействует с ним. Эмоция – это внутренняя реакция организма на действия раздражителей, то есть на воспринимаемую органами чувств частицу бытия, с которой прямо или косвенно соприкасается индивид. Чем выше умственная организация индивида, тем более развит его интеллект, тем больше его поведение контролируется его сознанием – совокупными умственными процессами, происходящими в его мозгу. Сознание подлинно цивилизованного человека не оказывается во власти непосредственных эмоций [2, 47].

Эмоциональная система – одна из сложнейших систем человека, так как в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все основные системы человека: восприятие, физиологические реакции (ощущения), интеллект, физические системы (моторика, мимика) и даже речь. Самой «прими-

тивной» системой является восприятие, объединяющее человека со всей остальной живой природой, самая сложная система – речь, отличающая человека от всей остальной живой природы [16, 158].

В большинстве случаев возникновению эмоций предшествует восприятие или интеллектуальное созерцание какого-то положения вещей и его интеллектуальная оценка как плохого, хорошего, вероятного или маловероятного и т.п. для субъекта восприятия. Факкультативно в проявлениях эмоций могут участвовать физиологические реакции (*побагроветь от гнева/ярости*), физические действия (*прыгать от радости*), речь (*громко восторгаться*) и т.д. Что касается эмоции и речи, то они наиболее автономны, они в наибольшей степени взаимодействуют друг с другом [16, 101].

Считается, что запах вызывает эмоции на глубинном уровне, не всегда осознаваемом человеком [14]. Связь обоняния и эмоций базируется на физиологической основе. Обоняние играет важную роль в организации человеческой жизни и деятельности. Однако почти все функции запахов связаны с эмоциональной сферой. Столь сильная связь запахов с эмоциями обычно объясняется функциональной и морфологической связью обонятельного анализатора с лимбической системой, отвечающей за генерацию эмоций. Одним из следствий таковой связи считается эмоциональный компонент запахов: «Прямая связь с лимбической системой объясняет выраженный эмоциональный компонент обонятельных ощущений. Запахи могут вызывать удовольствие или отвращение (гедонистические компоненты), влияя соответствующим образом на аффективное состояние организма» [12, 311]. Так, например, запах розы улучшает настроение человека, запах тухлых яиц (гнилостный) способствует появлению отрицательных эмоций и неприятных переживаний.

Значимость эмоциональной стороны человеческой личности обуславливает существование широкой группы эмоциональной лексики, которая служит для выражения эмоций и эмоциональной оценки объекта речи, а также для отражения внутреннего мира человека в любой языковой культуре. Эмоциональная картина мира включает эмоционально маркированные перцептивные образы и представления, отраженные внутренним миром человека, и выражается специфически в языковом отношении [10]. В языке запахи представлены лексическими единицами, в значениях которых лек-

сикализуются их ольфакторные признаки, а также различные виды психических, физических и эмоциональных реакций индивидов на них.

Литература

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М.: Изд. МГУ, 1973.
2. Вилюнас В. Психология эмоций. – СПб.: «Питер», 2008. – 496с.
3. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с. – (Studia philologica).
4. Изард К. Психология эмоций. – СПб.: Изд. «Питер», 2003. – 210 с. – (Серия «Мастера психологии»)
5. Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков): Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 343 с.
6. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224с.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знания о языке: Части речи когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН. Институт языкознания.– М.: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
8. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – 4-е изд., расширенное. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – 811, [5] с.
9. Мухтаруллина А.Р. Эмотивно-оценочный параметр языковой личности в англоязычных паремиях: Наука и образование в современном обществе: вектор развития // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 7 частях. – М.: ООО "Ар-Консалт". 2014. – 63-64 с.
10. Синельникова И.И. Репрезентация элементов концепта «эмоция» во французском языке. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2006. – С. 125-130.
11. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Русские словари, 1994.

12. Физиология человека. В 3-х томах. Т. Пер с англ./ под ред. Р. Шмидта и Г. Тевса. М.: Мир, 1996. – 198 с.
13. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416с.
14. Шиффман Х. Ощущение и восприятие. – СПб., 2003. – С. 732–771.
15. Эмоции в языке и речи: сборник научных статей / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. – М.: Изд. РГГУ, 2005. – 342 с.
16. Apresyan V. Linguistic conceptualization of emotions. Ph. D. dissertation, University of S. California, 1996. – P. 179.

© Брылева Р.Ф., 2017

УДК 81'44

Ван Хайтао (*ст. преп. Муданьцзянского педагогического университета, г. Муданьцзян, Китай; асп. филол. ф-та БашГУ, г. Уфа, Россия*)

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ВОЙСКО» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Издано в рамках программы «Языковая личность в русских повестях о войне» (№ QN201609) Муданьцзянского педагогического университета (Китай) и диссертации «Образ ВОЙНА в русской и китайской лингвокультурах».

В данной статье рассматриваются наименования войсковых единиц в лексико-семантических группах с общим значением «войско» в русском и китайском языках. Делается попытка выявления особенностей содержания и структуры этих групп.

Ключевые слова: *армия, войско, группа, дифференциальный, интегральный, периферия, сема, семантика, сочетание, ядро.*

Лексико-семантическая группа представляет собой совокупность двух, нескольких или многих слов одной части речи, объе-

динённых одним общим интегральным значением. Все единицы этой группы содержат данное интегральное значение в ядре своего значения, периферию семантики этих единиц представляют дифференциальные компоненты значения. Все эти слова объединяются и дифференцируются внутригрупповыми системными отношениями, которые образуют некую структуру на основе взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов значения. Лексический состав групп уникален для каждого языка, несмотря на то, что эти группы соотносительны и отражают одни и те же явления внеязыкового мира действительности. Особенно это относится к словам субстантивной семантики. Таким образом, соотносительные лексико-семантические группы различаются своеобразием лексического состава в соответствии с языком, культурой, обычаями того или иного народа. Слова, относящиеся к одной и той же лексико-семантической группе, обладают рядом общих парадигматических и синтагматических характеристик. Парадигматичность слов одной лексико-семантической группы базируется на интегральном семантическом признаке, т.е. на общности категориально-лексической семы. Эта сема составляет семантическую основу группы и в семантике каждого отдельного слова дополняется с помощью дифференциальных сем. В данной статье рассматриваются некоторые особенности лексико-семантических групп с общим значением «войско» в русском и китайском языках.

В русском языке слово *войско* образовалось от корня общеславянского слова *война* **voi-*. Оно обозначает совокупность людей, профессионально занимающихся военным делом. Близкое к этому слову значение имеет устаревшее слово *воинство*. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово *войско* определяется следующим образом: «1. Вооружённые силы государства или часть их. 2. Часть, подразделение армии (обычно воюющей)» [3, 88]. В составе этой лексико-семантической группы имеется и слово *армия*, заимствованное непосредственно из французского языка или через немецкий *die Armee*. При этом окончание *-ия* может быть ошибочной регуляризацией вместо старого *-ея*, которое воспринимается как вульгарное [4, 52]. Это слово семантически близко слову *войско*. Оно имеет три основных значения: «1. Вооружённые силы государства. 2. Сухопутные вооружённые силы в отличие от морских и воздушных сил. 3. Оператив-

ное войсковое объединение из нескольких корпусов, дивизий» [3, 28]. Третье значение слова *армия* в русском языке является более современным. Первые значения слов *армия* и *войско* практически совпадают, однако в словаре указывается, что *войско* может обозначать и часть армии. На то же указывает и второе значение слова *войско*. Таким образом, слово *армия* в русском языке имеет более широкое значение, чем слово *войско*. Использованное в формулировке первого значения слово *силы* говорит о том, что это выражение синонимично словам *войско* и *армия*. Это слово происходит от праславянского *sila и в военной сфере обозначает вооружённые силы, а также различные их виды, употребляется в форме множественного числа [3, 664]. Заслуживает внимания использованное в формулировке значения слово *часть*. Как указывается в этимологическом словаре [5], это слово родственно слову *кусать* и восходит к праславянскому корню *kęstь, в котором звук *k* изменился в *č* по закону первой палатализации. Это слово имеет значение «отделять», близко к современному значению слова *часть*, что и объясняет соотношение значений слов *армия* и *войско*. Однако в языковой картине мира русскоязычного человека эти слова воспринимаются как синонимы, и можно полагать, что оба они занимают в лексико-семантической группе ядерное место.

В китайском языке войска, армия и силы, как вооружённые силы государства, обозначены сочетанием иероглифов *军队*[jundui], в составе которых иероглифом *军*[jun] обозначена верховная войсковая единица в древнем Китае, а корневое слово *队*[dui] имеет значение «организованный коллектив». Это обозначение официального вооружённого формирования государства или политического объединения с целью подготовки и ведения войны [6, 74]. При описании вида вооружённых сил или оперативного объединения двусложное слово *军队*[jundui], как правило, заменяется сокращением *军*[jun]. Род войск как составная часть вида вооружённых сил обозначается односложным словом *兵*[bing], которое в китайском языке указывает на оружие (первоначальное значение), а также имеет значение «военный». Воинскую часть, войска и военные силы как подразделения армии обозначают китайские иероглифы *部队*[budui]. В составе этого знака компонент *部*[bu] является обозначением одной из древнекитайских войско-

вых единиц, по-видимому, оно входит в состав 军队[jundui] ‘войска или армия’. Это общее название войсковой единицы полка и выше в Народно-освободительной Армии Китая (НОАК) [6, 75].

В разных войсках имеются воинские подразделения, которые в русском и китайском языках обозначаются через сходные или тождественные номинации. Приведём примеры названий воинских подразделений в сухопутных войсках: *фронт* 方面军[fangmianjun], *корпус* 军[jun], *дивизия* 师[shi], *бригада* 旅[lv], *полк* 团[tuan], *батальон* 营[ying], *рота* 连[lian], *взвод* 排[pai], *отряд* 队[dui], *подразделение* 分队[fendui], *расчёт* 组[zu], *отделение* 班[ban] и т.п. Как можно видеть, содержание соотносительных частей лексико-семантических групп русского и китайского языков структурно одинаково. Однако состав этих подгрупп в русском языке богаче и подробнее, чем в китайском. С другой стороны, одни и те же слова в русском языке иногда обозначают воинские подразделения разных родов войск. Так, *дивизия*, *бригада* — это подразделения сухопутных и военно-морских сил, *дивизион* — в артиллерии или на флоте, *батарея* — в артиллерии, как в сухопутных, так и в военно-морских силах, *экипаж* — в сухопутных, в военно-воздушных и военно-морских силах и т.д. Есть подразделения, которые существуют только в одном каком-либо роде войск. Например: *эскадрон* — в кавалерии, *эскадрилья*, *звено* — в военно-воздушных силах, *флот*, *флотилия*, *эскадра* — в военно-морском флоте. Безусловно, эти лингвокультурные явления возникли не случайно. Они развивались вместе с развитием самой соответствующей области действительности, которая могла в деталях различаться в разных этнических лингвокультурах. Интересно, что большинство вышеперечисленных номинаций воинских единиц в русском языке заимствовано из разных европейских языков — французского, немецкого, латинского. Они попали в русский язык в XVIII веке. Это связано с именем русского царя Петра I, который сделал много для создания в России сильной армии и флота, которые могли бы победоносно противостоять европейским армиям. Он призвал на службу в русской армии многих иностранных военачальников, которые выдвинули не только новые принципы создания войск и ведения военных действий, но и ввели в русский язык соответствующие военные термины. Таким образом, эти благоприятные условия, образо-

вавшиеся в национальной истории, способствовали развитию русской военной лексики.

В китайской армии существуют такие воинские подразделения, как корпус, дивизия, бригада, полк, батальон. В древнем Китае бригада появилась как древнейшая войсковая единица, дивизия образовалась как первая крупномасштабная единица, корпус — как верховная единица, а потом были созданы батальон и полк. Все эти древнекитайские войсковые единицы отличаются от современных масштабом, иерархией, численностью военных. С начала XX века с использованием опыта структуры иностранных армий постепенно возникли такие подразделения, как рота, взвод, отделение и др. В разных китайских войсках названия одного и того же разряда воинских подразделений различаются тем, что перед универсальными номинациями добавляются разные определения. Приведём китайские соответствия некоторых русских названий этих подразделений. Общая часть таких наименований обозначается иероглифом 连 [lian] ‘рота’, который присутствует в сочетаниях 步兵连 ‘пехотная рота’, 炮兵连 ‘букв. артиллерийская рота, т.е. батарея’, 骑兵连 ‘букв. кавалерийская рота, т.е. эскадрон’ и т.д. Такой принцип именования выделяет из типологической природы китайского языка, который характеризуется как корне-изолирующий, в отличие от русского — морфологического.

Итак, как можно видеть, содержание и структура рассматриваемых нами соотносительных лексико-семантических групп русского и китайского языков диктуются самой обозначаемой внеязыковой действительностью, этническими историко-культурными особенностями русской и китайской действительности, а также типологическими различиями этих языков.

Литература

1. Босова Л.М. Проблема соотношения семантических и смысловых полей качественных прилагательных. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – 184с.
2. Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. – Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1998.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «А ТЕМП», 2013. – 873с.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1994. Ч. 1-2.
5. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971.
6. 大辞海 (军事卷). 大辞海编辑委员会.
上海辞书出版社, 2015. – 706с./ Большой энциклопедический словарь «Цыхай» на китайском языке (версия Военного дела). Редколлегия «Цыхай». Шанхай: Из-во для словарей, 2015. – 706с.

© Ван Хайтао, 2017

УДК 81.23

Ван Чуньму (*асп. филол. ф-та БашГУ, г. Уфа, Россия*),
Науч. рук.: **В.Л. Ибрагимова** (*докт. филол. наук,
проф. каф. рус. яз. и методики его преподав.
БашГУ, г. Уфа, Россия*),

СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ВОДА // 水 SHUI В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена структуре лексико-семантического поля ВОДА / 水 SHUI в русском и китайском языках. Вода участвует во всех процессах жизнедеятельности. Образы, связанные с водой, с развитием социального и коммуникативного опыта человека уже в глубокой древности начали "сгущаться" в понятия, которые затем под давлением необходимости общения стали трансформироваться в языковые знаки.

Ключевые слова: языковые знаки, структура, вода, лексико-семантические группы.

Вода относится к явлениям самого ближнего мира человека. Она участвует во всех процессах жизнедеятельности – как биологической, так и социальной. Этот природный феномен нашёл отражение в универсальном предметном коде, о котором писал известный российский психолог Н.И. Жинкин [1]), и в соответст-

вующей образной картине мира. Образы, связанные с водой, с развитием социального и коммуникативного опыта человека уже в глубокой древности начали "сгущаться" в понятия, которые затем под давлением необходимости общения стали трансформироваться в языковые знаки. О том, как конкретный образ превращается в понятие, составляющее ядро значения слова, пишет например А.П. Журавлёв [2, с. 22]. Он пишет, что многократные " типовые " реализации содержательности звучаний приводят к конвенциональности, и тогда "звук становится знаком" [2, с. 22]. Эти знаки, формирующиеся путём мыслительных операций в сознании людей, соответствующие образы и понятия образуют концептосферы, ядром которых являются лексико-семантические группы слов (в случае многозначности это не слова, а их лексико-семантические варианты, то есть слова в конкретных значениях), и фразеологизмов. Такие группы независимо от их объёма и содержания представляют собой образования полевой природы, все единицы которых связаны различными семантическими отношениями: родо-видовыми, синонимическими, антонимическими, а также отношениями полисемии (внутрисловная деривация), словообразовательными (лексико-семантическая деривация) и т.д. Каждая единица лексико-семантического поля в зависимости от конкретных связей с другими единицами поля имеет в его структуре своё собственное место, предопределённое для него самой системой внутривербальных отношений. Разные значения полисемантического слова имеют своё собственное, уникальное место в структуре поля или даже за его пределами. С дальнейшим развитием познания содержание и объём концептосфер и соответственно их вербального компонента - лексико-семантических групп изменяется. Состав и структура соотносительных лексико-семантических групп разных языков различны, и здесь не всегда имеет место одно-однозначное соответствие частей и единиц групп. Это связано с тем, что в соответствии с прагматическими, оценочными и другими установками люди акцентируют внимание на разных аспектах одного и того же явления предметного мира. Соответственно именно они в каждом конкретном случае мотивируют связь плана содержания и плана выражения формирующегося языкового знака. В одном и том же этносоциальном сообществе при достаточном развитии социальных и коммуникативно-языковых связей эти первоначала начинают обре-

тать конвенциональный всеобщий и обязательный для данного сообщества характер. Так в принципе формируются языковые системы. В других этносоциальных сообществах с их другим фонетическим, формально-морфологическим, семантическим ресурсом языковой портрет соотносительных лексико-семантических групп может значительно различаться. Что касается вербализации образа воды в русской и китайской лингвокультурах, то соответствующие лексико-семантические группы в них принципиально одинаковы, поскольку они имеют жёсткую природно-физическую мотивацию. В то же время в лексическом содержании этих групп, в принципах вербализации их составляющих находит отражение культурно-историческая обусловленность, а также типологические различия этих языков: морфологизированного русского и корнеизолирующего китайского.

Обобщённая структура лексико-семантического поля *ВОДА* / *水SHUI* в русском и китайском языках может выглядеть следующим образом (здесь мы приведём для иллюстрации несколько примеров из обоих языков).

I. Жидкое состояние воды

1.0.0. **Ядро группы:** *вода* – 水 [shuǐ]

2.0.0. **Слова с включённым компонентом ‘вода’:**

2.1.0. Водосодержащие субстанции:

2.1.1. Физические субстанции: 泥 [ní] – *путьна, грязь, сель.*

2.1.2. Физиологические субстанции: 血 [xuè] – *кровь*, 汗 [hàn] – *пот*, 尿 [niào] – *моча*.

2.1.3. Напиток:

В русском языке: *сок, лимонад, кофе, чай, молоко, кофе, како, морс, лимонад, компот, кисель сбитень, квас.*

В китайском языке: 茶 [chá] – *чай* (разнообразные виды чая), 酒 [jiǔ] – *алкогольный напиток* (общее название), 牛奶 [niú nǎi] – *молоко*, 豆浆 [dòu jiāng] – *соевое молоко*.

3.0.0. Водные объекты:

3.1.0. Поверхностные водные объекты:

3.1.1. Акватории и их части:

В русском языке: *озеро, море, океан, пруд, болото.*

В китайском языке: 湖[hú], 泊[bó], 潭[tán], 渊[yuān] – озеро, 海[hǎi] – море, 洋[yáng] – океан, 池[chí] – искусственный водоём, 塘[táng] – маленький водоём, 池塘[chí táng] – естественный или искусственный водоём (озерцо)

В русском языке: *затон* (о речном заливе), *заводь* (о небольшом заливе в озере или реке с замедленным течением), *бухта* (о небольшом глубоком заливе), *лиман* (о заливе, образованном морем в низовьях реки; это слово обозначает также солёное озеро вблизи моря, бывшее когда-то частью этого моря)

В китайском языке: 湾[wān] – залив, бухта, гавань.

3.1.2. Текучие воды (водоток):

В русском языке: *река*; *ручей*; *ключ*, *родник*, *источник*, *фонтан*, *гейзер*.

В китайском языке: 河[hé] – *река*, 江[jiāng]; 溪[xī] – *ручей*; 泉[quán] – *ключ*, *родник*, *источник*.

3.1.3. Движение воды, поток воды

В русском языке это глаголы *литься*, *течь*, *струиться*, *капать*, *волноваться*, *рябить*, *плескаться*, *журчать*, и соответствующие им отглагольные существительные: *прилив*, *отлив*, *течь*, *течение*, *поток*, *струя*, *капля*, *волна*, *рябь*, *плеск*, *пласкание*, *водоворот* (*нет глагола*).

В китайском языке: 潮[cháo] – *прилив*, 浪[làng] – *волна*, 波[bō] – *рябь*, 漩[xuán] – *водоворот*.

Семантика некоторых из этих слов синкретична: они одновременно являются и глаголами и существительными, в этом также сказывается корневая природа китайского языка.

3.2.0. Подземные водные объекты (почвенные, грунтовые; артезианские):

В русском языке: *колодец*, *скважина*, *студенец*, *кладезь*.

В китайском языке: 井[jǐng] – *колодец*.

4.0.0. Области суши, примыкающие к водным пространствам: *остров* – 岛[dǎo], *оазис* – 绿洲[lǜ zhōu].

5.0.0. Ёмкости: *аквариум*, *дельфинарий*, *сосуд* (*банка*, *стакан*, *бокал*, *кружка*, *ведро*, *рюмка*, *бочка*).

6.0.0. Метеорологические явления: *дождь* – 雨[yǔ], *морось* – 细雨[xì yǔ], *ливень* – 大雨[dà yǔ], *гроза* – 暴风雨[bào fēng yǔ].

7.0.0. Растительный мир: водоросль – 水草 [shuǐ cǎo], кувшинка – 莲 [lián], камыш – 芦苇 [lú wěi].

8.0.0. Животный мир: рыбы (например щука – 狗鱼 gǒuyú); водоплавающие птицы (например утка – 鸭 [yā]); млекопитающие (кит – 鲸 [jīng]); мифические существа: в русской культуре русалка, болотник, кикимора, бергини, водяной, хухлик; а в китайской культуре 龙 [lóng] – дракон).

9.0.0. Области деятельности, связанные с водой:

9.1.0. Лица, деятельность которых связана с водой: водник – 水工 [shuǐ gōng], водолаз – 潜水员 [qiánshuǐyuán].

9.2.0. Учреждения и сооружения, связанные с водой: гидроэлектростанция – 水电站 [shuǐ diàn zhàn], водокачка – 抽水站 [chōu shuǐ zhàn].

9.3.0. Орудия, инструменты и другие средства, связанные с водными занятиями: акваланг – 水中呼吸器 [shuǐ zhōng hū xī qì], батискаф – 潜水考察箱 [qián shuǐ kǎo chá xiāng] и др.

II. Твёрдое состояние воды

1.0.0. Лёд: лед – 冰 [bīng], ледышка – 冰块 [bīng kuài], снег – 雪 [xuě], ледник – 冰川 [bīng chuān], айсберг – 冰山 [bīng shān], ледоход – 流冰 [liúbīng], сосулька – 冰柱 [bīngzhù], изморозь – 雾凇 [wù sōng], иней – 霜 [shuāng], ледостав – 冰冻 [bīng dòng].

III. Газообразное состояние воды

1.0.0. Пар (водяной пар): пар – 蒸汽 [zhēng qì], туман – 雾 [wù], облако – 云 [yún], туча – 乌云 [wū yún].

Итак, структура лексико-семантического поля ВОДА / 水 SHUI в русском и китайском языках имеет иерархизованный характер с глубиной иерархии в три уровня. Конкретное содержание этих соотносительных полей и их особенностей будет рассмотрено нами в следующих работах.

Литература

1. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации // М.: Наука, 1982. — 159 с.
2. Журавлёв. Типы значений слова и их мотивированность // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград. 1976. С. 22.

© Ван Чуньму, 2017

УДК 37.012

О.В. Воробьева (ст. преп. каф. иностр. яз.
гуманит. ф-тов БашГУ, г. Уфа, Россия)

ДИСТАНЦИОННЫЙ КУРС - НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ НЕПРЕРЫВНОГО ОБУЧЕНИЯ

В современном мире при постоянно возрастающем потоке информации невозможно получить весь объём знаний, необходимых для жизни, сидя в аудитории. В этом нам помогает использование новых интернет технологий. В частности дистанционный курс.

Ключевые слова: Информационные технологии, непрерывное образование, дистанционный курс, дистанционное обучение

Сегодня Интернет прочно вошел в нашу жизнь. Современное образование немислимо без компьютеров и Интернета. Большинство современных студентов и школьников активно используют компьютер и интернет в своей жизни и образовании.

В современном обществе при бурном информационном росте специалисту требуется учиться практически всю жизнь. Раньше можно было позволить себе обучиться один раз и навсегда. Этого запаса знаний хватало на всю жизнь. Сегодня идея "образования на всю жизнь" приводит к необходимости поиска новых методов передачи знаний и технологий обучения. Требование нашего времени - образование должно быть непрерывным.

Использование Интернет технологий [3, 2] и дистанционного обучения открывает новые возможности для непрерывного обуче-

ния и переучивания специалистов, получения второго образования, делает обучение более доступным.

В тоже время необходимость получения основного образования в течение всей жизни или переквалификации развивают потенциал дистанционного обучения. С развитием и распространением Интернет технологий у дистанционного обучения появились новые возможности. В мире появилось огромное количество курсов дистанционного обучения и целые университеты дистанционного обучения. Новые программы требуют больше времени на самостоятельную работу студента.

Опыт показывает, что студент, обучающийся дистанционно становится более самостоятельным, мобильным и ответственным [2, 28]. Без этих качеств он не сможет учиться. Если их не было изначально, но мотивация к обучению велика, они развиваются и по окончании обучения выходят специалисты, действительно востребованные на рынке.

Дистанционный курс - это учебно-методическое пособие для студентов. Это разработанная с определенной степенью подробности пошаговая инструкция по освоению курса, т.е. по достижению целей, сформулированных в ее описании.

Дистанционное образование - взаимодействие учителя и учащихся между собой на расстоянии, отражающее все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения) и реализуемое специфичными средствами Интернет технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность.

Дистанционное обучение [4, 84] - это самостоятельная форма обучения, информационные технологии в дистанционном обучении являются ведущим средством.

Несколько слов о нашем практическом опыте работы в учебном процессе.

Прежде всего, мы сочли возможным сделать дистанционный курс "Иностранный язык" (немецкий) для 2 и 3 курсов в первую очередь для тренировки и контроля грамматики: "Сложносочиненное предложение. Виды придаточных. Пассив" Обычно рекомендуется грамматический курс давать на 2-3 месяца, расписывать со студентами сроки выполнения и контроля заданий.

Наш курс состоит из информационного, коммуникативного, контрольного блоков и итогового теста. Информационный блок состоит из 2-х модулей: модуль 1 - по сложносочиненному предложению и его видам, а модуль 2 - по пассивному залогу. Каждый вид придаточного предложения содержит: 1) лекцию 2) контрольные вопросы к лекции, если студент правильно на них отвечает, он переходит к 3) тренировочным упражнениям, а если допускает ошибки, то программа отправляет студента проработать теорию еще раз. Далее в контрольном блоке даны тесты по каждому виду придаточных предложений. Таким образом, осуществляется текущий контроль по всем придаточным предложениям. После лекции, если появляются у студентов вопросы, они могут обратиться в "Новостной форум". Преподаватель имеет возможность дистанционно давать обучающимся задания, а также получать доступ к журналу работы каждого из них, в котором фиксируется, какие упражнения были выполнены и какие ошибки были допущены при их выполнении. Дистанционный режим работы должен обеспечить удобное время работы в информационной среде, как для преподавателя, так и для студента. Таким образом, осуществляется обратная связь "преподаватель-студент", что очень удобно. Далее можно перейти к итоговому тесту (рубежный контроль).

Плюсы дистанционного курса:

- интерактивность;
- запоминаемость;
- гибкость в использовании (возможность вернуться на позицию, где находились прежде). Для гибкости работы обучаемых, полезно предусмотреть раздел часто задаваемых вопросов, а также глоссарий терминов, которые могут быть незнакомы обучаемым;
- предоставление помощи (студентам требуются инструкции по прохождению курса, средства навигации, подсказки для выполнения заданий);
- доступность.

Минусами дистанционного курса можно, наверное, считать: то, что такой вид работы ещё не стал массовым и только начал применяться, а также серьезную подготовку и специальное обучение преподавателей иностранного языка.

По нашему мнению такой курс полезен 1) как рубежный контроль после прохождения объемной грамматической темы, 2) как

повторение, например, перед олимпиадой. Это экономит время преподавателя на подготовку со студентами, создает комфортные условия для выполнения курса студентам (сидя дома за компьютером), итоги подводятся в таблице, где все наглядно видно преподавателю, сколько студентов справились с 1-ой попытки.

«Мы должны не просто дать учащимся совокупность знаний, умений и навыков, а научить их извлекать и синтезировать необходимые знания и развивать умения их практического использования» [5, 3].

Таким образом, ДО позволит не только обеспечить населению нашей страны доступ к качественному образованию, но и даст России возможность завоевать определенное место на мировом рынке образовательных услуг.

Литература

1. Анисимов, А.М. Работа в системе дистанционного обучения Moodle. [Текст]: учебное пособие/А.М. Анисимов.- Харьков, ХМАГХ, 2009.-292с.
2. Волжанина, И.В. Организация самостоятельной работы студентов в процессе ДО. [Текст]: учебное пособие/ И.В.Волжанина. - Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2008. - 61с.
3. Гринвальд О.Н. Проблемы и перспективы преподавания иностранных языков в эпоху информационных технологий. ИЯШ, №5 2015. с.2-6.
4. Ибрагимов И.М. Информационные технологии и средства дистанционного обучения. Учебное пособие. Издательство " Академия", Москва, 2007. - 237с.
5. Сысоев П.В. Информатизация языкового образования: основные направления и перспективы. ИЯШ, №2 2012. -с.3-9.

Воробьева О.В., 2017

Вугар Ахмед

*(глав. науч. сотрудник Института Литературы
им. Низами НАНА, доктор филологических наук,
профессор, г. Баку, Азербайджан)*

МЕСТО И ПОЛОЖЕНИЕ ШАХРИЯР В ПЕРСИДСКОЙ ПОЭЗИИ

Творчество Шахрияра поднявшего не только персидскую поэзию, но и Иранскую литературу в целом на новый уровень, на самый пик, серьёзно повлияло на национальную литературу, на литературный процесс, на его развитие в таких странах, как Турция Передняя и Средняя Азия, Пакистан, Афганистан, Индия, Кавказ и др. Миллионы людей, любители поэзии, читатели, почерпнув из родника его поэтический дух, духовно обогатились, получили наслаждение, сконцентрировали свое мышление. Лирика Шахрияра помогла им влюбиться в поэзию ещё больше. Его читатели поав на орбиту его поэтического спутника привязались к литературному солнцу поэзии.

Произведения Мухаммада Хусейна Шахрияра были тесно связаны с особенностями развития Иранской литературы XX века, наряду с творческим усвоением классического наследия сформировались на основе взаимоотношения и влияния на современный литературный процесс. Несмотря на затворничество во всех этапах жизни, Шахрияр непосредственно наблюдал за событиями и изменениями, происходящими в Иранской литературе, особенно в поэзии, искренне высказывая свое мнение в самых необходимых моментах. Таким образом, литературно-историческое и в какой-то мере исключительное значение творчества поэта может быть воспринято и оценено именно в этом контексте» [1, 5].

Мухаммад Хусейн Шахрияр родился в 1906-м году в семье выдающегося юриста своего времени Гаджи Мираги Хашгинаби в регионе Багмеше города Тебриз. Гаджи Мирага очень любил поэзию, музыку. Мать Кевкабанум часто читала своему сыну отрывки из классической поэзии, фольклора, особенно из творчества Сейид Азима.

Получив среднее образование в Тебризе, Шахрияр заканчивает медицинский факультет Тегеранского Университета. И начиная именно с того момента проявляется его талант и вскоре он становится известным поэтом и любимцем публики. Шахрияр писал стихи о любви соизмеримые со стихами классиков мировой литературы, корифеев поэзии, таких как Хафиз и Физули. Его философские касиды, лирические поэмы помогают ему возвыситься до самой вершины Иранской поэзии. Шахрияр испробовал свое перо во всех возможных жанрах, видах и проявлениях классической поэзии, обогащая персидскую и Азербайджанскую литературу газелями, касидамимесневи, дубейти, гита и рубаи высокого содержания.

То, что его принимали как в Иранской литературе и среде, так и в прилегающих странах, исходило от его непосредственного отношения к языку и заслуги проявленной в расширении использования языка «Колыбельной»:

Мое перо прославилось не только в Иране,

Посмотри, какая у меня слава в Турции и на Кафказе.

Не малую роль сыграли вышеуказанные заслуги Шахрияра в создании нового творческого поколения. Литературоведы нового поколения называли его «Тюркским Хафизом». Даже при жизни М.Шахрияр внес большой вклад в подготовку десятков патриотов искуства (2, 95).

Если выразится словами академика Исы Габибейли «Бессмертное наследие Шахрияра является редкой жемчужиной сокровищницы мировой культуры и литературы в целом» (3). Ученые Востока и Ирана, в том числе и Азербайджанские востоковеды доказывают, что Шахрияр является гигантским мастером слова покрывший кульминационную высоту персоязычной поэзии. Его стихи переведены на многие языки мира, лаская душу своему читателю. Вряд ли сегодня найдется человек, который не был бы знаком с его лирикой.

«Произведения Шахрияра написанные как на персидском так и на тюркском языках, его творчество в целом напоминает таинственный океан, окунувшись в который однажды, порой бывает очень трудно выбраться. Я попытался взять капли из этого океана, обращая внимание на творческие особенности стихов написанные на персидском. Честно говоря, мне показалось произведения поэта на персидском более глубокими, совершенными и красоч-

ными с точки зрения мастерства...Поэтическая симметрия, красота языка и стиля, глубина смысла, насыщенность содержания этих стихов вызывает удивление. Благодаря этим особенностям, мир искусства Шахрияра ещё долго будет озарять путь дальнейших исследований, художественных произведений» (4, 291).

Как и становится ясным из приведенных цитат, произведения Шахрияра написанные на тюркском языке широко и всесторонне исследованы в Северном Азербайджане, чего нельзя говорить о тех поэтических отрывках которые написаны на персидском. Литературовед Сабир Ахмедов в своей монографии под названием «Шахрияр в персидском литературоведении» затронул эту наболевшую проблему. Особенные исследования литературоведа МасиагаМухаммеда по поводу мастерства Шахрияра в персо-язычной поэзии, его положении связанном с Иранской литературной средой заслуживает одобрения.

На самом деле, исследуя произведения Шахрияра, написанные на персидском языке, можно получить знания о нашем историческом расположении, научной этнографической истории и складе ума. Это дело наших филологов-востоковедов, исследовать эти темы по пунктам в виде монографии, а не отдельных статей. Если провести исследования в таком аспекте, то можно выявить новые стороны феномена Шахрияра.«Глубокие духовные слои лирики Шахрияра связаны с его стихами на персидском и этому есть два объяснения: во первых - он мыслил и публиковался на персидском, во вторых - стихов на персидском у него сравнительно в большем количестве» (5).

Шахрияр со всеми его газелями на персидском и всем его творчеством в целом, которое носит в себе сверхвозвышенную сущность и художественно-поэтическую красоту, независимо от национальной принадлежности является национальным поэтом Ирана, великим тюркским поэтом, родившимся в Иранском Азербайджане – Тебризе.

* * *

Не ошибусь, если назову Шахрияра ясновидящим. Его биография нашла свое отражение в стихах. Даже его мемуары поэтически отобразились в его творчестве.

В детстве ему дважды снились вещие сны. В первом из них, когда ему было 13 лет, ему приснилось, что, он едет из Тебриза в Тегеран, его дорога проходит через пик горы, где он играет на большом барабане. Барабан звучит так громко, будто гремит гроза. Он приходит в ужас от этого звука и просыпается. Этот сон может быть истолкован как знак его будущей славы. Слава поэта покорившего вершину горы вскоре молниеносно распространяется по всему миру.

Когда ему исполняется 19,ему снится второй вещей сон. Во сне он видит себя со своей возлюбленной в бассейне Бехчетабада. Вдруг его возлюбленная уходит ко дну бассейна.Мухаммад Хусейннырнув за ней ищет её, но никак не может найти. На дне бассейна он находит очень драгоценный камень, который светит как яркое солнце. Люди говорят ему, что он нашел драгоценный камень ночного светила, по персидски «геухари-шаби-чераг». И этот сон может быть истолкован как знак его будущей славы (6).

Шахрияр художественно и умело читал свои стихи. Он был очень сентиментальным, впечатлительным и щедрым человеком. Охотно дарил принадлежавшие ему вещи тем, кому они понравились. Был человеком беззлобным, бескорыстным и непорочным. Из-за излишней мечтательности порой даже забывал обедать или ужинать.

Любил Шахрияр и одиночество. Запираясь иногда подолгу, никого к себе не впускал. Ему нравилось оставаться наедине со своими грезами. Он настолько углублялся в свои чувства, что даже не осознавал себя. Он верил в святых духов.

Великий мастер творил исключительно вдохновением, иногда месяцами не писал ни одной строки, иногда сочинял целое произведение за одну ночь. «Тахти-Джамшид» («Трон Джамшида») состоявшего из 400 бейтов является самым объемным произведением на персидском. Это произведение было написано за 2-3 дня.

Ночь вернулась в Трон Джамшида после проводов Солнца

Крепость Дары – храм Солнца, прославился именем «Трон Джамшида»

(Дословный перевод)

* * *

Шахрияр был патриотичной, богобоязненной и верующей личностью. Его «Обращение», «Уроки любви», «Вечность, сила и крылья любви», «Товхид», «Али» и др. стихи и газели написанные в религиозном духе являются высокими художественно-поэтическими образцами.

(Али, птица счастья, ты полагаешься на Бога
На того, кто оберегает и Небо и Землю.

О душа, если захочешь узнать Бога поближе, вспомни
Али,
Узнав Али, я сразу же узнал Бога

Не было бы зла в обеих мирах
Если бы Али взял в руки родник вечной жизни.

О нищий , постучи в дверь Али
Одаривая тебя кольцом он способен из холопа сделать
шаха.

Облако милости, накапай побольше воды, ибо этот ад,
Превратит в пепел весь мир.

Кто, кроме Али мог бы быть отцом того,
Кто прославил Кербела своим шехидством.

Друг для своего друга отдаст всё своё богатство,
Но никто не способен быть верным как Али.

Не могу назвать Богом, но человеком назвать тоже грех,
Как назовешь того, кто разрушил трон шаха.

Кровоточат мои глаза, о ветер милости,
Принеси мне пыль из его ног, как лекарство.

Проводив утро к твоему порогу,
Надеюсь принесет мне пыль из твоих ног.

Послушай Али, мы беспомощны, отводи от нас все беды
Ты способен на это.

Как звук свирели, от её любви,
Хочу распространить эту молитву:

«До самого утра надеюсь, что утренний ветер
Сделает мою возлюбленную счастливой».

Послушай Шахрияра, чтобы узнать
Как приятно ночью рассказать другу свою историю.
(Дословный перевод)

Самое горькое воспоминание в жизни Шахрияра было связано со смертью его матери, самые светлые воспоминания – Шахризадом - дочерью поэта, когда ей было 5 лет она наизусть читала своему отцу его стихотворение «Азербайджан», которое было очень популярном в Северном Азербайджане в переводе Фикрета-Садыха. Услышав свое стихотворение на персидском из уст своей дочери в слашавом Тебризском акценте, Шахрияр был тронут до глубины души и расплакался от радости.

* * *

Настоящее имя Шахрияра – Сейид Мухаммед Хусейн Бехчет-Тебризи. По началу он писал свои стихи под псевдонимом «Бехчет», а потом уже продолжил свое творчество под литературным псевдонимом «Шахрияр». Этот псевдоним был взят из «Дивана» Хафиза по которому Шахрияр гадал на свою судьбу. Этот псевдоним принёс ему большую удачу.

Аналитически перелистывая поэзию Шахрияра мне хотелось бы довести до внимания Азербайджанских читателей одну научно-теоретическую литературную идею из «Предисловия» его дивана на персидском.

В Иранской поэзии по сей день существуют разные образцы стихов, стилей. Шахрияр был единственным поэтом мастерски олицетворяющий их в своем творчестве с художественной сторо-

ны. Для обоснования наших мыслей, доведем до внимания читателей лаконическую, краткую характеристику терминов о вышеупомянутых стилях и образцах:

1. Тюркистанский стиль: Приемлим для стихов дастана. Например: для дворцов, эмиров и армий, для поднятия героического духа, рыцарского настроения.

Неоспоримым фактом является то, что отведено специальное место для некоторых слов, терминов и связанности предложений и невозможно понять их прочтением произведений одних лишь Хорасанских поэтов. К тому же крайне трудно передать в стихах этом стиле нежность, утонченные слова.

2. Стиль Ирака – Арак. Это стихи о науке и любви. Загадочный дух – мудрый и скрытный, неведомый дух. В произведениях написанных в этом стиле необходимо выбрать слова, то есть, они должны быть мелодичными и традиционно заимствованными, использовать слова Исфахана, Ирака, Шираза и Азербайджана.

3. Современный стиль – европейцы называют этот стиль ново-классическим, то есть неоклассическим. Этот стиль воплощает в себе те два стиля, Тюркистанский и Иранский, о которых уже мы говорили, только в видоизмененной форме – вобрав в себя все краски и оттенки, адаптировался в соответствии со временем.

Этот стиль нашел свое отражение с Сейид Азимом в XIX веке, с поэтами сотрудничавшими с журналом «МоллаНасираддин, особенно Сабиром в начале XX столетия.

По мнению Иранских литературоведов, стиль «Новый Ирак» нашло художественное воплощение в произведениях Вахида Дастгирди в теснифах и газелях Шейда. Литературные теоретики Ирана утверждают, что стиль «Новый Тюркистан» нашло свое отражение в касидах Маликашшуара Бахара, а также в некоторых произведениях писателя М.Дж. Пишивари.

Этот стиль был использован в большинстве поэтических образцов современных поэтов, носящих классический дух.

Простой стиль. По мнению Иранских ученых, те которые пишут в этом стиле, стараются использовать простые общеупотребительные слова простого народа. Очень похож на новый стиль. Порой бывает трудно различить эти два стиля. Ирадж Джалалулмамалик писал свои стихи в этом стиле. Два его шедевральных про-

изведения – «Арифана» и «Зухра и Маничохран» написаны в этом стиле.

Иранские литературоведы отмечают четыре совершенных поэтических школ. Первая школа Низами или Азербайджанская школа. Отмечается, что этот стиль является эликсиром (эликсир – это лекарство приготовленное с медом – В.А.). Дальше Иранские ученые утверждают, что персидское стихотворение развивалось в направлении трёх больших лейтмотивов – в стилях Тюркистан, Азербайджан и Иран.

Великий Азербайджанский поэт Низами, творивший на персидском языке используя Тюрко-Азербайджанский дух, стиль, духовные традиции Азербайджанской поэзии в своем «Хамса» поднял славу Азербайджана и поэтический язык персов на недостижимую высоту. Эту идею можно отнести еще к Шахрияру, искусно использовавшего как классические, так и современные стихотворные источники. Я бы назвал Шахрияра Низами XX века.

Индийская школа. Ссылаясь на Иранских ученых Азербайджана в предисловиях своего «Дивана» (6) Шахрияр отмечает, что индо-язычные персидские поэты или же Иранские поэты являются жителями Индии. Есть такая версия, что индийская школа взяла свое начало от Азербайджанской школы поэзии. К ним относится Саиб Тебризи и др. Мастер слова Шадраван был одним из литературных и общественных деятелей своего времени.

Местные школы. Местные диалекты Ирана - диалекты Хорасана, Гилана, Азербайджана, Курдистана, Лористана, Кирмана, персидского и др. Каждый из этих народов и каждый регион имеет свою литературу. Фольклор, музыка, поэзия каждой Иранской нации являются их достойными литературно-культурными сокровищами. С сожалением надо отметить, среди таких наций имеется Азербайджан, подаривший персо-язычной Иранской литературе таких талантливых поэтов, как Мирза Абдулхусейн Хазин, Гаджи Рза, З.Сарраф, Раджи, Хаким Лали, Аббасали Мазхар, Бахар Ширвани и др.

Употребляемые в этой школе термины, в том числе международные термины, фразы, также перешли в персидский язык. Хотя и изредка, но и в поэзии Шахрияра также можно встретить Западные фразы.

Когда-то произведения Шахрияра были опубликованы разрозненно. Недавно его диван был переиздан в 50-й раз, сначала в трех, а потом уже в двух томах, навечно возвысив автора до недосягаемых высот.

Первая книга Шахрияра была издана в 1309-м году по Хиджри-шамси. Маликашшуара Бахар в предисловии этой книги писал: Шахрияр является великим и неповторимым поэтом, он один из великих мастеров поэзии, а так же он является самым отважным, самым современным и единственным чувственным поэтом Ирана. Шахрияр является не только гордостью Ирана, возможно и всего Востока.

Некоторым эта хвала казалась преувеличенной. Столь высокая оценка 24-х летнему молодому поэту действительно могла показаться лестью. Но удивительная поэзия Шахрияра стала ответом всем сомнениям.

«Мухаммед Хусейн Шахрияр является одним из гигантских личностей Азербайджанской и Иранской поэзий, гордостью Азербайджанской и Иранской литературы XX века. Поэзия поэта – живое отражение общественных, политических, философских и литературных взглядов своего времени. Его бессмертное наследие является редкой жемчужиной не только Востока, но и мировой культуры и литературы. Его дивная поэзия покорила сердца, завоевав бесконечную любовь миллионов. Его стихи переведены на многие языки, доставляя читателям огромное наслаждение. Сегодня в нашей стране вряд ли найдется человек незнавший отрывки из его произведений» (7,3)

Творчество великого Шахрияра было всегда объектом исследований и в Иране, и в Азербайджане. Такие исследователи как А. Атеш, Г. Бегдели, Х. Биллури, Бёюк Никендиш, Алимамед Абдульфазл, Джамшид Ализаде, Гамид Мамедзаде, Карим Мешрутачи Сёнмез, Иса Габиббейли, Теймур Ахмедов, Гасанали Мухаммеди, Ахмед Кавиянпур, Говхар Бахшалиева, Ислам Гарибли, Е. Кулиев, Месиага Мухаммеди, Н. Ализаде, Мухайин Мухаммед Хусейн, Зилли Маничохр, Гусейн Мюнзеви, Б.Набиев, Фатхи Нусратуллах, Назим Ризван, Сабир Амиров, Е.Шейда, А. Биже, С. Байрамзаде, Айбениз Гасанова и др. провели исследования написав о нём монографии, книги и статьи.

Отрадно, что сейчас в Азербайджане формируется национальная школа изучения творчества Шахрияра.

Большинство произведений Шахрияра, написанных на персидском языке, переведены на Азербайджанский язык талантливыми поэтами и учеными. Институт Литературы им. Низами НАНА продолжает эту традицию. Отдел «Литература Южного Азербайджана», сотрудником которого являюсь я, работает над двухтомником великого мастера. Во II том будут включены переводы произведений поэта, написанные исключительно на персидском. Считаю для себя гордостью тот факт, что меня назначили ответственным за эту работу. Вместе с ученым, изучающим наследие Шахрияра Эсмирой Фуад работаем над томом. Уже год занимаюсь дословным переводом газелей, касид, месневи, дубейти, рубаи и религиозных стихов великого мастера слова. Вскоре поэтический перевод этих произведений будет представляться широкому кругу читателей. Данный момент работаю примерно над 50 произведениями поэта. Новые переводы поэта, профессора Шахина Фазиля и ТебризцаПур Азера будут включены в собрание сочинений.

«Известно, что произведение, выбранное для перевода на любой язык, должно отвечать высокоморальным требованиям, общечеловеческим эмоциям, иметь привлекательное содержание и форму соответствующую этому содержанию. Я думаю, творчество Шахрияра в целом отвечает этим требованиям и могу сказать со всей ответственностью, что если всё творчество перевести на наш родной язык, то читатели получат огромное наслаждение и духовную пищу». (8,21)

* * *

В Иранской литературе Шахрияр всегда отличался своим оригинальным и необыкновенным талантом. Он поражал всех высокой образованностью и знанием литературы. Шахрияр в совершенстве владел несколькими языками и этим имел доступ к литературным сокровищницам нескольких народов. Несмотря на все эти достоинства, он всей своей сущностью был одержим Хафизом. На протяжении всего своего творчества «Лиса-

нуль-гейбе-Ширази) (конфиденциальный, секретный – это псевдоним ХафизаШирази) всегда был в центре его внимания.

Хафиз был творческим идеалом Шахрияра. Достичь его литературной высоты была мечтой Шахрияра. Он цитировал Хафиза в своих речах, приводил примеры в виде поэтических афоризмов. Всякий раз, когда вспоминали Хафиза великий поэт, говорил:

Если ты спросишь у меня обо всех поэтах,

Скажу, что никто не достиг твоего уровня мастерства

(Дословный перевод – В.А.)

Шахрияр смог умело совместить классические традиции с новшествами своего времени, найти правильное соотношение между традиционностью и новаторством, «золотую середину» и отобразить в своем творчестве. Эта черта является первой причиной его особенности. Не случайно НимаЙусидж назвал его «единственным поэтом, которого он встретил в Иране». (9.27)

Шахрияр дружил с такими мастерами слова как МеликашшуараБахар, Хашим Мирза Афшар, Ирадж Мирза, Вахид Дастгирди, Мафтун, Саханд, Махсун, Харири Надирпур, Симин, Бахбахани, СепидаКашани, Пейман Бахтийари и др. и посвящал им стихи.

В каких ситуациях проявляется его гениальность? В воспевании самых нежных чувств, в воплощении самых возвышенных человеческих желаний, в воспоминаниях прошлого своего народа, этнографии, детства и матери, Божественной любви – во всех поэтических описаниях и воспеваниях.

Чистая и безгрешная натура, превосходное знание Корана и использование религиозных цитат в поэтической форме в нужных моментах, мораль и мощь его слова делают Шахрияра недостижимым в творчестве.

Шахрияр занимает достойное место в поэзии благодаря своим патриотическим стихам об Иране и Азербайджане. В его стихах о Родине воспевается любовь к Родине, выражается ненависть к врагу. Например; «Шиване-Шахрияр», «Мехмане- Шахрияр», «Сабехун» и др. произведения являются хорошими примерами его патриотизма и поэтическим проявлением ненависти поэта к врагам Ирана.

После Исламской революции измученные гнетом шахского режима, отяготевшие от жестокости люди нуждались в нежных, лирических стихах и Шахрияр сумел обласкать им душу.

Сегодня в Иране нет такого места, где бы люди не знали наизусть газели, касиды, рубаи Шахрияра и его поэму «Приветствия «Гейдар-бабе».

Надо признать, что Шахрияр тоже как и все остальные прошел через огонь, воду и медные трубы для того чтобы открыть себе дорогу в литературе своими бессмертными произведениями.

Он также был человеком верующим и крайне чувствительным. Его стихи написанные в религиозном духе – «Глас Бога», «Гийаме-Мухаммед», «Караван в Кербала», «Минаджат», «Подарок праздника Гадр (Хадийейн – эйде - гадр), «Али» «Логман» - могут служить примером этому

Опоры Небес Всевышнего выше опор Мухаммеда,

Взгляни куда возвысилась слава Мухаммеда.

Ни одна птица не взмахнет крылом над домом

Божественного откровения кроме одного ангела.

(Гийаме Мухаммед (6,68) Дословный перевод –

В.А.)

* * *

Великий Иранский и Азербайджанский поэт Шахрияр в своем творчестве дорос до таких творческих высот, что не нуждается в похвалах. Если сегодня в Азербайджане в исполнении мугама А. Вахид является одним из самых задействованных поэтов, то Шахрияр является следующим. Наш благодарный народ высоко ценит обоих мастеров газелья.

Шахрияр прославился благодаря стихам на двух языках – Азербайджанском Тюрксом и персидском. Его бесподобная слава разнеслась по всему свету, перешагнув географические границы Ирана.

Именно поэтому Шахрияр занимает видное место в Иранской литературной среде своего времени, своей эпохи и среди современных поэтов в персидской литературе.

Литература

1. Масиага Мухаммеди, «Шахрияр и наше время». Баку – 2015
Издательство АТУКИ.
2. Эльман Кулиев. «Поэзия Шахрияра и национальный прогресс». Баку-2004, Издательство Элм.
3. Иса Габиббейли. НАНА Научно-практическая конференция по теме «Стихотворные традиции Шахрияра и современность» 21.09.2015 WWW.science.gov.az.
4. Эсьмира Фуад. Мастер слова Шахрияр Баку; Аврасия-пресс, 2010.
5. Гюнтай Гянджали. Творчество Шахрияра было отпором в унижении тюркского языка. Телеграф com/news 53378
6. Шахрияр. Сборник стихов – диван. I и II тома. Редактор Карим Машрутечи. Издательство «Негях» 1352.
7. Говхар. Бахшалиева. Торжество национального духа. «Азербайджанское востоковедение» №2(6) Научно-популярный журнал.
8. Нушаба Ализаде. Школа Азербайджанского востоковедения «Азербайджанское востоковедение». Научно-популярный журнал. № 2 (6) 2011.

© Вугар Ахмед, 2017

УДК 811.161.1

Го Пинтин (ст. преп. Муданьцзянского педаг. университета, г. Муданьцзян, Китай; аспирант филол. ф-та БашГУ, г. Уфа, Россия)

СТЕРЕОТИП-ОБРАЗ «БРАТ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье рассматривается стереотип-образ «брат» в русской языковой картине мира на материале русской лексики, пословиц и поговорок. На фоне китайского языка выявлены универсальные и своеобразные национальные стереотипы-образы «брат» в русских семейных традициях.

Ключевые слова: стереотип, образ, брат, языковая картина мира, семейные традиции, лексика, пословица, поговорка.

Языковая картина мира являет собой систему образов, понятий, эталонов, стереотипов и символов, которые представляют знания определенного народа об окружающем мире. Данные знания, полученные в процессе познавательной деятельности человека, оцениваются им согласно предпочтениям и нормам общества и фиксируются в значении языковых единиц [5, 214-237]. В лингвокультурологическом аспекте стереотип рассматривается как фрагмент или образ языковой картины мира. Стереотип играет доминантную роль в формировании национальной языковой картины мира. В данной статье проводится анализ стереотипа-образа «брат» в русской языковой картине мира на материале русской лексики, пословиц и поговорок, выявляются универсальные свойства и национальные особенности данного образа на фоне китайского языка.

Стереотип-образ как научное понятие отмечает лингвокультуролог В.В. Красных. Это устойчивый результат отражения какого-либо предмета, существующий в языковом сознании человека. Стереотип-образ «брат» прежде всего закрепляется в следующем определении Толкового словаря русского языка: «1. Сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям. 2. Фамильярное или дружеское обращение к мужчине (разг.). 3. Человек, близкий другому по духу, по деятельности, вообще кто-н. близкий (высок.). 4. Монах, член религиозного братства (обычно в обращении)» [3, 55]. В русском языке слово *брат* имеет такие синонимы, как *братан*, *братец*, *братик*, *браток*, *братка*, *братишка*, *братенок*, *брательник*, *брательничек*, *братуха*, *братушка*, *братушник*, *братюня*. Следует отметить, что в китайском языке *брат* обозначается иероглифически 兄弟[xiongdi] и дифференцирует понятия 哥哥[gege](старший брат) и 弟弟[didi](младший брат), для обозначения которых нет специальных слов в русском языке, поскольку каждый язык по-разному членит мир, поэтому некоторые понятия могут отсутствовать в том или ином языке [4, 6]. Это языковое явление также существует в следующей номинации: *двоюродный брат* в русском языке обозначает сына дяди или тётки, а в китайском языке он классифицируется на 堂兄弟[tangxiongdi](сын дяди по отцовской линии) и 表兄弟[biaoxiongdi](сын тётки по отцовской линии или сын дяди и тётки по материнской линии). Но-

минация *троюродный брат* имеет аналогичное различие в обоих языках.

В русской лексике зафиксированы различные образы «брат», которые формируются в семейных традициях русского народа. Например: *родные, кровные, полнородные братья* (сыновья одного отца-матери); *однородные, единокровные братья* (сыновья одного отца); *одноутробные, единокровные братья* (сыновья одной матери); *братья-близнецы* (сыновья одной матери, развившиеся в течение одной беременности); *сводный брат* (сын отчима или мачехи от другого брака); *названный брат* (тот, с которым побратался); *почетные братья* (дружки невестины, ей и ее жениху); *Свой брат (разг.)* (близкий, свой человек, а также (обобщенно) близкие, понимающие друг друга люди). По сравнению с китайским языком слово *брат* в русском языке приобретает религиозный оттенок и находит следующие выражения: *братья-иезуиты* (братья во Христе - христиане); *крестный брат* (сын крестного отца и крестник, друг другу); *крестовые братья* (братья по кресту, обменявшиеся тельными крестами, в залог дружбы и братства); *брат на духу* (тот, с кем вместе говел, исповедывался и приобщился); *братья по свече* (те, кто покупает свечу складчиною и держит в церкви, во время херувимской, поочередно); *монашеская братия* (Монахи одного монастыря) [2, 124]. В Древней Руси, кроме братьев по крови, монашеской братии и крестного братства, различали также княжеское братство. Оформившись в X-XI вв., эта «дружина-братство» представляла собой княжью воинскую семью во главе с князем-отцом, поэтому входившие в нее молодые люди считались между собой братьями [1, 49]. Кроме того, в русской языковой картине мира описываются своеобразные образы брата, которых мы не нашли в китайском языке. Приведем примеры: *привенчанный брат* (до брака родителей ими рожденный и признанный сын); *молочные братья* (неродные, вскормленные сыновья молоком одной женщины); *Брат милосердия* (мужчина с медицинским образованием, ухаживающий за больными, ранеными).

Стереотип-образ «брат» отображается и в русских пословицах и поговорках. Интересное описание образа брата имеется в следующей русской пословице: «В полном мешке – брат родной; в полумешке – двоюродный; на дне мешка – в сватовстве; а нет в мешке, нет и родни». Мы заметили, что в русских пословицах и

поговорках создаются и разные образы родных братьев. Например: *От хорошего братца – ума набраться, от худого братца – рад отвязаться; Брат он мой, а ум у него свой, воля своя; Брата родного знаешь, а ума его не знаешь; Брат мой, а уши у него свои; Два брата родные, оба Ивановичи, да один Дон, а другой Шат, один дельный, другой шатун(Реки Дон и Шат обе текут из Ивановзера).* Сходное представление косвенно отражается в китайском языке посредством описания образа родных сыновей. Например: *一娘生九子, 子子弗相同* (У одной матери девять сыновей, но они не всегда похожи друг на друга); *一母之子, 有愚有贤* (У одной матери есть сыновья и добродетельные и глупые). В большинстве случаев родной брат оценивается как положительный образ. Стереотипный образ «родной брат – это опора» закрепляется в следующих русских пословицах и поговорках: *Брат без брата – что сокол без крыла, сестра без брата – как хворостина голая; Брат брата стоит; Брат за брата непременно заступится; Брат брату головой в уплату; Брат брата не выдаст; Единство и братство – великая сила; Единство братьев крепче каменного утеса; Брат с братом на медведя ходят; Два брата на медведя, два свата на кисель.* Из примеров видно, что братья являются самыми надёжными, верят друг другу и поддерживают друг друга в нужную минуту. Данный образ также имеется в китайской лингвокультуре. Например: *打虎亲兄弟* (Брат с родным братом на тигра ходят); *上阵不离亲兄弟* (Брат с родным братом в бой ходят); *兄弟齐心, 其利断金* (Единство братьев крепче твердого металла). И в русской, и в китайской языковой картине мира представляется культурная коннотация образа братьев, которые в опасности помогают друг другу, даже могут пожертвовать своей жизнью ради родного брата. Следует заметить, что не все братья сохраняют братство, порой они считают друг друга врагами из-за зависти, денег или какого-либо неприятного события. Этот стереотип-образ отражается в следующих русских пословицах и поговорках: *Брат брату не желает добра; Хотя мне брат, только я ему не рад; Отец сына умнее – радость, а брат брата – зависть; Брат не брат, а в горох не лезь (а денежки не родня); Братья (если враждуют) – супостаты; Брат на брата – пуце супостата; Брат на брата пошёл; Брат не брат, так отдай мой крест, которым по-*

братались. Это находят выражения сходных значений и в китайском языке. Например: 兄弟鬩牆(срав.: Спор между братьями); 同室操戈(Брат на брата пошёл с оружием); 相煎何急(срав.: Братоубийство между братьями); 尺布斗粟(срав.: Вражда между братьями из-за интересов). В переносном значении эти выражения подразумевают борьбу близких, кровью связанных людей.

В русских семейных традициях разные образы неродных братьев ассоциируются с их социальным положением и статусом. В подтверждение приведем следующие пословицы: *Богатый бедному не брат; Боярин и в рубище не брат; Начальство не свой брат: много говорить не станешь; Вор не брат, а потаскуха не сестра; Медведь корове не брат*. Видно, что в бытовом общении, как правило, богатый братается с богатым, бедный – с бедным, простой человек – с простым, потому что они всегда находят общие материальные интересы и стремятся к общей жизненной цели. Однако по китайской семейной традиции побратимство неродных братьев больше связывается с общими духовно-нравственными ориентациями, а меньше зависит от материального положения. Мы заметили, что в лингвокультурах обоих народов постепенно формируется стереотип-образ «неродной брат – это друг». По-русски говорят, что брат может не быть другом, но друг – всегда брат. В самом деле братьями называются не все друзья, а те, кто крепко дружит с тобой и подаёт тебе руку помощи в трудности. В русских пословицах говорится, что *Друзей-приятелей много, а друга нет; И много друзей, да нет дружка; Друзья познаются в беде; Без беды друга не узнаешь*. По китайской семейной традиции самые близкие друзья называют друг друга братьями (称兄道弟), друзья, которые побратались, называются названными братьями (拜把兄弟), друзья-собутыльники называются братьями-собутыльниками (酒肉兄弟). Следует отметить, что брат-собутыльник как отрицательный образ стереотипизируется в языковом сознании обоих народов. Приведем примеры: *При пиве, при бражке много братьев; Как при пиве, при беседе – много друзей, как при горе, при кручине – нет никого*. По-китайски говорят, что 酒肉弟兄千个有, 落难之中无一人 (Есть много братьев-собутыльников, а не найдешь никого в беде).

Стереотип – это предельно фиксированный образ, который

воспринимается как истинный и побуждает к определенной модели поведения [6, 626]. Под языковой картиной мира стереотип-образ понимается как истинное отражение какого-либо предмета, однако он создается путём ассоциаций в связи с тем, что многие образы формируются в сознании лингвокультурных сообществ. В русских семейных традициях стереотип-образ брата ассоциируется с представителями группы детей и группы близких друзей, он представляет их эмоционально-смысловую доминанту. В русской лексике описываются яркие стереотипы-образы брата, которые классифицируются по семейной, религиозной и исторической традициям. В русских пословицах и поговорках обнаруживаются универсальные стереотипы-образы брата: родные братья не похожи характером, вкусом, привычками или способностями, но они тесно связаны друг с другом благодаря кровному родству и являются взаимной опорой друг для друга в семейной жизни, в то же время из-за зависти или вражды они, может быть, станут врагами. Неродными братьями называются очень близкие друзья, но в отличие от китайской семейной традиции в традиции русского народа друзья считают друг друга братьями обычно при наличии равного социального положения.

Литература

1. Владимирова Т.Е. Концепт «брат» как архетип русского языкового бытия. Мир русского слова, 2015. № 2. С.47-53.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Том 1: А-З. -М.: Рипол классик, 2006. – 754 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «А ТЕМП», 2013. С.55.
4. Саяхова Л.Г. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С.6.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 214-237.
6. Ядов В.А. Стереотип социальный// Философский энциклопедический словарь; гл. ред. Л.Ф. Ильичев. -М.: Сов. Энциклопедия, 1989. – 840 с.
7. 温端政. 中国俗语大辞典. [M]. 上海辞书出版社, 2011. – 1137с.
8. 温端政. 中国谚语大辞典. [M]. 上海辞书出版社, 2011. – 1398с.

© Го Пинтин, 2017

И.В. Грушевская (преп. каф. рус. яз. и реч. коммуникации КубГАУ им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия)

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА В.И. ЛИХОНОСОВА)

В статье анализируются парадигматические и синтагматические отношения в ономастическом пространстве произведений В.И. Лихоносова. Выделяются основные критерии системных отношений имен собственных, используемых писателем.

Ключевые слова: ономастическое пространство, антропонимы, топонимы, идентичность, парадигматика, синтагматика.

На определённом этапе развития лингвистических знаний возникает закономерная необходимость развития этих знаний – потребность в наполнении образовавшихся «пустот» ономастического пространства. А.В. Суперанской в книге «Общая теория имени собственного» был введён термин «ономастическое пространство». Под ним понимают сумму имён собственных, употребляющихся в языке народа для наименования фантастических, реальных, гипотетических объектов. Внутри ономастического пространства могут быть выделены ономастические поля. Они зависят друг от друга таким образом, что, взятые отдельно, они часто оказываются немотивированными, непонятными и тесно связаны между собой. Имена, входящие в каждое поле, представляют собой систему или, иногда, комплекс систем. Выделяются отдельные области, такие, как антропонимия, зоонимия, топонимия, мифонимия (имена мифических персонажей), фиктонимия (изучающая имена собственные, употребляющиеся в художественных произведениях) и т.д.

Как известно, каждая единица лексической системы входит одновременно в два вида отношений: синтагматические и парадигматические, благодаря чему закрепляется в системе, характеризуясь определенной сочетаемостью с другими единицами и определенной значимостью. Следовательно, системный подход к изучению лексики предполагает описание всех видов взаимоотноше-

ний между элементами той или иной совокупности лексических единиц и анализа смысловых отношений между ними [1, 31].

Обращаясь к творчеству кубанского писателя В.И. Лихоносова, мы проанализировали ономастическое пространство отдельных его произведений с целью выявления определенной системности в использовании имен собственных.

В качестве базового мы приняли следующие положения парадигматических и синтагматических отношений в лексике. Так, в общем смысле под парадигматикой понимается объединение языковых единиц в классы на основе их оппозиций друг к другу по дифференциальным признакам. Парадигматический аспект анализа имён собственных предполагает выборку всех имён текста, учёт их частотности; распределение на ономастические классы в соответствии с денотативным значением; выявление всех номинаций денотата; нахождение единиц, тесно связанных с категориями художественного текста, и т. п. [3].

Опираясь на классификацию О. И. Фоняковой [2], в парадигматический аспект анализа мы включили следующие критерии:

- 1) специфику денотативного значения;
- 2) способ художественной номинации;
- 3) соотношение с национальным именником языка народа;
- 4) способ преобразования формы:
  - а) имена из реального именника;
  - б) имена, перенесённые в тексте на новые объекты;
  - в) аллюзивные имена;
  - г) имена, построенные по типовой модели с некоторыми фонетическими изменениями формы;
  - д) имена с «говорящей» внутренней формой;
- 5) тип употребления;
- 6) участие в развитии сюжета;
- 7) морфологический состав;
- 8) встречаемость в ономастическом поле автора.

Взяв за основу эту систему критериев для анализа парадигматического аспекта, были рассмотрены несколько повестей из сборника «Тут и поклонился»: «Осень в Тамани. Записки после дороги», «Тайна хаты Царицыхи», «Элегия», «Прощай, Тамань?», «Стопа апостола», «Афродита Таманская», «Время зажигания свечильников», «Тут и поклонился», «Печальный юбилей», «Les ge-

grets (Сожаления)», «Запонки с гербом», «Благодарю!». Эти произведения Виктора Ивановича Лихоносова написаны в разное время – от 1970 года до 2006, а «Les regrets (Сожаления)» дополнены в 2013 году.

По специфике денотативного значения выделяются следующие классы:

1. Антропонимы (имена людей, их фамилии): Никон, Мстислав, Ратибор, Ростислав, Глеб, князь Василько, Бориса, Олега, Ольги, Мономаха, Святополком, Мономах, Татищева, Нестор, Сильвестру, Степка, Юхим Коростыль, Лермонтов, Маруся, Николае, Антон Головатый, Екатерина/Екатерины Второй, Гапка, Репин, Толстого, Шкуро, Сорокина, Антона Деникина, Пушкин, Есенин, Корнилова, Жуковского, Вяземскому, Троха, Гагарина, Рахманинова, Алексее Михайловиче, Петька, Люба.

2. Астрономы (названия звёзд, созвездий, небесных тел, галактик): Большая Медведица

3. Идеонимы (совокупность имён собственных, связанных с разными сферами человеческой деятельности):

а) артионимы (названия произведений искусства): "Всенощную" Рахманинова.

б) библионимы (названия различных текстов, книг): Несторовскую летопись, «Господин Великий Новгород», «Тамань» произведение М.Ю. Лермонтова, «Историю» Карамзина, «Из прошлого Кубани» (книга героя повести Юхима Коростыля).

4. Топонимы (совокупность имён, указывающих на реальные географические объекты или объекты вымышленные):

а) гидронимы (названия ручьёв, озёр, рек, морей, океанов): Тмутараканского озера, тихого Дона.

б) ойконимы (названия городов, сёл, деревень): Русь, матушки-России, Кубань/Кубань-матушка, Тамань, Тмутаракань, Темрюк, Славянска, у Крыма, В Сибири, по Новгородской земле/в Новгород, Трапезунд, Елизаветполь, Украину, в Москву, в Петербург, в Екатеринодаре, Пашковской, в Краснодар, в Анапе, Кавказа, из Канады, через Усть-Лабу, Керчь/Корчев, в Царьград, из Болдина, Финляндия, Белоруссия.

в) урбанонимы (названия внутригородских объектов): от Сенной/За Сенной/Сенной, Тмутараканская дорога/ широкой родной дороги на Тмутаракань... , в Марьиной роще, Сенявина балка.

5. Экклезионимы (названия церквей, соборов, мечетей): церковь Пресвятой Богородицы, Покровская церковь, Собор Михаила Архистратига, церковь Марии Магдалины, Данилов монастырь, Иверская часовня.

6. Контекстуальные имена собственные (нарицательные имена существительные, словосочетания с такими существительными, субстантивированные имена прилагательные, перешедшие в художественном тексте вследствие процесса онимизации в разряд собственных): Господи, Степкин казак, «Запорожец», В Русской (6-я часть), дети Эллады, Родина-матушка, «Могучая кучка» композиторов, Нобелевскую премию.

Сформированная нами картотека имён позволяет констатировать, что по способу художественной номинации имена узуальные. В текстах отсутствует ономастическое словотворчество, которое бы выражалось в окказиональном, индивидуально-авторском имяупотреблении.

По способу преобразования формы выделяются:

а) имена из реального именника: Люся, Маша, Степка, Греция, Афон, Кипр, Пафос, Дельфы, Сибирь, Иерусалим, Кубань, Тамань, Михаил, Лида, улица Коммунаров (в Краснодаре), Красная (улица в Краснодаре), Эрмитаж, Павел Денисьевич Бабыч, Третьяков, Александр Трифонович Твардовский, Иван Горшков, и т.д.

б) аллюзивные имена: Никон, Пушкин, Лермонтов, Иоанн Дамаскин, Мономах, князь Борис и Глеб, князь Василько Теремольский, Татищев, Жуковский, Афродита, Адонис, Плутарх, Геродот, Батюшков, Бунин, Толстой, Флобер, Шекспир, Христос, Дева Мария, Святая Елизавета (великая княгиня царствующего дома Романовых) Дмитрий Донской, Андрей Первозванный и т.д.

По типу употребления выделяются номинативные и переносные имена. Номинативные имена преобладают в текстах, их большинство. Например, Тамань, Афины, Екатеринодар и т.д. Присутствуют, безусловно, и переносные имена. Их куда меньше, но они всё же есть, хотя и не играют большой роли в сюжете: Родина-матушка, родина Афродиты и др.

По участию в развитии сюжета выделяются имена сюжетные и внесюжетные. Критерием разграничения на главные / эпизодические, помимо контекста, является их частотность. К сюжетным именам относятся, например: Степка, Юхим Коростыль, Троха Ло-

бытинский, Лермонтов, Русь, Кубань, Тамань, Люба и т.д. Внесюжетных имён тоже очень много: Никон, Мстислав, Ратибор, Ростислав, Глеб, князь Василько, Бориса, Олега, Ольги, Мономаха, Святополком, Мономах, Гатищева, Нестор, Сильвестру, Пушкин, Есенин, Корнилова, Жуковского, Вяземскому и многие другие.

По морфологическому составу выделяются имена:

а) простые, равные одному слову: Тамань, Саратов, Кипр, Афродита, Сибирь, Россия, Клюев, Витя, Ока и др.

б) сложные, равные двум и более словам: Юхим Коростыль, Михаил Лермонтов, Григорий Богослов, Апостол Андрей Первозванный, Александр Трифонович Твардовский, Иоанн Дамаскин и др.

в) составные – имена с приложениями, имена, двойные фамилии, имеющие в своём составе нарицательные существительные или сочетания слов: Осиповы-Вульф, Бычий брод, Ивашкин-Потапов, граф Воронцов-Дашков, Римский-Корсаков, Дева Мария и др.

По встречаемости отметим несколько имён собственных, наиболее часто встречающихся в сборнике: Тамань, Лермонтов, Никон, Россия.

Проведённое исследование позволяет сделать некоторые выводы. В рассмотренных повестях по специфике денотативного значения преобладают атропонимы и ойконимы.

Антропонимы различны: это имена древнерусских князей, знаменитых писателей, композиторов, художников, генералов и просто хороших людей. В рассказах Лихоносова их объединяет искренняя любовь к своей Родине, беззаветная преданность, служение ей и человечность по отношению к окружающим. Это имена людей, представляющих русского человека с его мировоззрением, талантом и любовью к Родине.

Большая часть ойконимов – названия нашей страны и различных русских городов, в основном – кубанские, напр. Тамань, Анапа, Темрюк, Славянск и т.д. Среди ойконимов встречаются как названия современных городов, так и устаревшие названия, такие как, например, Царьград. Экклезионимы частичны, однако тема православия и любви к ближнему как части православной культуры в нескольких из рассмотренных рассказов, и названия церквей и соборов способствуют раскрытию этой темы.

По способу преобразования формы преобладают имена из реального именника, т.к. действие этих рассказов происходит в нашем мире, и герои произведений Лихоносова – реальные люди, жившие и живущие на этой земле. По типу употребления выделяются номинативные имена, а по участию в развитии сюжета – внесюжетные имена. Множество внесюжетных имён способствует раскрытию темы рассказов и подчёркивает переживания писателя за судьбу своей страны.

Таким образом, ономастическое пространство литературного произведения – это отражение ментальности писателя, а в нашем случае отражение не только региональной, но и национальной идентичности. Проблема языкового выражения национальной и региональной идентичности явилась следствием того, что советский период в истории нашей страны практически полностью нивелировал национальные особенности жителей полинациональной страны во всех сферах жизни и деятельности людей. Сегодня, как бы наверстывая упущенное, проблема национальной идентичности проявляет себя на всех уровнях жизни: в организации быта, истории и языке народа [2, 85].

Литература

1. Федотова Т.В. Основные аспекты межтопонимических отношений // Евразийский Союз Ученых(ЕСУ) № 3 (12), 2015. Филологические науки. – С. 31-33.
2. Федотова Т.В. Репрезентация региональной идентичности в эргонимическом поле Кубани // Политическая дингвистика. - № 6(60).- 2016.- С.85-90.
3. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте: Учебн. пособие. Л., 1990.
4. Шерстюкова Е.В. Функционирование имен собственных на парадигматическом и синтагматическом уровнях. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/14761?locale=en>

© Грушевская И.В., 2017

В.Л. Ибрагимова (докт. филол. наук, проф. каф. рус. яз. и методики его преподав. БашГУ, г. Уфа, Россия),

Ван Чунью (асп. филол. ф-та БашГУ, г. Уфа, Россия)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ ОБРАЗНОСТИ, ПРОИЗВОЛЬНОСТИ - НЕПРОИЗВОЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

В статье рассматриваются важные для практики и теории сопоставительных исследований вопросы, связанные с лингвистическим содержанием категорий образности, произвольности и непроизвольности языкового знака. Сделана попытка освещения онтологической связанности рассматриваемых категорий.

Ключевые слова: знак, картина мира, мотивированность, непроизвольность, образ, образность, произвольность.

Ф. де Соссюр в своём "Курсе общей лингвистики" однозначно утверждает: "Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна... языковой знак произволен". Он считает, что произвольность – это один из двух принципов первостепенной важности для изучения знаковой природы языка (наряду с принципом линейности означающего); "... означающее немотивировано, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи". Соссюр был уверен: "Принцип произвольности знака никем не оспаривается". Он считает, что принципу произвольности не противоречат случаи со звукоподражаниями, междометиями и др. [11, 100-102]. После Соссюра изучение знаковой природы языка получило большое развитие как в теоретическом, так и в практическом, исследовательском плане, и многие учёные усомнились в справедливости утверждения Соссюра о немотивированности знака. Мнения Соссюра не разделяет Р.О. Якобсон (на это указывает в своей статье Г.П. Мельников [7, 6]. Б.А. Зильберт утверждает, что "языковой знак ни в каком отношении не является произвольным" [4, 27]. Е.Е. Хази-муллина считает мотивированность важнейшим свойством языковых знаков [13, 203-206]. Накоплен и теоретически освоен большой опыт практического изучения языковых явлений в разных об-

ластях языка, в разных генетически родственных и неродственных языках, акцентировано внимание на взгляды по рассматриваемой проблеме античных учёных (см. соответствующий обзор по проблеме мотивированности – "правильности имён" – в [7, 3-6]). Этот опыт свидетельствует о том, что возникновение и дальнейшее развитие языковых единиц нередко имеет мотивированный характер, хотя нередко мотивация знака может оказаться стёртой и может быть реанимирована только при помощи специальных научных процедур, в первую очередь этимологического анализа не только в данном языке, но и в других родственных и даже неродственных языках. Учёные усматривают мотивированность в возникновении новых знаков, появляющихся в языке в результате различных деривационных процессов, в том числе процессов метафоризации и – шире – тропеизации; так или иначе мотивированы и изменения в структуре языкового знака, приводящие к развитию полисемии, синонимии и т.п. Здесь мотивация может иметь гносеологический характер. Играть роль и факторы прагматического, эмоционального, оценочного отношения к предмету. (См об этом например [13, 237-242]). В.И. Шаховский указывает ещё на один фактор, который может быть истолкован в контексте мотивации: "...сама жизнь homo sentiens, его коммуникативное поведение требуют, чтобы в языке всё время появлялись слова, которые провоцируют его на новые ощущения. Это объясняется вечной жадностью экспрессии, свойственной homo sentiens. В наибольшей степени эта потребность характеризует речевое поведение молодёжи, её стремление к экспрессивизации общения с представителями своего поколения и людьми старшего возраста, её склонность к примитивной диалогизации общения..." [16, 143]. Так, например, в русском языке обозначение органа зрения око, уходящее своим происхождением в индоевропейскую языковую общность, было со временем вытеснено словом глаз (обычно в форме множественного, бывшего двойственного числа – глаза). Этот случай можно объяснить как результат стремления к экспрессивизации плана выражения языкового знака, на что указывает В.И. Шаховский (ср. также гляделки, моргалки, зенки, буркала и др.). Звуковая природа слова глаза может быть объяснена в контексте теории мотивации – через развитие восприятия свойства гладкости предмета, следствием чего является отражательная способность этого предмета, его бестя-

шесть. С этим может быть связано позитивное эмоциональное отношение к органу зрения как к чему-то сияющему, более выразительному, чем тот образ, который рисует в мозгу звучание слова око. Как отмечается в Словаре [15], в этом случае слово глаз может быть интерпретировано как суффиксальное производное от той же основы, что и гладкий (древнерусские гла-зь и гла-дъ "гладкий"). Слово гладь имеет соответствия и в других индоевропейских языках: в литовском *glodùs* "гладкий", в древневерхненемецком *glat* "гладкий, блестящий". В польском языке слово *głaz* имеет значение "валун, скала, камень". В том же Словаре отмечается, что первоначально слово глазъ означало "шарик, кругляш", древнерусское *глазькъ* – "шарик". В связи с рассматриваемой темой мотивированности значений для нас представляют интерес другие семантически близкие слова с фонокомплексом *gl* (*gl*), которые имеются в русском и в других индоевропейских языках. Рассмотрим русское слово глядеть. Данное слово также имеет индоевропейские корни: оно родственно таким словам, как глянec, которое в таком виде заимствовано из немецкого языка (*Glanz*), где означает "блеск, лоск, глянec"; того же исторического корня древневерхненемецкое *glanz* "светлый, блестящий", средневерхненемецкое *glanz* "блеск, сияние". На славянской почве корень этого слова в результате монофтонгизации дифтонгического сочетания *en* дал рефлекс **ględ-*, затем в русском языке *ę* носовое превратилось в [ʼa], и путём суффиксации образовался глагол глядеть. В Словаре [15] путь развития рассматриваемого значения обозначен следующим образом: "сиять -- сверкать -- бросать взгляд -- глядеть". Возможно, следующим этапом семантического развития корня, содержащего фонокомплекс *gl*, могло быть образование субстантива, конкретизирующего категориальную семантику орудийности: глаз – это орган, орудие *глядения. В этом случае можно было бы говорить, что здесь реализована модель лексико-семантической деривации "действие -- орудие (инструмент) действия": глядеть -- глаз (ср. пилить -- пила, шить -- шило и т.п.). Подобные рассуждения могут иметь смысл в свете обсуждения проблем фоносемантики (см. например [2]; ср. также: Г.Ф. Гадеева...). (Отметим однако, что М. Фасмер даёт иную интерпретацию внутренней формы и этимологии рассматриваемого слова [12]). Г.П. Мельников пишет: "...если функцией группы имён является выражение близких значений, т.е.

близких обобщённых представлений о явлениях внешнего мира, то в пределах каждого языка должна наблюдаться тенденция выражать эти значения хотя и не тождественными, но типологически близкими звуковыми комплексами, причём эта близость должна проявляться между семантически близкими именами не только одного, но и различных языков..." [7, 4].

Образно мотивированные единицы – это в первую очередь слова, в которых обозначены явления ближнего мира древнего человека. Именно в его пределах проходило биосоциальное становление, существование и выживание древнего человека.

Номинирование многих явлений ближайшего для древнего человека природного и социального мира, взаимодействие с которым имело для него первостепенное значение, было мотивировано уже особенностями самих соответствующих явлений: (чувственными) впечатлениями, которыми снабжали мозг человека его собственные органы чувств – слух, зрение, осязание, вкус. На таком понимании строились природосообразные теории происхождения языка – например звукоподражательная теория, основы которой в последние десятилетия стали вновь привлекать внимание исследователей в контексте теории мотивированности языкового знака. Убедительными свидетельствами звукоподражательной мотивации словесного знака являются например такие слова, как кричать, плескаться, скрипеть, скрежетать, греметь, а также их фонетически и семантически соотносительные корреляты в других индоевропейских языках. Например русскому кричать в английском соответствует *shout*, в немецком *schreien* и др. А.Г. Преображенский указывает, что индоевропейский корень **kqr-*, **kqer-*, **kqog-* и другие их видоизменения используются для обозначения крика, карканья и других звуков. В древнесеверогерманском *hrīka* означает "скрежетать", *hrikta* – "трещать", в литовском *kriksu* – это "квакать", *krykszti* – "визжать" и т.д. Как можно видеть, один и тот же фонокомплекс может быть связан с другими близкими образами. А.Г. Преображенский обращает внимание на то, что в широко известном памятнике древнерусской литературы "Слово о полку Игореве" слово кричать употреблено в значении "скрипеть" [8]. Можно обнаружить мотивационно прозрачные и убедительные фоносемантические соответствия также в генетически и типологически различных языках. Приведём например такие соответствия из рус-

ского и башкирского языков: бормотать – мығырлау, кричать – кыскырыу, акырыу; скрипеть – шығырлау, шуметь – шаулау и т.д. А.П. Журавлёв пишет: "Тенденция к мотивированности сформировалась как обобщение проводителей, или признаков предметов, явлений и действий. Для языка среди проводителей особенно важным является звук. Ещё в дознаковой ситуации восприятие явлений с их звуковыми проводителями постепенно устанавливает условно-рефлекторные связи между явлениями и соответствующими звуковыми проводителями. Здесь и кроется знаковая возможность: звук означает явление. Затем эти первоначальные, естественные связи "растягиваются" и обобщаются, поскольку оказывается, что многие такие связи имеют физическое основание: как правило звучания, имеющие сходные акустические характеристики, сопровождают явления, сходно оцениваемые воспринимающим (ещё дочеловеком, а затем и человеком)" [3, 20]. Многократные " типовые " реализации содержательности звучаний приводят к конвенциональности, и тогда "звук становится знаком, а мотивированная связь начинает ослабевать до мотивировочной тенденции под начавшимся воздействием противоположно направленной тенденции к произвольности знака" [2,21]. Постепенно "фонетико-коннотативное значение всё более определённо осознаётся и тем самым сгущается в более чёткое, рациональное и вполне поддающееся истолкованию понятийное ядро значения..." [2, 22]). Как замечает А.П. Журавлёв, мотивировочная обусловленность значений вновь появляющихся в языке слов постепенно ослабевает, усиливаются тенденции произвольности значения. Однако этимологический анализ даёт возможность реанимировать мотивированность значений тех слов, древние корни которых при дальнейшем развитии языка нередко осложнились морфологически. Лексико-семантическое развитие этих корней также нередко затемняет мотивировочную связь, и здесь на помощь приходит этимолого-когнитивный анализ.

Если говорить об индоевропейском социоязыковом ареале, такие словообразы в том или ином виде сохранились в современных языках, и этимологический анализ позволяет успешно идентифицировать их в кругу семантических и лексико-семантических дериватов, несмотря на то, что в течение веков и тысячелетий их

коснулись значительные фонетические, морфологические, семантические изменения.

Мотивация языковых знаков может быть обусловлена не только внеязыковыми, но и внутриязыковыми факторами. По-видимому можно говорить о мотивированности как конкретных, так и абстрактных единиц, в том числе грамматических значений, грамматических категорий ещё более абстрактных уровней семантики, обусловленной причинами онтологического (естественно-природного), системно-языкового, социального и др. характера. Можно усмотреть системно-языковые причины мотивации категории рода в славянских и других индоевропейских языках, что нашло отражение и в самом именовании этой категории: род, мужской род, женский род; сохранение родовой семантики у отпричастных форм прошедшего времени у славянского глагола. Дифференциацией синтаксических функций атрибутивности и приедикативности в славянских языках мотивирована соответственно замена субстантивного типа склонения местоимённым типом у так называемых полных прилагательных и утрата падежной морфологии у кратких форм и др. Интересно вмешательство самого языка в способ выражения падежной семантики прилагательного в тюркских языках: здесь морфологическое выражение падежных значений вообще не получило развития, так как в сочетаниях прилагательное-определение + существительное-определяемое падежное значение морфологически уже выражено существительным. В славянских же языках падежные формы у прилагательных в функции определения избыточны, а учитывая, что падеж – это категория синтаксическая и способна быть выражена (и выражается в некоторых, например в корнеизолирующем китайском языке) интонацией, таксисом (ср. также например тема-рематический синтаксис высказывания), избыточны вдвойне. Так что, например, утрата болгарским языком падежной морфологии не только прилагательным, но и существительным мотивирована синтаксической системой языка, в которой находит вербализацию отражённый в языке мозга мир отношений, складывающихся в предметном мире действительности.

Явление мотивированности языкового знака тесно связано с явлением образности. Е.Л. Словицова считает, что категория об-

разности – это универсальная общедискурсивная категория [10, 26-36]. Понятию "образ" посвящено множество исследований. Их обзор убеждает в том, что это не однозначное понятие, за ним стоят разные, хотя и связанные явления. Так, например, образ рассматривается в науке в контексте теории значения. Текстологами это понятие рассматривается в контексте метафоризации и в целом тропеизации, свойственных художественным текстам, особенно поэтическим. Обзор понятий образа с опорой на научную литературу содержится, например, в монографии Н.А. Илюхиной [5, 17-29].

Для нашей работы наиболее приемлемо понимание образа как некоего отпечатка от явления в сознании, причём не обязательно от всего явления в целом: в образе могут быть акцентированы отдельные стороны этого явления, наиболее характерные для него либо представляющиеся человеку наиболее важными в плане его взаимодействия со средой. Такие стороны и оказываются зафиксированными в образе как мыслительной структуре, а затем вербализованы в процессе развития социального и коммуникативного взаимодействия. Для рассмотрения нашей темы важно следующие представления об образе: категория образа имеет когнитивные (а не собственно языковые) формы [5, 12]; "Образ выступает как способ структуртования семантического континуума ("способ квантования когнитивного пространства", по А.Н. Баранову и Ю.Н. Караулову) и единица такого структурирования – результат отражения реальности в языке и сознании. Эта единица аккумулирует совокупность признаков реальности (в виде эмпирического, чувственно-наглядного представления и в виде понятийного конструкта), которые во всём многообразии эксплицируются лексическими средствами" [5, 14-15]. Н.А. Илюхина полагает: "Категория образа, по своей природе являющаяся не языковой, а когнитивной, не традиционная для системно-семиологического описания" [5, 12]. Для нашей работы также важно понимать, что один образ фактически может быть эксплицирован целыми лексическими множествами – такими как синонимические ряды, антонимические пары, лексико-семантические и тематические классы, внутрисловные парадигмы лексико-семантических вариантов многозначных слов и т.п. Изучаемые нами лексико-семантические классы слов с общим значением "вода" в русском и китайском языках являются языковыми

проекциями сложного образа "ВОДА", в котором отражён соответствующий фрагмент предметного мира действительности ВОДА. Внутренняя дифференциация (категоризация) этих классов также является проекцией "естественной категоризации" самого соответствующего фрагмента мира, следствием чего является принципиальная идентичность структур самих исследуемых классов лексических единиц русского и китайского языков. Мы включаем в состав этих классов кроме обозначений воды, её агрегатных состояний, водосодержащих субстанций также обозначения водных объектов и их частей, областей суши, примыкающих к акваториям, метеорологических явлений, зоонимы и фитонимы, обозначающие "водных" животных и растений, и т.д. (ср. [9]). Образы могут иметь разные уровни категоризации: самый высокий, нижний и промежуточный. На промежуточном уровне "человек эффективнее всего взаимодействует с окружающей средой и наиболее продуктивно обрабатывает, хранит и передаёт информацию... В этих категориях... сконцентрированы максимально релевантные для обыденного сознания свойства..., этими естественными категориями человек руководствуется в повседневной жизни" [5, 32-33]. Как указывает Е.С. Кубрякова, единицы этого уровня обычно высокочастотны, структурно просты и исключительно информативны, первыми усваиваются в онтогенезе, образуют совокупность единиц, известную большинству говорящих [6]. Для нас важна точка зрения Н.А. Илюхиной, которая считает, что образ должен рассматриваться в рамках типовых ситуативных связей, то есть например обозначения повозок и человека в их отношении к коню (например телега, фиакр, всадник, ямщик и др.) должны быть включены в пределы образа коня в составе моделей "транспорт" и "персонификация", "в его экспликации широким кругом слов, способных к прямому..., косвенному метонимическому... воплощению образа во всём многообразии его свойств и связей" [5, 34-35].

Литература

1. Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
2. Журавлёв А.П. Фонетическое значение. Ленинград: изд-во Лнингр. университета, 1974. 160 с.

3. Журавлёв А.П. Типы значений слова и их мотивированность // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград. 1976. С. 20.
4. Зильберт. Б.А. Мотивированность языковых знаков: опыт типологии // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград. 1976. С. 27.
5. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта; Наука. 2010. - 320 с. - С. 17-29.
6. Кубрякова Е.С. Базисный уровень категоризации // Кубрякова Е.С. Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996
7. Мельников Г.П. Орфонимия и мотивированность знака // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград. 1976. С. 3-6.
8. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Том первый А-О. М., 1959.
9. Скляревская Г.Н. Языковая и художественная метафора: единство и противоположность // Вопросы теории и истории языков сб. статей СПб :Изд-во С.-Петерб. ун-та. 1993.
10. Словицова Е.Л. Категория образности как универсальная общедискурсивная категория // Системно-комплексные исследования динамики языкового пространства. Пермь: Изд-во Перм.исследовательского политехнического института. 2016. - 180 с. - С. 26-36.
11. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 1 том. А-Д. 4-е издание, стереотипное. – М.: Астрель. Аст.с. 330.
13. Хазимуллина Е.Е. Гносеологическая мотивированность вторичных, эмоциональных и оценочных номинаций // Актуальные проблемы лингвистики. Юбилейный сборник в честь... Л.М. Васильева и ... З.П. Здобновой. Уфа: РИЦ БашГУ. 2002.с. 237-242.
14. Хазимуллина Е.Е. Мотивированность и репрезентативность как важнейшие свойства языковых знаков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2013. Ч. 1. С. 203-206.

15. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1975.
16. Шаховский. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград, 2016. 503 с. - С. 143.

© Ибрагимова В.Л., Ван Чуньму, 2017

УДК 81'373

С.С. Исакова (докт. филол.наук, проф. Актюбинского регион. госуд. университета им. К. Жубанова, г. Актобе, Казахстан),
С.А. Кожина (магистрант 2 г/о Актюбинского регион. госуд. университета им. К. Жубанова, г. Актобе, Казахстан)

ТЕРМИН ЕРЕКШЕ КОГНИТИВТІ БІРЛІК РЕТІНДЕ

В статье представлены основные подходы к пониманию термина как основной когнитивной единицы языка в терминологических исследованиях докогнитивного и когнитивного терминоведения; показана преемственность научных парадигм в истолковании природы термина, описаны критерии определения термина и признаки термина.

Ключевые слова: *термин, специальное понятие, признаки термина, когнитивная единица, когнитивный подход.*

Термин табиғатын түсіндіруге ғалымдар ертеден назар аударып келеді. Тіл білімінің әр жаңа тармағын зерттеу барысында олар жаңа аспектілерді ашып ғылым тілін өзге қырынан тани түседі. Ғылым тілі өз алдына ерешке бейнелі жүйе іспеттес, себебі ол тіл мен оның дәстүрлі түсінігі сияқты адам санасында белгілі бір білімдер жүйесін кодтай алады. Ол жөнінде «Language and development from birth to three» еңбегінде: «Язык науки тоже кодирует в знаковой форме нечто, стоящее за его собственными пределами. Слова и прочие языковые единицы – эти языковые репрезентации – активизируют, поэтому те сущности, звуковыми заместителями которых они являются, - они возбуждают в памяти человека

связанные с ними концепты», - делінген[1, 7]. Термин ғылым тілінің таңбасы ретінде ерекше ментальді бейнеге ие болса, барлық терминдер кешені әлемнің ғылыми бейнесінің концептуалдық моделін құрайды.

Қазіргі зерттеулер үшін маңыздысы терминді тілдің бөлшегі деп тану болып отыр. В. Фон гумбольдттың пікірінше, оны жансыз зат деп қабылдау қате түсінік, дамушы процесс ұғымында тану қажет. Терминдер нақты бір тілдің заңдылығына сүйеніп жасалады, ал терминологиялық атау адамның тілдік тәжірибесі мен ғылыми-кәсіптік білімін қажет ететін шығармашылық процесс.

Еске салатын болсақ, екінші Бүкірлесейлік терминологиялық жиында В.П.Петушков терминнің семантикалық табиғатын, грамматикалық және функциялық құрылымын қарастыратын «терминтаным» ұғымын енгізген болатын. Терминтаным - лингвистикалық емес ғылыми пәндермен тығыз байланысты кешенді ғылым. Бұл турасында Б.Н. Головин мен Р.Ю. Кобрин төмендегідей пікір білдіреді: «Терминоведение является комплексной научной дисциплиной, связанной с такими нелингвистическими научными дисциплинами, как логика, математика, психология, а также с конкретными областями науки и техники» [2, 8-9].

Аталмыш ғылымның негізгі мәселесі өзегі болып табылатын ұғым – терминге анықтама беру. Ең алдымен түсіндірме сөздікте берілген анықтамаға жүгініп көрелік: « Термин – белгілі бір ғылым мен техника, өнер саласындағы нақтылы ұғымды білдіретін атау, сөз бен сөз тіркесі» [3, 801].

Бүгінгі таңда психолингвистика, лингвофилософия және лингвомәдениеттану сияқты салалардың дамуы терминологияны зерттеудің когнитивті бағытына жол ашып отыр. Терминтаным антропоцентристік бағыт шеңберінде қарастырылып, әр бағыт терминге тән белгілерді өз түсінгінде беруге талпыныс жасауда. Бұған терминнің когнитивтік табиғатын мысал етуімізге болады. Когнитивтік бағыттың мақсаты турасында ғалымдардың пікірі бір арнаға тоғысып отыр, яғни әлемнің тілдік бейнесін құрудағы терминдердің рөлін анықтау болып табылады. Бұл бағыттың шеңберінде терминдер дара зерттеліп қоймайды, олардың адам санасындағы түсінігі де есепке алынады. Дегенмен, тіл нақты ғылым бола тұра, бүгінге дейін терминге әмбебап анықтама ұсына

алмай келеді. Сөзіміздің дәлелі ретінде В.М.Лейчиктің пікірін ұсынғымыз келеді: «Универсального определения термина может не существовать, потому как термин – сложный феномен, свойства которого проявляются во всевозможных понятийных объектах и проблемных ситуациях» [4, 20].

Когнитивтік бағыттың терминологияға енгізілуі терминологиялық зерттеулердің ойлау туралы ғылымдармен байланысынан басталғаны белгілі. Әлемнің тілдік бейнесінің кез келген бөлшегі адамның тілдік бейнесімен байланыста қаралуы осыдан келіп туындады.

З.И. Комарова терминге анықтама беруде оның жіті анықтала қоймағанын және көпқырлы екенін ескерген дұрыс деп санайды. Себеі бірі терминнің логикалық анықтамасын беруге күш салса, екінші құрылысын тануға көңіл бөледі. Бұл жөнінде ғалым: «Нет единицы более многоликой и неопределенной, чем термин, причем наблюдается несколько подходов к определению термина: одни исследователи пытаются дать ему достаточное логическое определение; другие – стараются описательно раскрыть содержание термина, приписав ему характерные признаки; третьи – выделяют термин путем его противопоставления какой-либо негативной единице; четвертые ищут противоречивые процедуры выделения терминов, чтобы прийти затем к строгому определению этого понятия; пятые пытаются дать пока хотя бы “рабочее” определение», - дейді [5, 7].

Терминге анықтама беру екі бірдей факторға тәуелді болады:

- 1) Терминнің қай бағыттың аясында зерттелуіне байланысты;
- 2) Аталмыш лексикалық бірліктің қай салаға тән екеніне байланысты.

Терминологияның өзекті мәселесіне айналған терминдер бүгінде когнитивті бірлік ретінде қарастырылып келеді. С.В.Гринева терминге когнитивті басымдылық беру ғылыми танымның дамуына ғана емес, адами мәдениет пен өркениетке де өз әсерін тигізеді деген еді. Ол өз сөзінде: «Когнитивный подход в терминоведении важен «не только для изучения особенностей развития научного познания, но и для изучения путей развития человеческой культуры и цивилизации в целом», - дейді [6, 33].

Ендігі кезекте лингвистер терминнің ішкі табиғатына, оның қарым-қатынас пен таным арасындағы байланысына, терминнің

бойындағы білімдір жиынтығына назар аудара бастады. Жалпы алғанда, когнитивті лингвистика когнитивті ғылымдар парадигмасы ретінде тілді когнитивтік механизм деп таниды. Соған сәйкес терминнің түсінігі де кеңейе түседі.

Когнитивтік көзқарас терминнің белгілі бір білімдер жүйесін жинақтап қоймай, оның өзге білім аймағымен байланыста қарайтынын алға тартады. Оның нәтижесінде термин қарым-қатынас барысында қажеттілікке ие арнайы білімдерді сақтайтын және жинақтайтын ақпараттық-когнитивтік құрылым, модель деңгейіне көтерілді.

Когнитивтік зерттеулерде екі түрлі басымдылық көрініс табады: ономазиологиялық және когнитивтік. Біріншісінде талдау сөзден ойға, концептіге жүргізілсе, соңғысында керісінше концептіден номинативтік бірлікке жүргізіледі. Терминдерді зерттеу аясында олардың концептілермен өзара байланысы және ұғымдық ерекшелігі қоса ескеріледі.

Когнитивтік бағыт терминге тілдің құрылымдық-семантикалық бірлігі деп қараудың жеткіліксіз екенін көрсетті. Себебі термин екі деңгейлі құрылымнан тұратын тілдік белгі деп танылуы қажет. Оның сыртқы деңгейі – семантикасы. Ал ішкі, яғни негізгі деңгейі – концептуалдық құрылымы. Оның концептуалдық құрылымында бірқатар белгілер жинақталып, сыртқы семантикалық деңгейінің өзгерісіне әкеліп соғады.

Зерттеуші Т.С. Росянова когнитивті ғылымның пайда болуы терминге телінген біржақты көзқарастың кемшілігін анықтауға ықпал еткенін айтады. Оның сөзіне назар аударатын болсақ: « С появлением когнитивной науки акцент исследований сместился от классической однозначности термина к многозначности, а также поставлено под вопрос утверждение о стилистической нейтральности терминологических единиц» - деген еді [7, 105-108].

Ақиқатына келсек, тәжірибе жүзінде терминге қойылған талаптардың бірқатары ескерусіз, орындаусыз тіпті қайшылықты келетіні белгілі. Бұл талаптар жөнінде А.И.Моисеев: « , ризнаки, обычно приписываемые термину и терминологии в целом ... – не более как их тенденция или их желательные качества, или, наконец, требования к “хорошей” рационально построенной терминологии. Примеры недостаточной системности терминов,

нестрогости значений реальных терминов, их многозначности, омонимии, синонимии хорошо известны», - дейді [8, 138]. Ғалымның пікіріне сүйенсек, терминнің шынайы табиғатын тануда оған қойылған талаптар шектеу болмауы керек.

Термин табиғатын анықтауға талпынған бұған дейінгі бағыттар оның бойындағы құбылыстар мен белгілерді назардан тыс қалдырса керек. Тіл шектеулер шеңберіндегі жансыз нәрсе емес, ол үнемі даму үстіндегі дүние. Себебі ол экстралингвистикалық факторлардың ықпалына жиі ұшырайды.

Когнитивті ғылымның терминологияға енгізілуі терминнен (сөзден) арнайы білімді атау арқылы берілетін ақпаратты талап ете бастады. Өйткені сөддің бойындағы ақпаратты өңдеу, тарату, тасымалдау когнитивті бағыттың міндеттеріне айналды. Мәселен, күнделікті таным үшін қылмыс адамгершілікке қарсы әрекет, жағымсыз іс деп түсіндіріледі. Ал араны таным үшін қылмыс қоғамдық құрылыс пен жеке бастың мүддесіне қарсы бағытталған айыпты іс-әрекет болып табылады. Ақпараттық-когнитивтік құрылым терминнің белгілі біо салада нақты түсінік беруі арқылы көрініс тауып отыр.

Терминнің когнитивтік аспектілерін зерттеу мәселесінде оның коммуникативтік бағытпен өзара байланысын ескергеніміз жөн. Терминді ғылым таным құралы деп қабылдау қарым-қатынас барысында ғана мүмкін болмақ. Терминологияның коммуникативтік теориясы терминге қатысты принциптер жүйесін ұсынады:

1. Терминология ғылымаралық сипатқа ие. Ол білім теориясы, қарым-қатынас теориясы және тіл теориясы секілді салалармен толығып тұрады;

2. Терминологияның объектісіне табиғи тілдің бөлшегі болып табылатын терминологиялық бірліктер кіреді;

3. Терминдер қарым-қатынас типіне тәуелді емес, прагматикалық шарттары бар лексикалық бірліктер;

4. Терминологиядағы концептілер: терминнің концептуалдық құрылымымен тығыз байланысты.

Когнитивтік көзқарас терминологияны ойлау, қабылдау, тану секілді процестердің тоғысында қарастыру мәселесін көтереді.

Терминологиялық бірліктер табиғи тілдің бөлігі деп келетін ойдан, оның өздігінен дамымай ғылыми таным, адамның кәсіби іс-

әрекеті, білімдер жүйесі және қарым-қатынас ықпалында болады деген пікір қалыптасады.

Ғалымдардың пікірлерін талдай келе, біз де терминдерді конитивті бірлік деп тану керектігін дұрыс деп есептейміз. Себебі терминдерді барлық лингвистикалық білімдер төңірегінде кешенді зерттейтін бағыт әзірше біреу ғана, ол – когнитивтік бағыт. Бұл бағыт терминде жасырынған ақпаратты, оның мәнінде жатқан ментальді бірлік пен құрылымды анықтауға мүмкіндік береді.

Д.А. Кожанов өз зерттеуінде: «... в рамках когнитивно-дискурсивных исследований, где содержание термина раскрывается через соотнесение языкового знака с находящимися в постоянном взаимодействии структурами сознания, объектом анализа может быть любой текст» - деген ой білдіреді [9, 43].

Жоғарыда айтылған мәселелерді қорытындылай келе, термин дегеніміз – ақпараттық-когнитивтік құрылымы бар когнитивті бірлік, яғни сөз немесе сөз тіркесі деген анықтамаға саямыз. Ол өз бойына қабылданған ақпаратты сақтай отырып, ғылыми танымның құралы ролінде жұмсалады. Сонымен қатар ғылыми білімді жалпылауға, еселеуге және тасымалдауға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Anisfeld M. Language and development from birth to three. – Hillsdale, 1984.
2. Головин Б.Н., Кобрин, Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах [Текст] / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.
3. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. 50 мыңға жуық сөз бен сөз тіркесі / Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігі, Тіл комитеті. Жалпы ред. басқарған Т. Жанұзақов. - Алматы : Дайк-Пресс, 2008.
4. Лейчик В.М. К определению философских основ терминоведения [Текст] / В.М. Лейчик // Отраслевая терминология и ее экстралингвистическая обусловленность. – Воронеж, 1986.
5. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание: монография [Текст] / З.И. Комарова. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. – 156с.

6. Гринев С.В. Терминоведение на пороге третьего тысячелетия [Текст] / С.В. Гринев // Научно-техническая терминология: научно-техн. реф. сб. – Вып. 1. – 2000. – С. 31-34.
7. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание: монография [Текст] / З.И. Комарова. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991.
8. Моисеев А.И. О языковой природе термина [Текст] / А.И. Моисеев // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970.
9. Кожанов Д.А. Новые подходы к определению сущности термина в когнитивно-дискурсивных исследованиях [Текст] / Д.А. Кожанов // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2008. – № 5 (12).

© Исакова С.С., Кожина С.А., 2017

УДК 81.33

Ф.С. Искужина (канд. филол. наук, доц. каф. башк. языкознания и этнокульт. образов. БашГУ, г. Уфа, Россия)

ӨЗӘБИ ТЕКСТА СИТ ТЕЛМӘР ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРЕ

В статье обсуждаются проблемы приемов сближения авторского повествования с речью героев в художественной литературе. Чужая речь противопоставляется авторской, т. е. "своей", принадлежащей рассказчику, говорящему. По способу, характеру передачи, оформления чужой речи различают прямую, косвенную и несобственно-прямую речь. Стилистический анализ башкирских художественных текстов позволил выявить характерные признаки таких форм внутренней и внешней речи, как монолога, диалога, полилога, аутодиалога и т.п.

Ключевые слова: художественный текст, авторская речь, чужая речь, прямая и косвенная речь, несобственно-прямая речь, монолог, диалог, полилог, аутодиалог.

Дөйөм тел гилемәндә Ю.М. Лотман, В.Б Шкловский, М.М. Бахтин, Б.М. Эйхенбаум һ.б. телселәрзең фекеренсә, текстағы автор һәм персонаж караштары композицион телмәр формаларын

– автор һәм персонаж телмәрен формалаштыра. Өсәрзән контекслы-вариатив бүленеше, беренсе сиратта, унда ике телмәр ағымын – автор һәм персонаж телмәрен айырып күрһәтә. Өзәби текстағы персонаж образы структураһының төп төзөлөш компоненты булған сит телмәр үзенсәлектәрен карап китәйек.

Сит телмәр башкорт тел ғилемдә әлегә махсус тикшерелмәгән. Шулай за телселәр Ғ.Ғ. Сәйетбатталов, Х.Ғ. Йосопов хезмәттәрендә бер ни тиклем өйрәнелгән.

Автор йәки һөйләүсе телмәренә индерелгән телмәр тел ғелемдә **сит телмәр** тип йөрөтөлә. Ул **тышкы** һәм **эске телмәргә** бүленә.

Тышкы телмәр. Билдәле булыуынса, уға персонаждың әсәрзәге репликалары йыйылмаһы инә. Был репликаларза йәнле һөйләү теленең лексик, синтаксик, интонацион үзенсәлектәре асык һаклана. Автор сит телмәр ярзамында персонажға телмәр характеристикаһы бирә.

Өсәргә индереләү ысулы йәһәтәнән уның түбәндәге төрзәре айырып йөрөтөлә: *полилог, диалог, монолог, тура телмәрле конструкция, ситләтелгән телмәрле конструкция.*

Полилог – персонаждарзың репликалары тезмәһе. Текста репликаларзың “хужалары” күрһәтелмәһә лә, улар, үз аллы хәбәрнамә булып, яңы юлдан языла, һәм уларзың алдына һызык куйыла. Мәсәлән: *Был хәбәр шунда ук Ташибаткан ауылына таралып китте. Уны бисәләр өзмәй-куймай һөйләнеләр:*

- *Фатиманы Ғәмәр ауылының аръягында тотоп алғандар, ти зә баһа.*

- *Ысынмы? Куйсы ла а-а-аң...*

- *Әле кайза икән һуң?*

- *Ғәмәр ауылына килтереп, бикләп куйғандар, ти.*

- *Бахырзы ғына...*

- *Ярар. Башкаларға гибрәт булыр бына...(Ж. Кейекбаев).*

Ж.Ғ. Кейекбаевтың “Туғандар һәм таныштар” романында сит телмәрзән был төрө йәш кулланыла. Полилогты Б.Рафиков, Н.Мусин әсәрзәрендә лә оsrатабыз. Мәсәлән: Карттар үз-ара бышылдашырға, кайһы берзәре, кыскырып, үз фекерзәрен әйтергә тотондо.

- *Күсәкләп кыуырға кәрәк ул мөртәтте ауылдан!*

- Аяк-кулын бәйләп, Үргенгә ыргытһаң да, кылыгыгыззы хуп күрер хозай!

- Карамы менән бергә кыуырға кәрәк!.. (Н.Мусин).

Полилогтар кулланғанда автор, унда катнашыусыларзы атарға ла, атамасқа ла мөмкин. Улар урынына, мәсәлән, түбәндәге һүзәрзе кулана: *кыззар, катын-кыз, бисәләр, халык, кешеләр, күптәр, кайһы берәүзәр, берәүзәре, икенселәре, өсөнсөләре* һ.б. Был осракта әңгәмә барышы ла һүрәтләнмәй, ә персонаждарзың нимә хақында һөйләшеүзәре генә бирелә.

Полилогтар поэзияла ла кулланыла. Мәсәлән:

Берәүзәр күрешә,

берәүзәр

Дәртләнәп һөйләй һүзән.

- *Походта булдык. – ти берәү,*

- *Колхозда булдык, - яуап.*

- *Һыу, урман күрзек, - ти берәү,*

- *Без урак урзык, - яуап.*

- *Йәнлектәр, коштар күзәттек.*

- *Тап диңгез кәүек иген...*

- *Ботаник булыр инем мин.*

- *Комбайнер булыр инем (Р. Ниғмәти).*

Сит телмәрзең был төрө 50-60-сы йылдар әзәбиәтендә йыш осрай һәм, әйтергә кәрәк, ул әсәргә халыктың фекерен еткерәү өсөн индерелә. Күзәтеүзәр күрһәтеүенсә, автор мөһим вакиға, көсөргәнешле аралашыу, сетерекле мәсьәләне хәл итеү вакытында, айырыусы проза әсәрзәрәндә, полилогка мөрәжәғәт итә.

Диалог – ике персонаждың аралашыу телмәре формаһы. Проза әсәрзәрәндә персонаждарзың репликалары автор һүзәрзе менән дә, уларһыз за биреләргә мөмкин. Мәсәлән:

- *Ә һағыныузың ни икәнән беләһегезме? – ти атай.*

- *Нимә һуң ул?*

- *Һеззең мине күргегез килдеме?*

- *Эй озақ торзоң, атай, без илап бөттөк, – тин Оксана уны косаклап ала.*

- *Бына минең дә шулай һеззе лә, ошо урмандарзы ла, шишмәләрзе лә, юлдарзы ла күргем килде.*

- *Ә һин иланыңмы, атай? – тин һораша һеңлем.*

- Юк, кызым, илауын иламаным. Илагым килһә лә, түззем...

(М. Кәрим).

- Һөйөү нимә? – тинем ир кешегә.

- Катын өсөн тамуктарзы үтеү.

- Һөйөү нимә? – тинем мин катынга.

- Ғаләмдәрзә янып көлгә калган
ирзе көтөү (М. Кәрим).

Полилог һәм диалог әсәрзе күп тауышлы итә, вакиғаларзы төрлө күзлектән баһаларға, персонаждарға телмәр характеристикаһы бирергә мөмкинлек бирә.

Монолог – сит телмәр формаһы. Ул авторға персонаждың хис-тойғоларын, донъяға карашын, теге йәки был хәл-вакиғаға фекерен тулы һәм асыҡ итеп сағылдырырға ярзам итә. Проза әсәрендәге монологик текстан вакиғаларзың куйырыуын тойомларға мөмкин, сөнки унда персонаждың эмоциональ хәле һүрәтләнә. Шуға күрә лә ул эмотив лексикаға, экспрессив синтаксик конструкцияларға бай була. Мәсәлән:

- *Ярабби! – тин әсе кыскырып ебәрзе Акйондоз. – Ошо тиклем мөхәббәт тә кешене үлемдән һаҡлай алмағас инде! Нимәгә ышанырға, нимәгә таянырға қала һуң? Ә мин шул тиклем ышангайным... Мөхәббәттең әжәлдән өстөн булығы тураһында күпме китап язғандар. Ул китаптарзы бит мин иман урынына күрәп укыным, һәр бер һүзен ятлап алдым. Бөтәһе лә ялған, бөтәһе лә уйзырмамы икән ни? – Үлем кағызы ятқан куш усың ул тағы алға һуззы. – Анау тиклем баһадирҙан ошо ғына тороп калһын инде. Ғәзәллек кайза?! (М. Кәрим).*

Монологта билдәле бер мәсьәлә тураһында бәйән ителә. Шуға күрә лә автор, персонаждың ошо проблемаға бәйле тормош тәҗрибәһен кулланып, интеллектуаль кимәлен иҫәпкә алып, кисерештәрән һүрәтләп, уны ентекле итеп тасуирлай. Үрзә килтерелгән миҫалда был асыҡ сағыла.

Тура телмәрле конструкцияларза телмәр структураһы асыҡ сағыла, сөнки унда катнашыусылар (һөйләүсе һәм тыңлаусы) күрһәтелә, әңгәмәнең барышы һәм йөкмәткеһе тураһында тулы мәғлүмәт бирелә. Бындай конструкциялар тырнактар эсенә алына

йәки препозитив һызык менән айырыла. Сит телмәрзе ошо рәуешле биреү эзәби әсәрзәрзә йыш кулланыла. Мәсәлән:

Коштар уны: “Үзең кеүек үк батыр, ирек һөйә торған коштарға беззән сәләм әйт, тургай!” – тип озатып калдылар (А. Карнай).

*Ирзәр йөрөр юлга озатканда
Әйтте атайым миңә ошоләй тип:
“Узамандар корона тап килгәндә
Зур һүз һөйлә, әре һөйләшмә тик”.
Йәнә әйтте: “Көсөң ташканда ла
Йөгөндөрөр йөктө йөкләмә һис.
Ахмактың һәр һүзен кире какма,
Мактансыктың һүзен йөпләмә һис” (М. Кәрим).*

*Түбәндә ағыла болоттар,
Ирәмәл биленә уралып,
Улар за әйткәндәй тойола:
- Ёоклангыс Уралың! Уралың”... (Б. Бикбай).*

*Аңла, йәшәү һәйбәт, тормошоңдо
Тотош бирһәң илгә, халыкка.
“Батыр үзе үлһә лә, исеме кала!” –
Тип йырайзар, улым, халыкта (З. Бишсева).*

Автор һүззәрәндә кылымдың лексик-семантик төркөмдәрәнән телмәр кылымдарына өстөнлөк бирелә. Эзби әсәрзәрзә лә, йәнлә һөйләү телендә лә түбәндәге телмәр кылымдары йыш кулланыла: *тиеү, әңгәмәләшеү, белдерәү, иҗлан итеү, искәртеү, мөрәжәгәт итеү, һүз кушыу, кәңәш итеү, танышыу, талашыу, алдау, төпсөү, яуап биреү, телгә килеү, бәхәсләшеү, шыбырзау, өндәшмәй калмау, әрләй биреү, әрепләшеү, үсекләү, орошоу, һөйләү, һорау, яуап биреү, әйтеү һ.б.*

Телмәр кылымдары араһынан *тине* кылымы эзәби әсәрзәрзә лә, һөйләү телмәрәндә лә йыш кулланыла. Был уның “кин семантикалы һәм күп функциялы булыуы менән характерлана” [1, 36]. Тикшеренеүзәргә нигезләненп, шуны ла әйтә алабыз: *тине* кылымы авторзар тарафынан, нигеззә, хәл һәм хәл әйтемдәрә менән асыклап кулланыла, мәсәлән: *тине ул кәмһетелгән бер*

тауыш менән, тине шелтәләп, тине которткан һымак, тине йомшак тауыш менән, тине ул тартынып, тине ихласһызлык менән, тине калтыранган тауыш менән, тине кырт кисеп, тине кыйуһыз ғына, тине исе китмәй генә һ.б. Улар телмәрҙең тауышлы йәки тауышһыз башкарылыуын, асыҡлығын, темпын, интенсивлығын, дикцияны, аралашыуы, хәбәр итеүҙе, йоғонто яһауы, эмоцияларҙы сағылдырыуы һ.б. асыҡлай.

Тура телмәрле конструкцияларҙа фекерләү кылымдары телмәрҙең персонаждың эске эмоциональ һәм интеллектуаль донъяһы менән бәйлә булыуын, ым-ишара, хәрәкәт менән берҙәмлеген сағылдырырға мөмкинлек бирә. Сөнки улар объектив тышкы донъяны, безҙе уратып алған ысынбарлыҡты танып белеү барышында кешенең баш мейеһендә сағылған төрлө процестарҙы белдерәләр. Башкорт телендәге әҙби текстарҙа тура телмәрле конструкцияларҙа *аңлау, баһалау, кире кағыу, фекер алышыу, фекер йөрөтөү, төшөнөү, баш ватыу, һығымтаға килеү, сағылдырыу, уйлап сығарыу* һ.б. фекерләү кылымдары йыш кулланыла.

Тимәк, тура телмәрле конструкциялар авторға персонаждың тепмәрен тулы килеш еткерергә, ошо телмәрҙең үзенсәлектәрен тасуирларға һәм автор һүҙҙәре яҙамында уны баһаларға мөмкинлек бирә.

Ситләтелгән телмәрле конструкцияларҙың функцияһы – персонаж һүҙҙәренең йөкмәткеһен әҙби яктан эшкәртеп сағылдырыу. Был осрақта автор кушма һөйләмдәр кулланыла: баш һөйләмдә - автор һүҙҙәре, эйәрсән һөйләмдә персонаждың фекере йөкмәткеһе бирелә. Мәсәлән: *Тимер юлсыларға администрация эш хакын арттырырға булған икән тигән хәбәр ишетелде (Ж. Кейекбаев).* *Был хатында Ғурфан Сафыйҙың өндәшмәй ятыуында берәй сәбәп барзыр, тип уйлауы, иуға күрә ошо арала отпуск ваҡытында бында килеп сығырға теләүе... тураһында яҙғайны (З. Бишшева).*

Эске телмәр. Әҙби текстарҙа персонаждың тышкы телмәренән башка эске телмәре лә киң урын ала. Ул, нигеҙҙә, тышкы телмәргә окшаш, шулай за үзенә генә хас үзенсәлектәре лә бар. Психологтар Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, Н.И. Жинкин һ.б. билдәләүенсә, уға билдәһезлек, һөйләм конструкцияларының тамамланмаған һәм өзөк-өзөк, мәғәнә яғынан сикләнгән булыуы,

ассоциативлык хас. Телмәрзең был төрөн языусылар персонаждың эске донъяһына психологик анализ яһау, уның интеллектуаль үзенсәлектәрен һәм эмоциональ хәл-торошон, күнелен, зиһенен тасуирлағанда кулланалар. Тел ғилемдә эске телмәрзең күләме, характеры, текска индереләү ысулы, йөкмәткеһе һәм уларза лексик-грамматик сараларзың кулланылыуы буйынса уның бер нисә төрө айырып йөрөтәлә. Мәсәлән, В.А. Кухаренко эске телмәрзе түбәндәге типтарға бүлә: *уйзар теҙмәһе, кыска уй, эске монолог, аутодиалог* [2]. Өзәби әсәрҙәрҙән тупланған күп һанлы фактик материалдарға таянып, без зә ғалимдарзың фекеренә кушылабыз һәм уларзың һәр береһен айырым карап үтмәксебез.

Уйзар теҙмәһе. Персонаждың уйзарын тасуирлау языусы өсөн бик катмарлы. Укыусы ла уны ауыр кабул итә, сөнки уларза уйзар буталсык, фекер “томанлы” һәм эзмә-эзлекһез бирелә. Был осракта автор персонажға “битараф” мөнәсәбәттә була һәм уның кисерештәрәнә бөтөнләй тип әйтерлек кысылмай, йәғни унда автор һүззәре кулланылмай. Мәсәлән: *Сәмиғулланың Әхмәдигә карата асыуы кабарзы. Ул юл буйынса тик шул турала ғына уйлап килде: “Таптырырмын әле мин бурзы... Күрмәгән-белмәгән эшенә бүрәнә үтә бүре күреп, кешегә нахактан бур исеме тағып ятһа, мин Әхмәди ишкелле гүмер буйы кеше хақы ашап бурлык менән гүмер итмәнәм. Байлығы менән маһая. Байлык – бер айлык ул. Алдык менән кем байымай уның һымак, беләбез...”* (Ж. Кейекбаев).

Эске монологта персонаждың ниндәйҙер ауыр хәлдә калғанда, сиселеше булмастай мәсьәлә алдында торғанда тыуған фекерҙәре бирелә. Уның йөкмәткеһендә персонаждың үзенә үткән тормошона анализы йә булмаһа киләсәккә хыялдары сағыла. Был осракта автор фекерләү кылымдарын йыш куллана. Мәсәлән: “Туғандар һәм таныштар” романында кулланылған фекерләү кылымдары: *уйлау, баш ватыу, баһалау һ.б.* “... Былай булыр, тип уйламағайным, - тине ул эстән, - ниңә генә кайтманы икән... Бәлки ул кайтып та киләлер, юлдалыр. Иртәгә кайтһа ла, һуң түгел әле... Мин һандыктан әзерләп куйған әйберҙәрәмде алыр за, икәүләп таузан-тауға, урман аралары менән китер инек. Барып беззе эзләп тапканса без кушылған булыр инек инде... Уф... Сөнәгәт... һин... Юк. Кайтмаҫ... Күңелемә һис кайтыр һымак түгел... Ни эшләргә?.. Ни эшләргә?.. Сөнәгәт!.. Сөнәгәт!.. Мине

гәйепләмә. Мин һине әүлгә һымак яратам һәм мәңге яратырым. Кайтманың. Үзең гәйепле... үпкәм шул тиклем зур һиңә, ләкин мин һине барыбер яратам... Уф... йөрәгем..." (Ж. Кейекбаев).

Аудиодиалог персонаждың эске донъяһында барған көрәште, уның үз-үзе менән һөйләшен, икеләнеүзәрен, изгелек һәм яуызлык, акыл һәм күңел көрәшен, йәғни уның эске донъяһының дисгармонияһын, сағылдыра.

Миһалдар карап китәйек: "...Сөнәгәт баһита аптырап китер әле, - тип уйлай Фатима, - һиңә килдең, һи эһләп йөрөйһөң, әллә мине үлтерергә килдеңме? тиерме икән?.. Могайын, шулай тиер... Юк! Мин бер вақытта ла кеше үлтергәнем юк! Наһак! Ялған! Барыһа ла ялған бит былар. Тик бер Сөнәгәт кенә аңлар мине! Ул хатында ла язған һиңә: бер зә күңелем ыһанмай һинең был эһеңә, тигән. Дөрөһ, Сөнәгәт! Ыһанма! Мин ул эһте бер вақытта ла эһләмәнем. Үззәре... Үззәре эһләгәндәр улар барыһын да... Мине курсак урынына йөрөттөләр, һимә тип яуап бирергә өйрәттөләр алдан... Юк, минең курсак булып йәһәгем килмәй хәзәр... Әрәмәгә һеперткегә барғанда, мин Хөһәйенде күрмәнем дә хатта", - тип уйланы Фатима эһтән (Ж. Кейекбаев). Шәрифәһең өзлөкһөз үзенеһен шыкырлауы бер колағыма иһә, икенеһенән сыға бара. Әзәһеһзлек икәһен белеп торам, тик үз ихтыярымдан тыһи әленән әле әйләнәһ дә карайым, иһеһи. "Улар тиңдәрме? Юк, юк, Амантаев беззәң матуркайыбыз, һөйөклөбөз Наһлә аһайзан күпкә оло булырға тейеш... Әһтәүенә, ул сирләшкә, төһкә йһеһз кеше..." – тип, һиңәһер. ирекһеһзән үземде йһуатам. Көнләһиәһ, ахыры (Ф. Иһсәнһолов).

Әһсәрзә персонаждың уйы кыһска формала ла бирелеуе мөһкин. Сит телмәрзәң бындай төрөн ғалимдар **кыһска уй** термины менән йөрөтә. Уларзың функцияһы – персонаждың әйләнә-тирәләге вакиғаларға эмотив мөнәһсәбәтен сағылдырыу. Мәһсәләһ, ...*Ләкин арала, Фатиманы аһам, тип уның әхирәттәре араһында мактанып йөрөүһе Талха ла күрәнде. "Бәреһем һөймәй шул һыпатһыҙ быжырзы, - тине Фатима эһтән, - кыһылмаған ере юк, йөрөй эһем әйәһендәй булып, һөһһөз"*(Ж. Кейекбаев). Тик мин шул минутта таһам өмөтһөзлөккә бирелеп, моңайғанмын да киткәнмен икән... "Якын дуһ булғандар! Могайын, Амантаев, һуғыһтан кайтыу менән, Наһлә аһайзы юллап килеп еткән!"

тигән уй мейемде сарпып үтте. Сикаләремде ниндәйзер кайнар тимер кысқандай булды (Ф. Иҫәнғолов).

Миҫалдарзан күренеүенсә, персонаждың уйы вакиға барған вақытта тыуа.

Йомғаклап шуны әйтергә кәрәк: әзәби әсәрзәрзә текстың контекслы-вариатив бүленешендәге үрзә каралған формалар кушылып, бер-береһе менән аралашып, бер-береһен тултырып килә. Ә һәр языуысының ниндәйзер әсәрен алып тикшергәндә, әлбиттә, унда кайһы телмәр формаһы өстөнлөк алыуы тураһында конкрет һүз йөрөтөргә кәрәк.

Әзбиәт

1. Зәйнуллин М.В. Хәзәрге башкорт теле. Морфология. – Өфө, 2002.
2. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.
3. Сәйетбатталов Ғ.Ғ. Башкорт теле. 2 том. Кушма һөйләм синтаксисы. – Өфө, 2001. – 432 бит.

© Искужина Ф.С., 2017

УДК 81'37

Х.Н. Исмагилова (канд. филол. наук, доц. каф. рус. яз. и литературы УГНТУ, г. Уфа, Россия),

Г.Ф. Хакимова (канд. филол. наук, доц. каф. иностр. яз. гуманитар. ф-тов БашГУ, г. Уфа, Россия)

ПРОБЛЕМА СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНОМ СЛОВАРЕ (НА ПРИМЕРЕ СФЕРЫ ЗРИТЕЛЬНО-СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ)

В статье анализируются основные типы сочетаемости слов в функционально-когнитивном словаре. Также рассматривается возможность конвергенции словарей активного типа в русле когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: *сочетаемость слов, функционально-когнитивный словарь, сочетаемостная валентность, ключевое слово, макроконцепт*

В условиях потребности современного общества в новых, быстрых и эффективных методиках овладения иностранными языками и совершенствования лексикографии как науки недостаточно лишь улучшать и привносить изменения в уже созданные словари, необходимо создавать принципиально новые словари, ориентированные на активное усвоение лексики в речевом контексте. Идея совмещения или конвергенции разноструктурных словарей является продуктивной в этом направлении.

Функционально-когнитивный словарь русского языка – уникальный идеографический словарь активного типа, разработанный коллективом авторов под руководством профессора Кильдибековой Т.А., как раз и является тем словарем, который совмещает идеографический функциональный способ описания лексики с современными тенденциями когнитивной лингвистики и ориентированный на коммуникативную деятельность человека и когнитивный потенциал языковых единиц. Словарь является функциональным, т.к. он отражает главные функции языка – номинативную, когнитивную, коммуникативную, интерпретирующую, коннотативную [3,100-136]. В функционально-когнитивном словаре реализуется новая методика идеографической классификации лексики с опорой на когнитивное содержание и речевое употребление языковых единиц. Лексикон представлен объемными информационными фрагментами (макроконцептами), создающими языковую картину мира: жизнь человека, деятельность, движение, окружающий мир и его восприятие, характер, поведение, чувства человека и т.д. Словарь является комплексным, поскольку в него включены слова разных частей речи. В нем описываются коммуникативные блоки, готовые к употреблению в процессе речевой деятельности. Так, сфера слухового восприятия представлена в словаре в 5 базовых блоках: 1) блок общения; 2) блок получения информации; 3) блок восприятия музыки; 4) блок восприятия звуков, шумов, голосов природы; 5) блок восприятия универсальных звуков и шумов [9, 51].

Сочетаемость слов является основным принципом организации языковых единиц – формы их существования, взаимодействия, выявления различных типов связей. Функционально-когнитивный словарь представляет слово в его реальном функционировании, богатстве его синтагматических связей и парадигматических от-

ношений. Апресян Ю.Д., среди составляющих «языкового поведения человека» для представления модели «языка в целом» называет способность соединять слова друг с другом идиоматично, т.е. в соответствии со сложившимися в данном языке нормами синтаксической, семантической и лексической сочетаемости [1, 53]. «Аспект сочетаемости слов в изучении и описании языка важен в разнообразных теоретических и практических отношениях: для объективирования семантических оценок и определения соотношений элементов содержания и способов его выражения..., для разработки вопросов... перевода, в аспекте культуры речи и мн. др.» [7, 47]. Более того, многими считается, что сочетаемость слов должна указываться в словаре любого типа, без нее семантическая характеристика будет неполной и недостаточной.

В зависимости от описания определенного типа сочетаемость в словаре может описываться: 1) по синтаксическому принципу, который отражает синтаксические модели слов; 2) по семантическому типу, когда словосочетания группируются по смыслу; 3) по функциональному принципу, который представляет собой синтез синтаксического и семантического принципов и описывает сочетаемость наиболее полно [2, 362].

По мнению Корнилова, именно сочетаемостные валентности слова должны быть в большей степени отражены в словаре из трех осей организации семантического пространства языка (парадигматики, синтагматики, дериватики). Для оптимизации и унификации представления этих валентностей и используется понятие семантических функций. Для каждого разряда слов должны отбираться только те функции, реализация (лексическое наполнение) которых наиболее типична и частотна [6, 91].

В функционально-когнитивном словаре русского языка объемные функционально-когнитивные сферы выступают в качестве разветвленных фрагментов. Многозначные глаголы *слышать/слушать*, *видеть/смотреть*, семантические валентности которых ориентированы на выявление главных информационно-смысловых блоков, составляют ядро функционально-когнитивной сферы «Восприятие». Многозначное слово, состоящее из нескольких лексико-семантических вариантов, иерархически организовано. Особую важность вопрос иерархической организации полисемантических базовых глаголов приобретает при структурировании

функционально-когнитивной сферы, т.к. таксономические блоки словаря предопределяются валентностью глагола, например, интерпретация сферы «слышать» в соответствии с сочетаемостью исходного глагола предполагает описание локальности (*слышать где*), темпоральности (*слышать когда*), объекта (*слышать что*), инструмента (*слышать чем*), оценки (*слышать как*). Глагол *слышать* сочетается с парадигматическими группами существительных и наречий: (глагол + существительное, глагол + наречие) *слышать звук, стук, звон; слышать в лесу, во дворе, за окном; слышать утром, на рассвете; слышать хорошо, плохо, отлично*; (существительное + прилагательное, существительное + существительное) *слышать звонкий голос, стук молотка* [9, 42-53]. Представлены и пропозиционные словосочетания: *слышать, как хлопнула дверь*.

Синтагматические свойства лексических единиц в составе сферы определяют наиболее типичные модели сочетаемости лексем, а описание сочетаемости – это продолжение раскрытия лексического значения слова [4,196]. Так, для словарной статьи сферы «Восприятие», в которой ключевым словом является глагол, наиболее типичными являются сочетания глаголов с объектами, выраженными существительными: *видеть/увидеть человека, дом, море; смотреть/посмотреть на экран, на звезды, на собеседника; слышать/услышать музыку, голос, выстрел; слушать лектора, рассказ, шум моря*.

Звук – прототипический объект сферы слухового восприятия. Под этот концепт могут подводиться разные звуки, издаваемые людьми, животными, механизмами, природными явлениями: *слышать/слушать свист ветра, вой волков, скрип двери, шум шагов, скрежет цепей* и т.д. Это позволило создателям функционально-когнитивного словаря в функционально-когнитивной сфере слухового восприятия представить свою классификацию звуков в виде сложной разветвленной системы понятий, отражающих в словарных лексических блоках звуковые ситуации, которые являются компонентами языковой картины мира: звуки-сигналы; звуки, издаваемые человеком; звуки, издаваемые животными; звуки, издаваемые птицами; звуки при движении; звуки музыки, пения; природные шумы и звуки, бытовые шумы; универсальные звуки, шумы.

Валентность существительного *звук* определяется противопоставлением следующих сочетаний слов: *громкий звук – звук кашля – издавать звук – прислушаться к звуку – мощность звука – со скоростью звука – на звуки обернуться – звук в тишине*. Выделить доминантные позиции словосочетаний сложно. Это и сочетания с переходными глаголами, требующими после себя существительное в винительном падеже (*издавать/производить/произносить/имитировать/повторять звук, звуки*), сочетания с глаголами в личной форме, в которых опорное слово является субъектом действия (*звук, звуки доносятся/прекратились/раздались/прслышались/замерли/разбудили/испугали*), сочетания с непереходными глаголами, требующими после себя существительное в других косвенных падежах (*к звукам прислушиваться/привыкнуть*), сочетания с предложно-падежными формами (*на звуки, звук идти/обернуться/оглянуться*), сочетания с падежными расчлененными именными обозначениями (*звук, звуки рояля, шагов, кашля, удара; сила, мощность, чистота, тембр, высота, мягкость звука; источник, скорость звука*), сочетания с прилагательными (*звук громкий, скрипучий, резкий, неприятный, мелодичный, характерный*). В этом случае можно говорить о классификации синтактико-семантических связей, составляющих валентность слова с точки зрения их прочности, необходимости, центральности. Эти связи делят на ближайшие и периферийные. Ближайшие связи проявляются в сочетаниях, которые создают наилучшие условия для реализации опорного слова как коммуникативной единицы [8, 54].

Поскольку основными единицами акта номинации являются имя существительное и глагол, то ближайшая связь существительного отражается сочетаниями с глаголами, а глагола — сочетаниями с существительными, ближайшая связь прилагательного — связь с согласуемым существительным.

Периферийными по отношению к указанным связям являются такие связи, которые обнаруживаются в именных и глагольных сочетаниях. В статьях на существительное таковыми будут сочетания с предложно-падежными формами и с прилагательными. В статьях на глагол — сочетания глагола с наречиями, наречными выражениями.

Таким образом, описание связей ключевого слова с другими словами ведется от общего, наиболее существенного — к частному, отдельному.

Для реализации синтактико-семантической связи между словами требуется наличие одной синтаксической позиции, которая может быть заменена одним, несколькими словами или рядом слов. Любое из составляющих ряд слов может заполнить эту позицию. В этом проявляется связь между парадигматическими и синтагматическими аспектами словаря. Так, объект при глаголах *видеть/увидеть, слышать/услышать* может быть представлен неограниченным числом слов: *видеть, дерево, человека, море, дома* и т.д.; *слышать звон, крик, сигнал, скрип, голос* и т.д. Это говорит о максимальной емкости позиции. В таком случае, Морковкин предлагает указывать на характер ряда слов – *видеть* кого-что (все, что имеет осязаемую форму и размер) или путем перечисления родовых слов-понятий – *видеть человека (ребенка, учителя, маму), животное (кошку, слона, корову), предмет (стул, машину, книгу) и т.д.* Таким образом, идеографическое описание лексики приводит к унификации словарных статей.

Фразеологизмы, активно представленные в словарных блоках функционально-когнитивного словаря, привязываются к ключевому слову и приводятся в словарной статье, описывающей это слово и группируются по идеографическому признаку.

По грамматическому составу среди фразеологических единиц сферы зрительно-слухового восприятия функционально-когнитивного словаря выделяется несколько наиболее типичных разновидностей:

1) обороты, представляющие сочетания прилагательного и существительного: *острый глаз, куриная слепота, слепая курица, глухая тетеря;*

2) обороты, состоящие из существительного в именительном падеже и существительного с предлогом: *ушки на макушке, за ушко да на солнышко, бельмо на глазу;*

3) обороты, являющиеся сочетанием глагола с именем существительным (с предлогом и без него): *слышать краем уха, слушать во все уши.ю навострить уши, уши развесить, держать ухо востро, обратиться в слух, смотреть/глядеть во все глаза, сверлить*

глазами, закрыть глаза на что-то, смотреть на что-то своими глазами, бросаться в глаза, положить глаз на что-то;

4) обороты, состоящие из глагола и наречия: *видеть насквозь, быть на слуху.*

Фразеологизм в предложении выделяется функционально-семантически, то есть по лексическому значению и синтаксической функции.

В идиомах функционально-когнитивной сферы «Восприятие» оказываются задействованными участники ситуации, которые не представлены среди основных параметрических характеристик: *уши (уши навести, уши развесить, все уши прожужжать, петь в уши кому-либо), хоть уши затыкай, глаза (положить глаз, делать большие (круглые, квадратные) глаза, бросаться в глаза, вырасти в собственных глазах, упасть в глазах кого-то)*

Прототипический объект зрительного восприятия – цвет – представлен фразеологизмами в большей степени сочетаниями прилагательного и существительного: цвет *белый* - *белая ворона, белая горячка, белый свет, белое золото, белый флаг, белый танец, белый билет, белая олимпиада, белые мухи* и т.д.; цвет *черный* – *черная лестница, черный ход, черная зависть, черная душа, черная магия, черная сотня, черная работа, черная полоса, черные мысли* и т.д.; цвет *красный* – *красный командир, красная цена, красная строка, красные девицы, красное солнышко* и т.д.; цвет *желтый* – *желтый билет, желтая раса, желтая пресса, желтый дом* и т.д.; цвет *зеленый* – *зеленая волна, зеленая тоска, зеленый змий, зеленый огонек (такси)* и т.д.; цвет *голубой* – *голубое топливо, голубая мечта, голубая кровь, голубые магистрали* и т.д.; цвет *золотой* – *золотая осень, золотой дождь, золотой мешок, золотая молодежь, золотая рыбка, золотая свадьба*; а объект *свет* – различными сочетаниями существительных: *свет и тьма, свет глаз, свет истины, жажда света, ни свет ни заря, свет в конце туннеля* [5, 284-290].

Представленные здесь некоторые группировки не отражают всего многообразия лексико-грамматического состава фразеологизмов сферы зрительно-слухового восприятия. В данном случае приведены наиболее распространенные типы устойчивых сочетаний.

В функционально-когнитивном словаре сочетаемость слов выступает как лингвистическая и лексикографическая категория. В словарь включены только типичные и характерные для данного языка словосочетания. В словаре определяются синтаксические модели сочетаемости, в которых исследуемое слово реализует свои синтагматические возможности, и возможности в распределения материала в порядке частотности употребления.

Таким образом, интерпретация сочетаемости слов имеет большое значение в лингвистике: она является синтагматическим потенциалом языковой системы. Все типы сочетаемости имеют свою область применения, а их комплексное изучение дает наилучшее представление о характеристиках и свойствах разных типов лексических единиц и их функционировании в речи.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды – М.: 1995. – Т. 1 – с.3-69
2. Влавацкая М.В. Теоретические проблемы комбинаторной лингвистики. Лексикология. Лексикография: Монография/ Влавацкая М.В. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 508с.
3. Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 300с.
4. Денисов П.Н. Основные проблемы теории лексикографии. Автореф. дис. ...д.ф.н. – М.: АН СССР, Ин-т рус. яз.,1976. – 43с.
5. Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Исмагилова Х.Н., Хакимова Г.Ф. и др. Функционально-когнитивный словарь русского языка. Языковая картина мира. – М.: Гнозис, 2013. – 676с.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРО, 2003. – 349с.
7. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость. – Наука, 1975. – 164с.
8. Морковкин В.В. Идеографические словари. – М.: Изд-во МГУ,1970. – 71с.
9. Хакимова Г.Ф. Представление сферы слухового восприятия в русско-английском функционально-когнитивном словаре. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 137с.

© Исмагилова Х.Н., Хакимова Г.Ф., 2017

**Р.К. Искакова, С.К. Ажигенова, Г.Б. Сарбалакова,
З.Е. Томпиева** (*препод., магистры гуманитар. наук
КарГУ им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Казахстан*)

A COMPARATIVE DESCRIPTION OF LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES

This article discusses the comparative description of two languages with different structures has both theoretical value and practical value, provides an opportunity to identify similar and distinctive features in them and helps to understand better the internal mechanism of each of the compared languages. This article describes the morphological features of Russian and English languages with different structures. The materials of such a condensed description will be useful in teaching practice and in the subsequent mastering of languages, mainly second, English.

The purpose of this article is to assist in the development of principles and methods of translation from one language to another, as well as in solving problems of providing a high-quality speech culture for native speakers.

Keywords: *a comparative description, languages with different structures, morphological features, Russian, English, similar features, distinctive features, translation.*

A comparative description of two languages with different structures has both theoretical value and practical value, provides an opportunity to identify similar and distinctive features in them and helps to understand better the internal mechanism of each of the compared languages. This article describes the morphological features of Russian and English languages with different structures. The materials of such a condensed description will be useful in teaching practice and in the subsequent mastering of languages, mainly second, English. The purpose of this article is to assist in the development of principles and methods of translation from one language to another, as well as in solving problems of providing a high-quality speech culture for native speakers [1].

The object of the research is the nominal morphology of English and Russian, namely the grammatical categories of the noun of English in comparison with the Russian.

The relevance of the selected topic. Variology in general and typological variology in particular are inextricably linked with the problems of individual and collective language consciousness. Grammatical variants are not only evaluated differently by members of linguistic communities, but they are often transferred to the personality of the author of the speech (Petrova 1999b). The typology of errors, more accurately, of non-normative variants generated by both carriers and non-speakers of the language, reflects different types of thinking by analogy.

At the present stage, the comparative typology is closely related to the cognitive turn in linguistic science [2].

World anglistics of recent years is not limited to the actual data of the grammar of the English language, but attracts for comparison a certain language peculiar to the given area, as the language of another system, in order to reflect ethnospecific language phenomena as much as possible related to the conceptualization of reality.

Such scientific directions as culturological linguistics and linguoculturology are actively formed, which owe their origin to comparativistics. These related, but "multidirectional" areas of knowledge come from a close relationship between the categories of language and mentality: carriers of a particular culture think using categories of the native language. The mentality of the people can be largely uncovered through his language. From the point of view of morphology, four types of languages are distinguished in linguistics: inflected, isolating, agglutinative and incorporating, depending on whether grammatical meanings are expressed by the very form of the word or by other means [3].

For inflected languages, the main vocabulary unit is a word, significant or function. For agglutinative languages, the basic inventory units are a word, a function word and a quasi affix. In the isolating language, the basic inventory unit is a significant slogomorfema. The peculiarity of incorporating languages is revealed at the textual level: when forming constructive units of text, the method of foundation is used, with possible affixation (the prefix on the left border, the suffix on the right), whereas in other languages, syntactic combinations of independent words are the constructive units of text.

The inflected type of language is characterized by a developed system of inflections. One of the leading signs of this type is the presence of the so-called internal inflection, that is grammatically significant phonetic alternation in the root of the word (Russian пчела- пчёлы, сон- сны; English foot - feet, drink - drank - drunk) It is, of course, doesn't exclude the broad opportunities for joining external inflexion. A characteristic feature of inflected languages is also synthetosemia, that is, on the one hand, syncreticity of affixes, their ability to combine several grammatical meanings, and on the other hand, the possibility of transmitting the same grammatical meaning (e.g., case) by different affixes (Khudyakov 2005: 29). An example is the English takes, where the formant -s Part I. The basics of comparative linguistic research convey the values of the 3rd person of singular of the present tense. In inflected languages, the zero affix marks not only the original form of the word, but also other word forms: Russian дом, в дом house (nominative and accusative cases of sing), вестен (genitive case of plural) [4,25].

Another characteristic feature of inflected languages is the presence of fusions, that is, different phonetic processes at the junction of morphemes, owing to which the isolation of the morphemes is difficult: Russian чистить- чищу; English Suffice - sufficient.

Depending on the wide or limited representation of inflectional means, inflected languages are divided into two subtypes: synthetic and analytic. In languages of analytical type, an important means of morphology is the use of auxiliary units (primarily auxiliary verbs and substitute words) for the formation of word forms and the formation of the structure of the sentence.

Russian is mostly synthetic, English is mostly analytical.

In languages of isolating type, the grammatical meaning is expressed in isolation from the stem of the word. As a result, parts of speech are morphologically indistinguishable. The system of flexions in languages of this type is very poorly developed, which leads to an increase in the role of the word order, which signals the syntactical function of the word. In English, the features of an isolating system are manifested in the development of grammatical homonymy, by virtue of which the lexeme often reveals its morphological nature only in the context of: Don't trouble trouble until trouble troubles you (~'Не буди лиха, пока оно тихо') [5,33].

According to A.L. Zelenetsky, "the particular problem for the typology of language is the correlation in it of isolation and analyticity", actual for Germanic languages, in particular for English: the almost complete absence of word change in it "and the transmission of grammatical meanings through function words and the order of words require to clarify the criteria of morphological classification in connection with the presence or absence of grammatical categories in the language and, consequently, of one or another - albeit analytical - type of word change " (Zelenetsky 2004: 21).

For languages of the agglutinative type, such a system of word change is characteristic, in which the stem attaches to itself a chain of 14 affixes. A single affix denotes a grammeme of a number, another affix denotes a grammeme of case and so on. The basis itself is non-affixed; the boundaries of morphemes are clearly distinguishable. This type is not inherent internal inflexion. The system of declensions and conjugations is absent. Gaps are observed in languages of the agglutinative type, i.e., a one-to-one accordance between the units of the expression plan and the units of the content plan.

In English, the plural form is formed according to the agglutinative type, as the possessive form.

Russian is far from the languages of agglutinative type, but the traits of agglutination are noticeable in the Russian verbal paradigm, where a chain of affixes is used: *встрет-и-л-а-сь*.

Incorporating type unlike previous ones is not distinguished by all linguists. Languages of the incorporation type distinguish the blurriness of the boundaries between the word-form and the sentence. They are distinguished by the presence of word-sentences, "where a number of lexical elements deprived of morphological design are included in the framework of the function elements." Such sentence words contain a predicative unit, which includes a verbal and nominal, and possibly an attributive part [6].

The structures of the English language, remotely similar to the words-sentences, include, for example, attributive groups of the all-predicative composition, such as a devil-may-care attitude, although these units are not capable of independent functioning. In some ways, the English structures with the final preposition are close to incorporating structures, "framed" of the combinator elements, for example, *Who did you talk to?*

In this article were described: the morphological features of Russian and English languages, stipulate for the belonging to different subtypes of the languages of the linguistic typology and their various combinations, different representations of inflectional means. It will promote to the profound study of languages, their features, to the subsequent mastering of a foreign language, and will also be important for the methodology of teaching languages in multilingualism.

References

1. http://www.academia-moscow.ru/ftp_share/_books/fragments/fragment_16458.pdf
2. <http://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnoe-issledovanie-raznostrukturnyh-yazykov-lingvometodicheskiy-aspekt>
3. <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-leksiko-semanticheskoy-sistemy-raznostrukturnyh-yazykov>
4. Zakir'yanov K.Z. Sopostavitel'naya grammatika russkogo i bashkirskogo yazykov: Monografiya [Comparative grammar of Russian and Bashkir languages: monograph]. Ufa: Gilem, 2004.
5. Zakir'yanov K.Z. Sopostavitel'no-tipologicheskoe opisanie russkogo i bashkirskogo yazykov (lingvometodicheskii aspekt): Posobie dlya uchitelya [Comparative typological description of Russian and Bashkir languages (linguistic methodological aspect): handbook for teachers]. Ufa: Kitap, 2007.
6. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

© Iskakova R.K., Azhigenova S.K., Sarbalakova G.B., Tompieva Z.E., 2017

Г.Г. Ишимбаева (докт. филол. наук, проф. каф.
рус. лит. и издат. дела БашГУ, г. Уфа, Россия)

МЕТАФОРА ВОЛКА В РОМАНЕ Г. ГЕССЕ

Статья посвящена рецепции зооморфного образа в романе Г. Гессе «Степной волк». Писатель отказывается от однозначной оценки человеческого и волчьего начал своего героя, оба лика которого несут в себе положительные и отрицательные качества. При истолковании метафоры волка Гессе играет смыслами и предлагает множественность полярных трактовок образа.

Ключевые слова: Волк, Степной волк, Гессе, зооморфная метафора, многополярный образ.

Образ волка, священного тотемного животного для некоторых народов, в мировой культуре не имеет однозначной трактовки. В волке видели атрибут культа Аполлона и Марса, спутника Одина, Франциска Ассизского и Сергея Радонежского.

В германо-скандинавской мифологии волк Фенрир – хтоническое чудовище, рожденное ледяной великаншей Ангрбодой от Локи на погибель богам и всему миру, зверь апокалипсиса, который, согласно прорицанию Вельвы, в Рагнарек сорвется с цепи и проглотит солнце и самого верховного бога Одина, из-за чего наступят сумерки богов и конец света. В древнеиталийских и древнеиранских легендах, напротив, акцентируется волчья энергетика, направленная на сохранение жизни: капитолийская волчица спасла жизнь полубожественным братьям-близнецам Ромулу и Рему, которым было суждено основать город Рим; волчица выкормила и будущего основателя Персидского государства Кира Великого. Полярные истолкования нашли отражение и в фольклорных и авторских сказках, где волк выступает в качестве то отрицательного персонажа («Три поросенка», «Волк и семеро козлят», «Красная шапочка» Ш. Перро), то верного помощника главного героя («Иван царевич и серый волк», «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина).

В эпоху христианского Средневековья волк стал восприниматься как символ зла (Антихрист – сын волчицы) и как аллегория

дьявола, угрожающего стаду верующих, – уточнение смыслов отмечено в бестиариях, отражающих изменившееся мировоззрение человека средневековой Европы. Волк традиционно ассоциировался в это время с лжепророками и ересью, но – в отдельных легендах – и с тем, кто может противостоять дьяволу и одерживать над ним победу. И в литературе той эпохи по-прежнему имеются взаимоисключающие истолкования волка. Если в первой песне своей «Божественной комедии» Данте выводит дьявольскую волчицу, символизирующую мировое зло и папский Рим с партией гвельфов, то анонимный автор «Романа о Лисе» изображает волка Изенгрима простодушным и благородным феодалом, терпящим поношения от вероломного Рейнеке-лиса.

Полярность оценок волка, хтонического животного с темной сущностью, имеющего связь с потусторонними силами, и доброго наперсника героя, присутствует и в других определениях, сложившихся в эпоху Средневековья. В это время в массовом сознании популярным стало представление о возможности метаморфоза человека в волка, превращение в оборотня, страшное порождение загробного мира, а чернокнижники стали использовать имя волка в аллегорическом смысле для обозначения сурьмы, которую применяли при алхимической очистке металлов для получения золота.

В XX веке к образу волка обращались в своих психоаналитических работах З. Фрейд и К.Г. Юнг. Фрейд ввел в лексикон понятие Человек-волк, расшифровывая в ходе сеансов с русским пациентом С. Панкеевым его сны про белых волков на большом ореховом дереве, и сформулировал ключевое для психоанализа понятие «первичной сцены». Юнг предложил свою трактовку волка как архетипа, символизирующего животное начало, связанное с инстинктом, и, кроме того, назвал в качестве его архетипического варианта дьявола, выделив таким образом «опасный аспект непризнанной, темной половины человека»¹.

Генетически закрепленная в народном сознании множественность и амбивалентность трактовок волка является следствием принципиальной неисчерпаемости смыслов, таящихся в зооморфном символе, и обуславливает разное истолкование этого образа в

---

¹ «Дьявол есть вариант архетипа Волка, т.е. опасного аспекта непризнанной, темной половины человека» // Юнг К. Г. Психология бессознательного. М.: Канон +,

мировой литературе. Настоящая статья в продолжение нашего исследования метафоры волка в романе А. Варламова «Мысленный волк» [4] посвящена многозначной символике заглавного образа романа Германа Гессе «Степной волк» (1927), где писатель смог разложить личность своего героя на универсальные элементы и показать пути преодоления этого расщепления².

Интеллектуальный роман о жизни человеческого духа, «Степной волк», как известно, во многом автобиографическое произведение, которое создавалось в годы духовного кризиса писателя, прошедшего в начале 1926 года очередные сеансы психоанализа у доктора И.Б. Ланга, ученика К.Г. Юнга. Психоаналитические идеи, несомненно, привлекали Гессе тем, что они гармонизировали с его собственными представлениями о способах проникновения в душевную природу человека³. Однако в случае с метафорикой «Степного волка» психоаналитическому модусу повествования предшествуют мифологический, аллегорический, символический, психологический, из совокупности которых и вырастает психоаналитический смысл образа Степного волка.

Метафора волка в мифологическом смысле имеет несомненное магистральное значение, которое раскрывается в основном конфликте романа, связанном с противостоянием художника-индивидуума и филистерского социума и потому имеющем романтический характер в ницшевских тонах. Гарри Галлер в лучших традициях идей Ницше, изложенных в сочинении «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего» (1886), противопоставляет «стадным максимам» и «стадному образу мыслей» «стадных людей». Отсюда и главный смысл ассоциаций героя с волком.

---

² Вспомним в этой связи, что в послесловии к швейцарскому изданию книги Гессе писал: «... мне было бы приятно, если бы многие из читателей заметили, что история Степного волка хоть и изображает болезнь и кризис, но не болезнь, которая ведет к смерти, не гибель, а ее противоположность: исцеление» [5, 403].

³ После знакомства с работами Фрейда и Юнга в своей статье 1918 года «Художник и психоанализ» он, в частности, заметил: «Я прочитал их и обнаружил, что в них подтверждаются в общем и целом почти все мои смутные представления, почерпнутые из сочинений других писателей или из собственных наблюдений. В них было выражено и сформулировано то, что уже частично было моим достоянием – как предчувствие, мимолетное озарение или неосознанное знание» [3, 63].

Степным волком называет сам себя Гарри Галлер и принимает это имя издатель «Записок Гарри Галлера», а безымянный автор «Трактата о Степном волке (Только для сумасшедших)» рассказывает о «Гарри, по прозвищу Степной волк» [2, 227], но во всех трех случаях речь идет не о феномене превращения человека в волка. Гарри Галлер не Werwolf, не оборотень: «Он ходил на двух ногах, носил одежду и был человеком, но по сути он был степным волком» [2, 227]. Иначе говоря, он жил в состоянии психологического раздвоения личности, человек и волк в нем сосуществовали как двойники, при этом «в нем не уживались и уж давно не помогали друг другу, а всегда находились в смертельной вражде...» [2, 228]. Унаследованная от романтиков традиция двойничества в случае с Гарри Галлером усложняется за счет того, что понятия человек и волк в системе Гессе имеют нестандартные расшифровки: человеческое начало в герое романа связано с миром банального, стереотипного, бюргерского, а волчье имеет отношение к миру «имморалистов» (А. Жид) и «сверхчеловеков» (Ф. Ницше); человек выступает в качестве «архетипа тени» (К.Г. Юнг) волка, а волк – «архетипа тени» человека. Личностные и психологические установки Гарри Галлера–человека и Гарри Галлера–волка не могут быть приняты его единой личностью из-за их несовместимости с сознательным представлением того и другого о себе. И это также влияет на невротическое состояние героя, находящегося в депрессии и имеющего суицидальные настроения.

Гессе уточняет волчью мифологию, используя ее для аллегорической характеристики главного героя, существо которого, пожалуй, лучше всего передает издатель, добропорядочный буржуа и клерк: «Степной волк, оплошно забредший к нам в город, в стадную жизнь, – никакой другой образ точнее не нарисует этого человека, его робкого одиночества, его дикости, его тревоги, его тоски по родине и его безродности» [2, 205]. В этих словах кроется главный внутренний конфликт, раздирающий душу Гарри Галлера, писателя, художника, интеллектуала. Герой-индивидуалист, не приемлющий законы стадного существования и презирающий буржуазный мир, порождением которого является, он ищет возможность обрести полноту бытия и пытается устроить свое антибуржуазное бытие в рамках буржуазного мира. В этом смысле он типологически близок заглавному герою новеллы Т. Манна «Тонио Крегер»,

который стоит между двух миров и ни в одном не чувствует себя дома.

Двойственность позиции, которую Гарри Галлер занимает в этом мире, определяет специфику конфликта между ним и миром. Один из важнейших эпизодов, раскрывающих присущую ему внутреннюю дисгармонию, рисует Галлера на чистой лестничной площадке, где в горшках стоят два безупречных растения – азалия и араукария. Для героя это «высшее выражение мещанской чистоты, тщательности и точности, исполнения долга и верности в малом» [2, 202], то есть то, что должно быть ему чуждо. Но он уточняет: «<...> хоть я и старый, немного облезлый степной волк, я тоже как-никак сын своей матери, а моя мать тоже была мещанка, она разводила цветы, следила за комнатой <...> и старалась придать своей квартире и своей жизни как можно больше опрятности, чистоты и добропорядочности» [2, 203].

Романтический, в духе Ницше, конфликт гения, находящегося «по ту сторону добра и зла», и «стада» получает, таким образом, дополнительные оттенки: Гарри Галлер, презирая мещанскую тягу ко всяческому уюту, испытывает восторг и ностальгию на лестнице перед цветочными горшками. И коннотативное значение эпизода усиливается, если обратиться не к аллегорическому, а реальному волку: плотоядный хищник умиляется цветам азалии и араукарии – этот мотив уместен в агиографическом повествовании, но никак не в рассказе о Степном волке, познающем радости плотской жизни под руководством Гермины и убивающем свою наставницу в «Магическом театре».

В этой линии и в развязке конфликта романа в полной мере раскрывается психоаналитическая составляющая метафоры волка, уточняемой в контексте идей Ф. Ницше, И.В. Гете и К.Г. Юнга. Методологической моделью поведения Степного волка, спасенного от самоубийства Герминой, которая взялась быть его водителем по миру чувств, стало погружение в дионисийские стихийные иррациональные бездны «Магического театра». Прорыв Гарри Галлера к чувственной жизни через отказ от ценностей христианской культуры и цивилизации, к духовной свободе происходит под мудрым руководством женщины (отзвук гетевской теории «вечной женственности») и под влиянием наркотиков саксофониста Пабло. Обратной стороной этого процесса является пробуждение звери-

ной половины человека, его волчье-дьявольского начала (К.Г. Юнг). Это понимает издатель «Записок Гарри Галлера», которые, по его мнению, «представляют собой в полном смысле слова, сошествие в хаос помраченной души, предпринятое с твердым намерением пройти через ад, померяться силами с хаосом, выстрадать все до конца» [2, 209]. Хаос в системе координат Гессе, читателя романов Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и «Идиот», предполагает сочетание противоположных начал, отказ от всех традиционных представлений о жизни и пересмотр всех ценностных ориентиров⁴. Познающий хаос послевоенной Европы, его Степной волк, отказываясь от порядка, морали, разума, обретает самого себя.

В истолковании Гарри Галлера–Степного волка в романе Г. Гессе органично сливаются аллегорический, символический, психологический, психоаналитический уровни магистральной метафоры, все вместе образующие многополярный образ. И расщепленная личность героя, который «чувствовал себя то волком, то человеком» [2, 228], находит путь к себе как единому цельному существу через познание своего внутреннего мира и благодаря стремлению к «индивидуации» (К.Г. Юнг). Для самореализующегося героя писатель моделирует новые способы бытия, связанные с игрой, – недаром и убитая Гарри Галлером Гермина в руках Пабло уменьшилась до размеров шахматной фигуры и оказалась спрятанной в кармане. Г. Гессе предельно усложняет метафору волка, отказываясь от однозначности оценок человеческого и волчьего начал своего героя, оба лика которого несут в себе как положительные, так и отрицательные коннотации, раскрывают его сокровенную природу и в конечном счете помогают обрести свободу.

---

⁴ В сборнике эссе о романах Ф.М. Достоевского «Взгляд в хаос» (1920) Гессе особое внимание уделяет слову, вынесенному в заголовок. «Хаотическое» становится у Гессе в один ряд с такими понятиями, как «азиатское», «варварское», «опасное», «аморальное». Все это образует для швейцарского писателя «дух Достоевского», то есть русский или «карамазовский» элемент, который не меряется категориями «хороший» или «плохой», ибо являет собою совершенно другой, отличный от европейского тип сознания. Это – некая подвижная стихия, соединяющая и растворяющая в себе любые противоречия: зло и добро, порок и добродетель» [1].

Духовная атмосфера романа Г. Гессе определяется ощущением завершенности целого периода культурно-исторической эпохи и кризисности сознания человека. «Закат Европы» (О. Шпенглер) показан здесь на примере частной жизни европейского интеллигента через десятилетие после окончания первой мировой войны. Писатель рассматривает ситуацию духовного кризиса определенного психологического типа человека, природа которого связана со «степным волком». При истолковании зооморфной метафоры Гессе играет смыслами, предлагая множественность полярных трактовок образа, и завершает поиски героя игрой, тем самым предвосхищая идеи своего будущего романа «Игра в бисер» и постмодернистскую философию и эстетику.

Литература

1. Азадовский К. Гессе и Достоевский // <http://www.hesse.ru/articles/print.php?ar=ru>
2. Гессе Г. Степной волк / Пер. с нем. С. Апта // Гессе Г. Собр. соч. в 4 т. Т.2. СПб.: Северо–Запад, 1994. С. 190–398.
3. Гессе Г. Художник и психоанализ / Пер. с нем. В. Седельника // Гессе Г. Собр. соч. в 8 т. Т.8. М.: «Прогресс»–«Литера», Харьков: «Фолио», 1995. С.62–67.
4. Ишимбаева Г.Г. Метафора мысленного волка в романе А. Варламова // Современные проблемы изучения башкирского и других родных языков в Республике Башкортостан и других регионах Российской Федерации. Уфа: РИО БашГУ, 2017. С. 174–180.
5. Каралашвили Р. Комментарии // Гессе Г. Собр. соч. в 4 т. Т.2. СПб.: Северо–Запад, 1994. – С. 399–414.
6. Юнг К. Г. Психология бессознательного. М.: Канон +, 2003. 400с.

© Ишимбаева Г.Г., 2017

Ф.А. Какжанова (*асс. проф. КарГУ им. Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан*)

А.С. Бакен (*магистрант КарГУ им. Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан*)

CASE CATEGORY OF KAZAKH LANGUAGE IN DIACHRONY AND SYNCHRONY

Статья посвящена категории падежа казахского языка с точки зрения семантики и плана выражения в диахронии и синхронии и ее сравнение с категорией падежа тюркских языков.

Ключевые слова: *категория падежа, падежные окончания, склонение, диахрония, синхрония*

Case category is one of the complicated category from the point of semantics and the plan of expression. The number of cases are different in different languages. The Kazakh language has officially seven cases in synchrony. It has some similarities as well as differences, if we compare it with the Old Turkic languages. These differences are closely connected with names of these cases or some phonetical changes of case endings.

In the process of language developing, the phenomenon of shifting of the case endings occurred. Case-endings, used in Turkish languages in V-VIII centuries and the usage of conjugation of categories and grammar functions in the XI-XV centuries are not the same. The following differences can be identified: there were diffusion process of cases, and case-endings were used as link-words.

The case category is inherent to nouns and pronouns in the Kazakh language that is why they are the main declining words. Modifying of a noun by means of case ending is called a noun declension. The case category of Old Turkic languages has several cases and they are nominative, genitive, dative, accusative, locative, ablative and instrumental.

Nominative case.

Nominative case of a noun is used without changing its form and it is used in its direct semantic meaning. For example, ата, бала, әже. Case endings with suffixes are considered as visible and case endings

without suffixes are considered invisible in modern Kazakh language grammar. Their adverbial usage was often found in inscriptions of V-IX centuries. Some opinions about multifunctionality of the nominative case exist because of incapability of all the case endings to conjugate.

Genitive case.

Genitive or Possessive case expresses that something or somebody possess something. This case is also used to express that a part of a thing belongs to whole and connection between animate and inanimate objects and their relations. If we analyze it from the point of expression in diachrony, in that case there are some transformations from the point of phonetics in synchrony.

«Genitive case was used in the ancient Kipchak inscriptions to show possession, relation to and grammatical dependency. Genitive case suffixes are always used with possessive case suffixes in a sentence in Turkic languages. Genitive case suffixes in the Old Turkish languages are: -нуң, -нүң, -нын, -нин. For instance, тәңиринин-тәңірінің, дүнианың тиреки-дүниенің тирегі, ағачның сынмақы-ағаштың сынубы»[1,166].

Dative case.

Dative case expresses direction and location of nouns and the case expression does not change from diachrony, if we compare it with Turkic inscriptions.

«In the ancient Turkic inscriptions dative case denoted direction, location and was formed with the help of the following suffixes:

-а, -е. These suffixes are joined to subject pronouns and words with possessive case. For example, Ебін йулып бармыс ебіме түсміс – Үйін бұзып, үйіме әкелдім. As well as: оғлыма-ұлыма, түркіме-түркіме, қағаныма-қағаныма, ініме-ініме, қызыма-қызыма.

-Ға, -ге, -қа, -ке. Шантуқ балыққа талуй үгүзке тегміс – Шантуқ қаласына және өзенге дейін жеткен. As well as: йерке-жерге, будунқа-халыққа, тағқа-тауға, бегімке-бегіме, оғлумқа-ұлыма, йірімке-жеріме [2,121]. In synchrony the postfix –а is used more with animates and inanimates; -ға, -ге, -қа, -ке are more used with locations, -ру is used as the preposition of directions‘қарай’.

«There are many words with affix –ру, -рү, which show the direction of the act. For instance, баңару (маған қарай), ебгерү (үйге қарай)» [3, 101].

Accusative case.

Accusative case is always used to express direct object. Accusative case in Modern Turkic languages is almost the same as old ones. The semantics does not change from diachrony, but there are some differences in case endings.

«Accusative case suffixes are written in inscriptions of Orkhon-Yenisei they are given with suffixes –ғ, -г, -ығ, -іг, -уғ, -үг and -н, -ын, -ін, -ун, -үн. For example, адакығ-аяқты, ебіз-үйді, иліз-елді, йағығ-/жауды, йылкығ-жылқыны, беглеріг-бектерді and etc. [3,122].

In modern Kazakh language direct object connects with transitive verbs. In old Turkish language, accusative case was used for transitive as well as for intransitive verbs.

Locative case.

Semantics: The locative case as the name indicates expresses the location of an action or a thing in diachrony and synchrony. Locative case suffixes did not change a lot from their original forms in ancient times. The Dative case indicates direction of things or subjects, and indirectly the location of things or a person, the locative case directly shows the location. In this case, the usage of dative or locative cases depend on the context and the aim of the speaker.

Ablative case.

In ancient inscriptions ablative case was rarely used, its function was done with the means of other cases. The ablative case was considered to form later than the other cases. Ablative case means the place of origin of the action and is formed with suffixes -тан, -тен, -дан, -ден: оғуздан*тан*-оғыздан, өңден-шығыстан, беріден-оңтүстіктен, йырдан-алыстан and others.

“In M.Kashgari’s dictionary ablative case suffixes are given in several versions: -дан, -ден, -тан, -тен, -дын, -дін, -дун, -дүн, -тын, -тін: Мен аны аттын түшірдім – Мен “In M.Kashgari’s dictionary ablative case suffixes are given in several versions: -дан, -ден, -тан, -тен, -дын, -дін, -дун, -дүн, -тын, -тін: Мен аны аттын түшірдім – Мен оны аттан түсірдім; Ер евідін чыкды – Ер үйден шықты. теңрідін-тәңріден» [3,111].

Instrumental case.

Semantics of instrumental case does not change in synchrony from diachrony. Expression of case has some differences.

«In Orkhon-Yenisei inscriptions instrumental case was used in the form of suffixes -ын, -ін, -ун, -үн. For example, көлүк*ін*-көлігімен, көзін-көзбен, құлғақын-құлақпен and etc. In ancient inscriptions linking word бірле was used to give the meaning and function of instrumental case: Бу йірде олурып, табғач будун бірле – Бұл жерде отырып, өмірімді табғач халқымен байланыстырдым; Есім қаған бірле ілгерү Йашыл үгүз Шаңтуң йазыка тегі сүледіміз – Ағам қағанмен бірге Йашыл өзеніндегі Шаңтуң жазығына дейін соғыстым; Інім Күлтегін бірле сөзлешдіміз – Інім Күлтегінмен сөйлестім» [2,128].

Although case endings underwent different kinds of changes in the process of development, they did not change a lot, but they have a slight phonetical changes . The Kazakh case category is not limited by seven cases in the Kazakh language, because there are so many relations between nouns, animate and inanimate nouns in life.

References

1. Сағындықұлы Б. Қазақ тілі лексикасы дамуының этимологиялық негіздері. Алматы, «Қазақ университеті», 2005.
2. Есенқұлов А. Көне түркі жазба ескерткіштеріндегі қосымшалар. – Алматы, 1976. – 239 б.
3. Айдаров Ғ., Құрышжанов Ә., Томанов М. Көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі. Алматы, 1971. – 272 б.
4. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, «Наука», 1971.
5. Томанов М. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. – Алматы: Мектеп, 1988. – 264 б.

© Какжанова Ф.А., Бакен А.С., 2017

Ф.А. Какжанова (асс. проф. КарГУ им. Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан)

М.А. Маясарова (магистрант КарГУ им. Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан)

«ӘЙЕЛ» КОНЦЕПТІСІНІҢ ҚАЗІРГІ ТАҢДАҒЫ ҚАЛЫПТАСҚАН КӨРІНІСІ

Статья посвящена описанию концепта в когнитивной лингвистике и концепта «женщина» в гендерной лингвистике. Также выявляется роль женщины в современном обществе используя афоризмов, пословиц и поговорок.

Ключевые слова: женщина, концепт, когнитивная лингвистика, гендерная лингвистика, понятие, универсалии.

XX – XXI ғасырда когнитивтік лингвистиканың туындауы және дамуы – концептердің маңызы мен құрылымының зерттелуі, ойлау бірліктерінің берілу жолдары болатын менталды білімнің тіл арқылы жеткізілуінің маңыздылығы болып табылады.

Зерттеудің мақсаты – қазіргі таңдағы өмірде қалыптасқан әйел бейнесін зерттеу. Қоғамдағы рөлін айқындау.

Зерттеу барысында жаңа заманғы әйел бейнесін анықтау үшін нақыл сөздер мен мақал – мәтелдер қолданылды.

Зерттеу жұмысының нысаны «әйел» концептісі. Бұл концепт когнитивтік лингвистикада әмебебап концепт, ал гендерлік лингвистикада маңызды концепт болып табылады, және де ұлттық ерекшелікті көрсететін бірегей танымдардың бірі.

Бұл мәселенің өзектілігі концепті зерттеу тек когнитивтік лингвистикамен ғана байланысты емес, сонымен қатар психология ғылымында, гендерлік зерттеулерде, тілдік дүние бейнесінде, тілдік бірліктердің ерекшеліктерін түсінуде үлкен маңызының болуы.

Кейінгі кезде концепт танымы ғылымдық зерттеулерде белсенді қолданысқа енді. Концепт дүниетанымдық бейнеленуінің брлігі ретінде беріледі. Сонымен қатар тілдік және мәдениет мағлұматын, көрінісін, бағасын ұстанатын менталды бірлік.

Когнитивтік ғылымда концепті әрдайым өзгеріске түсетін, яғни оның өрісіне барлық жаңа белгілі бір ая үстіндегі бедерлі концептердің қосылуы мүмкін, ахуалды үйреншікті жиынтығының өзгеруі мүмкін және т.б. өзгерісерге ие менталды бірлік ретінде қарастырады.

Тіл білімінде жыныстарға қатысты сөйлеу үлгілерін зерттейтін ғылым – гендерлік лингвистика пайда болды. Гендер адамзат баласына ортақ іргелі ұғым және кез келген этносқа тән дүниенің тілдік бейнесінде көрініс тапқан [3, 5–6]. Ғалым Минеке Шиппердің (Mineke Schipper) пайымдауынша, адам ретінде барша адамзатқа ортақ құндылықтар мен нормалар, кейбіреулер айтатындай жаһанданудың ғана емес, сонымен қатар ежелден келе жатқан адами әмбебап универсалийлердің болуымен байланысты. Себебі тек түр сипатымызды ғана емес, сонымен қоса адам ретінде басты қажеттіліктер мен тәжірибемізді бөлісеміз: «What we have in common as humans is not only due to globalization but as some seem to believe, but also to old human universals, because we share not only the shape of our bodies but also some fundamental needs and experiences as human beings» [4, 422].

Әрбір ұлттың тілінде берілген концептер назар аудартады, себебі концептер арқылы ұлттың мәдениеті мен тарихын түсінуге көмектеседі.

Халықтың өмірдегі әр алуан құбылыстарды қабылдап – пайымдау нәтижесінде қалыптасқан философиясы, ұлттық дүниетанымы ұрпақтан ұрпаққа тілдегі бейнелі тіркестер, оралымдар арқылы жетеді [3, 4].

«Әйел» концептісі әр түрлі гендерлік және жас ерекшелік топтарының ұлттық когнитивтік түсінігінде болатын бірыңғай менталды білім болып есептеледі.

«Жалғыз ғана түпсіз нысан — адам. Ол туралы өмір бойы жазсаң да, тым аз ғана айтуға болады» [2, 56] деген С.Мюэрниң пікірін әйелге қатысты алатын болсақ, оның да сыны мен сыры, ақылы мен мінезі, білімі мен білігі, ұстанымы талай қаламгердің туындысына арқау болғаны байқалады.

Жалпы, әмбебап константа болып есептелетін «әйел» концептісі — «адам» концептісінің құрамдас бөлігі және барлық халықтардың әлем бейнесіне тән, сонымен қатар әр халықтың тек өзіне ғана тән әлем бейнесін танытатын менталді кешен. Сол

себеппен де қазіргі заманғы лингвистикада көптеген халықтардың тіліндегі бұл концепт соңғы 15–20 жылда диахронды – синхронды, салғастырмалы, салыстырмалы тұрғыда қарқынды зерттеліп жүр.

Әйел – адамның ұрғашы жыныстысы немесе әйел гендері.

«Әйел» концептісі келесі микроконцептермен беріледі: қатын (woman), ана (mother), жар (wife), қыз (girl). Ал келін (daughter – in – law), қайын ене (mother – in – law), жеңге, абысын (sister – in – law), лексемалары туыстық қатынаты белгілейді. Бәйбіше (madam), тоқал (younger wife), ханым (lady), жесір (widow) лексемалары әлеуметтік рөлі мен орнын айқындайды.

Әрине қазіргі таңда әйел заты өзіне берілген көптеген стереотиптік ұғымдарды, лексемаларды сақтаған, бірақ әлеуметтік жағдайы өзгеріп, биологиялық, жағынан өзгеріске ұшырамаса да, психологиялық, социологиялық, экономикалық және т.б. тараптарынан біршама үлкен өзгерулерге бой берді.

XXI ғасыр әйелі бірнеше ғасыр бұрынғы бейнесінен бүтіндей бөтен тұлға. Бұл толықтай әйел затының өзге ұғымы. Бұл мүлде басқа әйел!

Бұл дүние өте қызық. Кеше ғана әлдеқандай бірнеше он жылдықта әйелдің функциялары қазіргі күнгі міндетінен едәуір өзгерген. Бірақ басты атқарымы бастапқы болып қала береді. Ылғи болған және де бола бермек, яғни әйелдің ең басты тағдыры – өмір сiлау, дүниеге сәби әкелу. Бауыржан Момышұлы айтқандай, «Біздің жерімізде еркек – дiңгек, әйел – гүл. Дiңгек – жапырақсыз, гүлсiз, қазақша айтқанда “қу бас” деген сөз. Әйел – құнарлы топырақ, онда адамзат дәні өсiп, жетiледi. Бiз сол дәннiң жемiсiмiз. Әйелсiз адамзат “жемiсi” ешқашан да болмайды».

Жер бетіндегі барлық тiршiлiктiң көзi анадан бастау алады. Ана дүниеге ұрпақ әкелушi, оны тәрбиелеп, ер жеткiзiп, өсiрiп, ел қатарына қосады. «Алдып анадан туады» дегендей, небiр батырлар, шешендер, билер, ел басқарған хандар анадан өмiрге қанат қаққандар. Аналар – Жаратушының ұлы мархабатынан ең көп үлес алған тiршiлiк иелерi. «Жәннат – аналардың аяғының астында!» деген пайғамбарымыз (с.ғ.с.) аналардың қасиеттi тұлғалығына куәлiк еткен[1, 8–9].

Бұрында әйел затын отбасы ұйытқысы, асыл жар деп қабылданса, ендi қазiр барлығы өзгерген. Яғни бiрiншiден, бүгiнде әйел тәуелсiз тұлға. Екiншiден, әйел – бұл табысты карьерист.

Үшіншіден, әйел – отбасының беделді бір мүшесі, яғни ерімен тең. Әйел бүгінде тіптен еркектің ісің де атқарады. Мәселен, көлік жргізеді, ақша табады, отбасын асырайды, тіптен саясатқа араласады. Габриэль Гарсиа Маркес айтқандай «Не іске де әйел араласса, бәрі жақсы аяқталатынына сенімдімін. Әйел әлемді басқаратынын түсіндім» демекші қазіргі таңда ел басқаратын әйелдер баршылық.

Осыған қарамастан «әйел» концептісінің танымдық элементтері, яғни әсемдік (elegance), нәзіктік (tenderness), адалдық (chaste), ұстамдылық (temperance), жанашырлық (care), батылдық (boldness), намысқойлық (self-esteem) семалары сақталған. Сонымен қатар, әйел үшін «махаббат(love)» фреймі айрықша бір танымдық тармақ. Тек еріне деген махаббат қана емес, сонымен бірге отбасына, сәбиіне, өмірге, істеген ісіне деген махаббат. «The woman who likes washing can always find water (кір жууды ұнататын әйел қашан болмасын су таба алады) демекші әйел – еңбекқор. Қазіргі заманғы әйел затын бейнелейтін мақал – мәтелдің бірі: «Шаруаға керегі жер, дворянға – құрмет, жаунгерге – соғыс, көпеске – ақша, ал әйелге – бүкіл әлем. Яғни әйел бүгінде феминистік ұранды ұстанып, тәуелсіз тұлға ретінде теңдікті қалап еркектің қатарына еніп бара жатыр. Еркектің функциялары мен міндеттері әйелдің күнделікті өміріне айналған. Бірақ әр бір еркек үйге келгенде өзіндей ерді емес, қасында нәзік әйелді көргісі келеді.

Қолданылған әдебиеттер тізімі

1. Ата-ана – Иләһи құдыретпен кеңейтілген рахмет құшағы // Ислам және өркениет. – 2010. – № 30 (210). – 8 – 9 б.
2. Мозэм С. Подводя итоги. — М.: Худож. лит., 1989. – С.56.
3. Тажикеева А.Ш. Тіл және дүниенің гендерлік бейнесі: Монография. – Қарағанды: ҚарМУ баспасы, 2014. – 203 б.
4. Schipper M. ‘Never Marry a Woman with a big feet: women in proverbs from around the world’. Library of Congress Cataloging-in-Publication Data. – New Haven and London: Yale University Press, 2003. – 422 p.

© Какжанова Ф.А., Маясарова М.А., 2017

Г.Х. Камалетдинова (асп. каф. рус. яз. и методики его преподав. БашГУ, г. Уфа, Россия),
Л.А. Киселева (докт. филол. наук, проф. каф. рус. яз. и методики его преподав. БашГУ, г. Уфа, Россия)

ЭМОТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТНОЙ ПРЕССЫ)

Статья посвящена исследованию эмотивного аспекта текстов региональных СМИ. Установлено, что ведущую роль в выражении эмоций играют коннотативные единицы, имеющие как положительный, так и отрицательный оценочный знак.

Ключевые слова: *медийный текст, эмотивность, коннотация, оценочность.*

Анализируя наиболее важные процессы, характерные для современных СМИ и так или иначе отражающие закономерности изменений в русском языке конца XX – начала XXI вв., исследователи отмечают их амбивалентный характер: «Эти тенденции и процессы часто разнонаправленны, противоположны по своей сути. С одной стороны, это субъективизация газетного текста, проявляющаяся в усилении личностного начала, актуализации фигуры автора текста, оценочности, эмоциональности, экспрессивности, подчеркнутой адресованности, обилии метатекстовых средств, в том числе рефлексивов. С другой, это стремление завуалировать чрезмерный субъективизм и открытость самовыражения и, как следствие, увеличение в текстах полемичности, отражающей плюрализм взглядов в обществе, интертекстуальности газетного текста» [3, 14]. Одним из наиболее ярких индикаторов субъективизации текстов СМИ можно считать усиление их эмоционального потенциала, которое является следствием общей раскрепощённости поведения, настойчиво культивируемой и тиражируемой в современном обществе посредством рекламы, кино и т.д. Открытое, прямое выражение личностных эмоций, столь характерное для современных медиатекстов, предполагает активную эксплуатацию, иногда даже своеобразное «нагнетание» эмотивных единиц и средств, которые

ми в большой мере обладает русский язык. Несомненным является и то, что конечной целью акцентирования эмоционального начала в текстах СМИ выступает психологическое воздействие на реципиента, в том числе создание эмоционального резонанса, эмоциональное «заражение» и т.д. Как считают исследователи, специфика эмоциональной тональности современного медийного текста заключается в её заданности, контролируемости, намеренной демонстрации эмоционального отношения автора к сообщаемому и социальном воздействии на читателя [4, 16]. При этом медиатексты в полной мере подтверждают мнение о системной и функциональной асимметричности эмотивного фонда в плане преобладания языковых единиц, выражающих негативные внутренние переживания. Как справедливо отмечает В.И. Шаховский, «лексика современных СМИ, заряженная преимущественно отрицательными эмоциями, которые отражаются в семантике, коннотациях и ассоциациях используемых слов, коррелирует с определённой ситуацией российского социума» [7, 41]. Если иметь в виду морально-психологический климат в современной России, то его суть можно сформулировать следующим образом: нарастание «критической массы» межличностных и групповых конфликтов разного уровня, которые, к сожалению, стали характерной приметой нашего времени, ведёт к тому, что постепенно происходит изменение психологических доминант в социуме, наблюдается их явный перекося сторону роста проявлений агрессивности. Как считает известный психолог А.В. Юревич, в основе современной российской ментальности лежит невротический конфликт, обладающий всеми основными свойствами массового невроза, а вытеснение невротизма, по мнению А.Г. Шмелева, обнаруживается в автостереотипах русских, которые свой народ ставят выше других по фактору «Моральной оценки» и ниже других по факторам «Уверенности в себе» и «Эмоциональной стабильности» [6, 137]. Именно подавленная агрессивность является наиболее общей причиной неврозов, причём при сравнении индивида и общества «практически не имеет значения, оценивать массу с позиции её невротических или патологических девиаций. Тут как бы уже одно и то же. На первый план выходит утверждение, что общество больно. И по типу невротика (или психотика) нуждается в той или иной форме лечения» [2, 35]. Таким образом, упомянутые выше невротические проявле-

ния можно считать явным свидетельством деструктивности современного общества. В унисон сказанному звучит и мнение В.И. Шаховского, который довольно чётко противопоставляет эмоциональные доминанты современных россиян и американцев: «Если сравнить Америку и Россию по общенациональному индексу, то первое, что бросается в глаза, – это эмоциональная стабильность в одной стране и эмоциональная разбалансировка в другой. Это первый экстралингвистический контраст в сфере эмоциональной жизни русских и американцев, влияющий на их речевое поведение: самоуверенные, снисходительные, радостные интонации американцев против раздражённых, неуверенных, горестных и т.п. у русских» [8, 301]. В соответствии с изменением морально-психологического климата в нашей стране нередко наблюдается нарушение или же игнорирование принципов кооперативного социального взаимодействия, что в свою очередь делает возможным демонстративное речевое проявление враждебных отношений. Не случайно в последние годы среди исследователей, занимающихся проблемой влияния СМИ на индивидуальное и массовое сознание, становятся всё более популярными такие термины, как «язык вражды» [1], «языковое насилие» [9], «унижение языком» [7] и т.п. «В результате “газетно-журнальный” дискурс породил феномен речевой агрессии, которая проявляется в жёстком, подчеркнутом средствами языка выражении негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нередко нарушающем представление об этической и эстетической норме, а также в перенасыщении текста вербализованной негативной информацией, что вызывает у адресата отрицательное впечатление» [4, 21-22]. Как полагают исследователи, «высокая степень категоричности авторов публикаций в современной прессе создаёт впечатление о недопустимом уровне агрессивности речевой коммуникации в современном русском обществе...» [3, 18].

На наш взгляд, особый интерес для исследования эмотивной составляющей современного медиатекста представляет материал региональной прессы, в данном случае газетных изданий Республики Башкортостан, поскольку в условиях поликультурной и полилингвальной среды отмечается весьма своеобразное выражение личностного (эмоционального) начала в текстах СМИ. При этом высокая степень эмотивной «плотности» в большой мере харак-

терна для тех газетных текстов, в которых создаётся языковой образ семьи как важнейшего социального института, наиболее ярко отражающего всю сложность и неоднозначность происходящих в обществе социально-экономических, культурных и иных процессов, в том числе изменение психологических доминант. Прежде всего отметим, что языковая репрезентация внутренней сферы в анализируемых текстах осуществляется преимущественно посредством так называемых эмотивов-экспрессивов (коннотативов): эмоционально окрашенных слов, эмоционально-оценочных слов и т.п. В отличие от наименований эмоций типа *радость*, *бояться*, *спокойный* и под. эмотивность выступает здесь в виде созначения, особой эмоциональной окрашенности слова, и реализуется в сфере коннотации. Коннотативам свойственна комплексная эмотивно-прагматическая функция, предполагающая, с одной стороны, передачу эмоционального отношения говорящего к объекту наименования в целом или к его отдельным признакам, с другой – эмоциональное воздействие на адресата речи. Наиболее последовательно данная функция реализуется с помощью таких классов лексем, как слова с суффиксами субъективной оценки, уменьшительные формы личных имён, зооморфизмы и т.д. Таким образом, экспрессивные эмотивы отличаются от названий эмоций интенциональностью (направленностью на объект), которая и обуславливает сложное взаимодействие оценочных и эмоциональных компонентов их значения. Нами было выявлено, что главное внимание в текстах региональных газетных СМИ уделяется отражению психологической атмосферы, царящей в той или иной семье, отсюда доминирование в текстах разнообразных эмотивов-коннотативов. Одни из них передают представление о благополучном состоянии семьи как социального института; в частности, нами зафиксировано активное использование языковых единиц, выражающих положительную оценку (*хороший*, *прекрасный*, *замечательный*, *отличный*, *достойный*, *дружный*, *счастливый* и т.д.): *Родители у него хорошие* (Арефьев Д. «Белая ворона» умеет экономить // Вечерняя Уфа, 28.11.2001); – *Вот такая память о достойной семье Курбатовых из деревни Апрелево – семье, где воспитали шестерых сыновей-офицеров, вставших грудью на защиту Родины* (Сахратуллин С. *Шесть сыновей – шесть офицеров* // Советская Башкирия, 08.05.2000). Довольно часто в газетных текстах встречаются ме-

лиоративные эмотивные единицы, представляющие собой слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*мамуля, сынок, дочурка, ребятишки, сестрица, братец, братишка, внучок, первенец, девчушка, мальчуган, паренёк* и др.): *До этого дня паренёк из многодетной семьи успел поработать на единственном в колхозе тракторе «Универсал»* (Султанова Р. Герой незабываемого времени // Республика Башкортостан, 01.04.2010). Таким образом, насыщенность анализируемых текстов эмотивно-коннотативной лексикой во многом способствует позитивному восприятию института семьи и созданию её целостного образа. Значительную роль в этом играют также фразеологизмы, например *глава семьи, отец семейства, свить семейное гнездо, хранительница семейного очага* и т.д.: *На них глава семейства, как мороз-воевода, обходит свои владения* (Николенко И. Праздник плуга оборвала война // Республика Башкортостан, 05.02.2005); *Глава семьи уже полковник, в семье трое сыновей* (Малородов Б. Верил он – пройдут лихие годы // Республика Башкортостан, 30.04.2010). Однако наравне с указанными языковыми единицами в газетных публикациях активно употребляются эмотивы-коннотативы с противоположной оценочной семантикой: *конфликты в семье, семейные ссоры, отец-тиран, сын-алкоголик, семейное насилие, лишение родительских прав, дети-сироты, дети-отказники, непутёвые родители, матери-школьницы, аборт* и др. Эти единицы не просто обозначают неблагополучное состояние семьи, но и сигнализируют о её кризисном положении. Об обесценивании института семьи и брака в глазах современных носителей языка свидетельствует высокая частотность таких единиц, как *любовница, сожительство, гражданский брак, новый брак, другая семья, жизнь на две семьи, третий муж, «экс-жена»* и т.д. Нередким является использование слов с ярко выраженной иронической или пренебрежительной окраской, жаргонной и стилистически сниженной лексики (*безотцовщина, детдомовец, пьянчужка, семейка, кобель, донжуан, расфуфыренные, людишки, мужичонка* и т.д.): *Рос без отца, но мама и бабушка с дедушкой очень меня любили, ни в чем не отказывали, и безотцовщина моя никакой грусти не причиняла* (Николенко И. Для чего и куда я иду по земле? // Республика Башкортостан, 30.08.2003); *Простые и добрые люди определяют будущее России, республики, а не вы, не ваши политые французскими духами рас-*

фуфыренные супруги (Стасюконис А. Возвращённое детство // Республика Башкортостан, 11.10.2003); *Донжуан российской эстрады, эдакий пышноусый гусар* (Яковлева М. Одинокий маэстро желает познакомиться // Республика Башкортостан, 10.10.2003). Необходимо сказать, что негативную картину, касающуюся социального института семьи, формируют также определённые устойчивые и окказиональные выражения, например: *Хороший левак укрепляет брак; сексуальные услуги* и т.д. Важно отметить, что для текстов современных региональных СМИ весьма характерны подобные откровенные высказывания, обличающие различные пороки общества XXI века.

В ходе анализа газетных статей, представленных в республиканской газетной прессе, мы обратили внимание на частотность эмотивных междометий, иначе эмотивов-аффективов, которые можно считать «чистыми» знаками эмоций, поскольку их основной функцией является собственно эмотивная функция – выражение непосредственной эмоциональной реакции говорящего на действительность или отношения к этой действительности. Как в своё время подчеркивал Э. Сепир, междометия, являясь невольным выражением чувства, неотделимы от него и служат, скорее, не средством сообщения о том, что испытывается определённая эмоция, а более или менее автоматической разрядкой эмоциональной энергии. Однако не следует отождествлять междометия с инстинктивными криками как таковыми, поскольку они выступают в качестве условной фиксации естественных звукоиспусканий, а потому существенно разнятся в отдельных языках в зависимости от их специфической фонетической природы [5, 29]. В текстах региональной публицистики, репрезентирующих языковой образ семьи, мы отметили наличие междометий, которые выражают чувство горечи, печали, а также иронию (*ах, ох, вах* и др.): *С чего я взял, что Михневский был эвакуированным – Генрих Сигизмундович оказался коренным уфимцем, из Уфы ушёл на войну, в Уфу вернулся с победой. «Ах, война, что же ты, подлая, сделала!» 1 сентября 1941 года 16-летний Раим Габдракипович пришёл в 9 класс 10-й школы, а уже 2 сентября оформлялся учеником токаря на «почтовый ящик №26» – на моторный завод (Дель Ю. Тот самый Раим // Вечерняя Уфа, 05.04.2000); **Вах!** Шлю горячий привет читателям «Вечёрки», которую люблю и уважаю. Почему? Потому, что «Ве-*

черная»; сумерки, темнота. Я и сам до последнего времени был «чёрным» (Э. Ольтев. Мечта ударить в грязь лицом // *Вечерняя Уфа*, 01.04.2000).

Таким образом, примеры использования эмотивов для репрезентации языкового образа семьи в региональной газетной периодике свидетельствуют о постепенном обесценивании института семьи в глазах общества, что находит выражение в смене оценочного знака лексико-фразеологических единиц. Эта закономерность коррелирует с характерной для российских СМИ тенденцией к языковому акцентированию отрицательных явлений. Однако специфика поликультурного и полилингвального пространства Республики Башкортостан, в условиях которого толерантность становится важнейшим принципом общежития, обуславливает то, что не меньшую значимость приобретает создание положительного образа реалий, в данном случае института семьи. В текстах современной региональной публицистики она предстаёт не просто как пресловутая «ячейка общества», а как главная ценность в жизни каждого человека.

Литература

1. Евстафьева А.В. «Язык вражды» в манипулятивных приемах СМИ // *Эколингвистика. Язык региональных СМИ в зеркале русской речевой культуры*: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2009. – С. 152-155.
2. Зелинский С.А. Анализ массовых манипуляций в России. – СПб.: Издательско-торговый дом «СКИФИЯ», 2008. – 280 с.
3. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // *Проблемы речевой коммуникации*: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Вып. 8. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2008. – С. 13-34.
4. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: Учеб. пособие. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 160с.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – 2-е изд. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2002. – 656 с.

6. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.
7. Шаховский В.И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства России // Мир русского слова. 2007. №1-2. – С. 40-44.
8. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
9. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 360 с.

© Камалетдинова Г.Х., Киселева Л.А., 2017

УДК 81'42

Р.А. Каримова (докт. филол. наук, проф. каф. соврем. рус. языкознания БашГУ, г. Уфа, Россия)

ОСОБЕННОСТИ СПОНТАННОГО/КВАЗИСПОНТАННОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Анализируется проекция речевой ситуации на порождаемый коммуникантом дискурс: его реализацию квазиспонтанной/спонтанной речью, с ее показателями (просодического и семантико-грамматического уровней).

Ключевые слова: *устный медийный дискурс, речевая ситуация, коммуникативная модель, звучащая речь (квазиспонтанная и спонтанная).*

В современном обществе звучащая речь выдвинулась на видное место, о чём свидетельствует активность медиа (радио, телевидения) с многообразием их программ, являющих в непосредственном контакте участников различные стороны общественных явлений. Их проекция на лингвистический уровень даёт возможность осветить проблематику устного дискурса: сферу его действия, существенные параметры организации и тем самым – его типологии.

Теоретической основой данного рассмотрения дискурса является современная методология науки, согласно которой подход к речевым произведениям не ограничивается включением их в сферу деятельности (по А. Н. Леонтьеву), но связан, с другой стороны, с

проблематикой культурной и социальной идентичности и находится в гуманитарном русле [5, 30], в сфере когнитивных наук.

С этим коррелирует внимание социолингвистов к связи ролевых отношений коммуникантов со стилистической дифференциацией языка, стилистов, прослеживающих обусловленность структуры речевых жанров характером социокультурной деятельности индивидов [8, 295].

Концептуализации смыслов дискурсов (рассматриваемых далее) служит категория общего порядка – отношения, которая, согласно Аристотелю, трактуется как одна из основных логико-философских категорий, отражающих способ бытия. Она конкретизируется в психологическом понятии субъекто-объектной связи индивида, реализующей в деятельности наряду с когнитивным эмоциональный аспект, а также аспект рациональной оценки и ценности. С деятельностью, особенно совместной, неразрывно связано общение как форма активности субъектов и проявления отношения [7, 5–15].

Из многообразия радиальных и телевизионных программ социокультурного характера, различных по событийности, т.е. позиции информации относительно объекта речи: например, предсобытийного обсуждения фильма С. Урсуляка «Тихий Дон» в дискурсе А. Долина (на радио «Вести FM», 2015) и постсобытийного в аналитическом дискурсе Д. Златопольской и С. Урсуляка (в «Белой студии» ТВ «Россия1. Культура», 2016) привлекает внимание программа «Главная роль» («Россия1. Культура») интервью ведущего (№1, Ю. Макарова) с агенсом (№2, К. Райкиным) о текущем событии. Материализация говорящим событийности отличается неоднородностью его звучащей речи: спонтанная или квазиспонтанная (продуманная, но тоже творимая «здесь и сейчас») [3, 41–43]. Дискурс интервью как продукта звучащей речи – это единство просодической и семантико-грамматической его сторон [4, 339–348], рассматриваемое в данной статье.

Её непосредственный материал – два интервью Ю. Макарова с К. Райкиным (15.09.2014 и 11.10.2015), где освещаются юбилей: театра «Сатирикон» в первом дискурсе и его художественного руководителя во втором. В качестве фоновых учтены другие коммуникации с К. Райкиным: в «Наблюдателе» («Россия1. Культура», 14.09.2016), в программе В. Познера («Первый канал», 31.10.2011)

и в «Белой студии» Д. Спиридионовой (2.11.2013), – которые как развёрнутые дискурсы других жанров значимы для представлений о сфере сознания, представляемой его носителем – коммуникативной личностью.

Согласно коммуникативной модели дискурса 1) референтной ситуацией (предметом дискурса) являются два названных текущих события, 2) говорящими: К. Райкин (№2), и Ю. Макаров (№1), 3) из условий общения существенны характер событийности (см. выше) и способы реализации речи: спонтанная/квазиспонтанная – в условиях временных ограничений (пятнадцатью минутами каждого интервью).

Дискурсивное представление названных событий характеризуется содержательной насыщенностью: см. тематику этих дискурсов: 1) премьеры «Сатирикона», спектакль «Укрощение», пьеса Макдонаха, ведущие артисты театра, стихотворение Лермонтова; 2) премьеры спектакля «Человек из ресторана», режиссер Е. Перегудов, стихотворение Д. Самойлова, удивление.

О тематическом пересечении дискурсов, порождаемых К. Райкиным, свидетельствует определённая общность их гиперлексем («Сатирикон», спектакль, пьеса, драматург, автор, главная роль, юбилей, программное стихотворение и др.) как носителей ведущих смыслов данных коммуникаций.

Например: «... мне понравился этот спектакль // и потом я видел ещё несколько спектаклей... Перегудова // и вот тогда я его пригласил в театр / предложил... // у меня был такой же ээ... / была значит... ээ мысль о том / чтобы... чтобы он поставил пьесу «Шутники» Островского...//»

В конкретизации гиперлексем дискурсов участвуют прежде всего номинативные единицы – ключевые слова (КС) и сочетания, которые как смысловой сгусток микротем образуют коммуникативно-семантическое поле, объединяющее номинации объектов речи в соответствующие микрополя. Такова микротема «режиссер Е. Перегудов» с ключевыми сочетаниями: качественный ученик, правильные отношения, хорошая атмосфера, много достойных качеств. Многослойность гипердискурса отмечают также образы, к которым обращается говорящий (Петруччо, Катарина, Яков Скороходов, Сирано де Бержерак и др.); прецедентные имена (Досто-

евский, Макдонах, Лермонтов, Островский, Шекспир, Д. Самойлов и др.); эмоция (удивление – см. Приложение, п. 3)[6, 134].

В плане реализации доминанты значимыми смыслами показателен монолог К. Райкина (№2) из дискурса 2015 года. Он насыщен номинациями – элементами коммуникативно-семантического поля – в позициях актуализации: свойство дарования; слово, сцена, оценка факта; восприятие, класс артиста (а также ключевым сочетанием с участием градации: момент удивления/оценки/растерянности), – которые служат эффективному раскрытию доминанты, именующей интеллектуальную эмоцию. Интенсивность эмоционального состояния говорящего представляют, наряду с другими средствами, ИК-5 высказывания («а удивляться кто́ будет?»), где, во-первых, интонационно выделена препозитивная рема (предикат «удивляться»), актуализована также позиция субъекта («кто́»).

Актуализация номинативных составляющих звучащего дискурса осуществляется рядом средств: позицией ремы высказывания; степенью членимости высказываний, вплоть до пословной (и послоговой), просодией: выделительным ударением (логико-эмоциональным и эмоциональным), динамикой интонации.

В подчинении номинативному находятся средства семантико-грамматического уровня, конкретизирующего микротемы общения: о различных сторонах обсуждаемых премьер, включая их (премьер) истоки. Данные средства реализуются кластером категорий: оценки/мнения, сравнения (и сходства/подобия), сопоставления, неопределенности, каузативности (в дискурсивной развертке) – вербализующих знание индивида о том или ином фрагменте мира, его ментальность и эмоции, весьма активные в проявлении языковой функции воздействия. Видную роль здесь играют средства оценки, включая модальную [1, 245–249]; как знаки позиций субъекта, они используются в атрибутивной, а также предикативной функциях; отличаются экспрессивностью, эмоциональностью. Как видно, средства названных дискурсивных категорий функционируют в составе характерных для этого жанра синтаксических регистров: информативно-объяснительного, оценочно-квалифицирующего и убеждающего. См.:

1: «... я так [жест] полагаю / честно говоря / и в общем / я очень так вообще интересовался... // мне кажется / что это... без

[жест] уточнения вот ясно // дело в том / что это «укрошение» происходит в обе стороны... / это обоюдоострое... слово // это вектор двух направлений...//»;

2: «... дело же конечно не только в том / что пьеса укрощает Катарину / а еще в том / что Катарина каким-то образом меняет Петруччо за... / и... и... как-то отучает его от его самоуверенности [во всяком случае – показной или непоказной] / ну в общем / так или иначе [жест] на словах он выглядит очень самоуверенным...//».

Наблюдения над динамизмом способов речевой реализации общения со стороны К. Райкина обнаруживают неоднородность в этом плане каждого из его дискурсов, обусловливаемую характером референтной ситуации, т.е. предметом речи адресата, также психофизиологическими свойствами его речевых особенностей (кратковременной, рабочей и долговременной памятью) и темпераментом.

Соответственно, если говорящий (К. Райкин) дистанцирован от конситуации (референта), его дискурс отмечен характерными знаками спонтанности: «... я сам все-таки не... полный хозяин... этой... постановки... // это... э... в общем [жест] работа... ээ Якова... Ломгина как режиссера...// (см. далее Приложение, п. 1).

Напротив, смена говорящим референта, обращение к образам, близким его когнитивно-эмоциональной сфере и прошлому опыту, представляется вербально с участием средств рассуждения/умозаключения, т.е. осуществляется квазиспонтанной речью (См. Приложение, п. 2).

Обращает на себя внимание фрагмент из второго дискурса К. Райкина (2015 г.), представляющего, по нашему мнению, эмоционально-оценочную ситуацию (являющую одну из ценностей индивида) с актуализацией доминанты «удивляться» (см. Приложение, п. 3).

В целом приведенные фрагменты (1, 2 и 3) различаются, во-первых, просодически: степенью синтагматической, фразовой членности, насыщенности паузами и их видами, мелодическим оформлением; по представленности дискурсивных слов и элементов генерализации (в общем, вообще); также – в семантико-грамматическом отношении: по характеру семантического поля дискурса, по оценочной лексике, а также синтаксически: сокращением типов синтаксических моделей высказываний, более редким

использованием осложненных конструкций, большей повторяемостью однотипных моделей высказываний, выдвиганием в препозицию ремы [4, 345].

Рассмотренные способы реализации речи говорящим являются проекциями К. Райкина как творческой личности. Для него свойственно представление смыслов квазиспонтанной или спонтанной речью в реализации публичной речи носителем полнофункционального типа речевой культуры.

В соответствии со стратегией общения он создает эффективные по информативности и воздействию (в частности, по средствам субъективной модальности, характерным для спонтанной речи) речевые произведения. Это обеспечивается качествами его рабочей памяти и активностью внимания, долговременной памяти (свойствами его когнитивного стиля, полнезависимого и сложного), а также характеристиками темперамента [2, 98–100].

Приложение

1а: «... я сам все-таки не полный хозяин...этой постановки...// это... э в общем [жест]... рабóта... мм Якова ...Ломгина как режиссёра ...//»;

1б: я доверил ему...вот...сделать...так сказать такую попытку ...рискованную конечно ..., но óчень интересную // я [жест] наблюдаю / как они развиваются // там... дела обстоят не... не... как.../ как и предполагалось не... не слишком просто / и не слишком гладко // это так сказать [жест] такое варево / которое / мне кажется / может... вóлниться в... óчень... интерéсный / ýркий... /хулигáнский/ весéлый... и ýмный спектакль / с... настоящими / хорóшими очень актёрскими работами //»;

2: «... он [Макдонах] вообще написал семь пьес... мм // у него такой ирландский цикл.../ это ирландская трилогия – грандиозный...// три [жест] просто великих пьесы он написал // ...первая/ вторая и третья // первая это была пьеса ээ / вот... «Красавицы из Линейна» / или «Королева красоты»/ как она у нас называлась// это вообще первая пьеса / с которой он прогремел по всему миру// ээ да/ он жесткий драматург / жесткий эмм / заставляющий зрителя смеяться над тем / над чем смеяться не принято // вот в чем /так сказать/ я думаю / наибóльшая сложность //»;

3: «...удивляться / это свойство... дарования... ээ актёрского в первую очередь // вообще я вот слово удивляться / говорю чаще всех... других слов... наверно // я без конца говорю это актёрам / студентам // «а удивляться кто будет? Кто / [жест] будет удивляться... на сцене?» // мне кажется / это из... важнейших ээ вообще... свойств... актёрского дарования / и вообще человек / который занимается искусством / – удивляться / и вообще на сцене удивляться / – это самое трудное // это с моей точки зрения... это... это то / что называется на нашем на актёрском языке – оценка факта // это вот... восприятие // вот... ээ... на этом / вот именно на этом процессе / и заметен... класс артиста / класс артиста настоящий // ты понимаешь на пово-ро-те / вот на повороте...// а это и есть – момент удивления / оценки / растерянности... // вот вот когда ты понимаешь / какого уровня артист...//».

Литература

1. Васильев Л.М. Категория оценки // Актуальные проблемы лингвистики рубежа веков. – Самара: СамГУ, 2004. – С. 245–249.
2. Гивон Т. Сложность и развитие // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. «ЯСК». М, 2015. С. 98–100.
3. Златоустова Л.В. Изменение моделей русского фонетического слова в квазиспонтанных текстах ораторского функционального стиля // Труды международной конференции «Функциональные стили звучащей речи» (5–7.09.2005, МГУ). – М.: Изд-во МГУ, 2005. – С. 41–43.
4. Златоустова Л. В. Фонетическая специфика спонтанной речи // Общая и прикладная фонетика / Под общей редакцией Р. К. Потаповой. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 339–348.
5. Лекторский В.А., Гараи Л. О теориях деятельности: диалог о том, чем они богаты и чего им недостаёт // Вопросы философии, 2015. №2. – С. 30.
6. Новиков. А. И. Вместо заключения. Теория смысла (тезисы) // Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007 – С. 134.
7. Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных групповых субъектов совместной деятельности // Психологический журнал РАН, 2012. №5. – С. 5–15.

8. Салимовский В.А. Речевой жанр в его отношении к сфере деятельности // Русский язык сегодня. Вып. 6. Речевые жанры современного общения. Сб. докладов международной конференции. – М: Флинта, 2015. – С. 295.

© Каримова Р.А., 2017

УДК 801.32

Н.М. Латыпова (канд. филол. наук, доц. каф. рус. яз. и методики его преподав. БашГУ, г. Уфа, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале русского и башкирского языков)

Исследование фразеологии разноструктурных языков (русского и башкирского) приводит к выводу, что идиомы с семантическим компонентом «человек» являются универсальными и присутствуют в обоих рассмотренных языках. Фразеологические единицы в образной форме выражают знание о внешней и внутренней сущности человека, его психических свойствах. В статье отмечаются наряду с расхождением сходные явления в семантике, форме и функционировании фразеологических единиц, преобладание в количественном отношении наименований отрицательных эмоций.

Ключевые слова: фразеологизмы, языковая картина мира, концепт «человек».

Фразеологизм – одна из языковых универсалий, без которых не может существовать язык. Большинство фразеологических единиц связаны с человеком, со сферой его деятельности, окружающим миром, а также с его внутренним, духовным миром. При определении сознания носителя того или иного языка в качестве отправной точки исследования, как правило, моделируется интергративный лингвокогнитивный концепт, представляющий синхронное существование экзистенциональных базовых концептов: человек, судьба, душа, сердце.

Человек обладает не только знанием, но и мнением об окружающем его мире и об окружающей его действительности. Антропологическая философия признаёт Слово важнейшим источником знаний человека о человеке, т. к. сознание формируется путём вербальной передачи знаний. Язык понимается в философии не только как средство выражения концептов и концепций, но и как средство их познания. Концептуальный анализ предполагает определение статуса мировоззренческих понятий в обыденном сознании людей. К числу таких понятий относится само понятие человек.

Человек признаётся нами основным компонентом экзистенциального анализа, который привлекает обыденное сознание к анализу о том, что есть человек, что представляет собой его внутренний и духовный мир (его душа, его сердце), что ждёт человека в этом мире, какова его судьба. Тем самым формируется этнокультурная парадигма лингвистического исследования (см. Л.А. Сергеева [2]).

Материалом для нашего исследования послужили словари [1; 4]. Фразеологические единицы, характеризующие внутреннюю сущность человека, как правило, не содержат прямого указания на те или иные внешние признаки: *белая ворона – ала карга*. Внешняя характеристика человека в рассматриваемых языках часто содержит оценочный компонент: *писаная красавица – бер кашык һыуга һалып йоторлок, бер бите ай бер бите кояш; шишка на ровном месте – тигез ерзәге түңгәк ; как собака на сене - үзенә лә юк, кешегә лә юк, үзе лә капмай, кешегә лә бирмәй* и др.

К физическим характеристикам человека можно отнести также и указания на возраст: *песок сыплется — бик карт; картайып хәлдән тайган; молоко на губах не обсохло — ауызында әсә һөтө кипмәгән* и др.

Психическая сторона связывается нами с такими фразеологическими единицами, которые характеризуют умственные способности человека: *голова дубовая — ахмак баш; семи пядей во лбу — башы эшләй* и др. Анализ этих фразеологических единиц показывает, что средоточием ума, мыслительной деятельности человека является голова. Связь материального благосостояния с наличием ума ясно прослеживается в поговорках: *без ума торговать —*

только деньги терять; умом наживают, а безумием и старое потеряют и др.

В русской и башкирской языковых картинах мира ум воспринимается как врожденная интеллектуальная способность: *светлая голова; голова варит; с головой; семи пядей во лбу – башы эшлэй, башы йоморо, башы бар* и др. Гораздо шире по объёму подгруппа синонимичных фразеологизмов, характеризующих умственные способности человека негативно: *голова еловая; голова садовая; дырявая голова; пустая голова; не все дома; олух царя небесного – ахмак баш, акылһыз; олух царя небесного – йөзгә берәү тулмаган, кыркка берәү тулмаган* и др.

Сюда же примыкают фразеологические единицы, обозначающие высшую степень проявления эмоций. Часть из них обозначает высокую степень интенсивности любых чувств и эмоций — как положительных, так и отрицательных: *дух захватывает; в жар бросает; душа не на месте; душа в пятки уходит; кровь стынет в жилах* и др. Остальные фразеологизмы этой же группы обозначают высшую степень проявления таких отрицательных эмоций, как страх, испуг *душа уходит в пятки — йән уксәгә китә; кровь стынет — кот осоу; кошки скребут на душе — куңел тыныс тугел; не в духе — кәйефе юк* и др.

Основная масса фразеологических единиц концепта «Человек» выражает и называет различные отрицательные эмоции: *поджилки затряслись; сердце падает (упало); сходить с ума; выжить из ума; набитый дурак; богом обиженный*.

Самое большое в количественном отношении поле представлено фразеологизмами, обозначающими и выражающими чувства недовольства, возмущения, гнева, злости: *перемывать кости, чесать языки — гәйбәт һатыу, тел сарлау, бысракка куша болгау; плевать (плюнуть) в душу – изге тойголарзы мысқыл итеу; под горячую руку (попадать, сказать) – кызган сакта, кызыулык менән* и др.

Самая большая в количественном отношении группа представлена фразеологизмами, обозначающими и выражающими чувства недовольства, возмущения, гнева, злости: *перемывать кости, чесать языки — гәйбәт һатыу, тел сарлау, бысракка куша болгау; плевать (плюнуть) в душу – изге тойголарзы мысқыл итеу; под*

горячую руку (попадать, сказать) – кызган сакта, кызыулык менән и др.

Можно отметить, что любая эмоциональная реакция организма характеризуется своим типом взаимодействия симпатических и парасимпатических влияний [3].

Анализ рассматриваемого нами концепта «Человек» на материале русского и башкирского фразеологизмов выявил наряду с расхождением сходные явления в семантике, форме и функционировании фразеологических единиц.

Литература

1. Латыпова Н.М. Русско-башкирский идеографический словарь. – Уфа: Гилем, 2005.
2. Сергеева Л.А. Этнокультурный аспект языковых значений // Исследования по семантике. Межвуз. научн. сб. с междунар. участием. – Уфа, 2016. – С. 193-200.
3. Симонов П.В. Эмоциональный мозг: Физиология. Нейроанатомия. Психология эмоций. М.: Наука, 1981.
4. Ураксин З.Г. Русско-башкирский фразеологический словарь. – М.: Рус.яз, 1983.

© Латыпова Н.М., 2017

УДК 811.112.2

Ю.А. Латыпова (асс. каф. иностр. языков
гуманит. ф-тов БашГУ, г. Уфа, Россия)

ДИНАМИЧЕСКИЕ ОБРАЗ-СХЕМЫ В ОСНОВЕ ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «WILL»)

В современных исследованиях бытует мнение о том, что дискурс структурируется не случайным, произвольным образом, а с помощью стереотипных моделей. В дискурсе актуализируются хранящиеся в сознание многофункциональные схемы, модели. Данные модели содержат в себе стереотипные ситуации, заранее заданные, прогнозируемые сценарии. Среди стереотипных структур исследователи выделяют динамическую образ-схему «источник-путь-цель». Статья исследует реализацию образ-схемы «ис-

точник-путь-цель» в дискурсе на примере английского концепта «will».

Ключевые слова: дискурс, концепт, стереотип, когнитивная модель, образ-схема

Исследователи, рассматривая структуру дискурса, сходятся во мнении, что в основе организации дискурса стоят уже существующие в сознании представления о действительности (опыт). Ф. Бартлетт обнаружил, что при вербализации прошлого опыта люди регулярно пользуются стереотипными представлениями о реальности. Такие стереотипные фоновые знания Ф. Бартлетт называл схемами. В качестве примера приводится схема квартиры, которая включает стереотипные знания о кухне, ванной, прихожей, окнах и т.п. Характерная для России схема поездки на дачу, например, может включать такие компоненты, как прибытие на вокзал, покупка билета на электричку и т.д.

О.Г. Орлова в диссертационной работе исследует дискурс сквозь призму стереотипов. По мнению ученого дискурс опирается на схемы, структуры, стереотипы в процессе своего развития и существования. Дискурс формируется в соответствии с каркасом, заключенного в его архиве: неизменяемые (слабоизменяемые) элементы, т.е. речевые и коммуникативные стереотипы. «Всякий род дискурса стереотипичен, и не только с точки зрения коммуникативных стереотипов, но и с точки зрения содержательных стереотипов, стереотипов как лингвоментальных феноменов. Они обеспечивают его воспроизводимость, узнаваемость, создают идеологический каркас». В качестве примера автор приводит дискурсивные формулы: медицинский дискурс: «*Следующий*», «*На что жалуетесь?*»; педагогический дискурс: «*Здравствуйте, дети, садитесь*». Стереотипы включены во фрейм дискурса, типичные и прогнозируемые модели. В них заключается «некоторое «окончательное» (или же «априорное») знание о фрагменте действительности, стоящей за именем концепта». Стереотипы являются элементами фреймов (слоты), в соответствии с которыми фреймы, в свою очередь, группируют и организуют типичную и ожидаемую в дискурсах информацию об объектах действительности. «В качестве лингво-ментального феномена стереотип является элементом структуры концепта – фрейма. Фреймы организуют тематические структу-

ры разных видов дискурса, таким образом, стереотип является и дискурсивным феноменом» [10].

Можно предположить, что автор, в процессе организации дискурса (текста, речи) отбирает средства не просто из «континуума коммуникативных актов», но «из хранящихся в виде особых параметров фрейм-модели речевого жанра». Н.С. Олизко рассматривая вопрос организации дискурса, отмечает, что дискурс формируется в рамках определенного жанра, который отличается устойчивостью, типизированностью, стереотипностью, нормативностью. Тот или иной жанр всегда ориентируется на образец, на определенную модель, и имеет свой специфичный набор языковых средств при порождении текстов. «Жанры речи присутствуют в сознании языковой личности в виде фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово» [9, 157]. «Формирование дискурса уже на стадии внутреннего планирования использует модель порождения речи, которая соответствует конкретной ситуации общения и которая диктуется жанровым фреймом» [9]. «Автор вначале выбирает определенный речевой жанр, в рамках которого он собирается вести коммуникацию. Избранный речевой жанр предоставляет в распоряжение коммуниканта корпус «своих» речевых актов и некоторые «предписания» относительно их последовательности» [9, 157].

Дискурс, таким образом, по мнению языкового сообщества, формируется в соответствии заранее данного образца, модели, стереотипа. В 1970-е годы появляются одинаковые по смыслу термины: *фрейм, схема, скрипт, план, сценарий* (М.Минский, Р.Шенк, Р.Абельсон). Указанные структуры многофункциональны и выступают в качестве средства экономии языковых средств. Эти стереотипные модели содержат в себе некоторые общие универсальные фрагменты, из которых формируются новые схематические системы, соответствующие новым представлениям.

«Фрейм» в большей степени относят к статическим структурам, объектам, расположившихся в пространстве относительно друг друга в пределах рамки целого (типа модели квартиры), а «скрипт» и «сценарий» – к динамическим, моделирует действия агентов, движущихся к своим целям (типа поездки на дачу или посещения ресторана), хотя сам Минский предлагал использовать термин «фрейм» и для динамических стереотипных струк-

тур. «Схема» формализует данные в виде абстрактных конструкций: чертежей, диаграмм, графиков, geometr. фигур и т.п. «План» пред. собой еще никогда не осуществлявшийся, задуманный и разработанный сценарий. Несмотря на эти различия в содержании, глубинная сущность данных понятий остается единой: все они относятся к структурным представлениям знаний и лежат в основе порождения дискурса.

Как мы видим, стереотипные знания о действительности включают схемы обозначающие расположение/движение в пространстве, т.е. статические и динамические модели. М. Джонсон приводит в качестве классических образов-схем такие как, например, *вместилище, часть – целое, центр – периферия, источник – путь – цель*. М. Джонсон исходит из того, что информация об окружающем мире, полученная из опыта, даже бессознательного, хранится в памяти в виде связанных когнитивных конструкций – схем, структур, вокруг которых организуется наш опыт [12]. Кинестетическая образ-схема формируется на основании определенных моторных программ и процессов восприятия. Считается, что «эти схемы, будучи непосредственно обусловлены опытом физического взаимодействия со средой и основанные на так называемых перцептивных и моторных эталонах, имеют доязыковую природу и возникают в сознании ребенка раньше, чем соответствующие понятия, которые накладываются на образ-схему, вытесняя ее на бессознательный уровень. Образ-схемы существуют в сознании человека независимо от понятийных схем». Эти модели редко находят непосредственное выражение в языковых структурах, но часто выступают в качестве базы для метафорических моделей, в частности, для концептуальной метафоры. Анализ метафорических реализаций показывает, что одной из наиболее частотной является пространственная когнитивная модель «источник – путь – цель», которую М. Джонсон относит к первичным, доречевым моделям. В зависимости от смысловой необходимости могут актуализироваться разные компоненты этой модели: начальный пункт, из которого начинается движение, – маршрут движения – конечный пункт, цель движения [8, 28].

В основе данной научной статьи лежит гипотеза о том, что концепт актуализируется в дискурсе в соответствии со статистическими и динамическими образно-схематическими моделями. Це-

лью статья является рассмотрение реализации концепта «will» (воля) в английском дискурсе в соответствии с динамической моделью (сценарием) «источник-путь-цель». Онтологический смысл образ-схемы следующие: «начальное состояние», «последовательность событий», «конечное состояние». Образ-схема «источник-путь-цель» репрезентирует разворачивающуюся во времени событие: «начальное состояние – это источник, конечное состояние – это место назначения; события соответствуют тому, что находится в пути. Путь растянут во времени. Сценарий – это нечто целое, а каждый из элементов – это часть». Онтология сценария может включать людей, вещи, свойства, отношения и пропорции. Кроме того, элементы онтологии часто связываются отношениями определенных типов, причинными отношениями, отношениями тождества и т. д. [3].

Концепт «will» связан с психическим состоянием субъекта, его «стремлением к осуществлению чего-нибудь, обладанию, это то, что напрямую связано со сферой чувств, устремлений, потребностей человека», которые предваряют ее поведение и деятельность. «Даже желая то, что есть только в нашем воображении, мы соотносим желаемое с какими-то объективными реалиями». «Из множества объектов реальной (или в ряде случаев ирреальной) действительности субъект произвольно выбирает некий объект, который осмысливает как предмет своего желания» [4, 64]. Концепт «will» охватывает эмоциональную сторону субъекта, связанную с «влечением», а также с «намерением», т.е. готовностью выполнить желаемое. В этом главное отличие «воли» от «желания», по словам Е.В. Красильниковой, «воля» включает в себя активный момент: «воление» - это «следование желанию», в то время как «желание» просто желает [4, 64].

«Will» связан с осознанной и целенаправленной активностью субъекта. По определению С.Р. Рубинштейна: «волевое действие — это сознательное, целенаправленное действие, посредством которого человек осуществляет поставленную перед ним цель, подчиняя свои импульсы сознательному контролю и изменяя окружающую действительность в соответствии со своим замыслом» [11]. Одной из функций *воли* в психологии, признается *инициация* (побуждение), которое обеспечивает начало того или иного действия. В психологии бытует термин «волевой акт», который включа-

ет в себя структуру: «побуждение к совершению волевого акта», «появление мотивов», «борьба мотивов», «принятие решения», «осуществление того или иного действия», «преодолеть возникшие трудности посредством усилия воли», «поддержание активности, усилием воли» и др. [11].

Концепт «will» актуализирует в текстах не случайные модели, а уже существующие устойчивые образ-схемы, укоренившиеся в его структуре в процессе развития. Рассмотрим стереотипные модели развертывания концепта «will» в дискурсе в соответствии с образно-схематической структуры: «источник-путь-цель». Концепт «will» обнаруживает образные признаки: «толчок к движению», «ориентированность к объекту (цели)», «готовность к движению», «движение в пространстве», «средство движения», «длительность движения», «препятствия при движении», «соприкосновение с другими объектами». Концепт «will» как динамическая модель включает следующие концептуальные признаки: «возникновение тяготения к чему-то/необходимости получить достичь (получить)» → «колебание/принятие решений» → «начать действие» → «найти средства действия» → «достичь/победить». Концепт «will» актуализируется в дискурсе в рамках когнитивных признаков: «источник действия» и «ресурс действия».

1. Концепт «will» - источник действия.

Волевой акт начинается с возникновения побуждения, выражающегося в стремлении. По мере того как осознается цель, на которую оно направляется, стремление переходит в желание. Воля есть источник любого целенаправленного действия. Концепт «will» в тексте приобретает оттенки значения, указывающие на состояние субъекта, его «желание/ не желание», которые передаются через концепты «willing/unwilling».

Концепт «willing» отражает состояние: «готовность, склонность, расположенность к чему-либо». Желание ориентировано на цель, поэтому в контекстах, концепт «willing» связывается с получением желаемого: «если сильно желать что-либо» → «можно получить желаемое как дар»: «*...if we be truly **willing** to have it, he will bestow it upon us freely*» (J. Bunyan «*The Pilgrim's Progress*»). Желание, как правило, инициирует действие: «попросили сделать что-то» → «желать и намереваться совершить действие»: «*When I offered to your sister to keep company, and to be asked in church at such*

times as she was willing and ready to come to the forge, I said to her, 'And bring the poor little child. God bless the poor little child,' I said to your sister, 'there's room for him at the forge!') (Ch. Dickens «Great expectations»). Желание в дискурсе связывается с терпением: «предложение остаться» → «не иметь оснований оставаться» → «иметь желание ждать»: «*The governor of them would have him stay for his best things till the beginning of the next year, but he will have all now; but Patience is willing to wait*» (J. Bunyan «The Pilgrim's Progress»).

Концепт «will» означает «способность человека осуществлять свои желания». Здесь далее возникает бинарная оппозиция: «свои желания»/ «чужие желания». Источником желания может быть сам субъект, исполняющий свои желания. В других случаях желание может исходить от третьих лиц, или высших сил. Когнитивный признак «источник желания» возникает в ситуациях, указывающих на взаимоотношения между субъектами: «я влияю/не влияю на других субъектов», «другие субъекты влияют/не влияют на меня», «я действую под влиянием других субъектов» и др.

Субъект поступает в соответствии со своим желанием, руководствуясь убеждениями, например, он не пытается деструктивно воздействовать на других, чтоб добиться результата, а берет все в свои руки. В данном случае активируется сценарий репрезентирующий ситуацию прихода к успеху по своему желанию, без вовлечения других людей: «не пытаться извлечь что-то от кого-то нажимом» → «не предпринимать попытки извлечь что-то от кого-то по своей воле» → «добровольно оказаться в тяжелых условиях» → «получить свое пространство для жизни». «*But, he had oppressed no man, he had imprisoned no man; he was so far from having harshly exacted payment of his dues, that he had relinquished them of his own will, thrown himself on a world with no favour in it, won his own private place there, and earned his own bread*» (Ch. Dickens «A Tale of Two Cities»).

Субъект становится хозяином своей воли в результате отказа других людей влиять на ситуацию: «нежелание других людей участвовать в ситуации» → «иметь возможность самому действовать»: «*Thenceforward my voice was a household law; and at an age when few children have abandoned their leading-strings, I was left to the guidance of my own will, and became, in all but name, the master of my own actions*» (Edgar Allan Poe «William Wilson»). Челю-

век может быть предоставлен самому себе: «получить разрешение поступать по своему» → «поступать по своему желанию»: «*As I was saying, Pip, it were my intentions to have had it cut over him; but poetry costs money, cut it **how you will**, small or large, and it were not done. Not to mention bearers, all the money that could be spared were wanted for my mother*» (Ch. Dickens «Great expectations»).

Человек осуществляет чужие желания, из чувства долга, если он связан родственными отношениями. Например: «осознать необходимость» → «соглашаться осуществить чужую волю»: «*Then we are all agreed; and my dear father's **will** is to be carried out. You don't know what a joy that is to me and to my mother!*» (G. B. Shaw «Man and Superman»). Субъект может быть обязан исполнять волю хозяина: «*...as they came on, they bid me be of good cheer, and said, that it was **the will** of their Lord that comfort should be given to the feeble-minded, and so went on their own pace*» (J. Bunyan «The Pilgrim's Progress»).

Исполнение воли высших сил может быть связано с идеологическими соображениями: «ощущать в сердце некоторые божественные знания и любовь» → «жить и действовать в соответствии с волей Бога»: «*There are, therefore, two sorts of knowledge, knowledge that resteth in the bare speculation of things, and knowledge that is accompanied with the grace of faith and love, which puts a man upon doing even **the will** of God from the heart: the first of these will serve the talker; but without the other, the true Christian is not content*» (J. Bunyan «The Pilgrim's Progress»). Человек, в некоторых случаях, полностью покоряется воле высших сил: «отдать себя в руки Бога» → «жить лучше»: «*Thus I lived mighty comfortably, my mind being entirely composed by resigning myself to **the will** of God, and throwing myself wholly upon the disposal of His providence. This made my life better than sociable, for when I began to regret the want of conversation I would ask myself, whether thus conversing mutually with my own thoughts, and (as I hope I may say) with even God Himself, by ejaculations, was not better than the utmost enjoyment of human society in the world?*» (D. Defoe «Robinson Crusoe»).

Концепт «unwilling» означает «несклонный, невольный, не расположенный», репрезентирует в контекстах «отсутствие желания что-то делать». Субъект может потерять интерес к чему-то, и изменить свои действия, когда подходит время: «наступление зре-

лости» → «нежелание развлекаться» → «желание заняться делом»: «*Since this house strikes you old and grave, boy," said Miss Havisham, impatiently, "and you are **unwilling** to play, are you **willing** to work?» (Ch. Dickens «Great expectations»). В некоторых случаях, субъект проявляет нежелание что-то сделать в силу обстоятельств, при возникновении чего-то не запланированного. Например: «возникновение неожиданной ситуации (кто-то не пришел)» → «нежелание уйти (оставить кого-то)» → «оставаться ждать изменения ситуации»: «*Mr. Lorry waited until ten; but, Doctor Manette not returning, and he being **unwilling** to leave Lucie any longer, it was arranged that he should go back to her, and come to the banking-house again at midnight. In the meanwhile, Carton would wait alone by the fire for the Doctor» (Ch. Dickens «A Tale of Two Cities»).**

Субъект не желает совершить поступок из-за нерешительности, сомнений, внутренних колебаний. Например: «рассмотрение кого-то вопроса» → «возникновение страха» → «решиться на что-то с нежеланием»: «*When I said that I only came to see how Miss Havisham was, Sarah evidently deliberated whether or no she should send me about my business. But **unwilling** to hazard the responsibility, she let me in, and presently brought the sharp message that I was to "come up."*» (Ch. Dickens «Great expectations»); «появление напряжения» → «проявлять нежелание соприкоснуться с чем-либо»: «*His constraint was so manifest, and it was so manifest, too, that it originated in an **unwillingness** to approach the subject, that Charles Darnay hesitated» (Ch. Dickens «A Tale of Two Cities»).*

Нежелание совершить поступок может быть связан с отсутствием целесообразности в нем: «отсутствие страха смерти» → «нежелание отдавать себя в жертву» → «не повлияет на решение других» → «жертвенность не принесет результата»: «*I am not afraid to die, Citizen Evremonde, but I have done nothing. I am not **unwilling** to die, if the Republic which is to do so much good to us poor, will profit by my death; but I do not know how that can be, Citizen Evremonde. Such a poor weak little creature!*». Субъект не хочет совершать действие в том случае, когда понимает, что нет в нем необходимости, результат будет деструктивный: «совершить неправильный поступок» → «осознание бессмысленности действия» → «не желание повторить поступок»: «*He opened his mouth as wide as he could, and shut it with a sounding snap of his teeth. Observant of his **unwill-***

ingness to mar the effect by opening it again, Defarge said, «Go on, Jacques» («A Tale of Two Cities» Dickens Charles).

Иногда человек не желает совершать поступок, обращаться к другим, в соответствии со своими убеждениями: «не желание получить помощи от других» → «своим трудом получить все»: *«Jaggers's directions. As to our lodging, it's not by any means splendid, because I have my own bread to earn, and my father hasn't anything to give me, and I shouldn't be **willing** to take it, if he had. This is our sitting-room, -just such chairs and tables and carpet and so forth, you see, as they could spare from home» (Ch.Dickens «Great expectations»).* Временами убеждения исходят не от субъекта, а привиты законом, обществом: «иметь обязанность, долг» → «невозможность избежать действия» → «что-то сделать без желания, в соответствии с долгом»: *«Miss Manette, if the prisoner does not perfectly understand that you give the evidence which it is your duty to give-which you must give- and which you cannot escape from giving-with great **unwillingness**, he is the only person present in that condition. Please to go on» (Ch. Dickens «A Tale of Two Cities»).*

Концепты «willing»/ «unwilling» возникают в контексте в аспекте «жизненная энергия», поддерживающая существование человека. Человек может просто жить, не проявляя усилий, т.к. его ведет внутренняя сила, но в любой момент включается осознанность, и он может изменить. Подобные изменения можно описать через сценарий, указывающий на увеличение жизненных сил: «неосознанно обладать волей к жизни» → «существовать по пути наименьшего сопротивления» → «возникновение осознанности» → «возникновение желания понять свою судьбу и выбрать путь»: *«This Life Force says to him "I have done a thousand wonderful things unconsciously by merely **willing to** live and following the line of least resistance: now I want to know myself and my destination, and choose my path; so I have made a special brain—a philosopher's brain—to grasp this knowledge for me as the husbandman's hand grasps the plough for me» (G. B. Shaw "Man and Superman").*

Концепт «unwilling» реализует идею «слабости, неспособности, бездейственности». Концепт в дискурсе развертывает сценарий «уменьшения жизненной энергии, вплоть до полного исчезновения»: «вести мало осмысленный, бесцельный образ жизни» → «быть готовым отступить перед трудностями» → «прекратить су-

ществование): «*On inanimate nature, as on the men and women who cultivated it, a prevalent tendency towards an appearance of vegetating unwillingly—a dejected disposition to give up, and wither away*» (Ch. Dickens «A Tale of Two Cities»).

2. Концепт «will» - ресурс действия.

Концепт «will» в рамках образ-схемы «источник-путь-цель» активизирует признак «ресурс действия». Под «ресурсом» понимаем наличие силы (потенции, возможности, способности) к реализации волевого акта. Силой обладает субъект, способный к волевому поступку. В рамках метафорической модели «обладать волей» → «возможность достигать цели» реализуются признаки: 1) «обладать волей» → «находить пути»: «*Who needs to be told, that if a woman has a will she will assuredly find a way?*» (W. M. Thackeray «Vanity Fair»). 2) «обладать волей» → «достигать успехов»: «*The parting was over. Once more poor William walked to the door and was gone; and the little widow, the author of all this work, had her will, and had won her victory, and was left to enjoy it as she best might. Let the ladies envy her triumph*» (W. M. Thackeray «Vanity Fair»).

Концепт «will» связан с активностью, решимостью к действию: «*подошло время*» → «*принимать решение*»: «*After school," says he, of course; after a pause and a look, as much as to say, "Make your will, and communicate your last wishes to your friends between this time and that*» (W. M. Thackeray «Vanity Fair»). Силы нужны, чтоб начать действие: «*приняться за дело с усилием воли*» → «*к определенному моменту достичь определенных результатов*»: «*Well, sir! Mr. Herbert threw himself into the business with a will, and by nine o'clock last night he housed Tom, Jack, or Richard, whichever it may be,—you and I don't want to know,—quite successfully. At the old lodgings it was understood that he was summoned to Dover, and, in fact, he was taken down the Dover road and cornered out of it*» (Ch. Dickens «Great expectations»).

В процессе действия, необходимы усилия, для доведения до конца: «*собрать силу в тяжелой ситуации*» → «*повторить действие снова*»: «*He rallied, and rose bewildered to his feet. He took a turn in the room. He stopped, and summoned his will, and steadied himself by main force. He picked up the letter, and read the last sentence again*» (W. Collins «Man and Wife»). В некоторых ситуациях, в процессе действия, необходимо приложить усилия: «*возникновение*

необходимости» → «действовать с усилием»: «*Draw on these boots of mine. Put your hands to them; put your **will** to them. Quick!*» (Ch. Dickens «A Tale of Two Cities»). Субъект способен к максимально-му проявлению силы в затруднительной ситуации: «*With wonderful quickness, and with a strength both of **will** and action, that appeared quite supernatural, he forced all these changes upon him. The prisoner was like a young child in his hands*» (Ch. Dickens «A Tale of Two Cities»).

Воля «обнаруживает цель», «находит средства» и «исполняет желание»: 1) «внутренняя воля мира» → «изобретение средств и исполнение воли посредством этих средств»: «*No: I sing, not arms and the hero, but the philosophic man: he who seeks in contemplation to discover **the inner will** of the world, in invention to discover the means of fulfilling **that will**, and in action **to do that will** by the so-discovered means. Of all other sorts of men I declare myself tired. They're tedious failures*» (George Bernard Shaw "Man and Superman"). 2) «средства будут найдены, ум не подведет» ← «при условии, что воля настоящая»: «*Man will not take it at that price: he demands the romantic delights of your hell whilst he is still on earth. Well, the means will be found: the brain will not fail when **the will** is in earnest*» (George Bernard Shaw "Man and Superman"). 3) «человеческая воля» → «изобретет средства обладать всем: любовь, красоту, эмоции, страсть»: «*Well, what place have squalling babies and household cares in this exquisite paradise of the senses and emotions? Is it not the inevitable end of it all that **the human will** shall say to the human brain: Invent me a means by which I can have love, beauty, romance, emotion, passion without their wretched penalties, their expenses, their worries, their trials, their illnesses and agonies and risks of death, their retinue of servants and nurses and doctors and schoolmasters*» (George Bernard Shaw "Man and Superman").

И наоборот, отсутствие воли, не бывает результата: «отсутствие усилий (достаточных ресурсов)» → «не открывает путей (отсутствие необходимых результатов)»: «*I do not know whether you have any illusions left on the subject of education, progress, and so forth. I have none. Any pamphleteer can show the way to better things; but when there is **no will** there is no way. My nurse was fond of remarking that you cannot make a silk purse out of a sow's ear, and the more I see of the efforts of our churches and universities and literary sages to*

raise the mass above its own level, the more convinced I am that my nurse was right» (George Bernard Shaw "Man and Superman").

Таким образом, в статье была рассмотрена актуализация динамической образ-схему «источник-путь-цель» в дискурсе на примере концепт «will». Как мы видим по итогам анализа, концепт активирует стереотипные, заранее заданные сценарии в контекстах. Концепт «will» реализуется согласно двум когнитивным признакам: «источник» и «ресурс». «Will» в аспекте «источник» репрезентирует значения «побуждения к действия/хотение/устремление». Однако готовности в действие мало, концепт «will» в рамках образ-схемы «источник-путь-цель» выступает как «средство принятия решения и достижения результат», т.е. связан с проявлением усилий.

Литература

1. Брылева Р.Ф. Ольфакторные прилагательные как объект синестических переносов // Вестник БашГУ. 2011. № 4. С.1307-1310.
2. Брылева Р.Ф. Синестические переносы в номинации ольфакторных прилагательных в русском, французском и башкирском языках // Вестник БашГУ. 2016. № 1. С.146-152.
3. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. Собр. соч., т. I. М., 1994.
4. Красильникова Е.В. Сопоставительное исследование концептов «желание» и «воля» (на материале русского и английских языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. С. 64–67.
5. Латыпова Ю.А. Семантические модели концептуальной метафоры (на примере концепта “воля” в русском, английском и башкирском языках) // Вестник БашГУ. 2013. № 3. С.797-799.
6. Латыпова.Ю.А., Фатыхова Л.А. Метафоризация как процесс создания образной составляющей концепта «воля» // Вестник БашГУ. 2012. № 4. С.1777-1780.
7. Мухтаруллина А.Р. Когнитивные основы метонимий и метафор в англоязычном художественном тексте // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (часть 1).
8. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2010.– 282 с.

9. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009.

10. Орлова О. Г. Дискурсивная теория стереотипа: дисс. д. ф. н.- Кемерово, 2013.- 388 с.

11. Психология. <http://www.grandars.ru/college/psihologiya/>

12. Johnson M. The Body In The Mind: The Bodily Basis Of Meaning, Imagination, And Reason. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.

© Латыпова Ю.А., 2017

УДК 811.112.2

Ю.А. Латыпова (асс. каф. иностр. языков
гуманит. ф-тов БашГУ, г. Уфа, Россия)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБРАЗ СХЕМЫ «СВОЙ/ЧУЖОЙ» В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «ИХТЫЯР» В ДИСКУРСЕ

Согласно когнитивно-дискурсивному подходу к языку, образно-схематические метафоры являются шаблонами, вокруг которых организуются знания человека. Образ-схема – образец восприятия, который придает связность и структурность нашему опыту. Образ-схемы способны множество раз воспроизводиться в дискурсе. Данная статья рассматривает актуализацию образ-схем в структуре концепта ихтыяр в башкирском языке.

Ключевые слова: образ-схема, метафора, метафоризация, концепт, дискурс, когнитивная лингвистика

В рамках когнитивно-дискурсивного направления развивается новый взгляд на организацию дискурса. Когнитивное направление исследует особенности формирования знаний о действительности и их отображение в языке [3, 34; 5, 21]. «Процесс познания и концептуализации действительности сложен, многогранен и бесконечен; познавая мир, человек постоянно открывает новые явления (предметы), обращает внимание на их «скрытые» и «неявные»

возможности представления окружающего его мира» [8, 1777]. Мышление человека устроено таким образом, что он познает одни объекты по аналогии с другими, уже существующими в его сознании. Происходит механизм *метафоризации*, при которой «одна структура, как правило, накладывается на другую структуру и логические связи области - источника переносятся на логические связи области-цели» [9]. «Метафора тесно связана с мышлением человека, которое в процессе воспроизведения объективной действительности улавливает связи и отношения между предметами и явлениями, устанавливает сходства и различия между ними» [7, 797].

Появление когнитивно-дискурсивного направления расширяет и дополняет понятия когнитивной науки. «Каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъяснённым только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрёстке когниции и коммуникации» [5]. Когнитивно-дискурсивный подход при описании каждого языкового явления равно учитывает те две функции, которые они неизбежно выполняют - *когнитивную* (по их участию в процессах познания) и *коммуникативную* (по их участию в актах речевого общения). Таким образом, объединение двух лингвистических направлений позволяет исследовать языковые явления не только как структура знания, но и их функционировании в речи.

Человек при организации дискурса обращается к своим стереотипным представлениям об окружающей его действительности. Метафора «представляет собой заранее заданный шаблон, или клише, – это некое новое концептуальное пространство, которое формируется на основе уже имеющихся ментальных концептов» [8, 1777]. Метафора лежит в основе познания действительности и формирования дискурса. Выделяются метафоры: *отологические* (осмысление мира в терминах объектов и веществ), *структурные* (метафоры, приписывающие объекту свойства другого объекта), *ориентационные* (метафоры связанные с ориентацией в пространстве («свой/чужой», «центр/периферия», «источник-путь-цель», «верх/низ», «внутри/снаружи»)) [6].

Рассматривая мыслительные модели (образцы, шаблоны) М. Джонсон выделяет термин *образная схема* (или образ-схема, *image schema*), вокруг которых по его мнению организуется наш опыт. Джонсон определяет образную схему следующим образом: «Образная схема – это повторяющийся динамический образец (*pattern*)

наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту» [7, 350]. Образ-схема «свой/чужой» признается одной из базовых когнитивных матриц, выполняющих категоризацию действительности по аналогии (по своему образцу).

Истоками формирования оппозиции «свой/чужой» считается первобытное сознание. Первоначально осознается «мы» в контексте природы, затем собственно «я», которое подразумевает противопоставление себя чему-то или кому-то другому, и приобретает этот смысл только в контексте этого противопоставления. Образ-схема «свой/чужой» категоризирует мир, выделяя «своих», свой народ и «чужих», иных, чуждых, и организуют пространство этноса, давая некую оценку и помогая ориентироваться, вычленять релевантные признаки. Оппозиция «свой/чужой» имеет зеркальную структуру, которая опирается на представление о «я», субъекте, и отражается в любом другом объекте действительности, способном выстраивать относительно себя сферу «своего», относительно «своего» выстраивать «чужое» [4, 21; 10, 157].

Внутренняя форма слова «свой» содержит отчетливую семантику владения, обладания, принадлежности, свойственности, соответствия. Лексема «чужой», также обозначает принадлежность (только другому лицу), отчужденность, не соответствии [11, 727]. Абстрактная образ-схема «свой/чужой» лежит в основании формирования многих дискурсов. Данная статья ставит своей целью исследование реализации образно-схематической метафоры «свой/чужой» в дискурсе в структуре концепта *ихтыяр* в башкирском языке. В структуре концепта *ихтыяр* образ-схема «свой/чужой» активизирует признак «принадлежности»: «своя воля» / «чужая воля».

Концепт *ихтыяр* в башкирском языке с когнитивным признаком «своя воля» указывает в дискурсе на наличие определенных качеств, позволяющих контролировать, как правило, «самого себя». Образно-схематическая метафора «своя воля» возникает в контекстах для обозначение «терпения, выдержки» человека: *«Мин үзем бер касан да уның кеүек түземле һәм үз һүҙле була алманым. Фатима ғәжәп көслә ихтыярлы кыз булып сытты... Ул бөтә ауырыуларҙы карап бөткәнде көтөп ултырҙы. Азак миңә уның менән бергә өйгә кайтып, иң матур уйынсыктарҙы һайлап*

*бирергә тура килде... Был һүзәрзән һуң Фатиманың атаһы: — Был юлы Фатиманы әрләмәйем. Ул шулай ныкышмалы булып үшәен... Үзәндә якшы холок тәрбиәләһен,— тине» (Әнүәр Бикчәнтәев). В других случаях «своя воля» позволяет сдерживать себя от необдуманных действий: «Был һүзәрзә ишеткәс, Фатима ысын күңелдән шатланды, Люцияны косаклап үбә яззы. Ләкин шунда ук тыйылды, сөнки ул үзен көслә **ихтыярлы** кеше булырга өйрәтә башлагайны инде. **Ихтыярлы** әзәмгә үбешәү килешмәй, әлбиттә. Фатима, мозайын, китапта укыган һүзәрзә иҫәнә төшөрәп: — Үзең тарафынан хатаңды аңлау ғына етмәй әле,— тине.— Һине бөтә кыззар за кисерергә тейештәр»(Әнүәр Бикчәнтәев).*

Исследование дискурсов, содержащих концепт *ихтыяр*, было выявлено, что «своей волей» наделяются высшие существа, способные влиять на ситуацию. В следующем контексте герой сокрушается от того, что Бог, обладая всемогуществом, не останавливает войну: «*Күпме кешеләр зар илайзар, Алланан иҫән калыузы һо райзар. Ләкин туптар, пулялар быларзың барыһын да үзенсә эшләй, ә Алланың бында бер генә лә, бармак осондай за мәр хәмәте юк. Уның көсө зур, һәр нәмәне үзенсә эшләтергә **ихтыяры** етә, тизәр. Ниңә һуң инде иҫәпһез кешеләрзәң: «Һуғыш тукталһын ине!» — тигән теләктәрәнә әз генә булһа ла колак һалмай икән?* (Д.Юлтый).

В некоторых контекстах реализуется образ-схема «своя воля» через сравнение с «чужой волей»: «*Әйе, Хәсән маладис ул, кайһы бер беләге йыуандарзан көслөрәк тә, **ихтыярлырак** та, — тине, йөзөндә етдилек һаклап. Әмин Илнурзың ни әйтергә теләгәнән аңланы, әлбиттә» (Р.Сабитов).*

О наличие воли свидетельствуют внешние свойства субъекта: форма лба, носа, губ, посадка глаз. «Своя воля» может быть увековечена в памятнике: «*Һәйкәлдә Алтынсурин киң күңелле, кешелекле һәм **ихтыярлы** кеше булып сагылған. Киң маңлайы, йөзөндәге һизелер-һизелмәс һызаттар, алыска төбәлгән үткер күзәрә ошо хакта һөйләп тора һымак» (Р.Сабитов). В контекстах описывается внешность субъекта, свидетельствующая о наличии сильной воли: «*Маңлайы киң, йөзөнөң башка һандарына бәрәбәр зур танаулы, калын ғына иренле. Былар уның көслә **ихтыярлыҡатын** икәнән әйтеп тора.* (Д.Юлтый). Внешность мужчины иллюстрирует на-*

личие воли: «*Ир-ат йөзөндө, бэлки, шаран-яра кыскырып тормас ине ул. Ихтыяр көсө, зihen сагылышы итеп, уны бизэргэ лә мөмкин эле. Нис югы купшы мыйык үстереп күлэгэлэргэ лә булалыр әрһез танаузы...*» (С.Хафизов«Хыянатка ярлыкау юк»).

Субъект, обладающий «своей волей», может управлять ею. В данном случае наблюдаем реализацию онтологической метафорической модели: «воля – это вещество». В данном случае актуализируются признаки концепта *ихтыяр* схожие со свойствами вещества: «увеличение/уменьшение», «изменение концентрации». «Своя воля» напоминает «некий исчерпаемый, но возобновляемый ресурс». Наряду с онтологическими характеристиками, в дискурсе реализуется ориентационные свойства: «много/мало», «внутренний/внешний». В рамках ориентационных метафор появляются когнитивные признаки: «когда много своей внутренней воли, я могу влиять на внешний мир»/ «когда мало внутренней воли, я не могу влиять на внешний мир».

В некоторых критических случаях, субъект, помимо своего желания, может увеличить свою силу: «*Һөйәктәрен? Йо-ок! Йән хакына, бер бөртөк гүмер өсөн айкашкан йән зйәһенең көсө, ихтыярынан тыш, ике-өс, хатта ун тапкырга артып китә, имеш. Быны фән гали йәнәптәре үзе иҗбат иткән. Шулай булгас, ни эшләп Зэй ошо килеш тыныс кына ятып бот һонорга тейеш*». (И. Ноғоманов «Сәм»). Субъект, в ситуации борьбы, вынужден собрать «свою волю» в себе, чтоб влиять: «*Ер шарында нимәләр эшләнгәннен күрәһеңме? Иске донъя менән яңы донъя төкөшә,— тим үз-үземә.— Кем — кемде, тигәп кан койгос һугыш дауам итә. Аңлайһыңмы, Камил Камалов? Бынан ниндәй һығымта яһарга кәрәк? Башыңды эшләтеп кара... Тимәк, үзеңдең көсөң, акылың, рухың менән изге эште якла. Кәрәкһезгә ығы-зыгы тыузырма. Ихтыяр көсөңдө тупла. Кылысыңды кулыңда нык тот!*» (Ә. Бикчәнтәев).

Способность концентрировать «свою волю» в одной точке, позволяет субъект вдохновить самого себя: «*Хәмзәнән бөтәһен дә көтөргә мөмкин. Ул миңә күрһәтте бит инде бер тапкыр үзенең кемлеген. Әле лә унан якшылык өмөт итмәйем. Ысын спортсмен бара-тора үзәндә гәжәп бер сифат тәрбиәләй. Ул иң яуаплы мәлдә үзенең бөтә ихтыяр көсөн бер урынга туплай ала. Мин дә шулай булдым. Куркыу, шикләнеу тигән нәмәнәң эзе лә калманы.*

Күззәремдә шатлык уттары балкый» (Өнүр Бикчәнтәев). В трудной ситуации, субъект способен взять «свою волю» в кулак и сделать необходимое: *«Бар ихтыярымды ныгытып, семәрле сөгөн рәшаткәле кәбер янына йүнәлдем. Атайым! Кайтты»* (Г. Якупова «Кесе йыһан – Оло йыһан»).

Наряду с когнитивным признаком «наличие своей воли», в дискурсе актуализируется противоположный смысл «отсутствие своей воли». При этом «своя воля» может отсутствовать как в духовном, так и в физическом плане. Отсутствие «своей духовной воли» лишает возможности воздействовать на ситуацию: *«Мин тагы ла үземде, ужым бызауы кеүек, йомшак әзәм итеп күрһәттем. Үземдә ихтыяр тигән нәмә юк та баһа!»* (Өнүр Бикчәнтәев). В других случаях «истощение физической воли приводит к смерти»: *«Шулай итеп, йәшәргә ихтыяр бөтәү менән, организм үз-үзен үлтерергә тотона».* (Г. Физзәтуллина «Корбан килтерер»). Для женщины «отсутствие воли» считается нормальным: *«Ә катынкыз ялан уртаһындагы яңғыз тирәк һымак сәкерәйеп торған шыкһыз танау менән нишләй? Ихтыяр за, көс тә, зиһен дә кәрәкмәй гүзәл затка. Уға тик нәфислек, матурлык кына мөһим! Ай-һай, бындай катын менән нисек кеше күзенә күренерһең, Әзһәм?»*(С.Хафизов«Хыянатка ярлыкау юк»).

В рамках образ-схемы «чужая воля» актуализируется противоположный признак «наличие чужой воли». Данный признак появляется как реакция, отношение к чужому субъекту, обладающим волей. Например, признак «признание чужой воли», репрезентирует градацию эмоций от восхищения до простой констатации факта наличия «чужой воли». Например, «чужая воля» притягивает противоположный пол, вызывает желание завоевать субъект: *«Унан, үзең беләһең, ул һынау ни менән тамамланды... Катындар ихтыярлы ирзәрзе яраталар... Мин һине буйһондорорга тырышып, кыззарза була торған бөтә хәйләләрге файзаланып караным. Ул корал беззә етерлек ул! Ләкин һин еңдең. Һин кайза сакырһаң, мин шунда йүгерә инем дә баһа! Исеңдәме?»* (Ә. Бикчәнтәев).

В некоторых контекстах актуализируется признак «зависть» к «чужой воле»: *«Мин һыузың ургылып аккан урындарын карап ултырырга яратам. Мин шуларга караганда үзем де, бөтә донъяны онотам. Сөнки уларза шундай көслә ихтыяр бар, улар теләгән*

*вакытта теләһә ниндәй фигураларға әйләнәләр, теләгән вакытта теләһә ниндәй ижад тыузыралар. Бына минең дә һыу тулкындары кеүек аккым, күңелдәге бөтә теләктәрзе, шулар кеүек, теләгән фигураға әйләндөргөм килә.. Бы на һез карап торогоз әле, ысынлапта, уларза тулкынлы бер матурлык бар. Уларза, аңлы рәүештә булмаһала, айырым бер көс бар, айырым бер **ихтыяр** бар. Шулар миңә айырым бер күтәрәнке тойго бирәләр..» (Д.Юлтый «Кан»). В данном контексте автор описывает свое желание быть похожим на другого, волевого субъекта. Для описания своих эмоций используется структурная метафора: «воля- это вода», где для описания свойств волевого человека описывается поведение воды (жидкости): «гибкость, изменчивость, умение наделить энергией».*

Образ-схема «чужая воля» реализует признак «содействие другим», в одних случаях, осознание наличия «чужой воли» при желании помочь субъекту: «*Рафик шунда ук ярзамға ташланды. Азак асыкланыуынса, Линараның үгәй һеңлеһе икән. Шул сактағы Линараның үз үзен тоттошон исләп, бәләкәй сағынан тотанаклы, ныклы **ихтыярлы** булған ул, тип һынамсыланы Рафик» (Л.Якшыбаева). В других ситуациях появляется признак: «вдохновить субъект на действие»: «*Ысынлап та, сәгәт өстө һугырға биш кенә минут калгайны. Кызырас бөтөнләй бошоноп, өмөтһөзләнен: «Эй-й, ни, мин ингәндә, сәгәт ике генә ине. Ни, мин, дәрәскә тотонорға иренеп, бер сәгәт ултырганмын!.. Был ниндәй ялкау малай һуң мин?! Ә Ғәбит ағай: «Кызырас, һинең **ихтыяр** көсөң бар», тигән була тағы. Бар һиңә, көтөп тор!..» — тип уйлап алды» (З. Бишева).**

Таким образом, образно-схематическая метафора «свой/чужой» актуализируется в дискурсе. Образ-схема функционирует в структуре концепта *ихтыяр* в башкирском языке, активируя признаки: «наличие свой воли»/«наличие чужой воли». Анализ дискурса показал, что «наличие воли» указывает на возможность влиять на окружающий мир, «отсутствие воли» делает субъект зависимым. В рамках исследования были выявлена онтологическая метафора: «воля – это вещество», структурная метафора: «воля – это вода», а также ориентационная: «много воли – это хорошо, мало воли – это плохо».

Литература

13. Брылева Р.Ф. Ольфакторные прилагательные как объект синестических переносов // Вестник БашГУ. 2011. № 4. С.1307-1310.
14. Брылева Р.Ф. Синестические переносы в номинации ольфакторных прилагательных в русском, французском и башкирском языках // Вестник БашГУ. 2016. № 1. С.146-152.
15. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 17–33.
16. Константинова А.А. Концептуализация пространства этнонимов «свой-чужой» // Magister Dixit. 2011. № 4. С.21-30.
17. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука //Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 34.
18. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. // Теория метафоры. М., 1990.– С. 387-415.
19. Латыпова Ю.А. Семантические модели концептуальной метафоры (на примере концепта “воля” в русском, английском и башкирском языках) // Вестник БашГУ. 2013. № 3. С.797-799.
20. Латыпова.Ю.А., Фатыхова Л.А. Метафоризация как процесс создания образной составляющей концепта «воля» // Вестник БашГУ. 2012. № 4. С.1777-1780.
21. Мухтаруллина А.Р. Когнитивные основы метонимий и метафор в англоязычном художественном тексте // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (часть 1).
22. Нехорошева А.М. Механизмы формирования когнитивной матрицы «свой чужой» в немецком дискурсе. (на примере выступлений Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. 2012. №4. С. 157- 162.
23. Современный толковый словарь русского языка / под. ред. С. А. Кузнецова. М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
24. Тодосиенко З.В. Проблема изучения моделей семантической деривации в разноструктурных языках (на материале русского, английского и татарского языков)//Филология и искусствоведении. 2013. № 5. С.237-249.

25. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. - Chicago: Univ. of Chicago Press. - 1987.

© Латыпова Ю.А., 2017

УДК:811.111/1

М.З. Мамырбаева (*ст.преп., магистр лингвистики
Института филологии и полиязычного образования
КазНПУ им.Абая, Казахстан*)

ОСОБЕННОСТИ ГАЗЕТНО- ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

На основе анализа известных работ по стилистике современного английского языка, мы подробно остановились на одном из его стилей – газетно-публицистическом стиле (Newspaper style).

Ключевые слова: публицистический стиль, газетные жанры, эмоционально-экспрессивная лексика

Введение

Речевые стили выделяются как определенные системы в литературном языке, прежде всего с целью сообщения. Каждый речевой стиль имеет более или менее точную цель, которая предопределяет его функционирование и его языковые особенности. Так, для газетно-публицистического стиля основной целью является информация и воздействие; цель делового стиля – установить условия, ограничения и формы дальнейшего сотрудничества двух и более человек; целью научного стиля является доказательство определенных положений, гипотез, аргументаций и т.д. [4, 388].

Системный характер использования языковых средств в разных стилях речи приводит к тому, что в определенных сферах употребления языка нормализуется выбор слов и характер их употребления. Образовывается преимущественное использование тех или иных синтаксических конструкций, особенности употребления образных средств языка, употребление различных способов связи между частями высказывания, использование или же, наобо-

рот, игнорирование различных изобразительно-выразительных средств языка, и т.д.

На основе анализа известных работ по стилистике современного английского языка, в своей работе мы бы хотели подробно остановиться на одном из его стилей – газетно-публицистическом стиле (Newspaper style).

Понятие газетно-публицистического стиля складывается из языка газет, общественно-политических журналов, докладов, выступлений, бесед, речей, дискуссий, языка радио и телепередач, документально-публицистического кино [2, 407]. Газетно-публицистический стиль является наиболее популярным из всех функциональных стилей, поскольку его распространению способствуют средства массовой информации – пресса, радио, кино, телевидение.

Существенное влияние на газетно-публицистический стиль оказывает скорость создания газетно-журнальных текстов, связанная с необходимостью оперативно реагировать на происходящие события. Немалое воздействие на выбор языковых средств и на структуру газетно-публицистического текста оказывает ограниченный объем этого текста, необходимость вместить в него как можно больше информации

В книге И.Р. Гальперина «Очерки по стилистике английского языка» газетно-публицистическому стилю посвящен большой раздел главы о речевых стилях. Внутри газетного стиля автор различает две разновидности: а) стиль газетных сообщений, заголовков и объявлений, которые и составляют, по мнению И.Р. Гальперина, существо газетного стиля, и б) стиль газетных статей, составляющий разновидность публицистического стиля, куда также входят стиль ораторский и стиль эссе [2, 397–426]

М.Д. Кузнец и Ю.М. Скребнев, авторы «Стилистики английского языка», считают, что объединять специфические черты языка газеты в понятие газетного стиля неправомерно, поскольку при этом признаки функционального стиля подменяются признаками жанра. Эти авторы также указывают на то, что в разных разделах газеты: передовых статьях, текстах политических документов и выступлений, в статьях по различным вопросам культурной жизни, науки и техники – отражаются различные стилевые системы языка. [4, 379]. Наряду с публицистическим стилем в газете можно встре-

тить и официально-деловой при публикации документов общего значения, и научный; наконец, в газетах публикуются и художественные произведения или отрывки из них.

Некоторые авторы предлагают выделять не газетный, а информационный стиль, который может использоваться в газетах, на радио и телевидении. Его также называют стилем массовой коммуникации [1, 388].

Лексика имеет ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску, включает разговорные, просторечные и жаргонные элементы. Лексика, характерная для публицистического стиля, может употребляться и в других стилях: в официально-деловом, научном. Но в публицистическом стиле она приобретает особую функцию — создать картину событий и передать адресату впечатления журналиста от этих событий.

Газеты в своей направленности подразделяются на несколько типов. Так, например, в Великобритании для массового читателя существует так называемая *popular paper* – массовая газета, печатающая, в основном, материалы сенсационного характера с большим числом фотографий и издающаяся многомиллионным тиражом. К числу таких газет относятся «Дейли Миррор», «Дейли Экспресс» и «Сан». Массовой газете противостоит так называемая *quality paper*, солидная, респектабельная газета, рассчитанная преимущественно на осведомленного и более образованного читателя и публикующая значительное количество информации на международные, внутрисполитические и экономические темы, а также аналитические обзоры. Такие газеты обычно выходят меньшим тиражом. К ним относятся «Таймс», «Гардиан» и «Обсервер».

В Соединенных Штатах различие отмечается между так называемыми *tabloids*, малоформатными газетами, публикующими сенсационные сообщения, сопровождаемые многочисленными иллюстрациями, и более солидной прессой. Типичным примером *tabloids* является нью-йоркская *Daily Mirror*. Такого рода издания пользуются популярностью среди малоимущих и малообразованных читателей. Для более просвещенной читательской аудитории существуют такие газеты, как «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», и другие.

Газетно-публицистический стиль является самостоятельным функциональным стилем, обладающим определенным социальным

назначением, комбинацией языковых функций, ставящей своей главной целью сообщение, призыв и убеждение (воздействие) [1, 386]. Поэтому в газетно-публицистическом стиле имеется большой выбор лингвистических, грамматических и композиционных особенностей, помогающих сблизить автора с собеседником.

1. Лексические особенности

В лингвостилистическом плане данный стиль оперативно регистрирует возникновение новых слов и выражений, заимствований и специфических сокращений, принятых в национальном языке, изобилует интернационализмами. [2, 412]. К лексическим особенностям относятся и сочетание стилистически нейтральной и эмоциональной лексики, наличие стереотипов и неологизмов, упрощенный синтаксис разговорной речи (to bar, to ban, to ax, сленг – to snog «целовать», booze «алкоголь»), рассчитанный на восприятие широкими слоями населения, и усложненный, приближающийся к научному стилю (терминов: mortgage, leukaemia).

Исследователи отмечали большой процент собственных имен: *топонимов, антропонимов, названий учреждений и организаций* и т.д., более высокий по сравнению с другими стилями процент *числительных и обилие дат*. С этимологической точки зрения характерно обилие интернациональных слов и склонность к инновациям, которые, однако, весьма быстро превращаются в штампы и клише: *vital issue, free world, pillar of society, escalation of war, terrible tension, plea of mercy*, фразеологизмов: *to give smb. the boot* «уволить». Обилие клише замечено давно и указывается всеми исследователями. Все эти клише, так же как некоторые литоты типа *not unimportant, not unworthy*, и т.п., придают тексту глубокомысленное звучание, даже если его содержание совершенно банально, например: *in my opinion it is not an unjustifiable assumption that* вместо *I think*. Клише обслуживают ситуации, регулярно повторяющиеся в рамках газетно-публицистического стиля. Многие клише почерпнуты из профессиональных жаргонов (полит. *hard-liner консерватор*), многие – из общего сленга (*think-tank мозг*).

Авторы работ по газетно-публицистическому стилю отмечают большой процент абстрактных слов, хотя информация, как правило, конкретна. Отмечается обилие не столько эмоциональной, сколько оценочной и экспрессивной лексики: *When the last Labour*

Government was kicked out. (Daily Mail). Эта оценочность часто проявляется в выборе приподнятой лексики [4,395].

Наконец, особенностью газетно-публицистического стиля являются аллюзии на хорошо известные факты и события дня. Наиболее часто аллюзии встречаются в статьях, комментирующих события внутренней жизни страны. В зависимости от характера газеты, от содержания самой статьи, от цели, которую преследует автор, меняется характер аллюзий, тип образности и соотношение разговорных и книжных элементов в статье.

В газетно-публицистическом стиле встречается лексика из профессионализмов. Цель – облегчить восприятие информации читателем, достичь определенного коммуникативного воздействия. Политические термины выражают точно определенные политические концепции, такие как republic, monarchy, national servanty.

Также стоит отметить замену простого глагола устойчивым сочетанием, что добавляет в каждое предложение лишние слоги и создает впечатление большей плавности: militate against, make contact with, be subjected to, have the effect of, play a leading part (role) in, take effect, exhibit a tendency to, serve the purpose of и т.д. [4,397]. В таких сочетаниях чаще всего участвуют такие глаголы, как prove, render, serve, form, play. Используются они часто в пассивной форме: greatly to be desired, a development to be expected, brought to a satisfactory conclusion.

К композиционным особенностям можно отнести вариабельность в оформлении заголовка, изложение основной информации и главной мысли обычно в начале текста.

2. Грамматические особенности

Грамматическое своеобразие языка в газетно-публицистическом стиле исследовано В.Л. Наером [3, 287]. Он отмечает своеобразие в использовании времен и залогов, высокий удельный вес неличных форм, обилие сложных атрибутивных образований, особые формы введения прямой речи и преобразования прямой речи в косвенную, а также особенности порядка слов.

Исследователи газетно-публицистического стиля отмечают также множество цитат прямой речи и развитую систему различных способов передачи чужой речи. Один из этих специфических способов – недословная, сокращенная передача речи с примечаниями журналиста в запятых; цитируемая речь приводится при

этом без кавычек. Такую прямую речь называют «вольной прямой речью», «неотмеченной» или «адаптированной». [3, 291]. Но еще больше случаев прямой речи, отмеченной кавычками. Иногда сама цитата, данная в кавычках, содержит ироническую переделку содержания того или иного высказывания. Отмечается также тенденция к опущению артиклей.

Предложным оборотам всегда отдается предпочтение перед герундием (by examination of, а не by examining). Аналогичное явление наблюдается в области союзов и предлогов, где простые короткие слова заменяются такими оборотами, как with respect to, having regard to, in view of, on the hypothesis that.

3. Использование выразительных средств

В отличие от официально-делового стиля газетно-публицистический стиль, входя в систему массовой коммуникации, не является обезличенным. Он индивидуализирован по группам людей: возрастным, образовательным, социальным, идеологическим, по интересам и т.д. В отличие от художественных произведений, в газетно-публицистическом стиле не подтекст, а сам текст вполне определенно выражает оценочное отношение к излагаемым фактам.

Черта, сближающая этот стиль со стилем художественной речи, – это проявление индивидуального в изложении содержания. И здесь, конечно, степень проявления индивидуального ограничена особенностями самого стиля [4, 399].

Среди стилистических средств образительности и выразительности используются *тропы, сравнения, гиперболы, аллегории, эфемизмы, пословицы, поговорки, крылатые слова, цитаты*. Очень сильным средством создания публицистичности выступают авторские обновления стилистических средств, т.е. намеренное изменение формы этих средств. Для выделения и подчеркивания тех или иных слов или словосочетаний применяется намеренное нарушение обычного порядка слов в предложении – *инверсия, антитеза, риторический вопрос, вопросно-ответная структура высказывания*.

В газетно-публицистическом стиле могут употребляться *литературно-книжные слова, неологизмы* (даже такие, которые требуют пояснения в тексте), *вводные предложения* и другие компоненты газетно – публицистического стиля [2, 408].

Заключение

На основании обзора теоретических источников, мы пришли к выводу:

1) На лексическом уровне газетно-публицистического стиля характерно наличие неологизмов, фразеологизмов, слов разговорной лексики, профессионализмов, обилие клише и штампов. Необходимость в сжатии информации приводит к применению аббревиатур.

2) На грамматическом уровне – использовании времен и залогов, обилие сложных атрибутивных образований, особые формы введения прямой речи и преобразования прямой речи в косвенную, а также наличие цитат.

3) Среди стилистических средств изобразительности и выразительности используются тропы, сравнения, гиперболы, аллегории, эвфемизмы, пословицы, поговорки, крылатые слова.

Газетно-публицистическому стилю свойственны все языковые функции за исключением эстетической и контактоустанавливающей. Однако, это справедливо по отношению не ко всем газетным материалам. Статьи и публицистика могут в большей или меньшей степени приближаться то к научному, то к художественному тексту и иметь соответствующий набор функций.

Газетно-публицистический стиль более или менее однороден по своим стилистическим характеристикам, однако и здесь часто можно встретить случаи соединения литературно-книжной и разговорной речи. Это объясняется чрезвычайно разнообразными сферами общественной деятельности, которые находят свое освещение на страницах газет.

Литература

1. Арнольд И.В. «Стилистика современного английского языка» – Л., 1981. – 423 с.
2. Гальперин И.Р. «Очерки по стилистике английского языка» – М. 1958. – 459 с.
3. Наер В.Л. Функциональные стили английского языка. – М., 1981. – 458 с.
4. Скребнев Ю.М.М.Д. Кузнец «Стилистика английского языка» – 1960 – 433 с.

© Мамырбаева М.З., 2017

АНАЛИЗ ЗНАЧИМОСТЕЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «УСТНОЙ РЕЧИ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются значимости существительных-конституентов семантического поля «устная речь». Темпоральная, стилевая, территориальная и эмотивная значимости определяются согласно типологии значимостей Л.М. Васильева. Критерием отбора наименований, которые характеризуются языковой значимостью, служат словарные пометы. Соотношение маркированных и немаркированных лексем: 1:3. Все маркированные наименования характеризуются стилевой значимостью, что связано с первостепенным коммуникативным значением единиц поля.

Ключевые слова: *типология значимостей, темпоральная значимость, стилевая значимость, территориальная значимость, эмотивная значимость*

В современной лингвистике принято разграничивать языковые и неязыковые, “энциклопедические” знания. Значения (и лексическое, и грамматическое, и словообразовательное) как психическая сущность представляют собой языковые знания, т.е. знания, являющиеся содержанием языковых значений как знаковых единиц. Но значение языковой единицы определяется не только отношением к предмету обозначения, но также и статусом в языковой системе и речемыслительной деятельности. Такой тип языкового знания представлен значимостями.

В соответствии с идеями выдающегося швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием; его необходимо сравнить с подобными ему значимостями, т.е. с другими словами, которые можно ему противопоставить [2, 113]. Значимостями в современной лингвистике называются отражённые в нашем сознании (в виде специфического знания) свойства языковых единиц, обусловленные их ста-

тусом в системе языка и речемыслительной деятельности: их системными связями, нормой их употребления в речи и т.д. Л.М. Васильев предлагает следующую типологию значимостей языковых единиц: 1) *парадигматические* (обусловленные связями языковых единиц с определёнными парадигмами); 2) *синтагматические* (сочетаемость свойства языковых единиц, обусловленные их отношением к определённым синтагмам); 3) *деривационные* (свойства языковых единиц, связанные с историей их образования, с их деривационными отношениями); 4) *темпоральные* (противопоставляющие архаизмы и неологизмы нейтральным в этом отношении словам); 5) *стилевые и узуальные* (обусловленные сферой употребления лексических единиц); 6) *частеречные* (обусловленные соотносённостью лексических единиц с той или иной частью речи); 7) *статистические* (обусловленные частотностью языковых единиц в речи) [1, 53]. *Эмотивная* значимость определяет эмотивный заряд наименования или модальность его употребления (шутливое, ироническое, грубое) [3, 113].

Парадигматические значимости представляют собой целый комплекс характеристик, определяемых асимметрией языкового знака. Одна единица плана содержания может соответствовать нескольким единицам плана выражения, и с другой стороны несколько единиц плана содержания могут соответствовать одной единице плана выражения. Любое значение варьируется с точки зрения номинативной ценности, которая определяется статусом значения в семантической структуре полисеманта. Например, в английском языке существительное *chatter* указывает на производность значения “continuous fast informal talk, usually about unimportant things difficult to understand” от значения “short, high noises that some birds, animals, or machines make”.

Синтагматические значимости характеризуют функционирование лексических единиц в речи. Например, в английском языке синонимичные фразы *let drop/slip/fall* (нечаянно сказать, намекнуть) преимущественно употребляются в прошедшем времени.

За исключением парадигматических и синтагматических значимостей, объектом анализа являются семемы, характеризующиеся наличием темпоральной, территориальной, стилиевой и эмотивной значимостей. При этом определённое количество существительных характеризуется отсутствием какой бы то ни было значимости (на-

пример, *articulation, babble, banter, chat* и многие другие), а некоторые единицы поля входят в разные типы значимостей (например, существительное *argy-bargy* характеризуется территориальной и стилевой значимостями).

Ядерная сема “устная речь” является определяющей при выборе семантического поля номинаций и предикатов речи из корпуса толковых словарей современного английского языка. Наличие данной семы в семантической структуре языковых единиц подтверждается такими словами в определениях прямых и переносных значений как *speech, talk, conversation* [2, 83]. Общее количество лексических единиц, выделенных из корпусов толковых словарей и содержащих в своих значениях сему “устная речь” – 98 существительных. Количество маркированных единиц 32. Критерием отбора наименований, которые характеризуются языковой значимостью, служат словарные пометы. Словарная единица считается маркированной, если соответствующая помета присутствует хотя бы в одном из используемых толковых словарей. При выделении маркированной единицы в разных словарях наблюдаются лексикографические разночтения. Например, *chinwag* в английском (**Longman**: old-fashioned; **Macmillan**: old-fashioned; **Collins**: $\emptyset$).

Темпоральная значимость традиционно проявляется в отношении архаичных слов и словосочетаний. В работе используется дихотомия малоупотребительных (устаревших) единиц и общеупотребительных. В английском языке малоупотребительными являются следующие лексические единицы: *chinwag, ejaculation, tirade*.

По стилевой значимости анализируемые единицы делятся на единицы высокого стиля (литературная, поэтическая, официальная лексика), низкого стиля (разговорно-сниженная, просторечная, сленговая лексика). Специализированный стиль, представленный терминологией, также нашёл отражение в анализируемом семантическом поле.

К высокому стилю относятся следующие номинации в английском языке: *babel, oration, panegyric, peroration, purr, riposte, tirade, valediction*.

К низкому стилю в английском языке принадлежат *argy-bargy*, *chinwag*, *chit-chat*, *earful*, *guff*, *mouthful*, *natter*, *pep talk*, *sermon*, *spiel*, *static*, *sweet talk*, *tittle-tattle*, *waffle*.

Специализированный стиль представлен следующими существительными в английском языке: *recitative*, *soliloquy*.

Небольшое число наименований характеризуются территориальной значимостью. В английском языке как принадлежащие к американскому варианту отмечены следующие лексемы семантического поля: *static*, *yell*; к британскому – *argy-bargy*, *chinwag*, *natter*; к западно-африканскому или карибскому – *old talk*.

Эмотивная значимость выражает отношение говорящего к употребляемой единице. Следующие пометы указывают на выразительные оттенки слов: пренебрежительное, шутовское, фамильярное, вульгарное, неодобрительное, презрительное, бранное, ироничное. Одна и та же лексическая единица может иметь несколько эмотивных характеристик. В английском языке пометой “неодобрительное” отмечено существительное *lecture*.

Проведённый анализ значимостей позволяет сделать следующие выводы:

1. Значимость является размытой категорией. Одни словари отмечают стилевую и эмоциональную окраску единиц, другие не отмечают или отмечают как типический признак.

2. Соотношение маркированных и не маркированных лексем: 1:3 в английском. Все маркированные наименования характеризуются стилевой значимостью, что связано с первостепенной коммуникативной значимостью единиц поля.

3. В маркированных существительных неоспоримо преобладает разговорный стиль.

4. Темпоральная значимость представлена оппозицией “малоупотребительная : общеупотребительная” единица. Малоупотребительные лексемы представлены в минимальном количестве (3%).

Литература

1. Васильев Л.М. Общие проблемы лингвистики: теория и методы. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – 205с.
2. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: изд. Урал. Ун-та, 1999. – 432 с.

3. Шафиков И.С. Предикаты смерти в английском, немецком и французском языках: Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20, 10.02.04 – Уфа, 2007. – 211 с.
4. Collins Dictionary of Contemporary English. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. Дата обращения: 10.04.17.
5. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com/>. Дата обращения: 10.04.17.
6. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionary.com/>. Дата обращения: 10.04.17.

© Мингазетдинова Р.Ф., 2017

УДК 82(1-87)

Е.Н. Михайленко (канд. филол. наук,
доц. филол. ф-та БашГУ, г. Уфа, Россия)

УНИТАРИАНСТВО В КАРТИНЕ РЕЛИГИОЗНО- ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Д.Г. БАЙРОНА

Автор исследует религиозно-философскую составляющую мировоззрения Байрона. В статье рассмотрена концепция унитаринства и выяснено отношение поэта к ее отдельным аспектам.

Ключевые слова: Байрон, религиозно-философские искания, христианство, унитарянство.

Всестороннее представление о философско-религиозной сфере мировоззрения Д.Г.Байрона и всей сложности его исканий необходимо для понимания характера романтического мироощущения поэта. С.В.Тураев отметил в одной из своих работ, что «романтическое понятие «жизнетворчества» очень важно при осмыслении биографии английского романтика» [6, 5], поскольку один из секретов воздействия поэта на современников и потомков заключается именно в неразрывности его творчества и перипетий личной судьбы.

Духовная жизнь едва ли не всех английских романтиков протекала в более или менее осознанных религиозных исканиях, вызванных общим чувством нестабильности мира на рубеже XVIII-XIX вв. В случае с Байроном особенно отчетливо выявилась та, выражаясь его словами, «неукорененность суждений» («unsettlement of notions»), которая стала одним из знаков романтической эпохи. По замечанию Н.Я.Дьяконовой, он «осуждал собственное неверие... как душевный изъян, как доказательство нравственной неполноценности, серьезно влиявшее на его самооценку» [2, 16]. Байрон был убежден в том, что вера необходима человеку в качестве опоры, ориентира в мире, потерявшем свои прочные устои. Потребность найти ответы на базовые онтологические вопросы бросала его от одной религиозной концепции к другой. Он признавался, что искренне хотел бы найти твердую основу для веры – веры, которая находилась бы в гармонии с разумом и удовлетворяла его требованиям. В «Разрозненных мыслях», философском дневнике 1821 года, 33-летний поэт написал: «Напрасно мне говорят, чтобы я не рассуждал, а верил. С тем же успехом вы можете приказывать человеку не бодрствовать, а спать» [1, 273]. Он не мог заставить замолчать свой разум, а разум требовал ясности во всем.

Помимо кальвинизма, католицизма и просветительской философии религии [см. об этом: 3, 114-117; 4, 281-281] Байрон испытал заметное влияние антитринитария (унитария). Следует оговориться: он никогда не был сторонником учения и в течение всей жизни испытывал отвращение к сектантству. Так получилось, однако, что собственные размышления привели его к выводам, которые в целом ряде пунктов оказались созвучны идеям унитария. Вероятно, до поры Байрон и не подозревал, что является отчасти унитарием, как мольеровский Журден не знал, что говорит прозой.

Известно, что последовательным приверженцем унитария была жена Байрона и что она во время частых религиозных споров с мужем стремилась превратить его в своего единомышленника. Вот что говорит об этом сам Байрон в беседах с доктором Кеннеди в 1823 г.: «Их религия, кажется, очень распространена. Леди Байрон — крупная фигура среди них.. мы с ней, бывало, вели большие споры о религии.. но из сравнения всех пунктов я нахо-

жу, что ее религия очень похожа на мою»⁵. Приведенная реплика многозначительна. Во-первых, Байрон недвусмысленно отделяет себя от унитариев; во-вторых, говоря о *своей* религии, дает понять, что у него есть некое личное вероисповедание, не уместяющееся в рамки ни одной из известных систем.

Унитариянство возникло еще на заре христианства как ересь и вновь возродилось в эпоху Реформации; в Новое время приверженцы этого учения преследовались как католиками, так и протестантами, одинаково нетерпимыми к чужой вере. Закон о веротерпимости, изданный в Англии в 1689 г., на унитариев не распространялся, а закон о смертной казни для них был отменен только в 1813 г. При этом в XVIII веке в Англии унитарии если и не существовали на равных правах с остальными церквями, то имели, во всяком случае, свой университет — Варрингтонскую академию, которая к концу XVIII века отличалась очень высоким уровнем образования даже по сравнению с Оксфордом и Кембриджем [9, 119-120]. Во время Французской революции на унитариев ввиду их контактов с представителями интеллектуальных кругов Германии обрушились обвинения в неблагонадежности и недостатке патриотизма. В 1791 г. глава унитариянской церкви Джозеф Пристли был вынужден эмигрировать в США.

Унитарии выдвинули идею рационального истолкования христианских символов веры. Ведущие фигуры движения (Дж.Пристли, У.Френд, Т.Беддоуз) занимались рационалистической критикой Библии в духе Гердера и Лессинга. Унитарии, будучи в этом едва ли не единственными среди христианских сект, провозгласили и исповедовали свободу мысли и веротерпимость. Не случайно это учение оказалось привлекательным для многих естествоиспытателей, в том числе для Ньютона. Унитарии отвергали догмат Троицы, заменяя его принципом единоличия Бога (отсюда и оба названия учения: унитариянство и тринитариянство). Принцип единоличия бога позволял унитариянству сочетаться с деизмом и пантеизмом, а сам бог часто отождествлялся с мировым

---

5 . Their religion seems to be spreading very much. Lady Byron is a great one among them.. She and I used to have a great many discussions on religion.. On comparing all the points together, I found that her religion was very similar to mine [8, 447]

разумом. Главным текстом для унитариев оставалась Библия, но рационально истолкованная. Ими не признавались евангельские чудеса, а также догматы предопределения и первородного греха. Отвергая догмат Троицы, унитарии отрицали, соответственно, божественность Христа, воспринимая его жизнь как высокий нравственный пример, указывающий человеку путь к спасению. При таком положении вещей искупление теряло всякий смысл.

Западные исследователи говорят об очень серьезном воздействии унитариянства на всю английскую культуру. Примечательно, что романтики в целом недолюбливали унитариев за то, что в их учении, слишком логичном и разумном, нет места для воображения и нет тайны, которая должна быть у религии. Байрона, несмотря на его рационализм, не свойственный романтикам, это тоже смущало; ему был чужд и оптимизм учения, связанный с верой унитариев в природную доброту человека. Это один из пунктов, вызывавших разногласия в религиозных спорах поэта с женой.

Сближает Байрона с унитариями, в первую очередь, отношение к личности Христа и восприятие Евангелий. В одном из писем девятнадцатилетний Байрон называет евангелистов безумцами, которые «приняли свое ослепление за вдохновение»⁶. Столь вызывающая позиция имеет причиной описанные в Евангелиях чудеса, которые творил Христос. В чудеса Байрон, как и унитарии, верить отказывается: «Скорее люди лгут или обманываются, чем свершаются вещи, не соответствующие природе»⁷.

Вместе с тем Байрона в течение всей жизни привлекает личность Христа. Когда речь идет о нем, поэт забывает свою привычную иронию и становится серьезным. Байрон испытывает щемящее чувство жалости к невинно распятому «ради пользы нескольких миллионов мерзавцев»⁸. Самопожертвование Христа в представлении поэта было напрасным, если не вовсе бессмысленным. Дж.Уилсон Найт в одной из своих работ ссылается на Трелони,⁹ в

---

6 . men who chose to mistake madness for Inspiration [7, vol.1, 114].

7 . It is more probable men should lie or be deceived, than that things out of the course of nature should so happen [7, vol.2, 97].

8 . for the benefit of some millions of scoundrels [7, vol.2, 97].

9 . Эдвард Джон Трелони (1792–1881) — писатель романтического круга, который провел с Байроном и Шелли некоторое время в последний период их жизни и оставил две книги воспоминаний.

присутствии которого Байрон будто бы сказал: «Если бы Христос, которому поклоняются, явился вновь, Его бы снова распяли»¹⁰. В письме Ф.Ходжсону от 13 сентября 1811 г. Байрон даже позволяет себе сравнить Христа со школьником, добровольно согласившимся быть выпоротым вместо нерадивого одноклассника. И как этот самоотверженный поступок одного не избавит другого от будущих розог, так и жертва Христа не спасет людей [7, vol.2, 97]. В этом же письме Байрон делает резкое и неприятное для христиан замечание: «В основе вашей религии лежит *несправедливость*; Сын Бога, *чистый, незапятнанный, невинный*, принесен в жертву как *виновный*»¹¹. Вы унижаете Создателя, во-первых, тем, что делаете Его производителем детей; кроме того, вы превращаете Его в тирана по отношению к незапятнанному и страдающему существу...»¹². Для Байрона (впрочем, и для Китса, и для Шелли) Иисус Христос — не символ веры, но именно человек, действительно ходивший по земле две тысячи лет назад. Он был чист, беззащитен и человечен как никто из людей, он нес добро и истину, и с ним поступили несправедливо.

Таким образом, Байрону свойственно неканоническое, слишком личное восприятие Писания: отказ принять целесообразность самопожертвования Иисуса; нелюбовь к Богу, проявившему бессмысленную жестокость в отношении своего Сына; неприятие официального христианства, в основе которого лежит несправедливость. Люди извратили учение Христа, позабыв его истинную суть: Христос проповедовал любовь, а организованное христианство выстроило свои доктрины вокруг идеи *смерти* Сына божьего

---

10 . If the Christ they profess to worship reappeared, they would again crucify Him [10, 275].

11 . Ф.Ницше в своем «Антихристианине» воспроизвел эту мысль почти дословно: «Искупительная жертва, да еще в самой отвратительной, варварской своей форме — невинного приносят в жертву за грехи виновных!» [5, 59–60].

12 . The basis of your religion is *injustice*: the Son of God, the *pure*, the *immaculate*, the *innocent*, is sacrificed for the *guilty*. This proves His heroism; but no more does away with man's guilt than a schoolboy's volunteering to be flogged for another would exculpate the dunce from negligence, or preserve him from the rod. You degrade the Creator, in the first place, by making Him a begetter of children; and in the next you convert Him into a tyrant over an immaculate and injured Being [7, vol.2, 97].

на кресте во имя искупления грехов человечества. И «официальный» Бог — это не тот Творец, в которого верит Байрон.

В своих беседах с Кеннеди поэт защищает социниан¹³ от нападок священника, для которого их учение — опасная ересь. Кеннеди предаёт всех сектантов и, в частности, социниан анафеме и говорит, что последние никогда не станут «настоящими» христианами потому, что они не нуждаются в Спасителе, а без Него христианство теряет смысл. Байрон отвечает: «Но разве это милосердно? Почему вы лишаете искреннего социнианца надежды на спасение?»¹⁴. Для Байрона очевидно, что всякая вера независимо от ее внешнего оформления оправдана и законна. Поэтому методист Кеннеди, равно как и представитель любой другой церкви, не может присваивать себе право говорить от имени Бога и называть еретиками тех, кто исповедует свою веру иначе, чем он. Для Байрона ересью является любая догма, не допускающая свободы мысли и не считающаяся с доводами разума.

Литература

1. Байрон Д.Г. Дневники. Письма. М.: Наука. 1965. 439 с.
2. Дьяконова Н.Я. Байрон: опыт психологического портрета // Великий романтик. Байрон и мировая литература. М.: Наука. 1991. С. 10–21.
3. Михайленко Е.Н. Кальвинизм и католицизм в восприятии Д.Г. Байрона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5–1 (35). С. 114–117.
4. Михайленко Е.Н. Д.Г.Байрон и просветительская философия религии // Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода Материалы IV Международной научно-методической конференции. 2015. С. 281–284.

---

13 . Одна из унитарных сект, основанная в XVI веке польским протестантом Фаустом Социном. Социн отрицал догмат Троицы, божественность Христа, первородный грех, идею предопределения и искупление. Признавал Священное писание единственным источником вероучения лишь в том случае, когда оно не противоречит разуму.

14 . But is this charitable? Why would you exclude a sincere Socinian from the hope of salvation? [6, 447].

5. Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов. М.: Издательство политической литературы. 1990. С. 17–93.
6. Тураев С.В. Байрон в движении времени // Великий романтик. Байрон и мировая литература. М.: Наука. 1991. С. 3–9.
7. Byron's letters and journals, in 10 vol. // Ed. by L. A. Marchand. Cambridge (Mass.). 1973–1982.
8. Lovell E. J. His Very Self and Voice: Collected Conversations of Lord Byron. New York: Macmillan. 1954. P. 676.
9. Prickett S. The Romantics. L.: Methuen & Co LTD. 1981. P. 267.
10. Wilson Knight G. Lord Byron: Christian virtues. L.: Oxford University Press. 1952. P. 304.

© Михайленко Е.Н., 2017

УДК 811.11-112

А.Р. Мухтаруллина (докт. филол. наук, проф. каф. иностр. яз. гуманитар. ф-тов БашГУ, г. Уфа, Россия)

КОГНИТИВНОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ МОДАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ КОРОТКОГО РАССКАЗА

Предметом нашего исследования является выявление в текстах английских коротких рассказов результатов взаимодействия когнитивных, модальных и текстовых функций. На основе информационно-смысловой структуры текста можно воссоздать когнитивную модель его модальности. Она объединяет два взаимодействующих языковых фрейма референтивной и субъективной модальности. Фрейм референтивной модальности активизируется различными языковыми средствами в сценах субъекта, действия/состояния, объекта, времени и места. Фрейм субъективной модальности включает в себя подфреймы субъективно-личностной (автор-текст) и субъективно-межличностной модальности (автор-реципиент), которые активизируются разными языковыми средствами, соответственно, в сценах: 1) эмотивной установки и психической реакции, сенсорной, ментальной, оценочной,

композитивной модальности и 2) эпистемической, деонтической и аксиологической модальности.

Ключевые слова: модальность, когнитивная модель, фрейм, информационно-смысловая структура текста

Категория модальности в языкознании относится к понятийным категориям, под которыми понимаются смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемым в естественном языке разнообразными средствами. Как любая понятийная категория, она имеет логико-философскую основу и получила выражение еще в древности, в работах Аристотеля она включала проблему истинности и ложности суждения. *Модальность* (от лат. *modus* – мера, способ) определяется как способ существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления (онтологическая модальность) или же способ понимания суждения об объекте, явлении, событии (гносеологическая / логическая модальность) [16].

В современной логике некоторые лингвисты, обращаясь к проблеме языковой модальности, подразделяют ее на *объективную* и *субъективную*.

Лингвистами часто объективные модальные значения противопоставляются субъективным как обязательные факультативным. Объективная модальность ими трактуется как обязательный признак любого высказывания, неотделимый от предложения, как предикативной единицы, как категория, которая выражает отношение сообщаемого к реальности (синтаксический индикатив: настоящее, прошедшее, будущее) и ирреальности (синтаксически ирреальные наклонения: сослагательное, условное, желательное, побудительное, долженствовательное). Лингвистическая трактовка субъективной модальности — это отношение говорящего к сообщаемому; это значения, выражение которых определяется желанием, интенцией автора, его свободой воли. Семантический объем субъективной модальности шире объема объективной модальности и охватывает всю гамму реально существующих в естественных языках разноаспектных и разнохарактерных способов квалификации сообщаемого. Выражается субъективная модальность: специальным лексико-грамматическим классом слов, словосочетаний,

предложений, функционирующих в качестве вводных единиц; специальными модальными частицами; междометиями; специальными интонационными средствами; порядком слов; специальными конструкциями — инверсией, эллипсом, и т. д.

И все же ряд лингвистов считает неправомерным выделять объективную и субъективную модальность, подчеркивая условность противопоставления данных модальностей (Л. М. Васильев, А. М. Пешковский).

Эта размытость категориальных границ модальности обусловила возникновение в лингвистической литературе «широкой» и «узкой» интерпретаций категории модальности. При расширенной трактовке модальности в данную категорию следует включать разные виды “эмоционального”, “экспрессивного”, “оценки”, значения утверждения и отрицания. (М. В. Зайнуллин, В. В. Гуревич, В. Г. Адмони, А. А. Шахматов), предикативность (В. В. Виноградов), коммуникативную цель высказывания (Э. Бенвенист, В. В. Виноградов, В. Г. Адмони, М. Грелл). Сторонники же «узкого» подхода рассматривают категорию модальности либо как чисто языковую категорию [4; 5], как синтаксическую [9; 15], семантическую [13; 18], лексико-грамматическую [10], категорию мышления, сознания [8], психолого-грамматическую [23], функционально-семантическую [7; 11].

Указанные подходы к интерпретации модальности и средств ее реализации не дают полного представления о сущности данной категории без учета когнитивно-коммуникативных характеристик такой единицы языка как текст.

Предметом нашего исследования является выявление в текстах английских коротких рассказов результатов взаимодействия когнитивных, модальных и текстовых функций, т. е. именно то *как* реализуется модальная информация. Механизм распределения модальной информации в тексте нами представлен в виде когнитивного моделирования на основе единицы анализа в тексте, варьирующейся от высказывания до целого текста. Почерпнутые из реального мира опытные данные, действия, объекты, восприятия, а также индивидуальные воспоминания об этом формируют *Сцены*. При категоризации действий, объектов, восприятий и т. п. происходит соединение концептуальных структур (=сцен) в *Сценарий*. Специфическое лексико-грамматическое

обеспечение, которым располагает данный язык для наименования и описания категорий и отношений, обнаруженных в сценариях, называется *Фреймом*. В процессе интерпретации текста реципиент строит свое представление о мире, свою *Модель* мира. Ансамбль схем, созданный интерпретатором и обусловленный его знанием фреймов в тексте, формирует *Модель текста*.

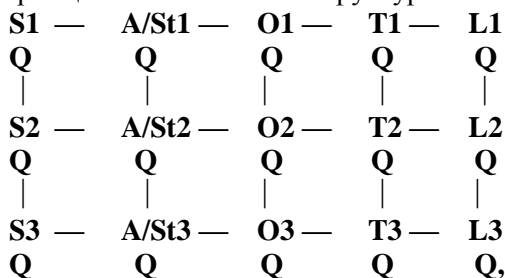
Для наших целей структурирование текстовой информации посредством фреймов представляется наиболее перспективным, т. к. последние характеризуются тем, что: 1) используются для представления различного рода знаний, 2) часто состоят из более мелких структур, которые можно назвать «подсхемами», 3) могут объединяться в более крупные единицы - «пакеты организации памяти», 4) часто представляют собой цепь слотов, предусматривающих определенные заполнители - обязательные или факультативные, 5) предназначены для распознавания и интерпретации новой информации (Bell 1991, цит по: [17])

Таким образом, фрейм может взаимодействовать с другими фреймами; может составлять часть другого фрейма или проецироваться на другой иным способом. При проецировании, части одного фрейма отображаются на части другого фрейма и результатом этого проецирования будет «наследование» частями второго фрейма свойств и отношений первого. В нашем случае речь может идти о своеобразной «конвергенции» когнитивных, модальных и текстовых значений в одном фрейме.

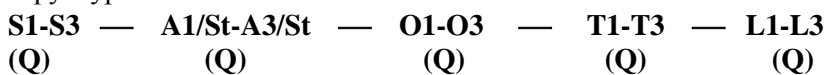
Нашей целью является попытка создания схемы взаимодействия когниции и модальности в тексте на основании следующих последовательных операций: первичная выборка языковых средств в тексте и их интеграция в сцены, которые далее объединяются в более крупные блоки информации - языковые фреймы, позволяющие интерпретатору воссоздать в своей когнитивной системе прототипическую схему всей совокупной модальной информации в тексте. Базовой моделью для структурирования модальной информации служит информационно-смысловая структура (ИСС) текста. Построение и анализ статической вертикальной и динамической горизонтальной моделей информационно-смысловой структуры текста [19; 12] позволяет установить когнитивную модель его модальности. Она

объединяет два взаимодействующих языковых фрейма референтивной и субъективной модальности.

Итак, фрейм референтивной модальности активируется различными сценами на основе: а) *вертикальной* модели информационно-смысловой структуры текста, имеющей вид:

б) *горизонтальной* модели информационно-смысловой структуры текста:

Если горизонтальная модель акцентирует внимание интерпретатора на отдельных, сценарных блоках последовательно поступающей модальной информации, ее линейной организации, статичном и фрагментарном характере текстовых связей, то вертикальная модель информационно-смысловой структуры текста обеспечивает динамику и глубину модальной структуры текста, всей парадигмы модальных значений, способствует более объемному и цельному представлению картины мира текстовой модальности.

Фрейм референтивной модальности определяется как отношение когнитивного компонента текста к текстовому миру (внутренняя референция) и к актуальному миру (внешняя референция). Соответственно, в референтивную модальность входят механизмы квантификации и идентификации, реализуемые по параметрам времени, пространства, персональности по отношению к исходной семиотической рамке – локации [2].

Фрейм референтивной модальности активируется различными языковыми средствами в сценах субъекта, действия/состояния, объекта, места, времени и частями сцены квалификации.

В качестве примера рассмотрим схему активации и взаимодействия фреймов референтивной и субъективной модальности в ряде англоязычных текстов коротких рассказов.

1. Сцена субъекта (Subject – S)

Для определения ведущего субъекта сцены необходимо ответить на вопросы: кто видит? кто говорит? чья точка зрения направляет повествование?

Текст интересен тем, что в отличие от высказываний здесь взаимодействуют разные фреймы, влияя друг на друга, что и создает полимодальность (субъект оценки может неоднократно меняться). Модальность зависит от дистанцированности повествователя и перспективы, от фокуса повествования. Определяющим компонентом здесь является точка зрения. Авторская точка зрения – ведущее звено сцены субъекта текста. Автор представлен либо эксплицитно, либо имплицитно в тексте в зависимости от жанра и метода. Субъекты представлены в тексте сценами из реальной жизни либо из авторского вымысла. Персонажи – вымышленные лица, для них характерно косвенное означивание. Интерпретатор художественного текста – потенциально известная автору личность; между ними пролегает определенная темпорально–пространственная и психологическая дистанция. Интерпретатор обычно выражен в тексте имплицитно, в отличие от субъектов сцен. Вербальное представление субъектов весьма разнообразно: имена, дескрипции, индексалы. Учет функциональной нагрузки имен, активирующих данный фрейм, показывает его сложную структуру. В тексте рассказов иерархия такова, что языковые единицы образующие более объемные и функционально активные структуры, представляют ведущие субъекты текстов. Остальные имена - названия сопутствующих предметов и лиц. Фрейм персональности активируют, в основном, одушевленные имена существительные/местоимения в именительном падеже.

Ведущий субъект текста - автор рассказа - может быть вербально эксплицирован или имплицирован в зависимости от прагматических установок. Очевидно, что повествование, к примеру, от 1-го лица определяет несколько иные прагматические задачи, чем текст, изложенный в 3-м лице. Анализ текстов английских рассказов показывает, что там, где авторская интенция - описать мир, т. е. создать в индивидуальной когнитивной системе

(ИКС) реципиента образ «картины мира» как он есть, в таких текстах, как правило, автор стремится отвлечь от себя внимание, стать сторонним наблюдателем и поэтому, преимущественно, не эксплицирует себя и ведет рассказ в 3-м лице. Таков эпистемический план в текстах рассказов: «Salvatore» [S. Maugham], «The Adventure of My Aunt» [W. Irving].

Если же автор стремится не просто описать мир, а выразить свое отношение к происходящему и даже стать участником событий, то характер повествования субъективируется; автор эксплицирует себя в тексте либо фрагментарно - личными местоимениями «I», «We», либо в объеме всего текста. Как правило, авторы текстов ограничиваются местоименным обозначением себя, но иногда можно встретить и дескрипционные, и именные обозначения. Особенно это важно в текстах жанра письма-обращения, когда автор непосредственно апеллирует к читателю, эксплицируя его в тексте - «you», «the reader», etc. Эффект полимодальности, возникающий из диалогости повествования, наряду с его крайней субъективированностью выдвигает прагматическое содержание на первый план, фактуальная же информация остается как бы за кадром, служит своеобразным фоном. Следует заметить, что такие примеры текстов с превалирующей деонтической модальностью сравнительно редки.

Итак, сцена субъекта в текстах английских рассказов представлен весьма обширно. Ряд имен, индексалов и дескрипций в своей семантике отражают такие квалификативные характеристики, как: персональность и половую принадлежность: «the man, he, female, the girl» [S. Maugham] и т. д.; профессию: «the actor» [K. Mansfield], «the fisherman» [S. Maugham]; родственные отношения: «my aunt» [W. Irving], «father, mother, the children» [S. Maugham]; социальные отношения: «the (inquisitive) gentleman, a lady, a widow, a mistress» [W. Irving]; возраст: «an old man» [K. Mansfield], «a fellow, boys, the baby» [S. Maugham]; внешность: «the (great) beauty» [J. Collier]; характеризацию психологического плана: «the hero, the saint» [K. Mansfield]. Дополнительные сведения о внешности, характере персонажей в английских текстах даются, в основном, описательными конструкциями (квалификаторами) **S1-3 Q**: «*the story-teller with the ruined head, a*

lady of large frame, a manly woman, a buxom widow» [W. Irving], «a pretty girl, a big husky fellow» [S. Maugham], etc.

Квалификаторы могут принимать также форму сравнения с другими субъектами / объектами: «*She's as ugly as the devil,*» *he said*; «*She had eyes like forest polls and held herself like a daughter of the Caesars.*» [S. Maugham].

2. Сцена действия/состояния (Action/State – A/St)

Сцена **действия**, по замечанию Т. Гивона, связана с темпоральностью в двух отношениях [20]. Во-первых, действия в тексте, как правило, следуют “естественному” порядку – “темпоральной последовательности” (*temporal sequentiality*). Во-вторых, разрывы между следующими друг за другом событиями обычно не очень велики и позволяют говорить о метонимической “смежности во времени” описываемых событий. Такое толкование действия у Гивона приближается к понятию “иконичность” в концепции Н. Э. Энквиста [22]. Оба этих ученых в своих трудах подчеркивают приоритет сцены действия над сценой субъектов, при этом ими отмечается, что эта информация присутствует имплицитно, в режиме “по умолчанию”. Ядерность континуального единства действия для текстов разных типов проявляется в том, что действия выражаются языковыми единицами (глаголами), в лексическом отношении более весомыми, чем единицы выражения других единств. Иначе говоря, действия требуют полной и эксплицитной лексикализации. Характерной особенностью этой сцены можно считать, что действия в тексте нередко связаны с маркированием “выделенной” модальной информации. Другие сцены (темпоральности, локальности и др.), предположительно, соотносятся с текстуально или ситуативно “фоновой” информацией.

Сцена **действий/состояний** субъекта1 в рассказе С. Моэма “The Man with the Scar” A/St активизируется целым рядом глаголов, характеризующих свойство существования субъектов и сопутствующих предметов: *He used to come into the Palace Hotel at Guatemala City every day at cocktail time and strolling leisurely round the bar offer lottery tickets for sale.* [S. Maugham].

В информационном потенциале некоторых из глагольных единиц этого рассказа отмечается усиление динамического аспекта сцены и дается представление о характере действия (*threaded his way, shook, tossed down, turned away*); называются ментальные

состояния субъектов (*paused, knew, think, guess, liked*), направление действия (*came up, passed on, held out, tossed down, threw away*); время (*I think he was ..., He's an exile*). Некоторыми глагольными единицами активируются одновременно несколько фреймов: референтивной модальности (темпоральности) и субъективной модальности (*whether there was anything they wished; I guess he knew what was coming to him*). Квалификаторы сцены действий соответствующих субъектов **A/St Q** акцентируют разные части сцены: манеру поведения (*leisurely, without a word, affably*), инструмент (*with a short pack*), оценку (*oddly, far from clean*), интенсивность (*with a hoarse cry of passion*), количество (*more than half a dozen times, as for the twentieth time*) и др.

3. Сцена объектов (**Object – O**)

Прототипические объекты, как правило, появляются в начале предложения и реализуются грамматическими средствами, прямым и косвенным дополнением. Чередування полных именных фраз (определенных или неопределенных, наименований или их заместителей), местоименная форма, нулевая анафора могут выступать в роли средств идентификации и поддержки линии объектов [21; 24].

Именное выражение требуется также в тех местах, которые допускают неоднозначность идентификации референтов (например, при переключении референции от одного объекта к другому или при слишком большом расстоянии между двумя референциями к одному и тому же объекту) [14]. Традиционно отмечается тенденция начинать новый фрагмент текста, абзац полной именной группой для маркирования “выделенной” модальной информации. На роль объектов в тексте общепринято выдвигать неодушевленные предметы, явления, сущности, реже – одушевленные предметы, персонажи: *Then the bank man took down a pen made of pure gold, and flowing with pure ink, and he wrote, on a piece of paper, «St. Peter,» and he asked the little boy what it stood for, and he said: «Salt Peter».* [M.Twain].

Кроме объектной отнесенности указанные единицы отражают такие части сцены, как персональность (*him*), неодушевленность/предметность (*the tops of the trees, it, the door, waist, the stairs*), абстрактность (*the story, thing, procession of years to come, prayer*), чувство (*elixir of life, joy*), внешность (*features, the scar, head, lips*),

инструмент (*a knife, the glass, a bottle of ginger ale*), количество (the stairs, a prayer, the tops of the trees, it). Кроме лексических единиц в активации сцены участвуют морфологические и лексико-синтаксические средства, **OQ**: *She could see in the open square before her house the tops of trees that were all aquiver with the new spring life.* [K. Chopin].

Квалификаторы акцентируют такие части сцены, как «принадлежность», «количество», «эстетическая оценка» и т. д.

4. Сцена темпоральности (Temporality – T)

Сцена темпоральности фрейма референтивной модальности текстов рассказов носит релятивный характер, т. к. описываемые события не имеют конкретного коррелята в объективной действительности. Ядро сцены действия/темпоральности составляют морфологические формы времени глаголов. Лексические же единицы (слова адвербиального характера) и лексико-синтаксические средства (словосочетания адвербиального характера, придаточные предложения, вводимые соответствующим союзным словом, и целые сложные предложения) образуют периферию поля: а) *She looked up to him with a quick wan smile* [D. H. Lawrence]; б) «*You will be glad when your child comes now, Isabel?*» *he said* [//-/-/].

Кроме того, следует отметить синкретизм функциональных значений в морфологических формах глагольных единиц, т. к. они объединяют значения *времени* и *наклонения*. Временные формы наклонений позволяют дифференцировать модальности реальности и ирреальности.

Ведущим морфологическим средством выражения **модальности реальности** является изъявительное наклонение (индикатив), формы которого относят действие к настоящему, будущему или прошедшему времени, представляют его как объективный факт и указывают на лицо и число. В английском языке специфика выражения модальности реальности в значительной степени зависит от системы временных форм.

Прошедшее время – форма финитного глагола, указывающая, что ситуация о которой говорится в предложении, предшествует моменту речи или другому моменту, приравняемому к моменту речи.

В английском языке существуют отдельные формы прошедшего времени.

1. перфект (Past Perfect): «*I can't help it,*» said Mark, in reply to complaints he had obviously heard before [J. Collier];

2. имперфект (частично функции Past Continuous): Lord Mountdrago took his handkerchief out of his pocket and wiped the palms of his hands. He was making an attempt now to conceal his perturbation [S. Maugham];

3. претерит (Past Indefinite): She put down her book and began to file her nails and think of poor Minnie [A. Huxley].

Интегрирующим семантическим компонентом сцены темпоральности является компонент временной локализации действий и состояний; этот информационный компонент может быть далее уточнен относительно:

а) временной соотнесенности действий: My grandfather related the marvellous scene he had witnessed. [W. Irving]; б) фазы осуществления действий:

начало действий - I started by saying that I wondered if I could do it and now I must tell you what it is that I have tried to do [S. Maugham];

продолжительность действий - Minnie sat on the parapet waiting. [A. Huxley];

регулярность действий - He used to spend the morning lying about the beach [S. Maugham];

параллельность действий- The wind blew loudly outside, rain chattered on the window-panes, making a sharp, drum sound, because of the closed, mellow golden shutters inside [D. H. Lawrence];

последовательность действий- Grimshaw went downstairs again, put the dirty crocks into the sink and then went out across the asphalt yard behind the house and into the workshop at the end of it [H. E. Bates];

окончание действий - She had finished the soup. She put the bowl back on the tray [A. Christie].

Настоящее время - форма финитного глагола, указывающая в прямом употреблении, что ситуация, о которой идет речь в предложении, либо одновременна моменту речи, либо повторяется на протяжении периода времени, охватывающего

момент. В первом случае настоящее время - конкретное, актуальное; во втором - многократное, абстрактное. В английском языке для разграничения значений используются разные грамматические формы: Present Continuous / Present Indefinite.

1) конкретное настоящее:

«I'm in the business twenty five years, and I recommend her with my whole heart. Believe me, I know what I'm talking about.» [B. Malamud];

2) абстрактное настоящее:

Aaron takes me only to art films. When Aaron and I go to movies, we drive our cars separately and meet by the box office [S. A. Toth].

Особый случай представляет т. н. вневременное (всевременное) настоящее время или «настоящее вечных истин», обозначающее ситуацию, существующую постоянно, всегда: *The fact is always obvious much too late; but the most singular difference between happiness and joy is that happiness is a solid and joy a liquid* [J. D. Salinger].

Выделяют ещё некоторые более специальные типы прямого употребления настоящего времени - т. н. расширенное настоящее, охватывающее кроме настоящего момента некоторый отрезок прошлого и передаваемое в английском языке формами «инклюзивного» перфекта: *«The fact is I've been having some very tiresome dreams lately.»* [S. Maughan].

Среди переносных употреблений настоящего времени выделяется т. н. историческое (повествовательное) настоящее, когда формы настоящего повествуют о событиях, имевших место в прошлом, но изображаемых как современные настоящему моменту: *After a last scene when she gives away her jewellery and so on to her best friends - she so calm, they so broken-hearted - into a convent she goes* [K. Mansfield].

К числу переносных относят также употребление настоящего времени вместо будущего для обозначения события, заранее запланированного или же только живо воображаемого: *Suddenly she jumped up: «Call me an ass if you like. I'm going in next door.»* [A. Cristie].

Будущее время - форма финитного глагола, указывающая, что ситуация, о которой говорится в предложении,

следует во времени после момента речи или другого момента, мысленно приравненного к моменту речи. В английских текстах встречается употребление будущего, совмещенное с модальным: «Shall I tell you my ideas on the subject, Sir Arthur?» [A. Christie].

Различают будущее время модального и аспектуального плана. Первое развивалось на основе образований, обозначающих желательность, долженствование или возможность. Таковы аналитические формы будущего времени в английском языке со вспомогательными глаголами *Will* (первоначально - «хочу») и *Shall* (первоначально - «должен»).

а) «*Oh, my God,*» *he said, «we shall know each other now, shan't we?»* [D. H. Lawrence]. б) «*But I will not come with you. — We will see about that — said she.*» [J. Collier].

Как ранее отмечалось, временные формы изъявительного наклонения призваны выразить не только временную локализацию действий субъектов, но и реальность этих действий, остальные же наклонения устанавливают нереальность действий, несоответствие их действительности (**модальность ирреальности**). Относящиеся сюда модальные значения весьма разнообразны: желательность, долженствование, необходимость, возможность, намерение, предположение и т.д.

а) модальность желательности. В английских текстах данное значение выражается преимущественно формами так называемого условного наклонения (the Conditional Mood), конструкциями «модальный глагол + инфинитив» и другими деизидеративными конструкциями: а) *After «Belle De Jour» Aaron said he wanted to ask me if he could stay overnight* [S. A. Toth]. б) *We had better leave things as they are till the police come* [A.Christie];

б) модальность проблематичности (предположения). В английских текстах данное модальное значение реализуется как условным наклонением (the Conditional Mood), так и конструкциями «модальный глагол + инфинитив» и различными модальными словами. *The feeling was unlike anything she had ever imagined before. <...> Combined with the certainty that if that actor met her on the pavement after, <...>, she would follow him to the ends of the earth, ...* [K.Mansfield];

в) модальность возможности. Анализ английских текстов показывает, что наиболее часто со значением “иметь/не иметь воз-

возможность” встречаются различные типы придаточных предложений в составе сложноподчиненного. Данное модальное значение весьма рельефно реализуется в сложноподчиненных предложениях с условным придаточным, где конструкция со значением возможности находится в главном предложении, а придаточное – указывает на условие для осуществления возможности: *At last he got his courage back by telling himself in his curiously adult way that if he were caught now there was nothing to be done about it, and he might as well have his smoke* [G.Greene].

На внешние условия, позволяющие или препятствующие осуществлению действий, указывают и придаточные предложения причины/времени: *In forty years, when he was an old man, he might be able to think of her calmly – perhaps* [K.Mansfield];

г) модальность побудительности. Модальное значение побудительности охватывает широкий диапазон сем: повеление, приказ, простое побуждение, разрешение, позволение, запрещение, предписание, указание, призыв, распоряжение, предупреждение, угроза, предложение, принуждение, совет, рекомендация, просьба, мольба, обращение, отговаривание, уговор, наказ, команда и т.п.

Кроме повелительного наклонения, для выражения побудительной модальности в английских текстах активно используются аналитические конструкции (модальное слово + инфинитив), отдельные модальные слова, частицы, обращения, междометия. В этой связи важное значение придается диалогической ситуации и семантике самой глагольной основы.

Собственно императивное значение имеют формы 2-го лица (при непосредственном обращении к собеседнику): *“Have a cigarette,” his father said in a voice dry as a biscuit. One of the men shook his head* [G.Greene].

Основным грамматическим значением 1-го лица множественного числа является обращение говорящего лица к другим людям с приглашением и призывом к совместному действию, т.е. говорящий не приказывает, а сам участвует в действии: *What shall we do? Let's be married. Let's go up to the loft and be married* [H.E.Bates].

Основным грамматическим значением 1-го лица единственного числа является выражение желания совершить действие, а не повеление и приказ.

“The rascals have had a fortune in premiums,” said Mark. “I’m going to stop it. However, let me take your bags.” [J.Collier].

Формы 3-го лица передают просьбу или повеление говорящего третьему лицу опосредованно – через собеседника: *The footsteps came nearer, stopped; a key was turned in the shopdoor, a voice said: “Let him go in, ...”* [G.Green].

Формы повелительного наклонения нередко употребляются с многочисленными частицами, которые либо усиливают, либо ослабляют побуждение к действию.

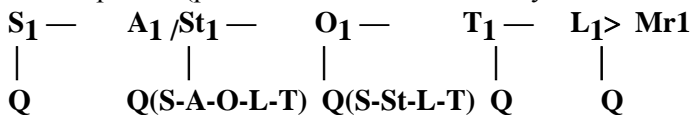
5. **Сцена модальности локальности (Locality – L)**

Модальность локальности в английских текстах реализуется лексическими единицами (слова и словосочетания) адвербиального характера, соотнесенными с конкретными субъектами.

It was harder still to live in a battleship with strangers instead of in a little white cottage among the vines; and when he was ashore, to walk in noisy, friendless cities with streets so crowded that he was frightened to cross them, ... [S.Maugham].

Интегрирующим семантическим компонентом модальности локальности является компонент пространственной локализации, который конкретизирует такие аспекты, как: а) направление и изменение места пребывания: *Mr. Beasley went out and looked around, and at last returned to his friend* [J.Collier]. б) место проживания: *I’ll get out of this flat which stinks, and spend a really delightful week at Mutton’s* [J.Collier]. в) размещение, расположение субъектов/объектов относительно поверхности: *So in the evening when the moon was shining over the placid sea and the lights of Naples twinkled in the distance he walked down to the Grande Marina to her house* [S.Maugham]. г) расстояние: *Greatness is within my reach and I’m losing my nerve* [S.Maugham].

Таким образом, прототипически фрейм референтивной модальности относительно субъекта может быть представлен следующим образом (рассказ К. Чопин “The Story of an Hour”):

За счет сопутствующих субъектов и сцен действия, объекта, темпоральность и локальности, а также с учетом квалификаторов сцен, можно выстроить объемную взаимодействующую сеть из «узлов» фактуальной информации и модальных отношений, протянутых между этими выделенными участками информационного потока.

Далее, согласно предлагаемой схеме анализа в текстах рассказов можно выявить модальность, объединяющую в себе отношения автор-текст (субъективно-личностная) и автор-реципиент (субъективно-межличностная).

Фрейм субъективной модальности выполняет роль надстройки над базовым уровнем, созданным фреймом референтивной модальности, и включает в себя подфреймы субъективно-личностной (автор-текст) и субъективно-межличностной модальности (автор-реципиент), которые активируются разными языковыми средствами, соответственно, в сценах: 1) эмотивной установки и психической реакции, сенсорной, ментальной, оценочной, композитивной модальности и 2) эпистемической, аксиологической и деонтической модальности.

Субъективно-личностная (авторская) модальность (**subjective-personal modality – Ms-p**) выступает как средство модификации когнитивного компонента текста и характеризует автора текстовой деятельности. Центром модализации отношений является, прежде всего, автор.

1. Сцена сенсорной модальности (M sens)

Языковые средства, служащие для реализации модальности чувственного восприятия, ориентированы на актуальное состояние мира в «его предметном, процессуальном и событийном аспектах. Восприятие не отделено от ментальных операций, таких как отождествление, таксономия, интерпретация, извлечение импликаций и т. д. Когнитивный цикл развивается от восприятия к знанию» [1,111]. Вследствие этого перцептивные глаголы по-разному развивают когнитивные значения: а) *I wanted to see whether I could hold your attention for a few pages while I drew for you the portrait of a man...* [S, Maugham]; б) *At that moment the future was revealed, Edna saw it all* [K. Mansfield]; в) *He saw it all coming too far in advance* [S. A. Toth].

2. Сцена модальности эмотивной установки и психической реакции (*M emot*)

Данная сцена весьма разнообразно представлена языковыми единицами различных уровней, лексические экспрессивные средства занимают центральное положение. Неоднородность концептуально-семантического представления эмотивности обусловлена не только грамматическим фактором, но и различиями в интерпретации отношений, связывающих эмоциональное состояние субъекта с внешним миром, действительностью. Так как эмоциональное состояние естественно мотивировать указанием на причину, его вызвавшую, то отношение субъекта к источнику эмоций в актуальном мире интерпретируется как каузальное: «*I'm glad that you have come.*» То же справедливо в отношении модальных слов, выражающих спонтанную психическую реакцию на происходящее. Они составляют в известном смысле промежуточное звено между эмоциональным и когнитивным планами. Психические реакции выражаются разнородными синтаксическими структурами. При этом обозначающие их слова допускают индивидуальные, с трудом поддающиеся систематизации трансформационные ряды [1,130].

Текстовый анализ лексических и синтаксических средств данной модальности позволяет разграничить их по характеру номинации: 1) прямая определенная номинация: «*I wonder if I can do it.*» [S. Maugham]; *They were afraid to venture alone about the gloomy, black-looking chambers* [W. Irving]; 2) прямая определенная номинация, осложненная интенсификаторами: а) ... *He was dreadfully homesick* [S. Maugham]; б) *The world is cruel, terribly cruel.* [K. Mansfield]; 3) прямая неопределенная номинация: а) *The feeling was unlike anything she had ever imagined before* [K. Mansfield]; б) ... *they hauled forth a round-shouldered, black-bearded varlet, with a knife as long as my arm, but trembling all over like an aspen leaf* [W. Irving]; 4) косвенная номинация: *The snake jabbed harshly at his throat again, making his mouth sour and sick* [H.E. Bates].

3. Сцена ментальной модальности (*M ment*)

Языковые выражения, реализующие модальность ментальности, разнородны и подразделяются на разряды: 1) модальность полагания - автором вводится некое сообщение/мнение, истинность которого недостоверна и которое может быть оспорено: *It was, she supposed, simply that kind of love* [K. Mansfield]; *Pete takes me only to movies that he thinks have redeeming social value* [S. A. Toth]; 2) модальность сомнения, допущения - автором вводится суждение / мнение, обычно следующее за позитивным высказыванием и выражающее несогласие с собеседником: *But in that case I doubt if you will ever recover your money* [A. Christie]. При модальности допущения высказывание не исключает альтернативной ситуации: *In forty years when he was an old man, he might be able to think of her calmly - perhaps.* [K. Mansfield]; 3) модальность уверенности - суждение/мнение, высказанное автором выражает его абсолютную, не допускающую сомнения, уверенность относительно содержания сказанного. По функциональной направленности, как и предыдущие виды модальности, может быть объективированной и субъективированной: *If she did not marry Jimmy, of course, she would marry nobody* [K. Mansfield]; *The light of the taper gleamed on the eye, and was reflected from it. She was sure it moved* [W. Irving]; 4) модальность знания - вводимое автором суждение/мнение носит характер верифицируемой информации - знания о действительности. Знание может быть и истинным, и ложным: *The doctors talked a lot of nonsense, but he knew very well that now he was home again he would recover* [S. Maugham]; *Pete offers to let me off at the door, but I can tell he'll feel better if I go with him* [S. A. Toth]; 5) модальность незнания - вводимое автором суждение/мнение сигнализирует об отсутствии достоверного, верифицируемого знания о действительности: *From that moment on, and on through the night, he did not know whether it snowed or not.* [H. E. Bates]; *"Your wife was away on a visit at the time, and you had no idea that she was to be there?"* [A. Christie].

4. Сцена оценочной модальности (*M eval*)

Аксиологическая сфера модальных значений в английских текстах представлена общими и частными оценками, которые од-

новременно могут быть абсолютными или сравнительными. Общая оценка является суммой частных квалификативных признаков (положительных и отрицательных) и образует условные полюса на шкале оценок.

It was so much an accepted thing that Edna had worn a wonderfully good imitation of an engagement-ring out of a cracker all the time she was at school [K.Mansfield].

Модальность частных оценок:

Интеллектуальные:

Bertie was a barrister and a man of letters, a Scotchman of the intellectual type, quick, ironical, sentimental, and on his knees before the woman he adored, but did not want to marry [D.Lawrence].

Этические:

Lord Moundrago indeed was too ambitious, too hard-working, and it must be added too patriotic, to be tempted by any pleasures that might interfere with his career [S.Maugham].

Эстетические:

It was not easy to look tragic at eighteen, when you are extremely pretty, with the cheeks and lips and shining eyes of perfect health [K.Mansfield].

Нормативные:

*Perhaps the book provided a gloomy note, but only by accident; it was the ordinary library binding [K.Mansfield]. *He demanded now something a little out of the common [A. Christie].**

Утилитарные:

No, it was no use deceiving herself; he would never get over it! [K.Mansfield].

Истинностные:

Автор вводит суждение/мнение априорно истинное или ложное. В данном случае не может быть градации значений на шкале истинности/ложности:

True, she carried under her arm a hook bound in horrid black leather [K.Mansfield].

5. Сцена модальности композитивной установки (M comp)

«Авторское комментирование» вводится языковыми единицами разных уровней (слова, словосочетания, предложения соединительного, союзного, вводного характера).

1. Компонент экспликации акта речи – плеоназм:

Well, they were married and they settled down in a tiny white-washed house in the middle of a handsome vineyard [S.Maugham].

2. Компонент, эксплицирующий тему высказывания:

As for Jimmy, his state of mind hardly bears thinking about [K.Mansfield].

3. Компонент, эксплицирующий связь между фрагментами текста:

а) выражения, обозначающие вспомогательную информацию:

Aaron takes me only to art films. That's what I call them, anyway: strange movies with vague poetic images I don't always understand... [S.A.Toth];

б) выражения, обозначающие логические связи:

соединительные:

The light of the taper gleamed on the eye, and was reflected from it. Now more, it seemed to give her a wink [W.Irving];

противительные:

My aunt, however, took all possible care of him [W.Irving];

следственные:

Pan is dead. That is why the woods do not shelter him [E.M.Forster];

в) выражения, обозначающие логический вывод:

"International Detective Agency..." He drew his breath sharply. "So that is what you really are! That was why Marriott brought me here this morning. It was a trap – " [A.Christie];

г) выражения, устанавливающие эквивалентность или квазиэквивалентность:

She was what might be termed a very manly woman [W.Irving].

Итак, фрейм субъективно-личностной модальности текста рассказа может иметь вид:

Ms-p = Msens + Memot + Mment + Meval + Mcomp

Субъективно-межличностная модальность (**subjective-interpersonal modality – Ms-i**) определяется отношениями между субъектами текстовой деятельности (автор, реципиент) в их взаимодействии с миром текста и действительным миром. Данная мо-

дальность обусловлена интенциями автора текста в общении и отражает его психологические установки описать мир (эпистемическая модальность), изменить мир (деонтическая модальность) и дать ему оценку (аксиологическая модальность).

Для этих разновидностей модальности характерны две функциональные перспективы:

1. Персональная функциональная перспектива – интенциональность исходит лично от автора, например: “Я считаю, что... *You should come to the party by all means. There will be your future partners there.*”

2. Функциональная перспектива отчуждения – интенциональность исходит от другого лица, группы лиц, общности. Автор либо поддерживает ее, либо нейтрален, либо противостоит ей: “Считается, что... *It is required that all should come to the party as there will be your future partners there.*”

Интенциональность эпистемических текстов выражается через модальное содержание “действительное/возможное”. В текстовой деятельности эпистемические тексты попадают в сферу операторов истинности – художественный текстотип имеет статус “как если бы” “достоверности [2; 3, 36–37]. Деонтические тексты преимущественно находятся вне оценок истинности, их инвариантное значение – “как должно быть”. Основным и прямым способом выражения деонтической модальности являются побудительные формы предложения; но и другие коммуникативные формы (повествовательные, вопросительные) выступают в данной вторичной, косвенной для себя функции, например: “*It is cold here. Why not close the window?*”

Эпистемическая модальность реализуется в основном через повествовательные формы предложения, хотя возможны и косвенные выражения дескрипции; например: вопросительная форма предложения – риторический вопрос “*To be or not to be?*”

Интенциональность аксиологических текстов выражается в оценке: общей и частной, положительной и отрицательной и т. д. Этот текстотип встречается в определенной социокультурной среде в виде рецензий, характеристик. Обычно аксиологическая модальность встречается в текстотипах с эпистемической и деонтической модальностью.

Таким образом, межличностная модальность включает три основных модальности психологического плана: *описать мир* (эпистемическая), *изменить мир* (деонтическая), *дать ему оценку* (аксиологическая).

Все виды межличностной модальности находят выражение в художественных текстах, а именно в текстах коротких рассказов, иногда, впрочем, с четким преобладанием того или иного вида модальности.

Так, анализ субъективно-межличностной модальности в тексте рассказа С. Моэма “Salvatore” показывает, что основной объем представлен как эпистемический текст (история жизни), но конец рассказа демонстрирует итоговую аксиологическую (положительную) оценку жизни героя: “*I wanted to see whether I could hold your attention for a few pages while I drew for you the portrait of a man, just an ordinary fisherman who possessed nothing in the world except a quality which is the rarest, the most precious and the loveliest that anyone can have.*” Весомоть положительной оценки подчеркивается и авторским обращением к читателю, вовлечением его в обсуждение морально-этических ценностей, что приносит неизбежный морализаторский тон деонтической модальности «как должно быть»: “*and in case you have not guessed what the quality was, I will tell you. Goodness, just goodness.*”

Модальное содержание заголовка рассказа “Salvatore” несмотря на кажущуюся минималистскую простоту, ёмко и цельно, по функциональной направленности имеет перспективный характер. Форма и содержание повествования определяют и общую модальность произведения, складывающуюся из суммы частных модальностей, градуированно положительных.

Итак, прототипически схема реализации фрейма субъективно-межличностной модальности в текстах рассказов может иметь следующий вид:

M_{s-i} = M (epist) + M (deont) + M (axiol)

Можно заметить, что если выстроить в тексте рассказа иерархию модальных отношений, то получится такая схема:

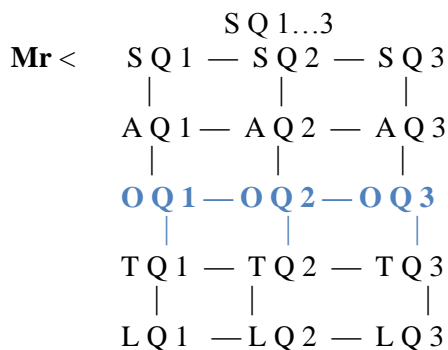
Гиперфрейм текстовой модальности

Надстроечный уровень

- субъективно-личностная модальность (факультативный признак)
- ↑↓
- субъективно-межличностная модальность. (факультативный признак)
- ↑↓
- Базисный уровень
- референтивная модальность (обязательный признак)

Соответственно, когнитивная модель модальности текста короткого рассказа прототипически может быть представлена следующим образом:

↓↑

$$\mathbf{Ms-p} < M_{emot} + M_{sens} + M_{ment} + M_{eval} + M_{comp}$$

↓↑

$$\mathbf{Ms/i} < M(epist) \quad M(deont) \quad M(axiol)$$

Таким образом, построение и анализ статической вертикальной и динамической горизонтальной моделей информационно-смысловой структуры текста позволяет установить когнитивную модель его модальности. Она объединяет два взаимодействующих языковых фрейма референтивной и субъективной модальности

Выбор модальности, актуальной на данный момент восприятия текста, может быть продиктован *любым сегментом текста*, несущим лингвистически определяемые приметы выдвижения, актуализации; первичной и ведущей, несомненно, является аксиологическая модальность.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. — 341 с.
2. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов-на-Дону, 1993. – С.8
3. Баранов А.Г. Когнитивность жанра. Stylistyka. –Vol.6. – Opole, 1997.
4. Беляева Е.И. Функционально-семантическое поле модальности в английском и русском языках. - Воронеж, 1985. –С.12.
5. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. – М., 1983. – С.67-72.
6. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. - Л., 1984. – С.14-21.
7. Бондарко А. В. (отв. ред.). Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. -Л., 1986.
8. Галкина-Федорук Е.М. Суждение и предложение.- М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. - 73 с.
9. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. -М., 1969.
10. Докулил М. К вопросу о морфологической категории// Вопросы яз-ния. – М., 1967. -№6.
11. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория. – Саратов, 1986.
12. Калимуллина В.М. Роль глагольных единиц в реализации информативной функции языка в тексте. – Уфа, 1996. – С.51.
13. Колшанский Г.В., К вопросу о содержании языковой категории модальности //Вопросы яз-ния. – М., 1961. -№ 1. -С. 94–98.
14. Лузина Л.Г. Распределение информации в тексте. -М.: ИНИОН, 1996. – 140с.
15. Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности.- Новосибирск: Наука, 1982. – С. 8.

16. Философский энциклопедический словарь. –М., 1983.-С.381.
17. Хайруллин В.И. Перевод и когнитология. Учебное пособие. – Уфа, 1997.
18. Хлебникова И.Б. Еще раз о проблеме модальности в грамматике. Уч. зап. МГПИИЯ. – М., 1965.
19. Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и ее единицы// Вопросы яз-ния. – М., 1983. – №6. – С.117.
20. Givon T. Syntax: A functional-typological introduction. -V.2. - Amsterdam, 1990. – P. 428.
21. Backlund J. Grounds for prominence // Studia neophilologica.- Amsterdam, 1988. – Vol.60. – P.37-61.
22. Enkvist N.E. Experiencial iconicism in text strategy//Text. - Berlin, 1981. – P. 97-111.
23. MolnarTh. S. God and the Knowledge of Reality. 1973.
24. Virtanen T. On the definitions of text and discourse. -Hague. 1990. – Vol.24. – P.P. 447-455.

© Мухтаруллина А.Р., 2017

УДК 811.512.122

А.С. Мырзагалиева (*магистрант I 2/о БГПУ им. Акмуллы, г. Уфа, Россия*)

Науч. рук.: **Г.Р. Ижбаева** (*канд. филол. наук, ст. преп. БГПУ им. Акмуллы, г. Уфа, Россия*)

«БАЙЛЫҚ - КЕДЕЙЛІК» КОНЦЕПТІСІНЕ ЖАТАТЫН ТІЛ БІРЛІКТЕРІНІҢ ЭТНОЛИНГВИСТИКАЛЫҚ, ӘЛЕУМЕТТІК НЕГІЗДЕРІ

В данной статье рассматривается этимология слов «богатство» «бедность», анализируется ценностная составляющая соответствующего концепта, а также рассматриваются различные признаки концепта в казахской культуре.

Ключевые слова: *концепт, этнолингвистика, лингвокультурология, антропоцентризм.*

Қазақ тіл білімінде бұрын бай – кедей, байлық – кедейлік сөздері тек антонимдік лексикалық бірліктер ретінде қаралып

келсе, кейінгі кезеңде бұл ұғымдарды білдіретін сөздердің қарама-қарсылық концептілік қызметі кеңінен арнайы зерттелуде.

Зерттеуші Ж. Қошанова байлық – кедейлік тақырыбын этнолингвистикалық, танымдық негізге сүйене отырып, қазақ тіл білімінде соңғы жылдары дамып келе жатқан когнитивтік теориялар тұрғысынан, ғаламды тіл арқылы тану туралы ұстаныммен байланысты антропоцентризмдік деңгейде қарастырады. Ол байлық – кедейлікке қатысты тіл бірліктерінің қалыпты (стереотиптік) ақпараттық деректерін (түрлерін, антонимиясын, трансформациялануы мен ассоциясын, семантикалық өрісін, фразеологиясын т.б.) жинақтап зерттей отырып, оларды дүниенің санадағы бейнесі (таңбасы) ретінде концептуалдық құрылымдар тұрғысынан зерттейді [4, 47].

В. фон Гумбольдтың түсіндіруінше, әрбір жеке тіл – ұлттың тілдік санасында қалыптасқан нәтижесі, сол себепті тілдің қызметі қандай деген мәселеге, оның ішкі өмірінің қалай дамығанын, ұлттың рухани күшін, оның өзіндік ерекшелігін түсінбейінше жауап беру мүмкін емес. Тіл мен рухани күштер бір-бірінен бөлек, бір-біріне жалғассыз дамымайды, олар бірлесіп зияткерлік қабілеттерінің біртұтас қызмет әрекетін тудырады. Халықтың мінез-құлқын танытатын, оның барлық ерекшеліктері мен аса маңызды құпияларын тек тіл ғана білдіре алады [1, 63].

В. Гумбольдт ілімі кейін Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потенбня, В. Маслова, Ф. де Соссюр т.б. еңбектерінде, XX ғасырда А. Уфимцева, А. Вежбицкая, И. Вайсгербер, В.И. Постовалова т.б. зерттеулерінде ары қарай дамытылды.

Қазақ тіл білімінде этнолингвистика мәселелері Ә. Қайдар, М. Копыленко, Е. Жанпейісов зерттеулерінен басталады, кейін бұл бастама Ж. Манкеева, Б. Қасым, Ә. Ахметов, С. Сәтенова, А. Жылқыбаева, Р. Шойбеков, Б. Уызбаева, Қ. Аронов, А. Мухатаева зерттеулерінде жалғасын тауып кеңейтілді.

Академик Ә. Қайдардың тұжырымы бойынша «байлық – кедейлік» оппозициялық концептісі «Адам», «Қоғам», «Табиғат» деп бөлінетін үш саланың «Қоғам» түріне кіретін микротоптардың шағын бір түрі, бірақ әлеуметтік мәні жағынан маңызды тіл бірліктері болып табылады [3, 25-56].

Алғашқы қауымдық құрылыстың соңғы дәуірінен бергі барлық қоғамдық формацияларда қалыптасқан әлеуметтік теңсіздік

бай – кедей, байлық – кедейлік ұғымдарын тудырғаны, соған байланысты әртүрлі таптар, топтар пайда болғаны тарихтан белгілі. Мәселен, Қазақстан жерінде Неолит дәуірінің аяқ кезінде (бұдан 4 мың жылдар бұрынғы), Қола заманынан-ақ матриархтың орнын патриарх басқан кезде, мал-мүлікке жеке меншік, бау, кедейлену туа бастаған.

XIX ғасырдан бастап қазақ жеріне орыс капитализмінің элементтері енуіне байланысты «тілде билеуші топ пен бағынышты қалың бұқараны, бай мен кедейді қарама-қарсы қойып, ажыратып атау тенденциясы күшейді: *хан/қара халық, қара жұрт; ақсүйек/қара; бай/кедей, жарлы* т.б. Бұл топқа патша үкіметінің қазақ даласын билеу жөніндегі 1822, 1868 жылдардағы реформаларынан кейін енген *аға сұлтан, болыс, майыр, старшын, онбасы, елубасы, ұлық, тілмаш, қара шығын, алым-салық, шаңырақ салығы, зекет, қайыр, абақты, малды қағаздату* сияқты атаулар жатады»; шаруашылық түрлеріне байланысты *ылауға ат алу, ат жалдау, кіре тарту, шаруа жию, шаруа істеу*, әкімшілік жүйесіне байланысты *атқамінер, ел пысығы, теңдікті-теңсіздік* сияқты сөздер пайда болды.

XIX ғ. екінші жартысында билеушілік пен бағыныштылық тенденциясы онан ары дамыды.

«Байлық – кедейлік» тақырыбы сол кездегі баспасөзде айқын көріне бастады. Мысалы: *сома* (капитал), *өісмиі, сүтқор* (банкир), *әмекте с* (компаньо), *күндікші* (поденщик), *мүлиеншік, піркәншік, қазнашы* (казначей), *политса, ямиік*; параллель қолданыстар: *шенеунік – төре, дворян – ақсүйек, начальник – нәшәндік – ұлық, уезд – дуан, қарашекпен – мұжық* т.б. Тарихи тұрғыдан қарағанда осы талданған ақпарат атаулар қазақ тілінің лексикасының қорындағы тарихи сөздер болып табылады.

Қарама-қарсылық, қарама-қайшылықтан туатын оппозициялардың қандай түрлері болмасын дүниені, болмысты, өмірдегі заттар мен құбылыстарды *танып білудің* нәтижесінде қалыптасады. Таным шындық болмысты санада бейнелеу және оны қайта жаңғырту процесін, объект пен субъектінің өзара әрекеттестік байланысын білдіреді. Таным дүниені, шындық болмысты танып білудің негізі және басты шарты болып табылады. Танымның, таным теориясының қалыптасуында XX

ғасырдың алғашқы ширегінде туған антропологвистикалық бағыттың зор мәні болды.

Антропологвистикалық бағыттың дамуы көне грек заманынан бастау алып, XVI-XVII ғасырларда негізі салынған антропоцентризм жайындағы көзқараспен ұштасады. Антропоцентризмнің (гр. *antropos* адам және *centrum* орталық) мәні – адамды әлемдегі ең басты тұлға, әлемнің кіндігі деп тану, оның жоғарғы мақсаты – адам, адамды тану. XX ғасырда Американдық ғалымдары жасаған «Сепир-Уорф болжамы» бойынша сыртқы дүниені танып білу тәсілдері мен ой жүйесі тіл арқылы анықталады, болмыстың танылу сипаты оны танып білуші, субъект ойлайтын, қолданатын тілге байланысты. Адамдар дүниені бөлшектеп, саралап тани отырып, оның ұғымын тудырып мағынасын түрлендіреді [5, 97]. Мысалы, XV ғ. жырауы Қазтуғанның *жабағылы жас тайлақ, Жардай атан болған жер. Жатып қалған бір тоқты, жайылып мың қой болған жер* дегенінде әңгіме *тайлақ – атан, тоқты – қой* жайында емес, соларды суреттеу арқылы қалып бара жатқан қайран жұрты – Еділдің символдық бейнесі туралы болып отыр.

«Байлық - кедейлік» концептісін жасауға тікелей емес, ассоциациялық сипатта жанама түрде қатынасатын әртүрлі ақпараттық тіл бірліктерінің қоры жинастырылып, олардың концептіге байланысты қызметтері талданды. Олардың қатарында «байлық» концептісіне қатысты: *жақсылар, тектілер, күшті, дәулетті* т.б.; «кедейлік» концептісіне қатысты: *жамандар, әлсіз, нашар, дәулетсіз, момын* т.б. атаулар бар. Сонымен бірге осы концептіге жататын сөздердің немесе оған қатысты басқа сөздердің стилистикалық тұрғыда көркемдеу, бейнелеу тәсілдерін, атап айтқанда, тенеу, эпитет, фразеологизмдер, мақал-мәтелдер қорын жасаудағы қызметі анықталды.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – Москва 1984. – 400 с.
2. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под редакцией Е.С.Кубряковой. – Москва, 1996. – 245 с.

3. Қайдар Ә. Этнолингвистика // Білім және еңбек. – 1985.– №10. – 18-21
4. Қошанова Ж. Қазақ тіліндегі «Байлық – кедейлік» концептісі. Алматы, 2009
5. Сыздықова Р. Қазақ әдеби тілінің тарихы (XV – XIX ғасырлар). – Алматы: Ана тілі, 1993. – 319 б.

© Мырзагалиева А.С., 2017

УДК 81,374.3

О.Е. Павловская (докт. филол. наук, проф. каф. рус. яз. и реч. коммуникации КубГАУ им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия)

«СЛОВАРЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ» - ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ К ОСОЗНАННОМУ ВЫБОРУ

В статье анализируется лексический состав «Словаря избирательной кампании». Рассматриваются термины, жаргонизмы, заимствованные и просторечные слова, способствующие принятию решения в ходе избирательной кампании.

Ключевые слова: словарь избирательной кампании, предвыборный дискурс, термины, жаргон

Для современных граждан нашей страны участие в избирательных кампаниях разного уровня стало обычной реальностью. Выборы Президента, депутатов в Государственную или городскую Думу, Законодательное собрание края, выборы губернатора - все перечисленные кампании начинаются с предвыборных мероприятий, ставших обязательной частью любой избирательной кампании. Поскольку любая из них – это конкретный выбор электората, определяющий политическую и экономическую жизнь страны на определенный отрезок времени, постольку в правильном выборе заинтересованы все: и политические партии, и их представители, и сами избиратели. Но для принятия правильного, осознанного выбора избирателю необходима, кроме всего прочего, коммуникативная компетенция, чтобы разобраться во всех перипетиях предвыборной борьбы.

Лингвисты неоднократно проявляли интерес к предвыборному дискурсу, рассматривая его как особую сферу коммуникации [1], как жанр политической коммуникации [2], как частную разновидность политического дискурса [5] или сосредотачивая внимание на его языковых особенностях [3].

В 2017 году вышел «Словарь избирательной кампании», главная ценность которого состоит в комплексном подходе автора к анализу фактического медиаматериала [4]. Эмпирической базой словаря послужили нормативные акты, тексты законов и постановлений, регламентирующие различные мероприятия и акции в ходе избирательной кампании, материалы официальных печатных органов Центральной избирательной комиссии РФ, ведущие российские газеты региональные издания, ресурсы сети Интернет, то есть весь тот информационный блок, который может быть использован избирателем для правильного понимания происходящих предвыборных событий. Словарь включает около 3200 словарных статей, охватывающих по сути все лексические пласты, участвующие в организации разнообразных дискурсов, освещающих ход избирательной кампании.

Самый многочисленный пласт лексики представлен терминами избирательного права и избирательного процесса: *универсальная база избирателей, вброс бюллетеней, кампания референдума, метод избирательной квоты, наблюдатель долгосрочный, избирательно-правовые нормы, листовка последнего дня, наружная агитация* и др.). Избирательная кампания представляет собой многомерное явление, что подтверждается широким использованием включенной в словарь терминологии смежных областей: социологии (*массовый опрос, белая зарплата, индекс соответствия, массовое сознание, массовый опрос* и т.д.); политики (*местное самоуправление, протестная активность, политический аппарат, региональная безопасность* и т.д.); экономики (*бюджет, глобальный мир, доход, частный капитал, экономический кризис, налог на роскошь* и т.д.); информатики и компьютерной технологии (*медиаплан, аппаратно-программный комплекс, информационный ресурс, компьютерная атака, кибер-осада, модерирование сайта* и т.д.); юриспруденции (*административный протокол, заявка на митинг, законодательная инициатива,*

институт прокурорского расследования, лицо без гражданства, правотворчество, правовая культура и т.д.) и других.

Стремление лидирующих партий приобщить избирателей к их политическим платформам, к участию в различных мероприятиях, проводимых избиркомами, ведет к широкому освещению предвыборных мероприятий в средствах массовой информации, что, в свою очередь, приводит к активному использованию общественно-политической лексики, отраженной в Словаре: *активность, акция, аудиенция, блок, бойкотировать, власть, гражданин, децентрализация, стагнация, союзник, спикер, цензура и т.п.*

Обращает на себя внимание большое число включенных в словарь политических метафор. Роль метафоры в процессе предвыборной и в ходе выборной кампании огромна: обладая способностью образно представить определенные жизненные явления, понять и оценить их, она может влиять на процесс принятия решений. Поэтому метафоризация как средство языковой образительности активно используется в предвыборном дискурсе: *болотные люди* – митингующая оппозиция на Болотной площади в Москве. *Болотные люди хотят снести не Путина, а российскую власть* [4, 53]; *чистые выборы* – отсутствие нарушений, отказ от грязных технологий. *Это самые чистые выборы за всю историю России...*[4, 558]; *политик первого эшелона* – политический деятель, находящийся во властной структуре высшего уровня. *Вы – политик первого эшелона власти, поэтому я не сомневаюсь, что вы реально знаете ситуацию и способны её прогнозировать* [4, 385]; *муниципальный фильтр* – часть процедуры выдвижения кандидата на должность губернатора субъекта Федерации. *Самым важным нововведением стал т.н. «муниципальный фильтр» – кандидат должен заручиться поддержкой от 5% до 10 % депутатов из минимум $\frac{3}{4}$ муниципальных образований региона* [4, 281].

По мнению Хохлачевой И.В., в «политический дискурс должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего и слушающего компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи» [6]. Отвечая этой задаче и стараясь «приблизиться» к электорату, организаторы избирательных кампаний максимально соотносят свое речевое поведение с типом речевой культуры среднего россиянина. Данная задача решается с помощью введения в

предвыборный дискурс разговорного стиля и использования просторечной, жаргонной лексики и часто употребляемых фразеологических единиц. Например: **впарить** – *Избирателям, конечно, еще можно попытаться еще что-нибудь впарить на тему «красных коррупционеров»* [4, 77]; **наезжать** – *Сейчас модно наезжать на «единую Россию»* [4, 285]; **выкручивать руки** – *Как считает Гудков, многие муниципальные депутаты завянут от исполнительной власти, а поэтому «им будут выкручивать руки»* [4, 85]; **на полную катушку** – *«Справоросса» Дмитрия Гудкова пугала не столько технология, сколько опасность включения на полную катушку административного ресурса* [4, 283]; **наступать на грабли**. – *Зато к следующим выборам вы будете точно знать, где стоят грабли, на которые нельзя наступать* [4,298].

Правда, не все единицы подобного уровня кажутся нам приемлемыми в структуре Словаря. Думается, что употребление многих из них отражает лишь культуру и степень образованности создающих предвыборный дискурс.

Анализируя лексический корпус Словаря, невольно приходишь к мысли, что автор имеет непосредственное отношение к организации избирательных кампаний. Основанием такого утверждения является наличие большого числа жаргонизмов политтехнологов: **апельсинизм** – обозначение явления, связанного с идеями «оранжевой революции», символом которой стал апельсин. – *Апельсинизм не пройдет!* – *один из лозунгов антимайдановцев в Одессе* [4, 35]; **гасильщик** – представитель специальной команды избирательного штаба кандидата, работающий на разрушение положительного имиджа кандидата-соперника во время плановых встреч последнего и избирателями. *На встрече с избирателями гасильщики задавали кандидату провокационные вопросы* [4, 89]; **кандидат-двойник** – разновидность лжекандидата. В качестве двойника подбирается однофамилец кандидата-соперника. Предполагается, что наличие двойника дезорганизует команду соперника, поможет «расташить» его голоса в день голосования. *Элла Памфилова обещает ударить по кандидатам-двойникам гласностью* [4, 195]; **локатор** – признак, с помощью которого можно обнаружить тщательно замаскированную фальсификацию. *Речь пойдет о тех самых локаторах, с помощью которых можно обнаружить, запеленговать признаки тщательно замаскированной*

фальсификации [4, 247]; *окучивать электорат* – воздействовать на избирателей, добиваясь поставленных целей. Если говорить про окучивание электората, то здесь набор инструментов у пиар-специалистов гораздо шире ...[4, 328]; *трактор* – агитатор-профи, обладающий особыми коммуникабельными способностями, позволяющими ему легко устанавливать контакты, легко входить в доверие. *Производительность трактора на порядок выше, чем у обычного агитатора* [4, 518]; *третья сила* – сценарий избирательной кампании, при реализации которого в соперничество двух явных фаворитов избирательной кампании вмешивается третий кандидат, активно набирающий рейтинг. *Третья сила в предвыборном сценарии – это появление нового, третьего кандидата...*[4, 520].

Следует отметить, что в словник Словаря включены жаргонизмы не только политтехнологов, но и других групп (криминальный, молодежный, военный, журналистский), например: *драйв, мочить, обкатка, прокатить, пролететь, тусовка, треш, фишка и другие*. Такое обилие жаргонизмов подтверждает слова автора Словаря – Т.П.Тарасенко о больших изменениях лексики массмедийного предвыборного дискурса за последние 25 лет [4, 3]. «Словарь избирательной кампании» наглядно отразил тенденции этих изменений: бурный рост жаргонов и чрезмерное засилье заимствованной лексики: *брендинг, брифинг, веб-сайт, драфт, дресс-код, лейбл, лоббировать, омбудсмен, спарринг-партнер, троллинг* и др.

Включение в структуру словаря различных лексем, обслуживающих выборы как коммуникативное событие, подтверждает вывод Е.И. Шейгал о предвыборном дискурсе как «пространстве бытования различных речевых жанров» [7, 255], репрезентирующих весь ход избирательной кампании.

Таким образом, анализируемый лингвистический труд дает возможность практически всем участникам избирательного процесса – кандидатам, организаторам избирательных кампаний разного уровня и простым избирателям – осознанно, со знанием значений употребляемых в периодической литературе слов и выражений понимать всю информацию, которая сопровождает любое событие в ходе избирательной кампании. Поскольку в словарь включены слова, словосочетания современной сферы функциони-

рования лексики в предвыборной стадии подготовки выборов, постольку можно с полным основанием полагать, что база словаря будет пополняться и структура его со временем может видоизмениться.

Литература

1. Багана Ж., Бочарова Э.А. Предвыборный политический дискурс как особая сфера коммуникации // Вестник РУД. Серия «Лингвистика», 2012, № 1. - С.121-125.
2. Гайкова О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации : автореф. дисс. канд.филол. наук (10.02.04). – Волгоград, 2003. – 17с.
3. Даутова Л.А., Бадмацыренова Д.Б. Языковые особенности предвыборного дискурса (на материале американского предвыборного дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 9 (39), 2014, ч. 2.- С.53-57.
4. Тарасенко Т.П. Словарь избирательной кампании : словарь / Т.П. Тарасенко. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2017. – 587 с.
5. Халатян А.Б. Предвыборный дискурс // Политическая лингвистика, 2011, № 2 (36). – С. 180-187.
6. Хохлачева И.В.. Политическая метафора как один из способов языковой манипуляции (на основе материалов политических партий в период предвыборной кампании) // <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-411/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-411/10715-411-0365>
7. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] : монография Е. И. Шейгал. - М.; Волгоград : Перемена, 2000. – С. 255-270.

© Павловская О.Е., 2017

А.О. Рақымғалиева (магистрант I з/о БГПУ
им. Ақмуллы, г. Уфа, Россия)

Науч. рук.: **Р.Г. Давлетбаева** (д.п.н., проф. БГПУ
им. Ақмуллы, г. Уфа, Россия)

КОГНИТИВТІ СЕМАНТИКА ЖӘНЕ МӘТІН СЕМАНТИКАСЫНЫҢ СИНТАГМАТИКАСЫ

Статья посвящена проблемам определения синтагмы и синтагматических отношений фразем. Цель исследования: выявить различия между общелингвистическим и фразеологическим пониманием синтагмы и синтагматических отношений.

Ключевые слова: концепт, семантика, синтагматика, лексикология

Лексикалық синтагматика мәтінде сөздердің байланысын құрағанда шексіз сипатта болады, себебі сөздердің мағыналық үйлесе тіркесім құрауы тілдің дамуына орай құбылып, дами беретіні сөзсіз. Мәтінде лексикалық синтагмалардың дамуын, түрленуін, тұрақталуын шектейтін өлшем: ол- тілдік норма. Лексикалық синтагматика мен норма мәселесін қарастыру үшін контекстологиялық әдістің кейбір нышандары мен синтагматикалық әдісті ұстанамыз.

Лексикалық семантиканың пайда болу негізінде ұлттық дәстүр мен ұлттық мінез жатады. Мәселен, “Солқылдатып әкесін жоқтап отыратын кезі емес пе, оның?”. Осындағы солқылдатып әкесін жоқтау дегендегі сөздердің тіркесім құрауы ұлттық дәстүрге қатысты лексикалық норманы көрсетеді. Ұлттық аспектіні ескермей лексикалық синтагматиканы бұзылған күйде қолданулар стилистикалық мәнмәтінде кездеседі. Ол туралы Х. Нұрмұқанов былай деп жазады: “Ескі мешіт әлі күнге дейін клубтың міндетін атқарып келеді. Әрине, басындағы айшықты күмбезі тоқал ешкінің мүйізінше қағылып тасталған. Тайрандаған тірсек. Лактың тайрандаған тірсегі де анық көріне бастады. Тоқал ешкіде мүйіз жоқ болса оның несін қағады, ал тайрандау түйе малының жылдам жүрістерінің бір өзіне тән ерекшелігі бар түрі” [5, 288].

Тұрақты лексикалық синтагматиканың көрінуі алғыс және қарғыс мәнді фразеологизмдерде болады. Мәселен, тілімізде төрт түліктің әрқайысына тән қарғыстар бар, оларды шатастырып пайдалану норманы бұзу деген сөз. Мәселен, түйе ақ шелек келгір болса, жылқы жайрағыр, қой айналма болғыр, ешкі топалаң тигір т.т. Мәселен, “Түйең арам қатсын! Борша болсын! Қара өкпе тисін түйең”.

Жыл маусымдарына қатысты сөздердің мағыналық үйлесуі бүгінде лексикалық нормаға сай қолданылмай жүргенін байқаймыз. Мәселен, көктем шықты, күз келді, қыс басталды, жаз туды т.т. Бұндағы ерекшелік туралы А. Сейдімбеков: “Көктем туады, жаз шығады, күз түседі, қыс келеді. Әр маусымның қасиеті тілде орныққан тұрақты сөз ғана емес, сол тұрақты сөздің өзі танымдық функция атқарып тұр. Көктем туады, мұнысы дүниенің жаңғыруын, қайта түлеуін, біреудің екеу болуын әйгілеп тұр. Жаз шығады – жер астында қалған тамыр жоқ, дүние толысады деген сөз. Күз түседі –яғни, көктемде туып, жазда толысқан табиғат көркінен айрыла бастайды, өсімдік атаулы жапырағын түсіреді. Ал қыс келеді –қарлы борандатып, жаяу сырмалатып, жететінін елестетіп тұр”, - деп жазады [1, 240].

Бүгінгі қолданыстағы келді етістігі өзінің семантикалық валенттілігіне орай тіркесе береді; көктем келді, жаз келді, күз келді, яғни “белгілі бір терминдік мағынада қызмет еткен сөздердің өзі уақыт өте келе, әдеби тіл үшін норма ретінде танылмауы, мағынасы тарылуы, я өзгеруі, қолданыс аясы да уақытқа, қоғамдағы өзгерістерге байланысты тарылып я кеңейтіп, тіпті, мүлдем қолданылмайтындай дәрежеге жетуі мүмкін”.

Ұлттық дәстүрдің тілдегі бейнесін бұзу әрекеттері ара-тұра кездесіп қалып тұрады. “Лениншіл жас” газеті “Жұмылғанға жүк жеңіл”, “Соңғы түйенің жүгі ауыр” деген мақалдарымызды будандастырып, бір мақаласына “Жұмылғанға алғашқы түйенің де жүгі жеңіл” деген, үлкен әріптермен терілген тақырып қойыпты (28.06.1983). Бір тарихи кезең не оқиғаның да, яғни тарихи фактордың лексикалық синтагматикаға әсер етер жағдайлары болады. Мәселен, Махамбет ақынның “Баймағамбет сұлтанға айтқаны” барлық толғауларынан көлемді толғауы былай басталады:

Алайма сұлтан, алайма!

Астыма мінген арғымақ

Аяндай түсіп марай ма! Осындағы алайма етістігі денотаттық жғдайды, яғни сұлтан көзінің алайып, жақтырмауын береді. Бұнда лексикалық синтагматика қалпты құрылған және нормаға сай келіп тұр, бірақ тарихи фактор есепке лынбай тұр. Қазақтың Батыс аймағында бұрыннан келе жатқан ауыз әдебиетінде барлық ұзақ толғаулар Арайна немесе Әрайна деген сөзден басталады, оның үстіне толғау хан, сұлтан, билер не ел ағаларының алдында айтылса Әрайна сөзімен басталады. Бұл сөз эпостардағы әлқисса сөзінің мәнінде қолданылмайды, тек толғауларды бастау үшін қолданылады. Махамбеттің “Әрайна, билер, Әрайна” деп басталатын толғауында бұл сөздің қолданылуын академик Қ. Жұмалиев былай түсіндіреді: “Әрайна –бұрынғы кездегі бір батырдың аты. Ескі ақындардың көп өлеңі соның атымен басталады. Бір жорық соғыста ерлік көреткен батыр өліп, соның ескерткіші ретінде, кейінгі ақындар өлеңін соның атынан бастасын деген екен дейді, ел аңызы”. “Аңыз түбі –ақиқат” дейді халық мақалы, сондықтан “Алайма” сөзі “Арайна” сөзінің орнына қате беріліп кеткен, оның үстіне, толғаудағы келесі жолдардың ұйқастары “й” дыбысы емес, “р” дыбысымен келіп тұр: марай ма!, қарай ма?, таяр ма?, аяр ма? Сондай-ақ, Әрайна сөзімен басталатын тағы бір толғау бар:

Әрайна, билер, Әрайна,

Арғымағым жарай ма? деп басталады. Бұл толғауда да ұйқасатын сөздер борай ма? сұрай ма? деп келеді. Тіліміздегі жалқы есімдердің лингвоконцептологиялық ерекшеліктерін зерттеген Б. Тілеубердиев: “Антропонимдер, антропонимдер жиынтығы мифонимдер сияқты тілдік семиотикалық таңбалар ретінде қазақ танымында, тілдік санасында өз әлемін құрып, сол әлемнің тілдік көрінісін бере алады” –деп жазған болатын [3, 280]. Сондай-ақ, бүгіндегі “Бір бала” деп аталатын әндегі бір бала сөзі бір ғана сөзінің орнына ауысып кеткендіктен бүгінде әнді әншілер осылай қате орындап жүр. Ән жолдары мынадай:

Талдан таяқ жас бала-ай таянбайды,

Бала бүркіт түлкіден аянбайды.

Қайырмасы;

Угай-ай

Ән салшы-ай

Бір бала-ай.

Қос етек, бұраң бел

Қуалай соғар қоңыр жел

Елдің көркі, ақ тоты-ай, бір баласың

Көзі қиып қай дұшпан жамандайды. Осындағы бала сөзі басқа сөздермен ешқандай лексикалық синтагматикаға түсіп тұрған жоқ. Ал әндегі басты синтагмема қос етек киген, бұраң бел, елдің көркі, ақ тоты, дұшпанның өзі жамандауға көзі қимайтын сөз – синтагмаларымен берілетін “қыз” семасы болып тұр. Оның үстіне, әннің тақырыбы да “қыз”, ал бала деп шатасуға әсер еткен бастапқы жолдардағы бала сөзі болуы керек, сонда ән былай болуы керек:

Угай-ай

Ән салшы-ай

Бір ғана-ай.

Қос етек, бұраң бел,

Қуалай соғар қоңыр жел.

Елдің көркі, ақ тоты-ай, бір ғанасың

Көзі қиып қай дұшпан жамандайды. Мұндағы бір өзің ғанасың дегенде өзің сөзі түсіріліп тұр, бұндай жағдай халық әндерінде жиі кездеседі, сондай-ақ, қызды бала сөзімен беру қазақ тілінің нормасында жоқ, бүгінде қолданылып жүрген қыз бала атауы соңғы жылдарда ғана тұрақталған. Баладан бір ән салшы деп қиылу мәтіндегі сөздердің мағыналық үйлесіміне мүлдем жат екені көрініп тұр, тілімізде тек қыздан ғана қиылу, өтіну норма болады. Лексикалық синтагматика табу, эвфемизм сөздердің лексикалық нормаға сай үйлесуінен көрінеді. Ә. Ахметов былай дейді: “Әйел адамдарға тән табиғи физиологиялық процестердің бірі – бала көтеру. Солай бола тұра, о баста құрсақ көтерген әйел адам болсын, ішінде төлі бар ұрғашы мал болсын, екеуіне де тең қолданыла беретін әрі түркі тілдерінің көбіне ортақ “буаз” деген сөз қазіргі кезде жартылай табуға айналып тек малға байланысты ғана қолданылады. Ал әйел адамдардың ондай жағдайларын қазақтар екіқабат, аяғы ауыр немесе жүкті дейді”, - деп нақтылайды [2, 176]. Ұлттық мәдениетке қатысты сөздердің байланысуына құралған лексикалық синтагматиканы лингвомәдени синтагматика деп атауға болады. Лексикалық синтагматика әртүрлі ракурстарда, өзгерістерде келіп, қолданысқа

түскенде, бірқатар факторлардың әсерінен туындайды, сондықтан нормаға сай құралмауы мүмкін. Қорыта келгенде, лексикалық синтагматика бұзылса, лексикалық норма реттеп, жалпы қолданысқа түсірмей, тежеп отырады, яғни Р. Сыздық жазғандай “қыпша жіп, қыпша саусақ деп айтпаймыз... саңлақ самолет, саңлақ машина дегенге ауыз бармайды” [4, 320].

Лексикалық синтагматика мен лексикалық норма тілдің лексикалық жүйесінің дамуына байланысты өзгеріп, түрленіп, дамып отыратын құбылыстар. Лексикалық мағынаның синтагматикалық қасиеті концептіде бейне құрайды, сондықтан сөз-синтагмалар концептінің құрылымдық үлгілері болып, концептіде көрініс табады. Теңеулерде немесе басқа лексикалық бірліктерде өзара байланыс денотаттық және сигнификаттық, коннотаттық бөліктердің қатынасуына байланысты орын алады.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Сейдімбеков А. Күңгір-күңгір күмбездер. Алматы: Жалын 1981 – 240.
2. Ахметов Ә. Түркі тілдеріндегі табу мен эвфемизмдер. Алматы: 1995 – 176.
3. Тілеубердиев Б. Қазақ ономастикасының лингвоконцептологиялық негіздері. – Алматы: 2007 – 280.
4. Сыздық Р. Қазақ әдеби тілінің тарихы. – Алматы: Ана тілі, 1993. – 320.
5. Нұрмұқанов Х. Сөз және шеберлік. – Алматы: Ғылым, 1987. – 288.

© Рақымғалиева А.О., 2017

О.В. Рыбальченко (канд. филол. наук, доц. каф. рус. яз.
и реч. коммуникации КубГАУ им. И.Т. Трубилина,
г. Краснодар, Россия)

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК ИНОСТРАННЫМ

В статье говорится об эффективности использования интерактивных методов в процессе обучения РКИ. Отмечается, что интерактивность в преподавании лексики и грамматики заключается в ее специфическом описании, приводятся примеры заданий, отражающих интерактивный подход к обучению. В заключение делается вывод, что использование интерактивных методов на занятиях русским языком как иностранным позволяет достичь высокого уровня мотивации учащихся и совершенствовать их речевую компетенцию.

Ключевые слова: *интерактивные методы, лексико-грамматические задания, коммуникативное взаимодействие, грамматическая игра.*

В настоящее время в методике преподавания РКИ назрела острая необходимость в выборе оптимальных форм организации учебного процесса, поскольку «современная система образования требует усовершенствования методов обучения, так как меняются тенденции в образовании, которое становится открытым, инновационным, интерактивным, происходит огромный рывок в развитии технических средств» [6, 120]. Поэтому обязательной составляющей процесса обучения в современной методике преподавания РКИ является интерактивность. При этом под интерактивными методами понимаются методы, «позволяющие учащимся взаимодействовать между собой, а под интерактивным обучением – обучение, построенное на взаимодействии» [4, 247]. Т.е. обучение должно осуществляться на обязательном коммуникативном взаимодействии обучающихся с преподавателем и взаимодействии учащихся между собой, которое позволяет студентам увеличить словарный

запас (через процесс чтения, прослушивания аутентичного материала, а также процесс говорения, участия в обсуждении и совместного выполнения заданий). Причем студенты используют языковые знания в ситуациях, максимально приближенных к реальной коммуникации.

Интерактивные методы обучения оказываются достаточно эффективными при обучении РКИ, что неоднократно отмечалось в многочисленной научной и методической литературе (Шукин А.Н., Балыхина Т.М., Крючкова Л.С., Битехтина Н.Б., Иноземцева И.В. и мн.др.) [1], [2], [4], [5], [6]. По мнению ученых, интерактивный подход к обучению предлагает студентам такие формы активности, которые заставят их чаще использовать русский язык и, таким образом, усваивать его. Студенты в данном случае сами определяют, что хотят выразить, становясь авторами высказываний. Они учатся думать на русском языке. В итоге намного быстрее ими осваивается учебный материал, а также формируются речевые навыки, необходимые и достаточные для коммуникации в различных ситуациях общения. Нельзя не отметить, что при таком подходе преподаватель больше выполняет функцию наблюдателя, который координирует процесс обучения, но открыто участвует в нем только по необходимости. У студентов появляется возможность самостоятельного управления процессом обучения и закрепления новых знаний на практике.

На наш взгляд, особенно большой потенциал имеет применение этих методов при обучении лексике и грамматике русского языка, т.к. именно при знакомстве со способами выражения мыслей носителями языка формируется новая языковая личность [3].

Систематизация лексических и грамматических знаний студентов с опорой на интерактивный подход дает возможность понимания общих закономерностей языка и позволяет учащимся самостоятельно оформлять высказывание. При этом интерактивность в преподавании лексики и грамматики будет заключаться в специфическом описании, в том, чтобы показать студентам, каким образом то или иное явление употребляется в естественной коммуникации среди носителей языка [4, 248].

С этой целью преподаватель предлагает учащимся задание употребить слова и выражения, представляющие грамматическую трудность, в контексте, поучаствовать в лексической или грамма-

тической игре. К примеру, игра «Кому что принадлежит» способствует формированию навыка употребления существительных в именительном и дательном падежах, игра «Где или куда...?» – употреблению существительных в предложном и винительном падежах, «Много, мало, сколько» – тренирует употребление существительных в родительном падеже с указанными наречиями, игра в синонимы позволяет не только расширить словарный запас, но и совершенствовать свои лексические навыки в пределах заданного преподавателем стиля.

Студентам предлагается отрабатывать лексико-грамматические навыки и умения на разнообразном языковом материале: как на текстах различных жанров, так и на материале фразеологических выражений. К примеру, учащимся предлагаются такие задания: *Прочитайте образные выражения. Проанализируйте употребление в них дательного падежа. Объясните значение выражений. Составьте с ними предложения* (держать нос по ветру, дать по шапке, ни к селу, ни к городу, знать себе цену, быть себе на уме, по старой памяти, принять близко к сердцу, разложить по полочкам и др).

Обращение к фразеологизмам в подобных заданиях способствует не только закреплению лексико-грамматического материала, но и расширяет активный фразеологический запас студентов, помогает правильному восприятию русской речи во всех ее проявлениях.

Кроме того, необходимо в ходе занятий обращаться к русским текстам юмористического характера, которые не только имеют игровое начало, тем самым обеспечивая позитивный настрой учащихся, но и способствуют активному взаимодействию при выполнении лексических и грамматических заданий (например, проанализировать употребление заданного падежа, пересказать историю своим товарищам).

Не менее эффективным интерактивным методом в преподавании РКИ является «мозговой шторм», используемый с целью развития творческого мышления студентов и заставляющий их обращаться к своим резервным знаниям и активизировать их. К примеру, можно дать задание составить рассказ по картинке, придумать историю или закончить предложенный незавершенный рассказ.

Также продуктивным является применение интерактивных методов при корректировке фонетико-интонационных навыков. В этом случае эффективным способом разработки артикуляционного аппарата и формирования произносительных умений является проговаривание студентами в ходе занятий скороговорок и стихов, подобранных под определенную фонетическую трудность, участие в фонетических играх.

Нельзя не отметить также, что применение интерактивных методов необходимо на занятиях по совершенствованию навыков учащихся в области собственно устной речи. Так, наиболее продуктивными оказываются групповые занятия, которые позволяют создать ситуацию обсуждения какой-либо проблемы с большим количеством участников (круглые столы, литературные гостиные и пр.). Здесь также оказывается уместным применение такого интерактивного метода, как ролевая игра. Студентам предлагается разыграть в группе различные ситуации устной коммуникации («В магазине», «В поликлинике», «На защите курсовой работы» и пр.).

Интерактивность вышеназванных заданий, на наш взгляд, стимулирует общение между студентами на русском языке и тем самым интенсифицирует процесс обучения, повышая его эффективность.

Как показывают наши наблюдения, использование в процессе обучения РКИ интерактивных методов позволяет достичь высокого уровня мотивации учащихся. Обыгрывая на занятиях различные ситуации реальной коммуникации, студенты не только совершенствуют свою речевую компетенцию, но и приобретают уверенность в том, что они могут без особых затруднений общаться на чужом для себя языке.

Литература

1. Битехтина Н.Б. и др. Игровые задания на занятиях по русскому языку как иностранному [Текст] / Н.Б. Битехтина, Е.В. Вайшнорене [и др.]. // Живая методика: для преподавателей русского языка как иностранного. – М.: Русский язык. Курсы, 2009. – С. 30–35.
2. Ознакомительное чтение: книга для чтения с учебно-методическим аппаратом: учебное пособие / В.Е. Зиньковская,

- О.А. Гордиенко, Н.Ю. Зими́на и др. – Краснодар: ООО «Издательский Дом – Юг», 2011. – 140 с.
3. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. Учебное пособие для начинающего преподавателя, для студентов-филологов и лингвистов, специализирующихся по РКИ / Л.С. Крючкова, Н.В. Мощинская. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 480 с.
  4. Рыбальченко О.В. Использование интерактивных методов обучения в корректировочном курсе русской грамматики // Интерактивные методы преподавания русского и иностранного языков: коллективная монография. М.: РУДН, 2016. – С. 247-251.
  5. Обсков А. В. К проблеме организации интерактивного обучения в вузе // Вестник Томского педагогического университета. 2012. № 11. С. 120-124.
  6. Щукин А.Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам. – М., 2008. –188 с.

© Рыбальченко О.В., 2017

УДК 81.373.613

*А.С. Рябцева (доцент, Наньчанский университет,
г. Наньчан, Цзянси, Китай)*

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ПРИМЕР ЯЗЫКОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В последнее время лингвисты всего мира начали уделять огромное внимание феномену языковой глобализации. Заимствование слов способствует взаимопроникновению культур и обогащению языков.

Ключевые слова: *языковая глобализация, заимствования, русский, китайский*

Развитие современной цивилизации характеризуется активными социокультурными контактами: туристические поездки и деловые командировки, аудио и видео ресурсы, сеть Интернет,

СМИ, всё это способствует развитию и продвижению нового феномена – глобализации, охватывающей буквально все сферы жизнедеятельности человека. Данное явление отличается многоаспектностью и разноплановостью, состоит из множества разнообразных процессов, одним из которых стала языковая глобализация — взаимопроникновение языков, заимствование не только отдельных научных и технических терминов, но и целых семантических полей.

Язык сам по себе является социальным феноменом, он возникает и функционирует только в рамках человеческого общества, поэтому вполне естественно, что языковые процессы отражают разнообразные события, происходящие вследствие контакта народов друг с другом.

Изучение языковых картин мира способствует более глубокому пониманию действительности, обеспечивая развитие и широту познания того или иного явления действительности, например исследование интернациональных, заимствованных элементов в области лексики, помогает понять понятийные связи между различными языками нашей планеты.

В силу разнообразных политических и экономических причин, в разные периоды времени различные языки участвовали в процессе языковой глобализации в той или иной степени, как напрямую. Так и через языки-посредники. Одни практически не оставили своего следа в русском языке, сохранившись лишь в виде отдельных единичных заимствований; другие присутствуют практически в каждой сфере.

Ярким примером единичного заимствования служит слово *базар* – «благотворительное мероприятие, распродажа в благотворительных целях; рынок, ярмарка». Источником лексемы является тюркский диалектизм *bazar*, из персидского *bāzār*, распространившееся впоследствии от Азии до Европы.

Английский язык служит ярким примером массовых заимствований, ибо всё более мы сталкиваемся с ситуацией, когда современные информационные технологии базируются целиком на материале английского языка. В словарь делового человека 90-х годов прочно вошли такие англицизмы, как *бэйдж*, *классификатор*, *ноутбук* и его новые разновидности: *аудиобук* и *пауэрбук*; *органайзер*, *пейджер* и *твейджер*, *холстер*, *таймер*, *бипер*, *скремблер*, *ин-*

терком, шредер, оверхэд, плоттер, сканер, тюнер, тонер, вьюк и другие. [1, 949]

Действительно, в последнее время многие из заимствованных слов были прямо или косвенно связаны с английским языком. Но, он является далеко не единственным языком донором. Со времен Великого Шёлкового пути русский язык может похвастаться значительным количеством слов, пришедших из разных восточных языков, в частности из китайского. На протяжении многих веков две великие державы, Россия и Китай, являются соседями, естественно, что процесс языковой глобализации неизбежен.

Интересен тот факт, однако, что большая часть исторических заимствований являются не прямыми, а опосредованными. Это объясняется тем, что долгое время с китайцами общались на монгольском и других языках.

Например, *богдыхан* (монгольский) 博格达彻辰汗 *bógédá chèchénhàn* — историческое название китайских императоров, принятое в русских грамотах 16—17 веков и в другой литературе;

манدارин (португальский, *mandarim*, санскрит *mantrin*) 官吏 *guānlǐ* — европейское название крупных чиновников в старом феодальном Китае;

джонка (малайский *djong*) 走船 *zǒuchuán* — распространенный в Китае тип парусного грузового судна с очень широкими и высоко поднятыми кормой и носом.

Начиная с 20 века большое количество жителей, как России, так и Китая общаются и навещают друг друга как туристы, студенты, бизнесмены, политики и мигранты; развитие сети Интернет, социальных сетей, в свою очередь, так же способствует появлению прямых заимствований.

Мода на восточную философию привнесла в русский язык такие термины как:

даосизм 道教 *dàojiào* — одно из основных направлений древнекитайской философии; одна из религий Китая, выросшая из философии даосизма, в основе вероучения — поиски вечного счастья, достигаемого 10 добродетелями (сыновний долг, терпение, самопожертвование и т. п.), и соблюдение заповедей; в настоящее время влияние даосизма незначительно;

конфуцианство 孔教 kǒngjiào — философско-этическая система, разработанная в 5 в. до н. э. древнекитайским мыслителем Конфуцием (孔子 kǒngzǐ, 孔夫子 kǒngfūzǐ); одна из китайских религий, отстаивающая незыблемость установленных небом общественных порядков, социального неравенства; строго требует выполнения обрядов, почитания предков, совершения жертвоприношений;

инь и *ян* 阴阳 yīn yáng — одна из основных концепций древнекитайской натурфилософии, о взаимодействии крайних противоположностей, женского и мужского начала, земли и неба;

ци 气 qì — эфир, воздух, дыхание, энергия.

Активные торговые связи между двумя странами привнесли в русский язык названия разнообразных товаров:

● растений

чай 茶 chá — высушенные и особо обработанные листья некоторых культивируемых вечнозеленых растений сем. чайных, на которых настаивается горячий напиток того же названия;

манго 芒果 mángguǒ;

бадьян 八角 bājiǎo — вечнозеленое тропическое дерево;

женьшень 人參 rénshēn — многолетнее травянистое растение семейства аралиевых встречается на севере Китая и Кореи; в России — на Дальнем Востоке; препараты из корня применяются как тонизирующее средство.

● животных:

чау-чау 巧巧狗 qiǎoqiǎogǒu — порода комнатно-декоративных собак с длинной (с густым подшерстком) шерстью, главным образом рыжей, разных оттенков масти; мордой несколько напоминает медведя;

шарпей 沙皮 shāpí — порода сторожевых, охотничьих и бойцовых собак, дословно «песчаная шкура»;

пекинес 北京狗 běijīnggǒu — пекинская собака, порода собак.

● продуктов:

тофу 豆腐 dòufū — разновидность сыра;

фунчоза 粉丝 fēnsī — «стеклянная» лапша;

манты 馒头 mántóu — китайская булочка.

Популяризация китайской кухни привнесла кулинарные термины и различные обозначения кухонной утвари, и многое другое.

Например, *wok 锅 wō*, кантонский *wō* — специальная сковорода, а также пища, на ней приготовленная.

Начиная с конца 20 века открытость границ, глобализация экономики и сближение культур способствуют быстрому и лёгкому заимствованию из одного языка в другой, так что список заимствований будет расти и способствовать укреплению связей двух языков и культур.

Литература

1. Кильдибекова Т.А., Рябцева А.С. Лингвистический аспект глобализации // Вестник Башкирского Университета: Научный журнал. – Уфа, 2011, №3-1. – с. 949 – 953
2. Мунтян М. А. Глобализация: что это такое. – 2007. URL: [http://www.ispr.ru/CJNFER/confer1\\$4.html](http://www.ispr.ru/CJNFER/confer1$4.html)
3. Скребцова Т. Г. Наивные картины глобализации: взгляд лингвиста // Respectus Philologicus. – Kaunas, 2003. – № 4. – с. 73 – 79
4. Танчук В. Китайские заимствования в русском языке. – 2017. URL: <http://www.linguacontact.ru/events/kitajskie-zaimstvovanija-v-russkom-jazyke/>
5. Большой китайско-русский словарь. – URL: <https://bkrs.info/>
6. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2005. – 942с.
7. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. – М.: ЮНВЕНС, 2003. – 369с.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка в 2-х томах. – М., 1999.

© Рябцева А.С., 2017

О.С. Сахно (канд. филол. наук, доц. каф. рус. яз. и реч. коммуникации КубГАУ им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия)

ПАРАЭФЕМИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ РЕМАРКИ В ЧЕХОВСКОМ ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Ремарка является своеобразным метасредством авторского комментирования в пьесе. Одной из функций ремарки в драматургическом тексте является эфвемистическая, призванная усилить сценический план.

Ключевые слова: *ремарка, метатекст, эфвемизация*

Фразовая номинация и эфвемизация словно созданы друг для друга, и это вполне закономерно. Эфвемизация представляет собой способ номинации, один из универсальных путей оформления связи «человек - мир», тогда как фразовая номинация есть одна из универсальных форм закрепления «отрезков» этой связи, материализующая знаки в символ [6, 33]. Эфвемизация в драматургическом тексте тоже имеет свои особенности.

В выражении «метатекстовых нитей» в тексте [2], тем более когда речь идет о тексте художественном, особую роль играет речужанровый потенциал пространства, подвергающегося комментированию. Драматургический дискурс интересен в этом плане тем, что автор как языковая личность, призванная осуществлять метакомментарий своей же рукой организуемого сценического действия, лишь косвенно может выразить свое «модальное» присутствие [6]. Сама же речужанровая организация текста (композиция, сюжетные коллизии, характеры, их речевое поведение) не рассматривается в поле «метатекстовых нитей», - это, так сказать, основной план дискурса, тогда как метатекстовость – явление второго плана, ориентированного на подтекст.

Помимо авторского комментария при презентации действующих лиц основным метасредством авторского комментирования в пьесе как родоречевом образовании выступает **ремарка**. Н.А. Николина определяет ремарки как «особый тип композиционно-стилистических единиц, включенных в текст драматического про-

изведения наряду с монологами и репликами персонажей, способствующих созданию его целостности» [5, 207]. Основной функцией ремарки является выражение интенций автора.

Следует отметить, что сценическое указание, как и основной текст драмы, характеризуется семантической композицией: оно может трансформироваться в описание (например, последняя ремарка в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (*Немая сцена*)). Таким образом, возникает некий «синкретичный минитекст» [5, 211], выражающий символические смыслы. В итоге ремарки направлены не только на актеров и зрителей (читателей), но и на сам текст.

Мы считаем, что употребление ремарки в драматургическом тексте может быть связано с решением задач эвфемизации (деэвфемизации) ситуации и характеров, представленных в тексте пьесы и позволяющих во многом прояснить авторскую позицию. Попытаемся доказать это на материале великого чеховского текста – лирической комедии «Вишневый сад».

Чеховская драматургия знаменита своим «подводным течением». Традиционно под этим понимают лирический и лирико-комический символический подтекст. Это приемы площадного театра, балагана, падения с лестницы, удары палками по голове, фокусы и т.п. Но особое место в этом подтекстовом пространстве занимают стуки топора и звуки лопнувших струн. Внутренний смысл, подтекст, требуется для полного понимания цельного текста. Кроме того, использование подтекста может быть маркером идиостиля писателя. Так, А.П. Чехов настаивал на скрупулезном внимании к ремарке. Деталь у Чехова работает на главные, но скрытые смыслы. Ценности автора раскрываются в ремарке, слове, когда «в подтекст заключены этическая, аксиологическая нормы автора, обусловленные мотивом, целеустановкой и замыслом» [1, 107]. Подтекст часто становится модусом автора, выражающие его эстетические взгляды.

Герои, сюжеты, коллизии, ситуации проблемы чеховской драмы все больше потенциальные, не реализованные, не остановленные «в поиске себя». «У Чехова случайная литературная обочина стала эпицентром повествования: человек «ушел» в нюанс» [3, 262].

Ремарки в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» необычайно частотны, регулярны, можно сказать избыточны. Чехов фиксирует

каждое движение героев, так как почти все реплики сопровождаются ремарками. Например:

Пищик. Найдутся. (*Смеется.*) Не теряю никогда надежды. Вот, думаю, уж все пропало, погиб, ан глядь, - железная дорога по моей земле прошла, и... мне заплатили. А там, гляди, еще что-нибудь случиться не сегодня завтра. Двести тысяч выиграет Дашенька... у нее билет есть.

Любовь Андреевна. Кофе выпит, можно на покой.

Фирс. (*чистит щеткой Гаева, наставительно*). Опять не те брючки надели. И что мне с вами делать!

Варя (тихо). Аня спит. (*Тихо открывает окно*). Уже взошло солнце, не холодно. Взгляните, мамочка: какие чудесные деревья! Боже мой, воздух! Скворцы поют!

Гаев (открывает другое окно). Сад весь белый. Ты не забыла, Люба? Вот эта длинная аллея идет прямо, точно протянутый ремень, она блестит в лунной ночи. Ты помнишь? Не забыла?

Любовь Андреевна (глядит в окно на сад). О, мое детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мной каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. (*Смеется от радости*). Весь, весь белый! О, мой сад! После темной, ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя... если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!

Гаев. Да, и сад продадут за долги, как это ни странно...

Любовь Андреевна. Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье! (*Смеется от радости*). Это она.

Итак, из приведенного примера видно, что практически каждая реплика сопровождается авторским комментарием. Движения, жесты, эмоции заранее запланированы драматургом. На наш взгляд, ремарки образуют некий фон, создающий ощущение искусственности всего происходящего. Перед нами своеобразная **игра**. Чехов намеренно обращает внимание читателя на внешнее действие, а не на суть. Ремарки в этом случае выполняют роль деэвфемизаторов. Герои Чехова говорят друг с другом, но друг друга не слышат. Никто никого не понимает, мир для героев распался, их связи нарушены. Они участвуют в диалоге, не реагируя друг на друга, произнося безадресные реплики. Например:

Варя (испуганная). Я уйду... я уйду... Ах, мамочка, дома лю-
дям есть нечего, а вы ему отдали золотой.

Любовь Андреевна. Что ж со мной, глупой, делать! Я тебе до-
ма отдам все, что у меня есть. Ермолай Алексеевич, дайте мне еще
взаймы!..

Лопухин. Слушаю.

Любовь Андреевна. Пойдемте, господа, пора. А тут, Варя, мы
тебя совсем просватали, поздравляю.

Варя. (сквозь слезы). Этим, мама, шутить нельзя.

Лопухин. Охмелия, иди в монастырь...

Гаев. А у меня дрожат руки: давно не играл на бильярде.

Лопухин. Охмелия, о нимфа, помяни меня в твоих молитвах!

Любовь Андреевна. Идемте, господа. Скоро ужинать.

Варя. Напугал он меня. Сердце так и стучит.

Лопухин. Напоминаю вам, господа: двадцать второго августа
будет продаваться вишневый сад. Думайте об этом!.. Думайте!..

Итак, перед нами диалог, в котором собеседники не слышат друг друга и произносят реплики, не относящиеся к конкретному адресату. Каждый из героев занят только своими проблемами и мыслями. Любовь Андреевна снова берет деньги в долг, Варя неприятны шутки о ее будущем замужестве, в это время Гаев говорит о том, что он давно не играл на бильярде, и, наконец, Лопухин напоминает о продаже вишневого сада. Объяснить, почему одна за одной произносятся именно эти реплики, с точки зрения здравого смысла невозможно. Перед нами не беседа близких людей, а некая игра в разговоры, за которой скрыт глубокий символический смысл. Ремарка в чеховском «Вишневом саду» указывает на несовпадение произнесенного и произнесённого слова. Она становится неким знаком того, что «значение приносящихся слов не равно смыслу и значению сцены как таковой» [4, 13].

Следовательно, на сцене происходит игра в разговоры и «ничего неделание». Реальная жизнь – за сценой. Там проходит железная дорога, там рубят деревья (на что указывает ремарка *Слышно, как вдали стучат топором по дереву*). Внесценические ремарки, таким образом, выступают как эвфемизаторы, ремарки-символы (звук лопнувшей струны, стук топора). Этот второй план ремарок усиливает первый сценический план. Особенно большой реально-символический смысл в пьесе «Вишневый сад» имеет двукратное

повторение отдельного звука лопнувшей струны, замирающего и печального. Этот звук, впервые раздающийся во втором акте, перед появлением Прохожего, углубляет настроение задумчивости, охватившее Раневскую и ее спутников, и для владельцев вишневого сада является предвестием катастрофы. В четвертом акте средством реальной символики служат стук топора по дереву и звук лопнувшей струны. И то и другое знаменует конец старого мира. Исключительно внушающей силы реальная символика достигает в сцене, завершающей пьесу. Закончив свой монолог, Фирс лежит неподвижно. И в этот момент, заключая монолог, «слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву». Уходит старая жизнь, вконец изжившая себя, на смену ее идет новая жизнь, - таков смысл символики финальной ремарки.

Но чем же эти ремарки символичны? Чеховским героям все равно где жить - они в постоянной дороге, но не в раскрытии своих характеров. Характеры их застыли, они неподвижны. Все настоящее - только на сцене, прошлое и будущее - в подтексте, за кадром, «вынесено за скобки» [3,265].

Эвфемистические намеки Чехова работают на будущее, герои грезят им. Однако Чехов одновременно предостерегает от появления сверхчеловека будущего. Тень страшного завтра не дает героям Чехова пустить корни в настоящем. Реализм ремарок контрастирует с символизмом действия, то «отпуская» действие, то «поднимая» его. Авторский метатекст, по сути дела, оказывается не только в эвфемизации всего, кроме настоящего, и в деэвфемизации последнего. Оно слишком банально, и герои не хотят ни его, ни будущего,- поэтому всюду одни намеки и символы.

Литература

1. Бирюкова И.В. Интерпретация подтекста // Семантика языковых единиц. – М., 1996. – С.107-108.
2. Вежбицка А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Вайль П., Генис А. Чехов: Все в саду // Родная речь. Уроки изящной словесности. – Изд-е 3-е, испр. – М., 1999. – С.261-269.

4. Ищук-Фадеева Н.И. Реплика как знак театральной системы: К постановке проблемы // Драма и театр. – Тверь, 2001. – Вып. 2.- С.13.
5. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Academia, 2003.
6. Сахно О.С. Местоименная соотносительность как основа фразовой эвфемизации (аспект речевой конвенциональности) // Альманах современной науки и образования. - № 2 (21). - 2009, часть 3. С. 33-34.

© Сахно О.С., 2017

УДК 81.111'38

О.О. Сподарец (канд. филол. наук, доц. каф. иностр. яз. гуманитар. ф-тов БашГУ, г. Уфа, Россия)

ЗООМОРФНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК СПОСОБ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ АУДИТОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Целью данной статьи является определение роли зооморфного культурного кода в манипулятивном воздействии на реципиента, представленного на невербальном уровне современного политического дискурса СМИ. Материалом исследования служит американский политический дискурс. Объектом исследования являются изображения, содержащие различные зооморфные коды.

Ключевые слова: политический дискурс, культурный код, зооморфный код, значение, смысл.

Целью данной статьи является определение роли зооморфного культурного кода в манипулятивном воздействии на реципиента, представленного на невербальном уровне современного политического дискурса СМИ. Материалом исследования служит американский политический дискурс. Объектом исследования являются изображения, содержащие различные зооморфные коды.

Поскольку все коммуникативные процессы культурно обусловлены, то и политический дискурс существует в определенном

пространстве, соответственно, оно несет в себе признаки этой культуры и следует культурным нормам, то есть подразумевает культурное кодирование [5, 81]. Код – своего рода модель, являющаяся «результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [7, 83]. Культурные коды представляют собой «ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре» [4, 194]. Под культурным кодом большинство лингвистов понимают «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, то есть членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [2, 232]. Согласно С.В. Ивановой, при анализе коммуникативного события необходимо учитывать уровни культурного кода: 1) поверхностный уровень в рамках кода культуры-1 (на уровне значения); 2) глубокий уровень в рамках кода культуры-2 (на уровне смысла) [1, 41-42]. По мнению О.А. Леонтович, культурное значение внеконтекстно, не интерактивно и статично; в то время как культурный смысл контекстуально обусловлен, интерактивен и динамичен [3, 23].

В рамках данного исследования особый интерес уделяется зооморфному культурному коду, представленному в иллюстрациях, сопровождающих статьи политической направленности. Довольно часто животные в политических текстах СМИ могут выступать эталонными носителями каких-либо характеристик человека, партии, а также страны в целом. Как показывает исследованный эмпирический материал, зооморфный культурный код, представленный изобразительным рядом, создает яркие зрительные образы, которые навязывают аудитории то или иное восприятие контекстуальной информации. Зооморфный культурный код нейтрален сам по себе, однако, в рамках контекста, он приобретает субъективные черты, которые диктуют реципиенту определенное прочтение информации. Проведенный анализ изобразительного ряда политических текстов СМИ показывает, что довольно часто с целью репрезентации отношения к политическому деятелю, политической партии или стране авторы прибегают к использованию зооморфного культурного кода, который попадая в зависимость от контекста, теряет свое первоначальное значение, приобретая иные

смыслы и, тем самым, оказывает огромное воздействие на реципиента.

Одним из примеров является статья под названием *Let China win. It's good for America*. Медиатекст сопровождается рисунком, изображающим дракона (символ китайской культуры) и белоголового орлана (символ Америки). С точки зрения культурного значения, дракон в восточно-азиатской культуре является символом доброго начала и означает власть, мужественность, в свою очередь, национальная птица США символизирует власть, силу, свободу и мужество.

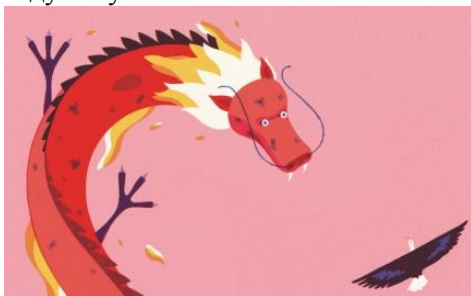

Рис. 1. Иллюстрация к статье “Let China win. It’s good for America”

Однако, в рамках невербально представленной информации, культурное значение теряет свою силу и переходит на уровень культурного смысла. Очевидно, что прибегая к зооморфным культурным кодам, автор сообщения намеревался четко разграничить позиции действующих лиц – Китая и США .

В тексте статьи журналист анализирует ситуацию создания Китаем азиатского банка инфраструктурных инвестиций, который является потенциальным конкурентом Международного валютного фонда и Всемирного Банка в США. Согласно изображению, символ Китая занимает лидирующее положение в рассматриваемой журналистом проблеме, в то время как символ США изображен на рисунке в нижнем углу и кажется абсолютно беззащитным. Тем не менее, заголовок медиатекста указывает на то, что данная расстановка ролей всего лишь иллюзия – белоголовый орлан только играет роль слабого с целью собственной выгоды, чтобы еще раз подчеркнуть свои власть и превосходство.

Таким образом, зооморфный код, находясь под влиянием контекста, приобретает совершенно противоположное значение и подталкивает читателя к «правильному», по мнению автора, раскрытию заложенных в тексте смыслов.

Довольно часто в политическом дискурсе СМИ, с целью выражения отношения к известному политическому лидеру или сложившейся политической ситуации, авторы используют зооморфные символы демократической и республиканской партий США, тем самым наделяя традиционную политическую символику определенными смыслами.

Ярким примером взаимодействия зооморфного культурного кода является статья *Cringe-causing candidates*. Автор статьи высказывает мнение на тему президентских выборов в США 2016 года, утверждая, что они превратились в посмешище и клоунаду. Медиатекст сопровождает иллюстрация с изображениями двух неофициальных символов политических партий США – демократической (осла) и республиканской (слона). В рамках культурного значения слон олицетворяет мощь и представляет средний класс и состоятельные слои населения, осел – символ трудолюбия, терпения и смирения является символом бедных слоев населения. Однако, журналист придает им иронический смысл, изображая осла в маске клоуна, а слона в колпаке.

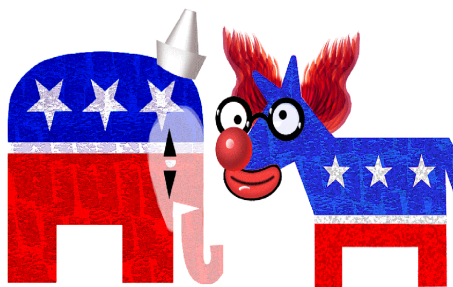

Рис. 2. Иллюстрация к статье “Cringe-causing candidates”

Называя действующую президентскую гонку кандидатов «посмешищем» (*“the laughing stock of the world”*) автор указывает на несерьезность номинированных на пост президента США кандидатур. В частности, в языковом контексте журналист отрицательно

отзывается о кандидатуре от Республиканской партии Дональда Трампа, называя его “*a clownish, former TV reality show star*” [6, 158].

Итак, данный пример иллюстрирует, как культурный код от уровня значения переходит на уровни смыслов. Присуждение новых ролей хорошо известным образам подталкивают читателя к восприятию сложившейся ситуации на президентских выборах как своеобразное выступление клоунов на арене цирка.

Примером того, когда один и тот же зооморфный культурный код приобретает абсолютно иные, по сравнению с предыдущим контекстом, смыслы является статья под заголовком *Those mercurial Democrats*. В рамках данного медиатекста неофициальный символ демократической партии изображен совершенно с противоположной стороны – угрюмый осел, заливающийся слезами на фоне флагов России и бывшего Советского Союза.

Рис. 3. Иллюстрация к статье “*Those mercurial Democrats*”

В статье журналист рассматривает события связанные с обвинением лидера демократов в Палате представителей Конгресса США Нэнси Пелоси в контактах с российскими официальными лицами. Трамп призвал провести расследование в отношении двух лидеров демократов - Чарльза Шумера и Нэнси Пелоси в ответ на обвинения самого Дональда Трампа во мнимых тайных контактах с президентом России и российским послом (... *the Democratic leadership is suspicious about ambiguous allegations of contacts between the “Trump campaign” and the “Russian government.” The Mainstream Media even reports on such alleged contacts as “ties”*).

Таким образом, один и тот же зооморфный культурный код подразумевает разное прочтение смыслов в зависимости от намерений автора.

В заключении отметим, что зооморфное культурное кодирование информации, осуществляемое посредством изобразительно-го ряда, структурируется на уровне культурного значения и смысла. Культурное значение, вступая в сложное взаимодействие с контекстом, позволяет сформировать у читателя необходимое автору медиатекста прочтение концептуальной информацией текста. Различные комбинации зооморфных культурных кодов оказывают определенное манипулятивное воздействие на реципиента и подталкивают его к «правильной» интерпретации, заложенных в них смыслов.

Литература

1. Иванова С.В. Понятие культурного кода и процессы кодирования и декодирования культурных смыслов // Человеческий фактор в языке и культуре: Сб. научн. статей. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. - С. 37-46.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284с.
3. Леонтович О.А. “FROM RUSSIA WITH LOVE”: культурные значения и смыслы в контексте политического дискурса// Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. Вып. 1 (35). – С. 20-23.
4. СЗЛ = Современное зарубежное литературоведение: энцикл. справ. (Страны западной Европы и США): концепция, школы, термины. – М.: Интрада, 1999. –320 с.
5. Сподарец О.О. Реализация стратегии субъективизации в новостном политическом медиа-дискурсе (на материале современного английского языка): дисс.. канд. филол. наук: 10.02.04 – Уфа, 2011. – 185 с.
6. Сподарец О.О. Взаимодействие культурных кодов в современной политической коммуникации //Источник Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): Ч. 2. – С. 157-161.
7. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – Спб.: Symposium, 2004. – 560с.

© Сподарец О.О., 2017

Л.О. Тимошенко (канд. филол. наук, доц. каф. иностр. яз. гуманитар. ф-тов БашГУ, г. Уфа, Россия)

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ГУМАНИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Установка принятия как принцип гуманизации способствует позитивному восприятию изучаемого материала и беспроблемному его запоминанию. Развитие индивидуальности в творческом мышлении по трансформации негативного содержания в нейтральное или позитивное способствует нелинейному подходу к проблеме содержания образования.

Ключевые слова: гуманизация образования, индивидуальность, медиационность, экстернализм, нелинейность, мир дискурса

Проблема содержания образования всегда была одной из самых насущных в педагогике, особенно в методике обучения иностранным языкам. Акцент на привлечение западных учебников с западными культурными реалиями как бы непосредственно дает возможность студентам приобщиться к культурным реалиям страны изучаемого языка и ее языковому строю (в изучении грамматики). В этом видится большой плюс – грамматические структуры «неизбиты», лексическое наполнение оригинально (возьмем, к примеру, учебник по грамматике английского языка Michael Vince. Language Practice. Advanced). Но одним большим «НО», портящим всю «картину», является содержание отдельных предложений этого учебника с негативным, антигуманистическим посылом. Например, “I realised that someone (steal) my wallet, when I (feel) his hand in my jacket pocket” [9, 20]. (Я понял, что кто-то крадет мой бумажник, когда ощутил его руку в кармане моего пиджака). В данном предложении нужно выбрать правильную грамматическую форму – «крадет» или «украл», «чувствую» или «почувствовал», когда сама ситуация вызывает негодование.

Или: “I’ve been waiting for you for three hours! [9, 21]. (Я жду тебя уже три часа!). Или: “Every evening was the same. Jack would

turn on the radio, light his pipe and fall asleep” [9, 10]. (Каждый вечер проходил одинаково. Джек включал радио, зажигал свою трубку и ложился спать). И таких антигуманных примеров в учебнике множество.

Таким образом, происходит нейролингвистическое программирование студентов на саморазрушение, пожар, бессмысленную трату времени, например. Разумеется, в учебнике имеются и нейтральные, и позитивные примеры. Желая обезопасить себя и своих студентов от негативного кодирования, мы, прежде всего, творчески исправляем содержание, например, «Я жду тебя уже полчаса» (а не три часа). Или: «Каждый вечер проходил одинаково. Джек включал радио, выходил на балкон курить трубку, а потом, всё выключив, ложился спать». Каждому студенту в группе предлагается закончить предложение по своему усмотрению, но обязательно с нейтральным или позитивным контекстом. А затем уже мы работаем с грамматикой. Такой вид творческой работы стимулирует позитивное мышление студентов, их творческое воображение.

Преподаватель в данном случае является медиатором, направляющим студентов от негативного содержания к позитивному мышлению. Он является, своего рода, трансформатором. Как отмечает Г.А. Балл в журнале «Вопросы психологии», «в когнитивной сфере медиация находит проявление или в системном синтезе положений, поначалу казавшихся несовместимыми, или при невозможности (по крайней мере, на текущем этапе познания) такого синтеза в достижении системности хотя бы на метауровне (на уровне знания о знании и об исследуемых объектах), когда позиции оппонентов четко отрефлексированы, области их согласия и расхождения эксплицитированы, и значит, созданы благоприятные условия для дальнейших диалогов» [1, 5].

Применяемый нами метод позитивной трансформации содержания находится в русле современных исследований в области теории истинности (Э. Бенвенист, Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павилёнис, Г.И. Кустова, Ю.С. Степанов и др.), к которым можно применить принцип: «В споре рождается истина», и расхождение мнений является условием истинности.

Как пишет известный французский лингвист, Э. Бенвенист, «асимметрия лежит в самой основе языка в силу асимметрии производительных органов» [2, 39]. И там же на стр. 35: «Теперь уже

не поддаются так легко, как прежде, соблазну возвести особенности какого-либо языка или типа языков в универсальные свойства языка вообще. Это объясняется тем, что горизонты лингвистики раздвинулись» [2, 35].

Как отмечает М.Л. Макаров, «интерпретация смыслов происходит в процессе гибкой диалектики коллективного осмысления социальной действительности» [6, 38 - 39].

В настоящее время акцент ставится на созидающей творческой роли не только говорящего, но и слушающего. Критикой нашей «щепетильности» в отношении содержания образования может выступить соображение, что все обучающиеся понимают ирреальность, придуманность описанных выше ситуаций. Они являются побочными эффектами, пороками нашего общества. И можно акцентировать идею побочности, но не стоит размышлять на эту тему, зарождая подобные мысли в голове студентов. «Мир дискурса» - вот оптимальное название сочетания мира реального и нереального – название, предложенное И.М. Кобозевой [5, 58].

В процессе обучения важно не столько освоение грамматических структур иностранного языка, минимума лексики, но и выработка своего отношения к изучаемому, к происходящему, выражающиеся в пересказе текста на иностранном языке. «Значение появляется только тогда, когда связь осознается кем-то для целей ориентации в мире» [7, 13].

Обучение через неприятие студентом предмета считаем напрасной тратой времени до тех пор, пока у студента не появится мотивация. Обучение должно быть основано на известном в психологии принципе установки принятия. Позитивные эмоции, которые приносят сами студенты, составляя свои примеры на грамматические правила или с новой лексикой, способствуют безболезненному ее закреплению в памяти студента.

Понимая негативное содержание отдельных предложений западного учебника как стимул к интерпретации этого знака, мы развиваем у себя творческий подход к содержанию образования.

«Отношение между означающим и означаемым знака основывается на импликации. Знаки не передают, а индуцируют значение» (по Ч.С. Пирсу) [8, 15].

Концепции экстернализма, «активного экстернализма» как философского термина, позволяют взглянуть на нашу проблему с

точки зрения расширения границ узко индивидуального мышления, задумавшись о последствиях негативного НЛП. «Нелинейность» мышления – характерная черта современного образования, дающего возможность разных ракурсов взгляда на мир, аспектуальности.

Безусловно, мы все подвержены социальной детерминации, и избегая названия проблемы, мы тем самым ее не решим. Но предлагается преодоление этой проблемы еще на умственном уровне, в плане мышления. А в остальном – мы погружены в личные обстоятельства. Как отмечает философ А.В. Катунин, «если мы говорим, что Я не существует, что есть только социальные отношения, которые меня формируют и в которых мы растворяемся, то мы теряем не только себя, но и Другого» [4, 19].

Таким образом, «мы вступаем в эру панкоммуникации, растущей тотальной межсвязности, размывания границ между природой и культурой, становления новой корпоральности», по выражению философа В.В. Чеклецова [3, 25]. Развитие индивидуальности обучаемых, творческий, критический подход к содержанию образования – залог осмысленной нравственной позиции такого специалиста в будущем и постоянный стимул к его самосовершенствованию.

Литература

1. Балл Г.А. Психологические принципы современного гуманизма// Вопросы психологии. 2009. №6. С. 5. С. 3 – 13. 176 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002. С. 39. 448 с.
3. Дубровский Д.И. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы круглого стола. Участники: В.А. Лекторский, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.В. Катунин, И.Ф. Михайлов, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова, И.О. Щедрина, А.Ф. Яковлева//Вопросы философии. 2016. № 10. С. 25.С. 5 – 36. 222 с.
4. Катунин А.В. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы круглого стола. Участники: В.А. Лекторский, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.В. Катунин, И.Ф. Михайлов, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова, И.О. Щед-

- рина, А.Ф. Яковлева//Вопросы философии. 2016. № 10. С. 19. С. 5 – 36. 222 с.
5. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 58.
  6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса М.: ИРДГК «Гнозис», 2003. С. 38 – 39.
  7. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. С. 13
  8. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С.15.
  9. Vince M., Sunderland P. Advanced language practice with key. English grammar and vocabulary. UK; Macmillan, 2004. 326 p.

© Тимошенко Л.О., 2017

УДК 81

З.В. Годосиенко (канд. филол. наук, ст. преп. каф. иностр. яз. гуманитар. ф-тов БашГУ, г. Уфа, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В РАМКАХ ЛИНГВИСТИКИ УНИВЕРСАЛИЙ

Статья посвящена исследованию явлению семантической деривации в рамках лингвистики универсалий. Рассматриваются различные классификации лингвистических универсалий. В статье поднимается проблема необходимости создания определенной семантической типологии.

Ключевые слова: *семантическая деривация, лингвистические универсалии, лингвистическая типология, сопоставительное языкознание*

Каждый язык обладает уникальной историей, однако это не означает, что не существует типологически сходных черт разных языков, а также общих закономерностей их развития и функционирования. Особый интерес представляет изучение проблемы моделей семантических переходов в разноструктурных языках с точки

зрения лингвистики универсалий. В данной статье мы рассмотрим морфемный и семантический типы деривации как наиболее важные признаки, выделяемые в рамках сопоставительной лингвистики. Отметим, что попытки сопоставительного изучения разных языков предпринимались в начале XIX века, хотя предпосылки типологического языкознания и лингвистики универсалий закладывались еще в Средние века. Полагали, что по грамматике латинского и греческого языков можно понять устройство любого из народных языков. Основы сопоставительно-типологического метода закладывались одновременно с формированием сравнительно-исторического языкознания. Первые компаративисты были первыми типологами. В их числе автор книги-манифеста индоевропеистики «О языке и мудрости индусов» (1808) Фридрих фон Шлегель, а также основоположник немецкой философии языка Вильгельм фон Гумбольдт, предложивший морфологическую классификацию языков [8, 18]. В настоящее время под сопоставительным (контрастивным) языкознанием понимают чаще всего синхронное сравнение двух (реже трех) каких-либо языков с целью разработки методики их преподавания или теоретического осмысления, а под типологическим – сопоставительное (сравнительное) изучение всех языков (или группы языков) с целью их классификации, типологии по тем или иным признакам [1, 161].

Типологический метод XIX века был в основном классифицирующим, поскольку главной его задачей считалась систематизация языков, распределение их по морфологическим типам. По мнению Л.М. Васильева, в современном языкознании наметилось уже три подхода к типологическому изучению языков: 1) систематологический (или классифицирующий), 2) универсологический (метод универсалий) и 3) характерологический [1, 162]. При первом подходе выявляются только доминирующие особенности (доминанты) сравниваемых языков (например, преобладание в их строе аналитизма или синтетизма) и устанавливаются, таким образом, те или иные их типы. Данный подход уже рассматривался нами как традиционный, связанный с морфологической классификацией языков.

При втором подходе изучаются общие, универсальные черты языков. Б.А. Серебренников дает наиболее исчерпывающее определение языковым универсалиям: «Языковая универсалия – это

единообразный, изоморфный способ выражения системных отношений языковых элементов, или однотипный по своему характеру процесс, дающие одинаковые результаты, проявляющиеся с достаточной точностью с высокой частотностью в различных языках мира» [9, 5]. Б.А. Успенский в своей монографии «Структурная типология языков» дает обширную классификацию языковых универсалий. В зависимости от способа формулирования различаются универсалии *дедуктивные* (аксиоматические) и *индуктивные* (эмпирические). Помимо этого выделяются также *полные (абсолютные) и статистические (вероятностные) универсалии; статические и динамические, синхронические и диахронические универсалии* [11, 287]. Дж. Гринберг, Ч. Осгуд и Дж. Дженкинс полагают, что языковые универсалии по своей природе являются обобщенными высказываниями о тех свойствах и тенденциях, которые присущи любому языку и разделяются всеми говорящими на этом языке [3, 31-44]. Авторы различают универсалии с точки зрения их логической структуры и содержания. В первом случае выделяются следующие универсалии: *неограниченные, импликационные универсалии, ограниченная эквивалентность, статистические универсалии, статистические корреляции и универсальные законы распределения*. Второе основание классификации – это языковой уровень, на основе чего различаются четыре типа универсалий: фонологические, грамматические, семантические и символические.

Наконец, при третьем подходе к типологическому изучению языков выявляют отдельные черты, связывающие данный язык с теми или иными общими типами языков. Например, в русском языке содержатся некоторые черты агглютинативных языков (*наше, втащите*), в английском – черты интрофлексивных языков (*foot – feet*), в болгарском склонении – черты аналитических языков, конструкция русского языка *Кто это?* (без связки) типологически аналогична конструкции башкирского языка *Кем был?* (нем. *Wer ist das?*; англ. *Who is it ?*; чеш. *Kto je to?*) [1, 163].

В зависимости от изучаемого языкового уровня различают следующие направления типологических исследований: типология звуковой организации языков, морфологическая типология, синтаксическая и лексическая типологии. Особый интерес для нас представляет *контенсивная типология*, основой которой является характер передачи субъектно-объектных отношений. Однако субъ-

ектно-объектные отношения значительно шире грамматической семантики глагольного залога [8, 81]. Последующие исследования показали, что изучение структуры и семантики субъектно-объектных отношений перерастает рамки синтаксической типологии. Это происходит потому, что, во-первых, отношения «субъект–действие–объект» в разных языках могут быть представлены по-разному. Различия между номинативным и эргативным строем настолько глубоки и значимы для понимания возможных способов видения мира, что их стали трактовать как содержательные различия между группами языков. Соответствующие исследования называют контенсивной типологией (подчеркивая ее отличия от морфологической типологии, занятой формой, «техникой языка»). Во-вторых, в силу комплексного, разноуровневого и системного характера средств выражения залоговых значений, контенсивная типология вновь возвращается к понятию языкового типа, понимая его в качестве «совокупности признаков-координат различных языковых ярусов – синтаксического, морфологического, лексического [6, 210].

Возвращаясь к цели нашего исследования, отметим, что основной формой представления типологического знания о лексико-семантических системах является характерология языков. В наше время широкое развитие получила лексическая типология, сравнительно новая область исследований, возникшая в 50-х гг. XX века. Для становления ее метода особенно важны работы А.И. Исаченко (Исаченко 1958), Н.И. Толстого (1969), А.Е. Супруна (1983). Предмет лексической типологии составляют типологические сходства и различия лексических систем разных языков. Как отмечает Н.Б. Мечковская, имеется ряд особенностей, отличающих лексическую типологию от типологии фонетико-фонологического и грамматического уровней языка. Во-первых, типологически значимые различия в лексике разных языков в значительной степени обусловлены типологией их грамматики и, отчасти, фонетики. Поэтому некоторые глубокие типологические различия в лексике носят как бы вторичный, производный характер (например, различия между языками в степени морфемной сложности слова; различия в распределении лексики по частям речи; различия в составе подсистемы служебных слов). Во-вторых, в сравнении с фонологией и грамматикой, лексика представляет собой более слабую и нечет-

кую систему. Поэтому в лексической типологии отсутствуют классификации языков. В-третьих, степень изученности лексического уровня языков значительно меньше, чем изученность фонологии и грамматики. В силу более сложной, громоздкой и менее четкой организации лексического уровня, большой трудоемкости словарного описания лексики, а тем более создания сопоставимых описаний лексики разных языков, в лексической типологии особенно ощутим недостаток эмпирических данных [8, 95].

В рамках сопоставительной лексикологии выделяют следующие *значимые признаки*: 1) объем словарного фонда; 2) семантико-тематическая структура лексики; 3) источники новых обозначений и сравнительная продуктивность разных средств пополнения словарного запаса (таких как морфемная деривация, семантическая деривация, заимствования, образование несвободных сочетаний) [8, 96]. Обратимся к морфемной и семантической деривации как наиболее важным источникам образования новых значений. Прежде всего необходимо отметить, что в типологически разных языках эти два основных механизма семантической динамики языка реализуются в неодинаковой мере. Так, Н.З. Котелова в словаре «Новые слова и значения» показывает в процентном соотношении относительную продуктивность разных способов пополнения русской лексики: морфемная деривация, семантическая деривация без конверсии, заимствования, конверсия, образование несвободных сочетаний слов [7, 5-26]. В изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (китайском, вьетнамском, кхмерском, лаосском и др.) морфемная деривация используется в минимальной мере: в тексте длиной в 100 слов только 6 слов являются производными, т.е. продуктом аффиксальной деривации [10, 138]. В неизолирующих языках морфемная деривация используется шире и является основным источником создания слов. Среди 3500 новых значений, вошедших в русский язык в начале 60-х гг. XX века, доля морфемных дериватов составляла примерно 83%, в составе новой английской лексики начала 60-х гг. – около 63%, в английской лексике 80-х гг. – 67,5% [4, 126]. По мнению В.Г. Гака, во французском языке в отличие от русского новые слова чаще возникают при помощи лексикализации (сращения) словосочетаний в результате усечения основ (*méto* из *métropolitain*, *labo* из *laboratoire*) [2, 241-252]. Большая деривационная сложность русского языка в

сравнении с французским объясняется различиями в морфологическом строе: русский язык является синтетическим, а французский – аналитическим.

Что же касается семантической деривации, то в современной лингвистике до сих пор не сложилась единая точка зрения на этот вид деривации как средство концептуализации действительности. Существует множество терминов для обозначения данного явления: «полисемия» (Дж. Лайонз); «семантическое словообразование» (В.В. Виноградов); «собственно семантическая деривация» (Н.М. Кобозева, С.В. Конявская) и др. Явление семантической деривации универсально, однако процессы полисемии в разных языках протекают с разной степенью интенсивности. Известно, что в аналитических языках слова в среднем более многозначны, чем в языках синтетических, – в этом убеждают сопоставимые по объему переводные и толковые словари соответствующих языков [8, 104]. В своем исследовании «Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект каталога семантических переходов» Анна А. Зализняк пишет о том, что семантическая деривация представляет собой двустороннюю сущность: ее планом содержания является некоторая пара смыслов, вступающих в определенное отношение; планом выражения – полисемическое слово, где это отношение представлено [5, 23]. Этот термин может быть применен не только к процессу, но и к результату, т.е. к конкретным фактам семантических переходов, каждый из которых называется «семантической деривацией». По мнению Анны А. Зализняк, отношения семантической производности, связывающие между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, и отношения между значениями слова в разные моменты его истории представляют одно и то же явление, которое называется семантической деривацией [5, 15].

Отметим, что как морфолого-синтаксический способ словообразования или особый вид семантической деривации рассматривается конверсия [7, 19], благодаря которой новое лексическое значение кардинально преобразовывается и слово переходит в иной грамматический класс (часть речи). Конверсия более продуктивна в аналитических языках, например: нем. *blau* («голубой, синий») и *das Blau* («синева, лазурь»); франц. *déjeuner* («завтракать») и *un déjeuner* («завтрак»); англ. *an air* («воздух, атмосфера»), *air* («воз-

душный»), *to air* («проветривать, вентилировать»); *a box* (букв. «ящик», разг. «телевизор») и *to box* («показать по телевидению»).

Помимо конверсии, заимствований и других способов пополнения лексики, большой интерес для нас представляют случаи *регулярной семантической деривации*, воспроизводимой независимо в истории разных слов и разных языков. Примером такой регулярно воспроизводимой семантической деривации может служить неоднократно обсуждаемый переход «*схватить*» → «*понять*», произошедший исторически в русском глаголе *понять*, лат. *comprehendo* и *concipio*, итал. *capire* и воспроизведенный в англ. *to catch, to capture* и франц. *saisir* и др. в форме синхронной полисемии. Более детальный анализ показывает, что задача объединения синхронных и диахронических отношений семантической деривации является искусственной. Дело в том, что между диахронической и синхронной семантической деривацией имеются промежуточные случаи, и граница здесь условна [5, 16].

Говоря о перспективе изучения семантической деривации в рамках лингвистики универсалий, отметим, что наиболее актуальным является исследование моделей регулярной семантической деривации на основе материала не только разноструктурных, но и неродственных языков. Можно сказать, что назрела необходимость создания определенной семантической типологии на основе выявления наиболее устойчивых соотношений значений слов, существующих одновременно в нескольких языках.

Литература

1. Васильев Л.М. Общие проблемы лингвистики: теория и методы: учебное пособие / Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – С. 161-163.
2. Гак Г.В. Сравнительная типология французского и русского языков / Л.: Просвещение, 1977 [а]. – С. 241-252.
3. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях / Новое в лингвистике. – Вып.5. – М., 1970. – С. 31-44.
4. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. – С. 126.
5. Зализняк А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» / Вопросы языкознания. – М., 2001. – №2. – С. 13-25.

6. Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. М.: Наука, 1983.– С. 210.
7. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. С. 5–26.
8. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей / 4-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. С. 18, 81, 95-104.
9. Серебренников Б.А. О лингвистических универсалиях / Вопросы языкознания.– М., 1972. – №2. – С. 3-17.
10. Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М.: Наука, 1985. – С. 138.
11. Успенский Б.А. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языка // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. С. 287.

© Годосиенко З.В., 2017

УДК 81

З.В. Годосиенко (канд. филол. наук, ст. преп. каф. иностр. яз. гуманитар. ф-тов БашГУ, г. Уфа, Россия)

М.В. Фархiev (начальник цикла, учебный военный центр УГАТУ, г. Уфа, Россия)

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАНИЯ АВИАЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ КОМПОНОВОЧНОЙ СХЕМЫ ВЕРТОЛЕТА МИ-8)

Статья посвящена исследованию специфике образования авиационных терминов в современном английском и русском языках, в частности на примере компоновочной схемы вертолета МИ-8. Рассматриваются такие словообразовательные механизмы как аббревиатуры, аббревиация, аффиксация и лексико-синтаксический.

Ключевые слова: *авиационная терминологическая система, словообразование, вертолет МИ-8, компоновочная схема, устройство*

Глобальные преобразования, происходящие в современном обществе, диктуют определенные требования к уровню овладения иностранным языком. Иноязычная компетенция становится ещё одним критерием профессионального уровня специалиста. Некоторые ученые полагают, что иноязычная компетенция способствует адекватному восприятию информации на иностранном языке в процессе профессиональной деятельности [10, 161]. Будущему специалисту необходимо уметь интерпретировать и систематизировать свои знания, а также устанавливать и поддерживать коммуникативный контакт с представителями иноязычной культуры [11, 37].

Как известно, одна из основных функций языка – коммуникативная, обеспечивающее общение во всех сферах человеческой деятельности. Профессиональная коммуникация представляет собой процесс общения посредством языка науки и техники. Между коммуникацией в области науки и техники есть некоторые различия, обусловленные спецификой сфер человеческой деятельности.

Существуют словари литературного языка, включающие в себя так называемые общеупотребительные слова, понятные всем носителям данного языка. Однако кроме общеупотребительных слов в языке имеются термины, употребляющиеся в разных областях техники, науки и культуры.

Понятие «термин» в науке в основном формировалось к началу XX века. Первые трактовки слова «термин» упомянуты в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, термин – специальное выражение или обозначение, принятое в какой-либо науке или ремесле [7, 512]. Впоследствии, научно-техническая революция привела к развитию информативно-коммуникативных процессов, следствием чего явился стремительный рост количества терминов в различных отраслях знания, активное проникновение их в повседневный язык.

За последние десятилетия в лингвистике существует множество определений термина. Под термином здесь подразумевается слово или словосочетание специальной сферы употребления, соз-

даваемое для точного выражения специальных понятий и основанное на дефиниции [4, 467]. Специфика термина заключается, прежде всего, в его особом назначении, которое целиком пересекается с его основной функцией – по возможности точно выражать специальные понятия.

В современной лингвистике терминология рассматривается не просто как сумма терминов, а как определённым образом структурированная подсистема языка, включающая в себя микросистемы терминов [5, 22-31].

Авиационная терминологическая система может быть подразделена на четыре подсистемы: воздухоплавательную, авиационную, ракетно-техническую и космическую.

В процессе становления авиационной терминологической системы английского и русского языков значительное место занимали заимствования. На начальном этапе становления воздухоплавания ведущее место в данной области занимала Франция. Именно французский язык сыграл значительную роль в формировании авиационной терминологической системы английского языка [9, 80-81].

В настоящее время развитие английской авиационной терминологии происходит в основном не за счёт заимствований из других языков, а путём использования внутренних ресурсов развития и обогащения словарного состава [8, 45-46]. Английский постепенно становится средством международного общения в области авиации, практически вытесняя французский. В процессе исследования было выявлено четыре основных способа, по которым создаются авиационные термины:

1) номинация по сходству внешних признаков: *wing walker* – сопровождающий у конца крыла (при буксировке самолёта), *eye-hoisting* – такелажное ушко;

2) номинация по сходству функции: *airbridge* – регулярное воздушное сообщение, *crew station* – рабочее место экипажа;

3) номинация по смежности понятий: *to steer* – держать курс, *counter* – счётчик, стойка;

4) название по аналогии понятий: *fail-safe* – надёжный, безопасный (о полёте), *runway sweeper* – машина для очистки ВПП [9, 80-81]

В нашем исследовании рассматривается подсистема авиационных терминов, встречающихся в англо-русских и русско-английских авиационных словарях на примере исследования устаревания вертолета МИ-8.

Отметим, что "Рабочая лошадка" Ми-8 стала легендой и своего рода визитной карточкой советского, а затем и российского вертолетостроения. Он считается мировым рекордсменом по числу модификаций и вариантов – их насчитывается свыше 100! Вертолет Ми-8 получил широчайшее распространение в отечественной военной и гражданской авиации, став поистине массовой машиной. Трудно представить себе отрасль боевого или гражданского применения, где бы ни использовались эти вертолеты. Кульминацией боевого применения Ми-8 в советских ВВС стала война в Афганистане, где неприхотливые и удивительно живучие многоцелевые винтокрылые летательные аппараты вынесли основную тяжесть боевой работы [3, 35-40].

Необходимость использования англоязычных терминов именно в компоновочной схеме вертолета связана, прежде всего, с расширением экспорта многоцелевого вертолета после распада СССР. В настоящее время практически не осталось уже страны, в которой не эксплуатировалась бы знаменитая "рабочая лошадка". Вертолет Ми-8 может считаться таким же символом успеха российского машиностроения и экспортных усилий, как легендарный автомат Калашникова. Вероятно, еще несколько десятилетий вертолет Ми-8 и его более поздние модификации будут оставаться в числе самых эксплуатируемых винтокрылых машин на земном шаре [2, 3-32].

Проведя анализ англоязычных терминов компоновочной схемы вертолета МИ-8, следует отметить, что авиационных терминов основывается на разные модели.

Так, при активном появлении многокомпонентных терминов они стремятся функционировать в более сокращенной форме, что приводит к появлению различных форм аббревиатур, многокомпонентных терминов, включающих аббревиатуры в свой состав.

Аббревиатура – это слово, образованное из начальных букв слов, из начальных частей словосочетания или из начальной части слова и целого слова [7, 7].

В авиационной терминологии МИ-8 можно выделить следующие структурные типы:

1) Аббревиатуры инициального типа: образования из начальных букв слов: *ВПУ* (*Взлетно-посадочное устройство*), *TLD* (*Take off and landing device*); *ППС* (*Противопожарная система*), *FCU* (*Fire Control Unit*), *ПОС* (*Противообледенительная система*), *DIS* (*De-ice system*), *СУВ* (*Система управления вертолетом*), *HCS* (*Helicopter Control System*)[6, 76-77; 1, 731-732; 12]

2) Аббревиатуры из сочетания начальных частей слов («слоговые»): командир эскадрильи «комэск» (только в русском языке)[6, 248].

Аббревиация – способ словообразования, получивший распространение позже других словообразовательных способов. В авиационной терминологии можно отметить сходные пути аббревиатурного образования в английском и русском языках. Денисова О.И. выделяет «аббревиацию как особый способ словообразования в современном английском языке» [9, 81]. Такие совпадения не являются следствием заимствований, а скорее могут быть обусловлены одной и той же тематикой (авиационная терминология). Например, аббревиатура *APU* (*auxiliary power unit*) [13, 21] в русском языке имеет эквивалент — *ВСУ* (*вспомогательная силовая установка*)[1, 98]. Аббревиатура вертолета *МИ-8* в англоязычной авиационной терминологии (терминология НАТО) – *HIP* («*Бедро*»)[13, 56].

Научно-технический стиль отличается лаконичностью выражения. Подтверждением этого являются:

1) буквенные сокращения, например *МИ-8* (*назван в честь советского авиаконструктора М.Л. Миля*)

2) слоговые сокращения: *Helipad* (*helicopter landing pad*) (*вертолетная площадка*) [1, 332; 6,70]

3) усеченные единицы: *a fld* (*air-field*) (*аэродром*)[13, 25; 6, 36].

Образование терминов происходит по словообразовательным моделям при помощи словообразующих аффиксов, например *analyser* (*анализатор*), *aboard* (*на борту*), *articulated and antitorque rotor* (*несущий и рулевой винт*)[1,6, 22,26, 33; 6, 31,56, 77].

Синтаксические способы создания авиационных терминов также остаются достаточно продуктивными в современном рус-

ском и английском языках. Среди анализируемых терминов присутствуют слова, образованные лексико-синтаксическим способом. Новые лингвистические термины создаются при соединении лексических единиц без использования морфологических средств, например *lifting and mooring arrangement* (такелажно-швартовачное оборудование), *power-plant system* (силовые установки), *aviation arrangement* (авиационное оборудование), *helicopter compressed air system* (пневматическая система вертолета) [1, 34, 529, 30, 333; 6, 627, 577, 26, 431].

Таким образом, проведя сопоставительный анализ более 80 авиационных терминов современном английском и русском языках компоновочной схемы вертолета МИ-8, можно сделать вывод, что наиболее продуктивным способом образования новых терминов являются аббревиатуры и аббревиации, а также лексико-синтаксический способ, в то время как морфологический способ (аффиксация) и заимствования – менее продуктивны.

Мы полагаем, что изучение авиационной терминологической системы представляет собой актуальную тему для исследования, позволяющую выявить общие и различные закономерности словообразовательных процессов в современных английском и русском языках. Особенно острой эта необходимость стала сейчас, когда мы наблюдаем не только мирный процесс глобализации, где английский язык используется в повседневных целях, но и условиях боевых действий, где адекватный перевод новых лингвистических терминов является жизненно важным.

Литература

1. Англо-русский политехнический словарь / сост. Ю.Г. Синдеев. – Изд. 2-е. – Ростов н /Д: Феникс, 2005. –831 с.
2. Анисимов В.В., Жук А.И., Каменев С.И. Конструкция вертолета Ми-8. Двигатель ТВ2-117А. – Уфа: УГАТУ, 2007. – С. 3-32.
3. Анисимов В.В., Каменев С.И. Конструкция вертолета Ми-8: Учеб. Пособие. – Уфа: УГАТУ, 2006. – С.35-45.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2012. С. 467.

5. Басова Г.Д. Детерминологизация авиационных терминов в русском языке конца XX века // Держава та региони: Серія «Гуманітарні науки». 2008. № 3. С. 22–31.
6. Большой русско-английский словарь : С приложением кратких сведений по английской грамматике и орфоэпии, сост. А.И. Смирницким /О.С. Ахманова, З.С. Выгодская, Т.П. Горбунова и др. Под общ. рук. А.И. Смирницкого. – 26-е изд., стереотип. / Под ред. О.С. Ахмановой. – М.: Рус. яз., 2003. – 768 с.
7. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Философия и литература. Мифология и религия. Язык и культура. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. –С. 7, 512.
8. Денисова О.И. К проблеме неологии в современном английском языке // Роль и место иностранных языков и связей с общественностью в развитии аэрокосмической сферы Российской Федерации: сборник докладов VII Международной научной конференции ФИЯ МАИ (НИУ). М.: Перо, 2015. С. 45–52.
9. Денисова О.И. Особенности формирования и перевода авиационной терминосистемы с английского языка на русский. Вестник МГОУ. Серия Лингвистика, № 5.М.,2015. С. 79—83.
10. Литвинова М.Ю. Формирование иноязычной профессиональной компетенции будущего специалиста в области авиации при работе с научно-техническим текстом. В сборнике Научно-методический семинар кафедр Факультета иностранных языков Сборник научных и учебно-методических докладов и статей. Факультет иностранных языков МАИ-НИУ; ответственный редактор Аникеева И. Г..Москва, 2016. С. 160—169.
11. Нарочная Е.Б. Комплексный характер лингвистического перевода в современном языковом образовании. Сборник научных статей по проблемам высшей школы. Новочеркасск ЮРГТУ (НПИ) 2007. — С. 36—44.
12. Aviation Dictionary — www.aviation.ru.
13. Crocker D. Dictionary of Aviation. L.: A&C Black Publishers Ltd, 2007. 289 p.

© Тодосиенко З.В., Фархив М.В., 2017

Г.Р. Туктарова (аспирант 2 з/о БашГУ, г. Уфа, Россия)
Науч. рук.: **А.Р. Мухтаруллина** (докт. филол. наук, проф.
каф. иностр. яз. гуманитар. ф-тов БашГУ, г. Уфа, Россия)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГАДОК В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматривается ряд структурно-семантических особенностей загадки в английском, русском и башкирском языках. Через соотнесение загадки с отгадкой (денотатом) описывается семантика загадок.

Ключевые слова: загадка, денотат, семантика, текст

Будучи культурно-языковым феноменом, загадка представляет собой предмет изучения нескольких наук, основными из которых являются лингвистика и фольклористика. С одной стороны, загадка – жанр фольклора, произведения которого посвящены незначительным, но постоянно присутствующим в жизни человека предметам и явлениям. С другой стороны, загадка – это особый тип игрового текста, создающий особый режим коммуникативного взаимодействия в виде диалога, один из участников которого загадывает «что-то», а другой это «что-то» отгадывает.

Любая загадка включает в себя две части: загадки (вопроса) и отгадки (ответа), которые между собой связаны. Семантическая связь текста загадки с отгадкой не должна быть очевидной, иначе разгадывание не составит затруднений и не вызовет интерес. Денотат (отгадка) загадки заменяется в тексте загадки некоторой переменной, которая может быть поименована.

Загадка имеет свойство воспроизводимости. Она предназначена для исполнения загадчиком, тогда как подлинный автор – коллективная традиция прошлого. Традиция исполняет роль цензора, который следит за сохранностью текста, охраняет, а также приписывает «правильную» его интерпретацию.

Семантическая структура загадки определяется соотношением трех ее основных компонентов: денотата, то есть объекта, загады-

ваемого и подлежащего дешифровке; заместительного объекта, имеющего какие-то общие с загаданным свойства, и «образа», то есть некоторого описания, применимого одновременно к обоим объектам. Например, в английской загадке «*white pearls were scattered on a black cloth*» с отгадкой «*the sky and the stars*» к денотату и заместительному объекту (*stars* и *pearls*) применим предикат «*were scattered*». Чаще, создаваемый образ в загадках может быть нереалистичным, например, «*I am the black child of a white father; a wingless bird, flying even to the clouds of heaven. I give birth to tears of mourning in pupils that meet me, and at once on my birth I am dissolved into air*» с отгадкой «*smoke*». Признаки «*the black child of a white father*» «*a wingless bird*» применимые к отгадке создаются на основе расчленения загаданного объекта и выделения его некоторых свойств, на сочетании несочетаемого.

А.Н. Афанасьев отмечает, «вся трудность и вся сущность загадки именно в том и заключается, что один предмет она старается изобразить через посредство другого, какой-нибудь стороною аналогического с первым» [1, 13]. В основу замещения положен признак, который говорит о внутренней связи сопоставляемых предметов. Так, в русской загадке «*сто братьев в одну избушку соткнулись ночевать*» отмечаем, что денотат (отгадка) «*зерна в колесе*» представлен в самой загадке как «*сто братьев в одной избушке*», то есть, в основе замещения лежит признак количества. Или же в другой загадке «*черненька собачка свернувшись лежит; не лает, не кусает, а в дом не пускает*». Как объект загадывания, денотат (замок) характеризуется предикатами «*лежит, не лает, не кусает*» как неодушевленный предмет.

«Толкования» загадок содержат не только обозначения признаков, правильно называющих свойства и характеристики загаданного объекта, но и ложные обозначения, которые затрудняют нахождение отгадки. Характерной особенностью загадок является то, что при переименовании денотатов, сокрытии их истинного имени сохраняется тип отношений между денотатами, происходит перенесение отношений одних объектов на другие, материально от них отличные, но находящиеся в том же типе отношений, что и загаданные. Такой тип отношений ярко выражен в башкирской загадке «*юлга сыктым, ике юл сатына еттем; бер юлы икеке буйлап киттем*». Денотатом загадки является вид одежды (*салбар*

– брюки). Надевая брюки, мы не задумываемся о процессе. А образно это и происходит, что идешь двумя ногами по дороге, а потом каждая из них находит свою дорогу. Одна нога ныряет в правую штанину, а вторая в левую. Пути ног расходятся по двум дорогам.

Загадку можно рассматривать как особую лингвистическую единицу – текст. По мнению В.Н. Топорова, загадка по своей природе полифункциональна. Он выделяет несколько блоков функций загадки, где один блок включает «тексто-строительные и семиотические функции» [3, 52].

Загадка обладает основными категориями, присущими лингвистическому тексту:

1. Все компоненты, которые включает в себя текст загадки, грамматически друг с другом связаны. Эта связь наблюдается как на синтаксическом, так и на семантическом уровне. Значит, «загадочный» текст отвечает критерию связанности:

An old fellow has a hundred coats on. There he is, in his bed, half asleep. If you risk to take of all his yellow coats, you're certainly going to weep (onion).

Зашел медведь в избу, лапу оставил, а сам убежал (помело).

*Эй, ыжгыра, асылуана,
Укерэ, ярһый, өрэ.
Кеше йөрөй алмаһын, тип,
Карзарзы юлга өйэ (буран)*

2. Загадке присуща предикативность. Понятие предикативности входит в состав синтаксических понятий «предикативная связь», «предикативные отношения», которыми обозначают отношения, связывающие подлежащее и сказуемое, а также отношения логического субъекта и предиката. Предикативная единица представляет собою синтаксическое построение, образованное словоформой или соединением словоформ:

There stood a house, all marble-white. One day there was a knock inside. Broke down those walls of marble, out sprang a yellow marvel (a chick).

Три братца
Пошли купаться:
Два купаются,
Третий на берегу валяется.
Искупались, вышли,
На третьем повисли (ведра, коромысло)

Ак мунсак төшөп калды,
Ай күрзе, кояш алды (ысык).

3. Закодированность заключается в принципе существования загадки – сознательной зашифрованности отношения означающего загадки (текста загадки) к означаемому загадки (отгадке);

*Voiceless it cries,
Wingless flutters,
Toothless bites,
Mirthless mutters (the wind).*

Красненький петушок по улице бежит (пожар).

*Аягы юк, кулы юк,
Гөйләшергә теле юк,
Кояш кеүек нуры юк,
Күрергә күзе юк,
Һис етмәгән ере юк (ел).*

Помимо собственно текстовых характеристик загадка обладает рядом черт, присущих игровому типу текстов, а именно:

1) игровая интенция автора загадки касается целей и задач говорящего, в нашем случае - вызвать чувство эстетического удовлетворения и/или смех со стороны слушающего;

2) коммуникативная направленность игровой загадки проявляется в ее адресованности собеседнику, способному на творческое осознание действительности.

Вопросная часть вышеуказанных загадок обладает текстовой семантикой, поэтому поддается интерпретации, которая позволяет получить отгадку и таким образом создать текст.

И всё же, как отмечает В.А. Лукин, «не всякая загадка может являться текстом» [2, 444]. В паремиологическом фонде любого языка есть загадки, вопросные части которых не обладают текстовой семантикой, поэтому загадка проинтерпретирована, но имеет отгадку, не мотивированную вопросной частью. Так, например, денотатом английской загадки «*name two animals which have four legs*» (*two hens*) может быть любая птица, необязательно «*курица*», так как не указаны конкретные признаки ни денотата, ни заместительного объекта. Такие же отгадки, не мотивированные самой загадкой можно выявить и среди русских, башкирских загадок: «*в темном подполье мокрый теленок лежит*» (язык), «*тонкий, высокий, упал в ококу, сам не вышел, а детей вывел*» (дождь); «*ишектэн керер, түргә узыр*» (*һыуык*), «*үзе илай, үзе һыйлай*» (*көз*).

Итак, любая загадка порождена не определенным денотатом, который обнаруживает себя в языковом знаке, а соответствующим ему образом, который живет в сознании человека. Данный образ объекта обладает набором характерных признаков и находится в определенных отношениях с другими объектами окружающего мира.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. – М.: Современный писатель, 1995. – 820 с.
2. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Издательство «Ось-89», 2011. – 560с.
3. Топоров В.Н. Из наблюдений над загадкой//Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст.1. – М.: Индрик, С.10-117.
4. Уфимцева А.А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С.50.
5. Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. – Өфө: Китап, 2007. – 416 б.
6. Ғизәтуллина Р.Х. Йәншишмә кайзан башлана. – Өфө: Китап, 2013. – 187 б.

7. Taylor A. English Riddles from Oral Tradition. – Cambridge: Cambridge University Press, England, 1951.

© Туктарова Г.Р., 2017

УДК 81'373.21

Т.В. Федотова (докт. филол. наук, проф. каф. рус. яз. и реч. коммуникации КубГАУ им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия)

ТОПОНИМИЯ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ МЕНТАЛЬНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье анализируется когнитивный подход при исследовании топонимической лексики. Дается объяснение специфики перцепции человеком явлений действительности как ведущего признака топонимической системы.

Ключевые слова: *топонимия, ментальность, концепт, когнитивизм, антропоцентризм*

Для исследования региональной топонимии особое значение имеет понимание того факта, что географические названия любой территории представляют собой некое системное образование. Следовательно, специфичность системного подхода при анализе проприальной лексики заключается в том, что он включает в себя как изучение объекта в целом, так и взаимоотношение его элементов, выявление связей между единицами этой системы.

Если исходить из того, что термин «система» понимается как разнообразие элементов любого естественного языка, которые находятся в отношениях и связях друг с другом и образуют некое единство и целостность, то под топонимической системой целесообразно подразумевать совокупность географических имен собственных определенной территории, вступающих в парадигматические и синтагматические отношения, организованных в единое целое для наиболее успешного выполнения ими функций дифференциации и идентификации.

Проблема системной организации лексики, а именно выявление различных объединений слов, установление отношений между ними, а также между элементами внутри той или иной группы лексики является актуальной на любом этапе развития языка. В силу того, что, будучи в известной степени «открытой», языковая система взаимодействует с окружающей средой познавательной деятельности человека, что способствует отражению ею картины мира, воспроизведению объективных закономерностей действительности.

В свою очередь, проприальная лексика в лексической системе языка образует уникальную подсистему со специфическими системоформирующими устройствами и путями становления и функционирования. Эта уникальность объясняется тем, что онимы, имея высокий коммуникативно-прагматический потенциал, в то же время отражают национально-языковую специфику любого этнолингвистического сообщества [5, 3].

К основным принципам построения топонимических систем, исследуемых в трудах Ю.А. Карпенко, А.В. Суперанской, В.Н. Топорова, Е.Л. Березович и других ученых, относятся следующие: унитарность системы, разграничение компонентов системы, согласование и взаимодействие разноплановых элементов, эстралингвистическая правомерность составляющих системы. В свою очередь, исследование системности ономастической лексики отражает поиск системности в языковой картине мира. Иначе говоря, языковая картина мира и топонимическая система – это взаимозависимые модели.

До недавнего времени вопрос о включении в понятие «топонимическая система» такого признака, как специфика перцепции человеком явлений действительности, не рассматривался в качестве одного из ведущих признаков системы. Безусловно, проблема системности, характерная для структурной теории, актуальна для настоящего времени, но вместе с тем она может отражать и когнитивно-прагматический аспект функционирования имен собственных.

Исходя из того, что определенная цельность системы формируется единством территории и языка, можно предполагать, что обращенность к языковому сознанию носителей языка (ментальному бытию) вполне оправдано при формировании понятия «то-

понимической системы». Это прежде всего объясняется тем, что самобытность любой топонимической единицы с позиции ментальной наполняемости всегда коррелирует с конкретной деривационной моделью, с конкретным лексическим содержанием.

Таким образом, идея анализа топонимической системы в аспекте ее функционально-пространственной категоризации соотносится с прежней теоретической парадигмой. До недавнего времени были лишь незначительные попытки поиска системообразующих параметров за пределами языка (В.А. Никонов, Г.В. Глинских). Однако топонимическая система существует не только в системоцентрическом, но и в антропоцентрическом измерении (Н.Д. Голев, Л.М. Дмитриева, О.Т. Молчанова, Е.Л. Березович и др.), так как и генезис, и функционирование топонимической системы опосредуются сознанием.

Следовательно, необходимо в качестве одного из определяющих признаков топонимической системы отметить ее ментальное бытие, который расширяет функциональный признак, так как «исследование топонимического материала в ментальной парадигме предусматривает рассмотрение круга вопросов, связанных с современным функционированием наименований и их ролью в общении людей, с восприятием имени» [2, 7]. А это, в свою очередь, свидетельствует о неразрывности онтологического и ментального существования топонимической системы.

В связи с тем, что номинация является составляющей акта коммуникации, возникает необходимость привлечения к ее интерпретации тех прагматических показателей, которые определяют протекание номинативной деятельности в разных ее аспектах. Именно на основании данного положения в науке активизировалось внимание к топонимии с позиции человеческой ментальности.

Следовательно, региональная топонимическая система может быть рассмотрена в фокусе ярусов (уровней) языковой картины мира, формирующейся из множества взаимосвязанных компонентов, а поиск системности в области топонимии отражает поиск системности в языковой картине мира. Исходя из того, что языковая картина мира и система взаимосвязаны, фрагмент языковой картины мира можно связать с топонимической системой.

Основываясь на главных признаках топонимической системы, а именно на единстве территории, времени и языка, можно утвер-

ждать, что конститутивный признак, консолидирующий топонимы любого региона, находится вне языковой системы. Таким признаком можно считать ментальный компонент. Именно на основании данного положения и возникает в последнее время в науке интерес к топонимии с точки зрения человеческого сознания, учитывающий связь речемыслительной деятельности с внеязыковым содержанием.

Номинация, или название, - это процесс, постоянно сопутствующий познанию человеком окружающего мира. В последнее время при исследовании проприальной лексики заметно активизировалось обращение к когнитивной лингвистике, связанной с проблемой взаимоотношения языка и мышления. И это не случайно, так как, по мнению Н.Д. Арутюновой, «...логические схемы обыденного мышления встроены в язык. Но языки обращаются с ними по-разному, расширяя возможности одних и отодвигая в тень возможности других» [1, 793].

Многие лингвисты, психологи и философы сходятся во мнении, что во взаимодействии между языком и объективным физическим миром существует промежуточный уровень, называемый когнитивным. Следовательно, изучение языка в его тесной сопричастности с ментальной деятельностью человека предполагает соотнесение речемыслительных структур. Это позволяет объяснить особенности субъекта познания и проникнуть в сознание как «такую составляющую инфраструктуры мозга, в которой сосредоточен весь ментальный опыт, усвоенный человеком за время его жизни и отражающий накопленные человеком впечатления, ощущения, представления и образы в виде смыслов, или концептов единой концептуальной системы» [3, 9].

Таким образом, в связи с развитием когнитивной лингвистики требуется переосмысление процесса создания нового слова, а точнее механизмов порождения новых лексем и значений. Обращение к когнитивным аспектам мотивировано и тем обстоятельством, что на сегодняшний день такой признак, как специфика восприятия человеком окружающей действительности, начинает занимать одно из ведущих мест при интерпретации понятия топонимической системы.

По мнению Н.Д. Голева и Л.М. Дмитриевой, топонимическая картина мира и топонимическая система представляют разные

формы бытия: топонимическая картина мира – ментальное, топонимическая система – онтологическое. Таким образом, топонимическая картина мира – это топонимическая система в ее ментальной бытии [2].

На формирование топонимической картины мира, отражающей пространственную реальность в сознании индивидуума, существенное влияние оказывают экстралингвистические факторы, в результате чего одни параметры членения пространства оказываются более значимыми, чем другие. Результат выбора определенного ракурса осмысления действительности, закрепленный в единицах языка, определяются как номинативные стратегии, объединяющие отдельные номинативные акты.

Как известно, процесс именованя объекта начинается с его познания. Первичную информацию о предмете человек получает в виде ощущения и восприятия, которые позволяют сформировать образ предмета в результате воздействия на органы чувств. Данная стадия процесса познания этим не ограничивается. Воспринятая информация об объекте осмысливается и приводит к формированию определенного понятия, которое закрепляется в языковой форме, т.е. в номинативном знаке.

Возникнув первоначально в виде определенного наименования признака объекта (для топонимии этот показатель является определяющим), имя собственное, преобразованное впоследствии из наименования признака объекта, как бы воплощает идею названия, выбора или создания языкового знака для объекта внеязыковой действительности. В то же время чувственное восприятие мира, приводящее к формированию в сознании индивида отдельных конкретных концептов, можно охарактеризовать как первичное. По определению Е.С. Кубряковой, возникшие концепты определяют концептуальную систему человека в начале его эволюции и включают первичные онтологические категории или простейшие категории бытия [3, 95].

Исследование топонимического материала с позиций когнитивизма может быть обусловлено и тем фактом, что «образ человека» воссоздается исключительно на основе языковых данных, а топонимы, в свою очередь, фиксируют отражение явлений действительности в сознании человека. Подход к топонимии в аспекте когнитивно-прагматической установки дает возможность предста-

вить мыслительную, интеллектуальную, ментальную деятельность человека в процессе освоения и фиксирования в языковых знаках пространства.

Как известно, процессы, лежащие в основе номинации, входят в число основных систем, из которых «формируется» человек: физическое восприятие, интеллектуальные действия, эмоции и т.д. При номинации объекта, точнее при выделении характерного признака объекта в качестве мотивировки номинации, человек использует соответствующий орган восприятия, чтобы получить нужную информацию о мире. Восприятие способствует порождению эмоций, интеллектуальной оценке воспринимаемого объекта действительности. Безусловно, разные системы человека в разной мере автономны и в разной мере взаимодействуют друг с другом. Но также очевиден факт, что при номинации объектов первично восприятие, в результате которого приходят в действие другие системы.

Итак, окружающий человека мир, описанный на языковом уровне, - мир, опосредованный еще и языковым сознанием, объединяющим восприятие и закономерности языка.

Можно сделать вывод, что процесс создания имени собственного (топонима) охватывает несколько этапов взаимодействия с окружающей действительностью (причем они могут идти либо последовательно, либо одновременно, дополняя друг друга): первичное восприятие; возникновение понятий, ассоциаций, осмысление значимости объекта, осмысление прецедентного имени для названия объекта и т.п.

Основными единицами актуализации первичных концептов как чувственных образов, сформированных в процессе эмпирического познания, являются слова конкретной семантики. Кроме этого, своим значением данные слова указывают на то, что номинируемый объект предполагает определенный способ его восприятия и включение в сознание человека в особую систему отношений.

В процессе топонимической номинации данную систему отношений можно представить в виде трех основных уровней взаимодействия субъекта с окружающим его миром. Первый уровень - чувственное восприятие объекта; полученные образы – результаты зрительного, слухового, вкусового восприятия. Второй уровень – результат деятельности субъекта, конкретный когнитивный опыт,

полученный в результате этой деятельности. Третий уровень – результат идентификации имени в социокультурном аспекте.

Такой подход к процессу анализа топонимов лежит в основе категоризации пространства, вычленения концептов с набором присущих каждому из них соответствующих классификационных и дифференциальных признаков.

Исходя из многочисленных определений понятия «концепт», для концептуализации топонимического пространства наиболее правомерным можно считать следующее: элемент языковой (топонимической) картины мира, образованный в результате структуризации процессов познания окружающей действительности и осмысления значимых фрагментов жизненного опыта человека в темпоральных, пространственных, эмоциональных и социальных координатах, отражающих особенности регионального менталитета.

Перечисленные особенности когнитивной деятельности субъекта в процессе номинации объектов окружающей действительности получают свою языковую репрезентацию.

Иначе говоря, в процессе категоризации пространства происходит выделение ряда классификационных и дифференциальных признаков. В качестве дифференциальных признаков, объединяющихся в классификационные, выступают какие-либо характерные физические черты объекта (если речь идет о процессах чувственного восприятия) или черты, связанные с осмыслением существования объекта с позиции времени, собственной деятельности, культурных ценностей. Так, дифференциальные признаки объекта с позиции чувственного восприятия отражают результаты фиксации внимания человека, которое выражается в степени активации концептуальных структур в определенной модели сознания [6].

В фокусе внимания может находиться отличительная черта формы, расположения в пространстве, цвет и т.п. Различные фокусы привлечения внимания создают, таким образом, классификационные признаки, отражающие параметр категоризации географического объекта и обобщающие однородные дифференциальные признаки в структуре концепта.

На наш взгляд, обращение к когнитивным аспектам языка поможет в наибольшей степени понять природу языка и осознание человеком мира, так как под когнитивной картиной мира понима-

ется «ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в процессе мышления» [4, 52]. А это, в свою очередь, имеет непосредственную причастность к номинации географических объектов в процессе их идентификации, так как и становление, и функционирование топонимической системы не осуществляются без сопричастности сознания.

Итак, топонимическая система как элемент общей языковой системы присутствует в сознании того или иного этноса в виде коррелирующих когнитивных фреймов, отражающих фрагмент языковой картины мира носителей языка.

Говоря о соотносительности таких понятий, как топонимическая система и топонимическая картина мира, следует отметить, что топонимическая картина мира – это тоже система, но система определенных представлений человека о мире, его приоритетах в процессе номинации географических объектов. Данный факт лишь раз подтверждает взаимосвязь названных понятий и необходимость исследования топонимической системы с антропоцентрических позиций.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
2. Голев Н.Д., Дмитриева Л.М. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) // Вопросы ономастики. – 2008. - №5. – С. 5-17.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира // Языки славянской культуры (Язык. Семиотика. Культура). – М., 2004.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007. – 314 с.
5. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. – Волгоград, 2000. – 172 с.

- б. Федотова Т.В. Русская топонимия Забайкальского края: формирование, семантика, функционирование. – Новосибирск: Наука, 2010. – 256 с.

© Федотова Т.В., 2017

УДК 101/715/(410.1)

К. Б. Шадманов (докт. филос. наук, проф.
Бухарского государственного медицинского
института, г. Бухара, Узбекистан)

ИСТОКИ НОВОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XV-XVIII ВЕКАХ

Статья посвящена вопросам формирования нового стиля мышления в истории английского литературного языка в XV-XVIII веках. Обосновывается факт исторических трансформаций в системе английского языка указанного периода.

Ключевые слова: стиль, мышление, формирование, литературный язык, эпоха

Коренная ломка в процессе видения мира неразрывно связана с революцией в самом мышлении, это имеет принципиальное значение. Переход от геоцентрической системы к гелиоцентрической требовал глубоких изменений в самом фундаменте мышления, в его методических и философских основах. Возникновение новой астрономии, как и всей современной науки, было бы невозможно без фундаментальных изменений в общетеоретических, философских и методологических принципах. Вопросы, связанные с новым миропониманием, когда иерархическому представлению о космосе средневековой схоластики противостоит представление о мире, в котором происходит взаимопроникновение социального, природного и божественного начал, когда строгой системе логических дефиниций - индуктивное постижение гармонии мира, риторика, поэзия, мифология оказываются наиболее адекватным способом выражения истины. Все это приобретает в исследуемую эпоху особую остроту, что объясняется главным образом теми политико-

экономическими, социально-культурными изменениями, в которых отражались содержание и суть перехода от феодализма к новой формации.

В XV – нач. XVI веков - это период, когда английский язык вытеснил латынь из широкой общественной жизни, хотя активное влияние её продолжало ощущаться в Англии до XVII века. Примечательно, в этой связи, замечание лорда Честерфильда в его письме к сыну о том, что по-настоящему образованный человек должен знать греческий и что "знать же латынь – не столь уж большая честь, потому что латынь знает всякий и не знать ее - стыд и срам" [1, 9]. Томас Мор написал "Утопию" (1576) на латинском языке, многие сочинения Френсиса Бэкона также переведены им самим с английского языка на латынь с целью увековечения. Одной из причин этого является то, что английский язык XVI века все еще не был признанным языком науки и литературы. Этот вывод подтверждают сами представители эпохи: Френсис Бэкон, к примеру. Он пишет: "Мои труды, которые я раньше написал и которые теперь так хорошо переведены на латинский язык, слава богу, увековечены... Эти современные языки когда-нибудь обязательно обанкротятся..." [2, 254].

В XIV веке наблюдалось отношение к английскому языку, как к несовершенному и, следовательно, недолговечному, который должен скоро обязательно исчезнуть, уступив место латыни или греческому. Ситуация была вполне понятной: английский язык еще не завоевал своих позиций в общественной жизни Англии. Латынь же продолжала оказывать сильное влияние на формирование общественных взглядов, на родной язык англичан, а потому английский считался "грубым", "необработанным", "несовершенным" и "лишенным изящества" по свидетельству самих же англичан. Такие высказывания встречаются у историка Уильяма Алмесберийского, Джона Скелтона, известного английского поэта XVI века, и других [3, 115; 5, 87]. Еще в начале XVI века некоторые виднейшие английские ученые и писатели считали своим долгом извиняться за то, что они пишут на своем "варварском" английском языке, а не на латинском: Роджер Эшем (1545 "Стрелок"), Уильям Элдингтон (1566 "Золотой осел" - перевод с латинского). Ричард Иден (1562), Джорж Пейс (переводчик прозы, 1586) и др. Было еще одно обстоятельство отрицательного отношения англичан к своему род-

ному языку - это взгляды на язык, господствовавшие в Европе и Англии в XVI-XVIII вв., в особенности две теории, согласно которым: а) язык - это отражение идеальной действительности, божественное установление, созданное по строгому и логичному плану; б) язык построен на основе "всеобщего разума". Эти две теории, однако, создавали своеобразную теоретическую базу для многочисленных патриотических желаний улучшить английский язык, обработать его, сделать его таким же "совершенным", "элегантным" и "красивым", как латынь, греческий или французский. Прежде всего это желание проявилось в отношении к словарному составу английского языка того периода. Здесь и пуристы, и реформаторы языка были едины в своем стремлении и, в частности, к иноязычным словам, где наметились три направления борьбы за совершенствование и чистоту языка в жизни Англии XIV-XVIII вв. (первое - отношение к иноязычным словам; второе - отношение к диалектным и областным словам и третье - отношение к просторечной лексике) - при двух подходах, полярных по своей сути. Сторонники одного считали: чтобы улучшить английский язык, его надо обогатить, расширить его словарный состав, языку должна быть дана полная свобода обогащения словарными единицами из других языков, особенно латинского, греческого и французского. Сторонники другой точки зрения, наоборот, видели путь улучшения словарного состава в сдерживании притока иноязычной лексики, ибо, как они считали, эта лексика засоряет язык, мешает ему использовать собственные внутренние ресурсы. К первым относятся - Уильям Кэстон (английский первопечатник), Томас Элиот (писатель, переводчик, лексикограф, врач и дипломат), Уильям Кэмден (писатель, историк, антиквар), Джон Драйден (известный поэт, драматург и критик), Джорж Пэти (крупный переводчик того времени), Томас Бландевиль (автор книги "Искусство логики"), Томас Диггес (математик) и др. Ко вторым - Томас Уилсон (ученый, риторик, переводчик и государственный деятель), Джон Чик (проф. Кембриджского университета, специалист в области греческого), Ральф Левер (автор известной работы "Искусство разума", 1573), Джорж Путтенгем (писатель и критик, автор книги "Искусство английской поэзии", 1589), Сэмьюэл Даниэль (поэт и драматург, автор "В защиту рифмы", 1603), Бен Джонсон (знаменитый драматург, поэт и грамматист, автор "Древо или мыс-

ли о людях и делах", 1641) и др. Как видно, диапазон профессий и сфер занятости авторов достаточно велик. Это свидетельствует о том, что довольно широкие круги английской интеллигенции, ученых-толмачей, философов и просветителей серьезно осмысливали языковую ситуацию своей эпохи.

В середине XVI века оппозиция иноязычной лексике достигает высшей точки, а к началу же XVII века пыл борьбы двух лагерей нивелируется и постепенно утверждается, что "английский язык достиг совершенства и оказался способным натурализовать много иностранных слов и что, благодаря этому он стал богаче, пригоднее для выражения различных мыслей [6, 113-116]. С XV века начинается особенно интенсивный поиск языкового стандарта, нормы. Две основные тенденции определяют развитие лексики английского литературного языка в этот период: 1) тенденция к максимальному обогащению словарного состава с помощью самых различных способов номинации, сопровождаемому явлениями избыточности; 2) тенденция к системному упорядочению лексического состава английского литературного языка. Первая тенденция теснейшим образом связана с экстралингвистическими факторами - потребностями в номинации огромного количества новых понятий, явлений, предметов, связанных с развитием научно-философской, социально-экономической, общественно-культурной жизни общества. Вторая тенденция определила характер и содержание складывающейся общенациональной нормы английского языка. Изменение соотношения и характера взаимодействия между разными пластами языка, например, между исконно английской и заимствованной лексикой, является основным процессом этого времени. Лексика периода характеризуется явной недостаточностью, с одной стороны, и в то же время высокой степенью избыточности - с другой. Эта противоречивость лексических процессов, являясь отражением особого нестабильного и противоречивого языкового состояния, свидетельствует о сложности и напряженности поисков наиболее оптимальных путей достижения единой, стандартной национальной английской нормы, как в принципах отбора языкового материала, так и в принципах его употребления.

Формирование относительного единства английского языка заканчивается в XV веке и закрепляется введением книгопечатания. Однако все еще отсутствует твердый свод правил литератур-

но-стандартного английского языка. Лексический состав английского языка требовал расширения, чтобы стать орудием выражения научных понятийно-логических систем. Потребность языка науки в новых словах-понятиях была велика. Уже в XVI веке остро обсуждается вопрос о реальной возможности употребления английского языка во всех видах литературы как художественной, так и научной. Передовые умы пытались на практике показать, что английский язык того периода обладал всеми возможностями развитого языка. Основными факторами научного мышления в данную эпоху становятся мировоззренческие критерии интерпретатора в зависимости от которых и строится методика исследования. Эта мысль вполне объясняет и направленность формирования научной терминологии.

Сторонники универсального употребления английского языка (Т. Нэш, Путтенгэм, Э. Спенсер, Т. Элиот и др.) подняли вопрос о пополнении его лексикона и прежде всего о создании научной терминологии на национальной основе; при этом в большинстве соглашались, что здесь неизбежны заимствования из классических языков - латыни и греческого. Детальный анализ большого фактического языкового материала философского и общенаучного характера (32032 стр.), проведенный нами, убедительно показывает, что основная масса терминов создается путем переосмысления значения слов и сочетаний общелитературного языка. При этом особую роль - и это примечательная черта периода становления терминологии английской философии - играет образность и коннотация, то есть расширительное толкование слова-понятия, что далеко не всегда согласуется с традиционными представлениями о терминах как единицах, имеющих тенденцию к жесткой экспликации понятий и лишенных коннотации; образность эта характерна, как правило, в момент создания термина, введения понятия, нового для национального языкового сознания, которое для ясности и доходчивости образно сравнивается с уже известными лексическими единицами. Это еще одна характерная особенность языка философии периода исследования, особенно на рубеже XVI-XVII веков. Философская литература, характеризуется тем, что, с одной стороны, позволяет мыслителю максимально четко определить то или иное понятие или его оттенки, с другой - выразить свое личное отношение к нему.

Литература

1. Честерфильд. Письма к сыну. Максими. Пер. с англ. Вологда, 1974.
2. Bacon Francis. A Letter to Mr. Tobie Mathew (1623)-In.: The Works of Lord Bacon in 2 vols. London., 1841, vol.2.
3. Craigie W.A. The critique of pure English from Caxton to Smollett. – Soc. For Pure English/ Oxford, 1946, tract N LXV.
4. Durham W.H. Critical essays of the 18th century. Yale Univ. Press., 1915. P.359.
5. Jones R.F. The Triumph of the English language. Oxford, 1953.
6. Moore J.L. Tudor – Stuart views on the growth, status, and destiny of the English language. – Studien sur Englischen Philologie, vol. XLI. Haale, 1910.

© Шадманов К.Б., 2017

УДК 811.512.1.+81*37

З.Ф. Шайхисламова (канд. филол. наук, доц. каф. башк. языкознания и этнокульт. образ. БашГУ, г. Уфа, Россия)

АСПЕКТЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В ЭТНООНТОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

В статье под этноонтологией подразумевается система мировосприятия, мировидения, миропредставления определенного народа в ее главных константах. Проведена попытка рассмотреть фрагмент языковой картины мира носителей башкирского языка, связанный с восприятием ими пространства. Утверждается, что понимание башкирами пространства самобытно и уникально.

Ключевые слова: этноонтологическое осмысление, пространство, языковая картина мира.

Уже в самом выборе проблемы в плане выявления этнолингвистических аспектов интерпретации особенностей топонимической системы Урало-Поволжья в этноонтологическом осмыслении в качестве объекта исследования заложена потребность комплексного подхода к ее анализу, возможность и необходимость выявления не только таких уровней языка, как фонетика, грамматика, синтаксис, но и его психологических черт, мировоззренческих предпосылок, социальных характеристик, историко-культурных истоков, идеографической характеристики.

Заметим, в исследованиях устанавливается, что, будучи частью вербального (языкового) кода традиционной народной культуры, имена собственные занимают в нем особое место, образуя по существу самостоятельный ономастический код [сравн.: Толстой, Толстая 1998, с. 88]. Обращение в рамках этнолингвистики к традиционной духовной культуре народа представляется исследователям явным ограничением «безмерной» культуроведческой проблематики. При этом следует отметить, что именно в этом аспекте топонимия Урало-Поволжья в евразийском контексте изучена совершенно недостаточно, как это в свое время отмечал еще А.К. Матвеев [Матвеев 1976; 1986; 1987; 1998].

В трудах лингвистов понятие пространство осмысляется не однозначно и многогранно: с одной стороны - как некая протяженность, являющаяся, в первую очередь, ориентационным полем для человека, который определяет местоположение отдельных пространственных объектов, их доступность, протяженность и т.п.; с другой - как окружающая человека земная поверхность – и все то, что называется природой; а также как взаимодействующая с человеком среда, по отношению к которой человек играет роль и субъекта, и объекта воздействия; как «виртуальная реальность», наполненная сверхъестественными явлениями; как арена разворачивания исторических событий; и др. [сравн.: Березович 2009, 12]. С данной точки зрения особо нужно отметить работу З.А. Кучуковой, посвящённую описанию онтологического метакода как системообразующего принципа этнопоэтики (на материале карачаево-балкарской поэзии) [Кучукова, 2006]. Работа привлекает и тем, что в нем впервые предпринимается попытка создания обобщающего исследования этно-онтологического дискурса карачаево-балкарской поэзии с целью определения её метакода. Как опреде-

ляет автор, в качестве рабочего инструмента для решения заявленной проблемы вводится понятие «этноонтология». По мнению автора, его необходимость объясняется тем, что существующее понятие «онтологическая поэтика» является более общим и описательным, имеющим дело с универсальными поэтологическими категориями. Как объясняет автор, понятие «этноонтология» несет в себе этнически маркированный комплекс миропредставлений определенного народа, воплощенный в системе национальной поэтики. Автор аргументированно обосновывает, что он исходит из того, что «чувствительность» онтологии к контексту неоднократно в трудах подчеркивают Н. Кузанский, Х. Вольф, Н. Гартман, М. Хайдеггер, В. Губин, К. Леонтьев, Н. Бердяев. «Система антропологических диспозиций позволяет выделить из «универсальной» онтологии ее этнический структурный элемент. Примечательно то, что в работе излагается точка зрения других учёных и отношение к ним при решении поставленных автором задач. Например, «то, что Э. Гуссерль называет «идеей региональной онтологии», санкционирующей «дробное описание структуры бытия», служит косвенной поддержкой нашей концепции о том, что абсолют единой «картины мира» существует только условно, на деле образуя конгломерацию автономных этнопредставлений о высших законах мироздания» [Кучукова, 2006, с. 5]. Далее, З.А. Кучукова, продолжая мысль свою, утверждает, что дополнительным основанием для легитимизации нового термина служит методологическое положение о том, что совокупность человечества «есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры» [Сычёва, 1991, с. 3].

При этом под этноонтологией подразумевается система мировосприятия, мировидения, миропредставления определенного народа в ее главных константах. В связи со сказанным, в данной статье мы попытаемся рассмотреть фрагмент языковой картины мира носителей башкирского языка, связанный с восприятием ими пространства. Понимание башкирами пространства самобытно и уникально. Все это находит отражение в лексических единицах, устойчивых сочетаниях слов, в фольклоре и мифологии башкирского народа.

Изучение вербализации пространственных отношений в башкирском языке как отражение этнокультурного сознания представляется актуальным в силу следующих причин: 1) башкирский язык и её диалектная речь самобытна тем, что в нем содержится этнокультурная информация, которая отражает специфику культурно исторического развития башкирского народа, своеобразие его быта, традиций, особенностей мировосприятия; 2) категория пространства относится к одной из важных абстрактных категорий и является объектом изучения многих отраслей научного знания: философии, психологии, лингвокультурологии, этнолингвистики и др. Научное и народное представление о пространстве как объективной форме существования материи может иметь некоторое различие, поэтому исследование данной философской категории как пространство пространства в настоящее время затрагивает вопросы взаимовлияния пространства и того социума, который проживает наэтом пространстве; 3) актуальность исследования обусловлена и тем, что на сегодняшний день нет работ, посвященных детальному описанию исследуемой категории в башкирском языке.

В данной работе предпринята попытка осуществить системный анализ и этнолингвокультурологическое описание языковых единиц с пространственной семантикой с помощью ряда бинарных оппозиций, относящихся к двум типам пространства: социальному (культурному) и физическому (конкретному).

Среди оппозиций, относящихся к социальному типу пространства, следует выделить в первую очередь такие, как свой – чужой, внутренний – внешний, дом – двор, открывать – закрывать. Эти оппозиции тесно взаимосвязаны и наиболее ярко отражают своеобразие восприятия башкирами понятия пространства, именно в них, на наш взгляд, проявляются особенности мироощущения и мировоззрения башкирского народа как особого субэтноса.

Основным пространственным противопоставлением, относящимся к культурному типу пространства в системе башкирского языка, является оппозиция “свой – чужой”, поскольку она послужила основой для разделения всего окружающего на знакомое, родное, близкое и неосвоенное, далекое, враждебное.

Башкирский фольклор, как известно, является одним из богатейших хранилищ этнической национальной культуры. Он, при этом, тесно связан с территорией Южного Урала, как территория

коренного башкирского этноса. Одним из фактов подтверждения сказанного является то, что по личным подсчетам Ф.Г. Хисамитдиновой, термин “Урал” встречается в текстах около 200 башкирских народных песен. Например, ”Боронго Урал”(“Старинный Урал”), “Урал”(“Урал”), “Кыска Урал”(“Короткий Урал”), “Иске Урал”(“Старый Урал”), “Карт Урал”(“Старый/Седой Урал”) и т.д.[Хисамитдинова 2013, с. 284 -290].

Урал в них присутствует как вечный памятник, вобравший в себя образ священной земли, как “пространство родины башкир”, земля предков, обильно политая их кровью(“кан”):

Күгәрәпкәйткан Урал тауы –
Атай – олатайзарзың да төйәге.
Ерен – һыуынһақлапқорбанбулған
Шундаятабатырзарһөйәге.
Якшыаткаменеп, кулынаалып
Ук – һазаккайтигәнкоралын.
Аямағанйәнен, түккәнканын,
ҺисбирмәгәнбашқортУралын.

Башкирские народные песни об Урале и связанная с ним топонимия Ирәндек (Ирендык), Йәмәлекәй (Ямантау), Ағизел (Агидель), Ашказар(Ашкадар) и т.п. широко представлены в легендах и преданиях (“Как возникла Луна и Уральские горы”), кубаирах (“Урал –батыр”) и т.д. башкир, что еще раз подтверждает положение о южно-уральской автохтонности башкир. “Ни у одного народа Урало-Поволжского региона, как современного, так и исторически связанного с Уралом (финно-угры, индо-иранцы и др.), нет подобных эпических произведений, связанных с почитанием пещеры Шульганташ, гор Уралтау, Ямантау, Иремель, Торатау, Ирендык, озер Шульган и Асылыкуль, Йылкысыккан и Мауыззы, составляющих единую священную землю башкир – Урал”.

Заслуживают внимания и выводы известных ученых В.Г.Котова[Котов 2006, с. 6-7, 353] , и А.В.Дыбо о том, что 4-5 тыс. лет назад Южный Урал населяли тюркоязычные предки башкир, постоянно взаимодействовавшего с населением Алтайского региона с глубокой древности [Дыбо 2005, с.15-20].

Урал, Уралтау созвучен для башкир с лексемой дом-двор: тыуған ер, тыуған ил, тыуғаняк, тыуғантөйәк, Ватан, атайсал, ко-

торый логически связан с оппозицией *внутренний – внешний*, отражающей понимание безопасного жизненного пространства.

В отличие от внешнего внутреннее пространство является гарантом безопасного, защищенного существования, созвучной с оппозицией открывать – закрывать. В нашем случае, закрывает свое, особое, от того, что является чужим; открывает понимание внутреннего – домашнего (усак, ут, кунаксыллык, йыйын, казан, ырыу, өй) и т.д.

Особенности мировосприятия башкир, их языковая репрезентация четко вырисовывается в региональной лингвистике, а именно в диалектах и топонимах определенного региона проживания башкир. Например, в топонимии Башкортостана часто встречается ИскеЙорт (Старое/Былое место жительства, жилище). В топонимии северо-востока Башкортостана имеется Сандыйорт, Якташөйө, Салауатйорто и т.п., объективно отражающие этнолингвокультурологическую особенность восприятия пространства башкир, носителей восточного диалекта башкирского языка [Шайхисламова, 2009].

Важное безопасное жизненное пространство у башкир өй/йорт (дом, жилище), которое является как изначальным местом обитания субъекта, данное Тәңре центром мироздания. Оба эти слова ассоциируются с жилищем – местом проживания человека. При этом понятие “йорт” более емкое: обозначает пространство как внутри дома, так и вокруг него. Йорт может обозначать любое место проживания человека (обобщенное значение родного дома сохранившееся, возможно, в топонимах. Это значение может быть связано и с йэйләү, көзләү. Ср.; ағайымөйө - акйэйләү, энемөйө - өнтөбө.

Таким образом, семантическая структура лексемы “йорт” у башкир представляет собой слияние значений дома как локуса семьи и более обобщенного значения родной стороны, безопасного для обитания. В связи с этим йорт является частичным синонимом слова өй, в значении места обитания своей семьи. Йорт несет семиотическую нагрузку защищенного места обитания, так как реализует значение “свой” в оппозиции “свой” – “чужой”.

В сочетании с другими лексемами өй образует слова – композиты, обозначающие: 1) различные постройки (кунакөйө, ашөйө, алғыөй, мал өйө и т.д.); 2) в башкирской мифологии өйэйһе (до-

мовой, дух дома), өйхужаһы(хозяин дома), йортхужаһы (хозяин подворья) и т. д. по представлениям башкир, это добрый дух, приносящий в дом благополучие, достаток, счастье; охраняет дом от нечистой силы и несчастий; помогает хозяевам по дому [Хисаметдинова 2011, с. 293 - 294].

Башкирская мифология - это система мифологических представлений башкир, этнокультурно значимая и уникальная, архаичная по своему содержанию заслуживает так же специального изучения. «Башкирская мифология, судя по кубаирам – эпосам «Урал – батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылыу» и др., содержит уникальные архаичные образы, мотивы, не встречающиеся в мифологии других тюркских народов, в том числе наиболее близких по языку и культуре к башкирам – татар и казахов» [Хисаметдинова 2011, с. 295].

Для иерархических отношений весьма значимы в фольклорном тексте, мифологии, песнях отношения части и целого (как пространство), позволяющие выявить важные в семантическом осмыслении структурные особенности дома в плане мифопоэтического сознания.

Для башкир этнокультурное содержание «малого дома» заключаются и в лексемах түр, усак, казан, табын, тупһа, ырыу, ғаилә, шәжәрә и т.п. Ср.: 1.Өйзөң йәмеһейесменән. Өйзөңйәме – катынҡыз. Бай буламтиһән, ауылһайыһойһалдыр. 2.Атаң усағыһһүндәрмә. Усағыһһиндәй – ялкыһыһшундай. 3. Каруанкүсер – утҡалыр, халыккүсер – йортҡалыр. Яукиләтиһпазыҡтыһбөтөрмә, ил күсә тип, утыңдыһүндәрмә. 4. Ырыуыһнакүрәйолаһы, биреуенәкүрәдоғаһы. Ырыулы ил – оялыҡаз. 5.Кунак килһә - қапқаң ас, өйөңәһинһә - казанаһ. Кунаккунактаноло. Кунактөһшәйортҡайәм. 6.Туй ашытуйымлыҡтүгел, күнеллеккөнә. 7. Рәхәтбулһа ла торған ер, һағындыратыуған ил. 8.Ишегеһамандыһөһөнәбарма. 9.Ишекбарзатәзрәнәһйөрөмә. Тәзрә - ыһыңдыһкараһға, көзгөһыңдыһкараһға. 10.Камсат бүрек – түркүрке. Түңрәкөһйөңтүреюк. Кейәүөңтауышыһсыһкһа – ишекбауы тот, улыңтауышыһсыһкһа – түргә сыһк.11.Сит өйзөңтүшәгендәйөклагансы, үзөһөңдөһнәзәнәндәйөклагансы. 12.Ирәндегем – бишегем, олоһөңғөһлишегем и т.д.

Физический (конкретный) тип пространства наиболее ярко представлен в башкирском языке наречиями. Пространственные

наречия указывают на направление или положение предмета в пространстве (или относительно других объектов) и обозначают следующие виды локализаций: 1) определенная; 2) неопределенная; 3) вертикальная (пространство над и под ориентиром); 4) горизонтальная (пространство впереди, сзади (вперед – назад), внутри –снаружи, направо –налево. Ср.: 1. Берюл бар – алыс, алысбулла ла – якын; берюл бар –якын, якынбулла ла – алыс. Йыракюлякынданбашлана. 2. Туйыйырактөзәләр. Арғы оста туй бара тип, бирге оста бейемә. 3.Ситтәйөрөгәнтарығыр, Тыуғаниленһағыныр. 4.Алысазаштыра, тәрән батыра. 5. Алғытәгәрмәскайзатәгәрәһә, арткытәгәрмәсшундатәгәрәй. 6. Дошмантыштанялтырар, эстәнкалтырар. Өйәсендәбердошманыңбулыузан, тыштамендошманыңбулыу артык. 7.Берәүзәртүрә, берәүзәртүрәянындакөнкүрә. Башыауыртканйыланнолғааркырыяткан и т.д.

Другие оппозиции, относящиеся к социальному типу пространства (центр –периферия, верх –низ, правый –левый) также репрезентируют особенности мировосприятия башкирского народа. Оппозиция центр – периферия связана и с административным делением. Ср.: Озонтирәктеңкүләгәһетөбөнәтөшмәс. Алысәргәкозабуллаң, артыу-артыуашкилер, якынергәкозабуллаң, артыу-артыуһүзкилер. Өйтүбәһез, ил түрәһезбулмаҫ. Карындаятканбаланың хан булаһын кем белер? Биләүзәятканбаланың бей булаһын кем белер? и т.д.

Оппозиция верх – низ представляет также и особенности уклада жизни и быта верхнего и нижнего слоя социальной дифиниции башкир: Ср.: Гүрзәяткансы, түрзәят. Ярлығаунда ла яр, һулда ла яр. Үгәйүргәһикертә. Һөнәре бар үргәйөзөр. Үгәйәсәүрзәкайнай, үрзәкайнамаһа, гүрзәкайнай и т.д.

Оппозиция правый – левый находит отражение в положительной или отрицательной оценке кого–либо, чего-либо. Ср.: Уңҫакиткәнунуңыр, һулҫакиткәнтуңыр. Береһеһулҫаишә, береһеуңҫаишә.

Пословицы-поговорки, фразеологизмы возникают в национальных языках на основе таких образных представлений действительности, которые отражают повседневный опыт носителей языка, их культурные традиции и ментальные установки, ибо “субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект нацио-

нальной культуры” [5.с. 13]. Башкирский фольклор, мифология содержат богатый материал относительно социальному типу пространства: һуаҫтыбатшалығы, етекат ер аҫты, етедиңгезарьяғы, күктенетекабығы, теге донья и т.д.

Актуальность нашего исследования определяется в первую очередь тем, что в нем осмысляется основы этнолингвокультурологического подхода к анализу башкирского языка в целом и мифологию, фольклор, в частности. Оно, на наш взгляд, способствует более глубокому и многоаспектному изучению особенностей литературной, и диалектной речи, ее экспрессивных возможностей и этнокультурного потенциала, выявляет наиболее значимые ценности этнического сознания башкирского народа и определяет место башкирской фраземики и паремиологии, топонимики, фольклора, мифологии, истории в системе языковых средств, хранящих этнокультурную информацию кодового характера.

При этом методологической основой исследования является лингвофилософские положения о взаимодействии языка и культуры, о единстве формы и содержания и постулат об относительной социальной детерминированности лексического корпуса языка. Данные методологические установки определяют при этом сущность вербализации пространственных отношений в башкирском языке как отражение этнокультурного сознания башкирского народа, что и послужило предметом настоящего исследования – этнолингвокультурологического, предполагающего анализ языкового материала с обязательным привлечением сведений по истории, культуре, основам социальной организации данного субэтноса.

Паремиология, фраземный знак, материалы фольклора и мифологии, топонимики, истории, возникшие и функционирующие в этнической среде, в сфере народной культуры, как предмет научных изысканий предполагают использование при их анализе единого, нерасчлененного этнолингвокультурологического подхода, ибо сам язык - «составная часть и орудие культуры и может быть описан и часто описывается через признаки, общие для всех явлений культуры. Как бы ни членились языковедческие, этнографические, культурологические и другие родственные дисциплины, в них будет всегда ярко проступать общая семиологическая основа» [Толстой 1983, с.190] .

Литература

1. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. - Москва: Либроком, 2009. (испр. переиздание части монографии 2000 г.). - 532 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс, 1995.- 480 с.
4. Дыбо А.В. Исследования по тюркологии и алтаистике в отделе урало- алтайских языков Института языкознания РАН// Урал-Алтай: через века в будущее. - Уфа: Гилем, 2005. с.15-20.
5. Зеленев Е.И. Постижение Образа мира: Монография. – СПб.: КАРО, 2012. – 336 с.
6. Киекбаев Дж.Г. Основы исторической грамматики Урало-Алтайских языков: Структурный анализ морфологического строя тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и угрофинских языков на основе теории определенности в языке. – Уфа: Китап, 1996. – 368 с.
7. Киекбаев Дж.Г. Введение в урало-алтайское языкознание. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1972. – С. 135.
8. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 1997. – С. 84-93.
9. Котов В.Г. Башкирский эпос «Урал – батыр». Историко-мифологические основы.- Уфа: Гилем, 2006. с. 6-7, 353.
10. Кучукова З.А. Онтологический метакод как системообразующий принцип этнопоэтики (на материале карачаево-балкарской поэзии) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нальчик, 2006. – 44 с.
11. Матвеев А.К. Русская топонимия как источник сведений о древнем населении Севера / Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тез. докл. межвуз. науч. конф. Вологда, 1998.- С.71-72.
12. Матвеев А.К. Ономатология. М.: Наука, 2006. - 292 с.
13. Семенова Г.Н. Пространственная ментальность и средства её выражения в чувашском языке // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2016. - С. 48 – 53.

14. Сычева Л.С. Гносеологический анализ процессов формирования научных дисциплин: автореферат дис. ... доктора философских наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. - М., 1991. – 38 с.
15. Толстой Н.И., Толстая С.М. Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания: Три доклада к XII Междунар. съезду славистов. М., 1998. - С. 88 - 125.
16. Сравн.: Толстой Н.И. (отв. ред.) – Полесский этнолингвистический сборник.- М.: Наука, 1983. с.190.
17. Хисамитдинова Ф.Г. Урал и башкиры// Теория и практика башкирской филологической науки и филологического образования (Текст): материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20 –летию факультета башкирской филологии и 20–летию Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). В 4-х т. Т.1. – Уфа, 2013.: Изд-во «Мир печати», с. 284 -290.
18. Шайхисламова З.Ф. Методологические аспекты этнолингвистического изучения башкирской топонимической системы Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и Северо-Востока Российской Федерации в этноонтологическом контексте // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2016.-С. 68-69
19. Шайхисламова З. Ф. Некоторые аспекты этнолингвистической интерпретации лексических единиц тау, таш в башкирском языке// Вестник Башкирского университета. - 2014. - Т. 19, № 4. - С. 1480-1488.
20. Шайхисламова З.Ф. Топонимия северо-востока Башкортостана (историко-лингвистический анализ). Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009.- 212с.
21. Шайхулов, А.Г. Опыт словаря-тезауруса односложных корневых основ (структурная и идеографическая парагматика) [Текст] / А.Г. Шайхулов. – Алматы: Кантана-Пресс, 2012. – 704 с.

© Шайхисламова З.Ф., 2017

УДК 809.41/45

УДК 811.512.1

А.Г. Шайхулов (докт. филол. наук, проф. каф. тат. филологии и культуры БашГУ, г. Уфа, Россия)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ, КАЗАХСТАНА, СИБИРИ И СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЕВРАЗИЙСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Основной вывод, к которому приходит автор, исходя из анализа фактического материала, как строевых элементов, так и исторической лексики, состоит в том, что история кыпчакских языков Урало-Поволжья, отраженная в их языках несколько шире, нежели история, скажем, болгарского языка, но в то же время она ощутима уже, чем история языков золотоордынской цивилизации.

Ключевые слова: *корень, структура корня, основа, именная основа, глагольная основа, односложный корень, корневая морфема, прототип корня, первичные корни, корпус корневых основ, агглютинативные языки.*

Целью данной работы является выявление на основе лексических параллелей и семантических гнезд в области самостоятельных и несамостоятельных (реконструированных) односложных корневых основ, установление особенностей семантического развития и их идеографической характеристики.

Осмысление золотоордынской, как, впрочем, и Российской цивилизации, как что-то принципиально отличительное и от западноевропейской и от азиатской цивилизации имеет, как известно, длительную историю. Если перелистать, хотя бы поверхностно, совершенно малую часть того, что написано по этому вопросу, то увидим, что в разное время (в особенности в постсоветское) ее характеризовали как цивилизацию или же, как межцивилизационное пространство. Мы, вслед за исследователями, исходим из того, что Волго-Камско-Уральский этнолингвистический регион возник и развивался как динамическая система самых различных полиэтни-

ческих культур и цивилизации, из которых, как видно из нашей отечественной истории, одни вскоре погибали, а другие, обнаруживают «замечательную жизнеспособность и перспективу на будущие века» [1].

В границах европейской части России от р. Оки до Южного Урала финно-угорские (мари, мордва и удмурты), тюркоязычные (чуваша, татары и башкиры) и монголоязычные (калмыки) народы имели, как известно, наиболее длительные и устойчивые этнокультурные связи в рамках данного региона. Генезис, сложение и развитие в пределах указанной территории явились, очевидно, результатом сложного взаимодействия разновременных в хронологическом отношении этнических и культурных потоков, в том числе из Западной Сибири, Средней Азии и Казахстана, с Северного Кавказа и позднее из различных районов северной и центральной России, которые впоследствии, по справедливому мнению исследователей (А. Х. Халиков, Н.А. Мажитов, Р.Г. Кузеев, Р.Г. Фахртдинов, Т.М. Гарипов и др.), были консолидированы в рамках Волжско-Камской Булгарии - первого государственного образования народов Среднего Поволжья и Прикамья, сформированного в X в. н. э.

В пределах расселения и обобщения специфических этнолингвистических, антропологических и этнолингвистических черт этих народов очерчивается, конечно, довольно приблизительно, территория, представляющая, по нашему определению, "циркумуральский языковой союз" (сравн. "волгокамский языковой союз" - термин акад. Б. А. Серебrenникова) [4], который, заполняя определенную нишу и будучи частью общности ностратической семьи языков (куда входит, как известно, индоевропейская, афразийская, (семи-то-хамитская), дравидская, картвельская, уральская и алтайская семья языков), выполняет тем самым функцию своего рода моста для перехода к евразийской проблематике, очерченной в заглавии данной статьи.

Целью данной работ является, как это явствует из обозначений темы — выявление на основе реконструкции лексических параллелей семантических гнезд в области самостоятельных и несамостоятельных односложных корневых основ и установление особенностей семантического развития и их идеографической характеристики. В статье более подробно останавливаемся на анализе корневой основы **BŌ*, которая рассматривается нами на материале

кыпчакских и огузских тюркских языков в контексте алтайского языкового сообщества.

Корневая основа **Bö* с засвидетельствованными рефлексами **Bö, *rö, *to, *tö, *bu, *bü* характеризуется следующими мотивационными признаками:

1. Нечто целое, полное, завершенное, совершенное: *böт+(ен)* целый, нетронутый, единый, неповторяемый (т., б.);

2. Сгиб: место сгиба // угол// отделение// двойное // разделяться;

3. Сгиб: форма - наклонная, загнутая, сложенная вдвое // количество - из двойного в единичное // качество - мягкое, рыхлое, вялое: неуравновешенное, нестойкое.

Идеографическая характеристика корневой основы **Bö*, характеризующейся общими смысловыми компонентами "нечто целое полное, завершенное" в тюркских языках Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества определяется такими познавательными категориями: познание (априори): бытие: *böт(лок)* сущность (б.): форма: *bö+ж(ра)* круг, круглый (т.,б.), *bö+р(чок)* круглый (т.,б.), *böт+(ен)* целый, нетронутый, единый, неповторимый (т.б.), *бу+т(ас)* плотный, сплошной, непрерывный (як.), *бу+т(ен)* исправный (монг.), *бу+т(ун)* целый (ТМС), *бу+т(эр)* -кончить (ТМС); количество, размер, степень: *бу+к* очень, весьма (т.,б.), *bö+ж* нечто громоздкое, с неровной поверхностью (каз.), *böт+(ү)* совершенный (о.), *bö+й(өк)* великий (т.б.), *bö+д* (үк) тжс (МК).

Подтверждением приведенного служат односложные корневые основы, относящиеся к тематической группе:

1. Природа (живая: флора) : *bö+р(чак)* горох и другие растения из семейства бобовых (т.,б. ДТС), *пу+р(чак)* горошина (чув.), *буу+р (цаг)* горох (монг.), *bö+р(чо)* бобы (ТМС); *bö+р(зһк)* лопух (б.диал.); *bö+р(легән)* ежевика, костянка (т.); *böө+л(жиргһн)* ягода, ежевика (калм., монг., халх.); *bö+р(е), мө+р(ө)* почка (т.,б.), *ма+р(шак)* шишка, бугор, сучковатый, сучок (чув.), *böө+р* тжс (монг.), *бу+р* ветка молодой побег, почка дерева (калм.): *бһ+р(чһ)* метелка (т.); *bö+р(тек)* зерно комочек (т.,б.), *пё+р(чё)* зерно, зернышко, гранула (чув.); *бу+р(дука)* мука, хлеб, зерно (ТМС); *бу+л(бе)* клубень, клубневый (т.), картофель (б.); *бу+с(үк)* созревание.

Лексические единицы, выражающие особенности представителей мира фауны, также соотносятся с вышеуказанным общим мотивационным признаком: *бy+a(z)* стельная (о корове), жеребая (о кобыле) (т.,б.) * *bö+y(os)* зародыш у самки животного (халх.).

2. Человек (периоды жизни): *бoз* молодой, юный нетронутый, девственный (каз.); внешний вид человека **bo+d(lug)* - *бђ+d(ђн)* - *бy+й* -имеющий стан, рост; существо (ДТС), *бo+d(o)* своеобразный вид, физиономия (як.), *бo+d* предмет, существо, материя (бур., монг.), *бo+d(o)* жизнь (ТМС); *бе+й(e)* тело, самость (бур., калм.), *би+й(e)* организм (монг., халх.); *мo+c(ћ)* телосложение (б.); физиология: *бo+k* - наедаться, насыщаться (т.б.), *бo+m(ћu)*-, *пo+m(ћu)* - покрываться (*т.б.*), *бy+m(э)*- покрывать (монг.), *бy+m* покрывать (ТМС): *бy+рm*- опухать (т.,б.), *па+р* железа (чув.); характер; *бo+m(мoр)* аккуратный (т.), умелец, пунктуальный (б.).

3. Общество (человек в идеологической системе) : *bo+d(un)* население, подданные, народ, люди (ДТС), *бy+d(үүн)* грубый, невежественный (бур., монг.), *бy+d(ун)* крупный (ТМС), *бy+d(укан)* глуповатый (ма.), *бэ+d(ун)* толстый (ма.), *бo+l(ay)*- богатеть, почитать (б.).

4. Человек (как функциональная единица общества) : *бy+l(ыш)*-помочь (т.,б.); *пo+c-* спрятаться, прикрываться (т.,б.); *бo+гжс* часть сережки (т.), *пy+k(ле)* кольцо (чув.), *бoo+и(a)* обруч (Буд., 37), *бo+гжс* кольцо, перстень (монг.), *бy+г(aaг)* тжс (бур.), *бy+y(утуна)* украшение (ТМС); *бo+г(дэе)* железное кольцо (б.); *бo+г(ay)* - *ба+y* веревка для привязи (т.,б.), *бoо-* связывать (монг.), *бoо+x* - завязывать, обвертывать, угрождать (монг.), *ба+y* пачка (ТМС), *ба+n(ун)* пучок (ульч.), узел, сверток (нан.), *ба+k(си)* пучок (ТМС).

Лексико-семантическую парадигму сгиб (место сгиба; угол; отделение) раскрывают познавательные категории: форма *бo+k(pe)* кривой, изогнутый, согнутый (т.,б.), *пй +k* тжс (СФТЯ), *Бй +k(ri)* кривой, изогнутый, горбатый (ДТС), *мэ+k(чэргэ)* - сторбиться (ТМС), *мо+k(чо)* - пригибаться (ульч.); *пo+ч(мак)* угол (т.), *пё+c(мex)* угол, угловой (чув.) - "движение: *бo+р* — поворачивать, повернуть (т.,б.), *бy+р(ула)*- отступать (бур., монг.), *бy+р(улй)* - обращаться (ТМС), *мy+р(y)* - обходить круг (ТМС), *мэ+р(эк)*- возвратиться, вернуться (эвен.): *бo+m(өрөл)* - кружиться (т.,б.) —» порядок: *бo+l(a)* беспорядок (т.,б.), *бo+l(ангыр)* мутный (т.),

бу+л(дыр) нечто неясное, туманное, завуалированное (каз.), *пĕ+л(хавĕр)* переполох, беспорядок (чув.), *ба+л(ар)* темный, мрачный (Тод.), *ба+л(амат)* взбаламашенный (ТМС), *ба+л(а)* сумасбродно, бестолково, зря (ма.)

Данное поле определяется односложными корневыми основами татарского, башкирского, чувашского и монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, относящимися к тематическим группам: "Природа: неживая": *бо+к(мер)* подножье горы (каз.), *Бö +r(ün)* вымоины, образуемые водой (ДТС), *бö +j(наq)* седловина, горный перевал (ДТС); *бо+л(ын)* луг, пойма., отдельно стоящая часть долины (т.,б.), угол (ДТС), *бу+л(ангъ)* угол, завлив, бухта (бур., монг.), *бо+л(он)* угол (ТМС), *бу+л(й)* мыс (сол.).

Живая природа (флора): *бо+т(ак)* ветвь, ветка, побег (т.,б.), **bu+t(aq)* тжс (ДТС, МК), *бу+т* куст кустарник (калм.), заросль (монг., халх.). Строение и особенности мира фауны также характеризуются общностью корневой основы **Бö* и семантического ингредиента "сгиб: место сгиба": *бо+г(аз)*, *бу+г(аз)* трахея, дыхательное горло (т.,б.), **bu+qaq>* зоб птицы (ДТС), *бо+f(ак)* желудок птицы (б.); *бу+з(лау)* рассеянный, привольный (о скоте) (ДТС).

Особенно ярко данная семантика выражается в подгруппе "Человек: внешний вид человека": *бө+к(ре)* горбатый (т.,б.), *пĕ+к(рĕлчĕк)* горб (чув.), *бө+г(төр)* горбатый, сутулый (монг.), *бу+к(туру)* - опираться (ТМС), *бу+к(д̄)* - сгорбиться (ТМС), *бө+к(чир)* - стать горбатым (эвен.), *мө+х(төр)* сгорбленный и тощий (монг.), *мэ+х(у)* - гнуться, нагибаться (ма.), *бо+к(си)* морщинистый (ТМС), *бө+р(ош)* - морщить (т.,б., ЭСТЯ), **Bü+r* - выглядеть нездоровым (Каж.), *бээ+р(эх)* - зябнуть, коченеть (монг.);

«Человек (организм человека)»: *бу+w(ын)* сустав, сухожилие, сочленение (т.,б.), **bo+y(im)* узел, сочленение (ДТС,МК), *у+й(е)* сустав, член тела (бур., калм., халх.); *бо+г(аз)*, *бу+г(аз)* горло (т.б.), *бу+г(ардак)* трахея (т.диал.), *ба+х(алдур)* глотка, горло (калм.); *бу+р(бай)* икры ног (б.), *бе+р(ве)* пяточное сухожилие (калм.), *бо+р(во)* голень (бур.), *бо+р(ба)* название сухожилия (ТМС); *бы+у(нак)* колено (б.); *пĕ+n(ĕу)* нога ребенка (т.), *бэ+б(эки)* лапа (ТМС), *бо+б(аки)* подушечка на лапах животных (эвен.).

Таким образом, в языковых картинах мира языков алтайской семьи можно выделить общее структурно-семантическое ядро, ко-

торое выражается не только наличием общих корневых основ, но и мотивирующих признаков, позволяющих объединить лексемы в когнитивные сферы и семантические гнезда и далее рассматривать их в рамках идеографической (тезаурсной) парадигматики.

В соответствии с установленными целями разработки, т.е. применительно к проблеме определения этнолингвистического характера языков Золотоордынской цивилизации в евразийском контексте, связанных на начальном этапе с выявлением односложных корневых основ в структуре общего словарного фонда тюркских, в частности - кыпчакских языков. Волго-Камско-Уральского региона и идеографической и этнолингвистической их характеристики, в нашей работе применена идея, выдвинутая в свое время немецкими учеными-лексикографами Р. Халлигом и В. Вартбургом, переосмысление которой в настоящее время находит все больше сторонников.

Составленный нами универсалий для когнитивной (идеографической) классификации, который вполне может послужить и для ономазиологических и тезаурсных исследований на последующих этапах, (т.е. после выявления структурных парадигм односложных корней и основ исследуемых языков) состоит из четырех основных когнитивных сфер, которые располагаются в нашем синопсисе в следующей логической последовательности: **I. «Познание».** **II. Природа** (неживая и живая). **III. Человек** (как живое физико-биологическое и разумное существо) . **IV. Общество** (человек как общественное существо). При этом отметим, что предложенная нами строгая логическая последовательность расположения четырех когнитивных сфер объясняется указанной необходимой целенаправленностью в лексикологических и морфонологических исследованиях, в рамках близкородственных языковых семей.

Литература

1. Кобищанов Ю. М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии - России / Ю. М. Кобищанов // Общественные науки и современность. - 1996. - №2. - С. 3-5.
2. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю / Р. Г. Кузеев. - М., 1992. - С. 21.

3. Мажитов Н. А. Роль Золотой Орды для тюркских народов Урало-Поволжья / Н. А. Мажитов // Тюркская ментальность у народов, проживающих вне территории Республики Турции. Тезисы. - Анкара, 1994. -С. 30-33 (на тур. яз.)
4. Серебренников Б. А. О некоторых отличительных признаках волкокамского языкового союза Б.А. Серебренников // Языковые контакты в Башкортостане. Уфа 1972. С. 5-7,
5. Халиков А. Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Среднего Поволжья Приуралья / А. Х. Халиков // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. - Казань, 1971.

© Шайхулов А.Г., 2017

УДК 37.022

А.М. Ямалетдинова (канд. пед. наук, доц. каф. рус. яз. и методики его преподав. БашГУ, г. Уфа, Россия)

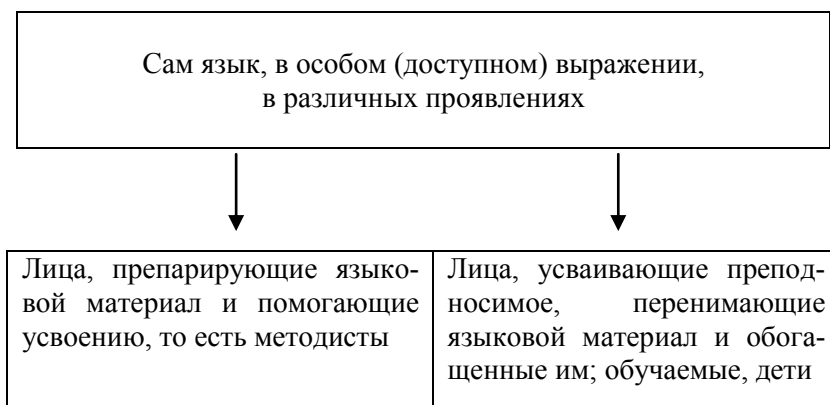
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящается актуальной лингводидактической проблеме – определению статуса методики преподавания русского языка как научной дисциплины. По мнению ученых (М.Р. Львов, М.Т. Баранов, Е.И. Пассов и др.), однозначного решения эта проблема иметь не может, так как современные критерии оценки ориентируются на новые образовательные концепции и парадигмы, по которым подготовка учителя как ключевой фигуры выводится на первое место. Модернизация образовательной системы предусматривает разработку научных основ любой отрасли (в нашем случае – методики преподавания русского языка) с целью формирования профессиональной и методической культуры будущего специалиста.

Ключевые слова: методика, наука, предмет методики, интеграция, лингвистика, психология, педагогика, образовательная система, концепция, профессиональная подготовка, цикл лингвистических дисциплин.

Методика преподавания русского языка занимает особое место в цикле лингводидактических дисциплин. Это связано с тем, что она завершает теоретическую профессионально-педагогическую подготовку студентов. Основные лингводидактические и психолого-педагогические предпосылки теоретической подготовки студентов – филологов, содержащиеся в «Практическом курсе русского языка» и «Лингвокультурологии», раскрываются в «Методике преподавания русского языка».

Методика относится к числу гуманитарных наук, т.е. наук о человеке, о духовном мире людей. Поскольку методика преподавания русского языка связана с изучением языка, то ее, очевидно, можно назвать одной из филологических наук. По словам М.Р. Львова, предметом методики преподавания русского языка является язык во всех его проявлениях: его структура и правила, речь – язык в действии, и все, что на данном языке выражено, хранится и понятно (то есть литература). Он отмечает, что занимается этим методика в особом аспекте: в передаче другим людям, новым поколениям [1, 58]. Следующая схема отражает мнение ученого.

Традиционно методику, как и педагогику, относят к числу прикладных, или практических, наук. И если признать методику прикладной, практической наукой, то невольно возникает вопрос: «Прикладной к чему?». Традиционным считается ответ на этот вопрос академика Л. В. Щербы, который утверждал, что методика русского языка «становится прикладной отраслью, техническим прило-

жением общего языкознания» [5, 12]. С таким же основанием можно методику считать «прикладной отраслью» к педагогике, так как методику принято считать частной дидактикой.

Раскрывая основы преподавания методики русского языка в педагогическом вузе, М.Б.Успенский отмечает, что не менее важной особенностью предметной методики как прикладной науки является зависимость действенности рекомендуемых средств и способов обучения (преподавания, изучения) от нескольких условий учебной работы: целей обучения, характера усваиваемого материала, этапа обучения, профиля школы и т. д. [4, 13].

Лингвометодическая закономерность может «сработать» только при соответствии целому ряду условий. Прежде всего – субъективных. К таким субъективным определяющим факторам относятся:

- 1) особенности личности обучающегося;
- 2) особенности личности обучающего;
- 3) особенности личности методиста-исследователя.

Давно уже является аксиомой необходимость учитывать свойства психики обучаемого, его способности, уровень подготовки по данному предмету, его интересы, намерения и т. д. Учет этой зависимости педагоги, психологи, методисты издавна называют дифференцированным обучением. Не меньшее влияние на результативность учебных средств, инструкций, рекомендаций имеют личные качества учителя школы, преподавателя вуза и методиста-исследователя.

Многообразие подходов предметной методики к учебной дисциплине позволяет допускать оправданную вариативность методических рекомендаций. На это свойство лингвометодики как прикладной науки обратил внимание А. В. Текучев: «Специфической чертой методики как науки в отличие от многих других наук является ее вариативность, т. е. то, что она допускает несколько решений одного и того же практического вопроса» [3, 91].

Интегративный характер методики преподавания русского языка проявляется в ее межпредметных связях с лингвистикой, психологией, педагогикой. Наиболее тесной является связь методики с лингвистикой, так как содержание и характер изучаемого в школе материала по русскому языку в целом определяется прежде всего языкознанием. Поэтому методика преподавания русского

языка в школе не может развиваться безотносительно к лингвистической науке в ее современном состоянии.

Язык – система, и изучение его в школе должно носить системный характер, т.е. все его уровни и разделы должны изучаться во взаимосвязи и взаимодействии: работа над грамматическим значением слова требует его фонетического и словообразовательного анализа, точного понимания значения, сочетаемости с другими словами, слово включается в предложение и в текст. Такой подход обеспечивает усвоение языка как единой функционирующей системы.

Системный подход требует также моделирования процесса обучения. Исходным моментом такого подхода служит идеальная модель носителя языковых знаний и умений, или модель «языковой личности». Приступая к обучению школьников, учитель должен ясно представлять себе, какие языковые умения, способности будет иметь молодой человек, закончив школу.

При создании модели используются и исследования уровней языкового развития учащихся по возрастам, тенденции такого развития, а также трудностей в отдельных аспектах языкового развития: в восприятии речи, в орфографии, в литературном произношении и пр. Важно определить также наиболее оптимальное соотношение теоретического и практического материала в языковом развитии личности. Школа должна давать своим воспитанникам достаточно полное знание языка и знания о родном языке - самом важном гуманитарном предмете.

На «входе» методики – модель «языковой личности», на «выходе» то, что мы имеем в действительности: выпускник средней школы с его теоретическими познаниями о языке, с его речевыми умениями и навыками, с его грамотностью и культурой речи. Методика как наука несет ответственность за недостатки в реализации модели. Между «входом» и «выходом» располагается вся методическая система с ее методами и приемами, со структурированием содержания, с формами контроля и оценки. Все вопросы, возникающие в процессе создания и использования методической системы, опирающейся на модель «языковой личности», решаются с опорой на языкознание.

Связь методики с языковедческими науками носит не только интегративный, но и дифференцированный характер. Методика

связана с разделами языкознания, обеспечивающими произносительный и соответствующий ему графический уровни усвоения языка: фонетикой, фонологией, орфоэпией, графикой; с разделами языкознания, отражающими лексический уровень языка: лексикологией, лексикографией, морфемикой, словообразованием, семантикой, а также с фразеологией; с разделами языкознания, обеспечивающими обучение письму: теорией письма и орфографией.

Методика связана с грамматикой – морфологией и синтаксисом, которые служат основой овладения культурой речи; орфографией и пунктуацией; механизмами практического использования языка в речи: построения словосочетаний и предложений, образования форм слов в соответствии с языковой нормой.

Для методики родного русского языка важна также теория речевой деятельности. Это направление обеспечивает методические основы речевого развития школьников: их речи – устной и письменной, восприятия чужой речи (тоже устной и письменной). Современная методика сочинения в значительной степени строится на теории типов текста и синтаксисе текста.

Для успешного развития методики русского языка необходимы связи и с другими смежными научными направлениями – просодией, теорией дикции, стилистикой, риторикой, теорией литературных жанров. В развитии речи учащихся методика опирается на литературоведение, поэтику, логику, теорию сценической речи.

Методика не может обойтись без опоры на историю русского языка (историческую грамматику, фонетику), а также на диалектологию. Последняя, в частности, совершенно необходима в той части методики, где рассматриваются методы и приемы работы над культурой речи учащихся, над усвоением норм русского литературного языка.

Методика преподавания русского языка связана с психологией, так как в процессе формирования языковой личности обучаемых следует учитывать такие свойства психики человека, как понимание, память, воля, эмоции, мышление, характер, темперамент и др. Методика использует положения, касающиеся психологии восприятия: анализ и синтез, абстрагирование, конкретизация, систематизация; учитывает данные социальной психологии о целях обучения, формах работы, дифференциации и индивидуализации.

Современная концепция обучения русскому языку предполагает знание учителем теории личности, способов мотивации, активизации мыслительной и познавательной деятельности учащихся.

Связь с педагогикой обоснована следующими факторами.

1. Основные понятия педагогики могут использоваться в любой предметной методике.

2. Общепедагогические средства обучения своеобразно используются в условиях каждого учебного курса. Например, дидактические принципы, методы, средства наглядности, которые требуют учета специфики обучения языку.

3. Средства преподавания (обучения, изучения), специфичные только для конкретного учебного предмета, в данном случае для курса русского языка в школе или вузе. Эти отношения иллюстрируются приемами различения и употребления в речи смежных единиц фонетики, грамматики и других аспектов русского языка.

Таким образом, современные критерии определения статуса методики преподавания русского языка как научной дисциплины касаются ее специфического характера, обусловленного прежде всего интегративностью. Однозначно определить ее статус сложно, однако тот факт, что эта межотраслевая научная дисциплина занимает главенствующее положение в ряду дисциплин лингводидактического цикла филологических факультетов педагогических вузов (в том числе классических университетов), – бесспорно.

«Логика развития методики как науки, – пишет Е.И. Пассов, – вкуче с растущими «производственными потребностями», точнее, требованиями к продукту образования, приведут к осознанию государственной необходимости профессиональной подготовки «методистов» [2, 19].

Литература

1. Львов М.Р. Русский язык в школе: История преподавания: Курс лекций для студентов педвузов и колледжей/ М.Р. Львов. – М.: Вербум. – 2007. – 331 с.
2. Пассов Е.И. Русское слово в методике как путь в Мир русского Слова или Есть ли у методики будущее? – СПб.: МИРС, 2008. – 60 с.
3. Текучев А. В. Так ли уж несовершенна наша методика русского языка как наука // Русский язык в школе, 1960, №4, с.88-93.

4. Успенский М.Б. Курс современного русского языка в педагогическом вузе: учеб пособие. – М.: издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. – 192 с. – (Серия «Библиотека педагога-практика»).
5. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. – Л., М., 1947. – С.12.

© Ямалетдинова А. М., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

1.	Parikshat Singh Manhas, Niikhil Singh Charak Hospitality Education and Information Technology in India: An Industry Observation of Competencies Essential in Graduates.....	3
2.	Акилова М.Ф. Изучение лексических взаимовлияний языка орхоно-енисейских памятников и башкирского языка в когнитивном аспекте.....	17
3.	Ахманова Р.О., Данысбекова Х.Б. Дәркембай шебердің қазақ мәдениетіндегі орны.....	24
4.	Брылева Р.Ф. Запах как объект лингвистических исследований.....	37
5.	Брылева Р.Ф. Эмоциональная категоризация и обоняние	44
6.	Ван Хайтао Особенности содержания соотносительных лексико-семантических групп с общим значением «войско» в русском и китайском языках.....	50
7.	Ван Чуньму Структура лексико-семантического поля <i>ВОДА</i> <i>// 水 SHUI</i> в русском и китайском языках.....	55
8.	Воробьева О.В. Дистанционный курс - новые возможности для непрерывного обучения.....	60
9.	Вугар Ахмед Место и положение шахрияра в персидской поэзии.....	64
10.	Го Пинтин Стереотип-образ «брат» в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка).....	76

11. Грушевская И.В. Системные отношения в онимической лексики (на материале творчества В.И. Лихоносова).....	82
12. Ибрагимова В.Л., Ван Чуньму К вопросу о соотношении категорий образности, произвольности – непроизвольности языкового знака.....	88
13. Исакова С.С., Кожина С.А. Термин ерекше когнитивті бірлік ретінде.....	97
14. Искужина Ф.С. Әзәби текста сит телмәр үзенсәлектәре.....	103
15. Исмагилова Х.Н., Хакимова Г.Ф. Проблема сочетаемости слов в функционально-когнитивном словаре (на примере сферы зрительно-слухового восприятия).....	111
16. Искакова Р.К., Ажигенова С.К., Сарбалакова Г.Б., Томпиева З.Е. A comparative description of languages with different structures.....	119
17. Ишимбаева Г.Г. Метафора волка в романе Г. Гессе.....	124
18. Какжанова Ф.А., Бакен А.С. Case category of Kazakh language in diachrony and synchrony.....	131
19. Какжанова Ф.А., Маясарова М.А. «Әйел» концептісінің қазіргі таңдағы қалыптасқан көрінісі.....	135
20. Камалетдинова Г.Х., Киселева Л.А. Эмотивная составляющая современного медийного текста (на материале региональной газетной прессы).....	139
21. Каримова Р.А. Особенности спонтанного/квазиспонтанного медийного дискурса.....	146

22.	Латыпова Н. М. Фразеологизмы в национально-культурной картине мира (на материале русского и башкирского языков).....	153
23.	Латыпова Ю.А. Динамические образ-схемы в основе дискурса (на материале концепта «will»).....	156
24.	Латыпова Ю.А. Функционирование образ схемы «свой/чужой» в структуре концепта «ихтыяр» в дискурсе.....	169
25.	Мамырбаева М.З. Особенности газетно-публицистического стиля....	177
26.	Мингазетдинова Р.Ф. Анализ значимостей существительных семантического поля «устной речи» в английском языке.....	184
27.	Михайленко Е.Н. Унитаризм в картине религиозно- философских воззрений Д.Г. Байрона.....	188
28.	Мухтаруллина А.Р. Когнитивное структурирование модальной информации в тексте короткого рассказа.....	194
29.	Мырзагалиева А.С. «Байлық - кедейлік» концептісіне жататын тіл бірліктерінің этнолингвистикалық, әлеуметтік негіздері.....	218
30.	Павловская О.Е. «Словарь избирательной кампании» - лингвистический путь к осознанному выбору.....	222
31.	Ракымгалиева А.О. Когнитивті семантика және мәтін семантикасының синтагматикасы.....	228
32.	Рыбальченко О.В. Интерактивные методы обучения на занятиях русским языком как иностранным.....	233

33.	Рябцева А.С. Заимствования как пример языковой глобализации.....	237
34.	Сахно О.С. Параэфемистическая функция ремарки в чеховском драматургическом тексте.....	242
35.	Сподарец О.О. Зооморфный культурный код как способ мани- пуляции сознанием аудитории (на материале американского политического дискурса).....	247
36.	Тимошенко Л.О. Индивидуальность и гуманизация содержания образования в области иностранных языков.....	253
37.	Тодосиенко З.В. Семантическая деривация в рамках лингвистики универсалий.....	257
38.	Тодосиенко З.В., Фархиев М.В. Специфика образования авиационных терминов в английском и русском языках (на примере компоновочной схемы вертолета МИ-8).....	264
39.	Туктарова Г.Р. Структурно-семантические особенности загадок в английском, русском и башкирском языках.....	271
40.	Федотова Т.В. Топонимия как средство актуализации менталь- ности в национальной лингвокультуре.....	276
41.	Шадманов К.Б. Истоки нового стиля мышления в истории английского литературного языка в XV-XVII веках.....	284
42.	Шайхисламова З.Ф. Аспекты этнолингвистического изучения башкирской топонимической системы Урало- Поволжья в этноонтологическом осмыслении.....	289

43. Шайхулов А.Г.	
Этнокультурные и этнолингвистические контакты народов Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и Северо-Востока Российской Федерации: евразийский аспект интерпретации.....	300
44. Ямалетдинова А.М.	
Теоретические основы методики преподавания русского языка.....	306

